

Академик В. М. Плоских

СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

VIII

*Время разбрасывать камни
и время собирать камни.*

Библия, Екклесиаст 3:5

A handwritten signature in black ink, written in a cursive style. The signature is fluid and appears to be the name of the man in the portrait above.

Академик В. М. Плоских

**СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ**

VIII

Редакционная коллегия:

А. А. Асанканов, чл-корр. НАН КР, д-р ист. наук
Д. Д. Джунушалиев, чл-корр. НАН КР, д-р ист. наук
А. Ч. Какеев, акад. НАН КР, д-р филос. наук
Т. К. Койчув, акад. НАН КР, д-р экон. наук
З. К. Курманов, д-р ист. наук, проф.

Составитель:

профессор, *В. А. Воропаева*

Ответственный редактор:

академик НАН КР *Т. К. Койчув*

Плоских В. М.

Собрание сочинений: в 15 т. / сост. проф., В. А. Воропаева; отв. ред. акад. Т. К. Койчув. — Бишкек: Нео Принт, 2014–2021.

Владимир Михайлович Плоских — один из ведущих ученых Кыргызстана, внесших значительный вклад в развитие исторической науки республики.

Доктор исторических наук, профессор, действительный член Национальной Академии наук Кыргызстана, действительный член Российской Академии педагогических и социальных наук, заслуженный деятель науки Кыргызской Республики, археолог, педагог, писатель, член Конфедерации подводной деятельности России, дважды лауреат Государственной премии Кыргызстана в области науки и техники, лауреат общественных премий им. Е. Д. Поливанова, А. П. Чехова, И. Бунина, Атаюрка, И. Ахунбаева.

В. М. Плоских — руководитель Центра источниковедения и рукописного наследия Института истории и культурного наследия НАН КР, директор Института мировой культуры, заведующий кафедрой истории и культурологии Кыргызско-Российского Славянского университета, главный редактор научного журнала «Диалог цивилизаций».

Награжден почетными грамотами КР, удостоен государственных наград КР — ордена «Манас» III степени, медали «Данк», имеет другие награды Кыргызской Республики, а также России, Казахстана, Украины, Туркменистана. Является автором ок. 500 научных трудов по истории, археологии, источниковедению, кыргызско-российским межгосударственным взаимоотношениям.

Основные научные проблемы, которыми более 50 лет занимается В. М. Плоских, обобщены и систематизированы в Собрании сочинений ученого.

**Национальная Академия Наук Кыргызской Республики
Кыргызско-Российский Славянский университет**

В. М. ПЛОСКИХ

**ТРАГИЧЕСКИЕ СТРАНИЦЫ
ИСТОРИИ**

Бишкек — 2016

УДК 902/904
ББК 63.4
П 74

Рецензент:

Д. Джунушалиев, д-р ист. наук, профессор,

Плоских В. М.

П 74 **Трагические страницы истории** / сост. д-р ист. наук, С. В. Плоских. — Б.: Нео Принт, 2016. — 416 с. Илл. (Собр. соч.: в 15 т. / В. М. Плоских. — Т. VIII).

ISBN 978-9967-12-119-5

В VIII том собрания сочинений вошли статьи разных лет, объединенные одной темой — темой политических репрессий. Плоских В. М. одним из первых в республике начал заниматься сложной и, часто, закрытой тематикой. В конце 1980-х годов он получил доступ к засекреченным ранее документам и начал публикации статей, посвященных репрессированным деятелям науки, политики и культуры Кыргызстана.

Издание является стереотипным. В сводном виде статьи публикуются впервые. Автор надеется, что собранные в отдельном томе материалы исследования трагических страниц истории Кыргызстана, проводившихся на протяжении более 35 лет, найдут заинтересованного читателя.

ISBN 978-9967-12-119-5

© Плоских В. М., 2016

Часть первая

В. М. Плоских

**ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ
ГОД В КИРГИЗИИ.
ВОЗВРАЩЕННЫЕ
ИМЕНА**

ВСТУПЛЕНИЕ¹

*Когда приходят за тобой,
Когда приходят за тобой,
Когда приходят за тобой,
Как трудно быть самим
собой...*

Владимир Друк

Как дурной сон кануло в прошлое жестокое время репрессий. Но его трагическую тень в полной мере мы ощутили лишь только теперь, по прошествии более трех десятилетий после смерти диктатора, олицетворявшего собой при жизни для многих и многих идеи социализма, партии, коммунизма. Никаких личных мотивов сводить счеты со сталинизмом (или сталинщиной — как точнее предложил назвать этот период А. В. Антонов-Овсеенко) у нас нет. Но раскрепощенные перестройкой, обратившись наконец-то к закрытым ранее первоисточникам, мы соприкоснулись с такими «белыми» страницами нашей истории, которые с ужасом восприняли «черными» или «кровавыми» пятнами.

О некоторых из них мы и хотим рассказать читателю, вполне сознавая, что это отнюдь не полная, связанная история, а лишь отдельные ее фрагменты, эпизоды хроники с долей возможного обобщения есть горькое узнавание того, что еще совсем недавно было запретной, за «семью печатями», темой.

¹ Тридцать седьмой год в Киргизии (Возвращенные имена). Сборник статей и очерков // под ред. К. К. Каракеева, В. М. Плоских. Бишкек: Кыргызстан, 1991. — С. 191–193.

Все это было закрыто не только для непосвященных, даже профессионалы-историки не имели доступа к подобного рода материалам. Да и сейчас еще действуют старые архивные инструкции, ограничивающие (или запрещающие) доступ исследователей к определенному кругу материалов. Все это создало немалые трудности для сбора информации. Мы не обладаем в полной мере всеми необходимыми материалами, и все же попытаемся представить политическую жизнь Киргизии в тридцатые годы.

Сейчас все чаще можно встретить в периодике ссылку на мысль Энгельса, о которой прежде старались не думать. Это его сакраментальная фраза о том, что люди, сделавшие революцию, всегда на другой день убеждались, что сделано совсем не то, что хотелось. Вспомним: по свершении Февральской революции, когда все население России с восторгом встречало весть об отречении царя и провозглашение демократических свобод, В. И. Ленин сразу же по возвращении из эмиграции провозгласил призыв: «Да здравствует революция социалистическая». Сейчас все знают, что социализм по Ленину — это одно, социализм по Троцкому — другое, социализм Бухарина — тоже нечто иное. Сталинский социализм, щедро подкрепленный цитатами из Ленина, — это извращение ленинизма, социализм Хрущева, который по третьей партийной программе должен был к 1980 г. перерасти сразу в коммунизм — это волюнтаризм и авантюризм, а «развитой, зрелый» социализм Брежнева оказался эпохой застоя, и лишь сейчас, думается, идет возврат к ленинскому социализму, к большей демократии (а точнее, от демократии слов к демократии дела).

В 1936 г. в нашей стране было объявлено о победе социализма, принята Сталинская Конституция победившего социализма. Соответствующие декларации объявили и все союзные республики. Согласно Конституции СССР в 1936 г. было провозглашено преобразование Киргизской Автономной Социалистической Республики в Киргизскую

Советскую Социалистическую Республику, а на следующий год прошел первый съезд Компартии Киргизии и была принята Конституция Киргизской ССР — закрепившая победу социализма в республике.

Сегодня в обобщающих трудах по истории Киргизии можно прочитать, что победа социализма в Киргизстане служила классическим примером осуществления на практике гениального учения В. И. Ленина о переходе в прошлом угнетенных народов к социализму, минуя капитализм, и что в ходе борьбы за построение социализма партия проделала большую работу по ликвидации в Киргизии феодально-байских пережитков, разгромила буржуазных националистов, тормозивших осуществление социалистических преобразований.

Под бравурные марши духовых оркестров, трудовые рапорты «вождю всех народов» прошли выборы в Верховный Совет СССР и Верховные Советы союзных республик. Массовые репрессии против «врагов народа» объявлялись необходимой «хирургической» акцией на благо народа. Открывая 10 марта 1939 г. очередной XVIII съезд ВКП(б), председательствующий В. М. Молотов сказал: «Мы закончили еще один исторический этап коммунистической революции в СССР. Мы завершили в основном целую эпоху строительной работы, чтобы вступить в новую эпоху постепенного перехода от социализма к коммунизму»¹.

Эта общесоюзная картина трудовых будней простого народа и борьбы правящей клики за всевластие явилась фоном для неоправданных репрессий буквально во всех уголках страны. Как это происходило в Киргизии, мы попытаемся рассказать на примерах отдельных судебных выдающихся деятелей партии, попавших в жернова сталинских беззаконий.

¹ XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 10–21 марта 1939 г. Стенографич. отчет. — М., 1939. — С. 3.

РАСКРУЧИВАНИЕ МАХОВИКА¹

На февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г. в докладе «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников» Сталиным были сформулированы три вывода: «Во-первых, вредительская и диверсионно-шпионская работа агентов иностранных государств, в числе которых довольно активную роль играли троцкисты, задела в той или иной степени все или почти все наши организации, как хозяйственные, так и административные и партийные. Во-вторых, агенты иностранных государств, в том числе троцкисты, проникли не только в низовые организации, но и на некоторые ответственные посты. В-третьих, некоторые наши руководящие товарищи, как в центре, так и на местах, не только не сумели разглядеть настоящее лицо этих вредителей, диверсантов, шпионов и убийц, но оказались до того беспечными, благодушными и наивными, что нередко сами содействовали продвижению агентов иностранных государств на те или иные ответственные посты».

Исходя из этих представлений, Сталин создал для НКВД, Верховного Суда и Прокуратуры СССР обстановку «особого благоприятствования».

Но был ли Сталин единоличным автором организации массового террора?

Факты истории (упрямая вещь!) позволяют утверждать, что «соавторами» выступали и его соратники.

¹ Тридцать седьмой год в Киргизии (Возвращенные имена). Сборник статей и очерков // под ред. К. К. Каракеева, В. М. Плоских. Бишкек: Кыргызстан, 1991. — С. 219–222.

Красный террор, объявленный в ответ на белый терроризм, открыл путь к попранию многих юридических норм. Сталинский же тезис о том, что по мере построения социализма классовая борьба будет усиливаться, обосновывавший массовые репрессии против «врагов народа» в тридцатые годы, был грубой и бессовестной подтасовкой положений, высказанных большевиками-якобинцами в пору открытой и ожесточенной классовой борьбы. В своем основном теоретическом труде «Экономика переходного периода» Н. Бухарин давал такую характеристику социалистической революции: «Тот, кто представлял себе революцию пролетариата как перемену в верхушках организационных аппаратов, тот, кто так рисовал себе классический тип революции пролетариата, — в ужасе отшатнется от всемирной трагедии, переживаемой человечеством... Он навсегда останется жалким обывателем, интеллект которого так же труслив, как и его «политика».

Старое общество... раскалывается, расплывается до самых низов, вплоть до самых последних глубин».

Да, руководящее ядро партии, подобно якобинцам времен Великой Французской революции, не колеблясь, готово было применить все средства во имя победы Великой революции XX века. Но строить социализм методом все более усиливающихся «чрезвычайных мер», направляемых против большинства собственного народа, ни Ленин, ни его подлинные соратники, в том числе Н. И. Бухарин, Рыков, Томский и входившие со Сталиным в известную руководящую «тройку» Зиновьев и Каменев, вовсе не намеревались, считали это изменой ленинизму.

На объединенном апрельском (1929 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) — в год «великого перелома» — Н. И. Бухарин сформулировал эту позицию следующим образом: «Полное право гражданства в партии получила теперь пресловутая «теория» о том, что чем дальше к социализму, тем больше должно быть обострение классовой борьбы и тем больше

на нас должно наваливаться трудностей и противоречий. Ее (эту теорию) наметил на июльском Пленуме тов. Сталин, а особенно развил и гениально «углубил» тов. Куйбышев. Я считаю, что эта «теория» смешивает две совершенно разные вещи. Она смешивает известный временный этап обострения классовой борьбы — один из таких этапов мы сейчас переживаем — с общим ходом развития. Она возводит самый факт теперешнего обострения в какой-то неизбежный закон нашего развития. По этой странной теории выходит, что, чем дальше мы идем вперед в деле продвижения к социализму, тем больше трудностей набирается, тем больше обостряется классовая борьба, и у самых ворот социализма мы, очевидно, должны или открыть гражданскую войну, или подохнуть с голоду...».

Нельзя впадать в крайности при обращении к истории и оценке ее деятелей. И остракизм Бухарина, Рыкова, Томского, Каменева, Зиновьева в предшествующие годы, и их неумеренная идеализация в последнее время искажают историческую истину. Они искали свою позицию в ином пути развития страны и пали жертвой репрессивной политики и вполне справедливо полностью реабилитированы.

Организованные репрессии в стране начались с процесса над «промпартией» в 1930 г. Он открыл целую серию политических процессов, усиливших массовые репрессии против интеллигенции в 1937—1938 гг., хотя сам «руководитель промпартии» профессор Л. К. Рамзин избежал роковой участи. Приговоренный 7 декабря 1930 г. Верховным судом СССР к расстрелу, который затем был заменен десятилетним сроком тюремного заключения, Рамзин вскоре получил послабление, в тюрьме вообще не сидел, а в феврале 1936 г. был амнистирован. Ему была предоставлена возможность работать.

Как признанный специалист в области теплотехники, разработчик паровых турбин, он плодотворно трудился в годы войны, заведовал лабораторией энергетического

института в АН СССР, ему была присуждена Сталинская премия первой степени, он был награжден орденом Ленина, стал, без защиты, доктором технических наук. Это всё было санкционировано Сталиным, и окружение Рамзина догадывалось о его роли в процессе «промпартии». Поэтому, когда по указанию Сталина Совмин СССР выделил специально для Рамзина единицу член-корра АН СССР, 24 академика проголосовали против и лишь один за (даже при тайном голосовании — огромный риск, но академики устояли, высказав тем самым свое отношение к «коллеге»).

В чем беспрецедентная причина послабления? Получается, Л. К. Рамзин участвовал в спектакле процесса «промпартии», организованном органами НКВД по указанию И. В. Сталина, признал себя ее руководителем и выдал сотни других специалистов. В конце жизни Рамзин сам признал: «Это был сценарий Лубянки, и хозяин это знает».

В дальнейшем этот фактор — оговора себя и других ради сохранения жизни — сыграл свою трагическую роль в процессах над политическими лидерами. Перед глазами был пример: сознался, сыграл роль «на благо партии и социализма» — живи. Но жизнь за признание лишь обещали, а после публичных процессов можно было и не церемониться. Если Рамзин никогда не представлял политической опасности Сталину, а, сыграв роль козла, ведущего баранов на казнь, оказался даже полезен своим примером, то те, кто представлял опасность для «хозяина», все равно должны были умереть, даже взяв на себя вину в самых бессмысленных преступлениях.

В стране началась широкая кампания по выявлению «врагов» партии и народа, «шпионов» и «вредителей». Ими оказывались ни в чем не повинные старые члены ВКП(б), партийные, советские, хозяйственные, комсомольские работники, военные кадры, деятели науки и культуры, рядовые коммунисты и беспартийные, как в центре, так и на местах.

Поэтическое словоблудие¹

В 1936 г. лучшими поэтическими силами Киргизии было написано, одобрено высшим органом республиканской парторганизации и издано массовым тиражом стихотворение. При его чтении возникали разные чувства. Оно довольно большое, поэтому приведем лишь извлечения. Итак: «Письмо трудящихся Киргизстана великому вождю народов, отцу всех трудящихся товарищу Сталину»:

...Ты — родник нашей жизни, Сталин,
Крепость нашей жизни ты,
Наше славное знамя, Сталин!
Вечно молодо имя твое,
И звучит оно гимном, Сталин,
И сияет у нас в глазах!
Наших помыслов — ты исток,
Озаряешь ты весь Восток.
Запад весь озаряешь ты.
Светишь ты на двух полюсах,
И весь мир согреваешь ты.
Незакатное солнце — Сталин!
Ты — звезда наша красная, Сталин!
В хаосе мировых разрух,
Ты — маяк незатменный, Сталин!
Наш учитель, отец наш, друг,
Ты — наш голос и ты — наш слух,
Совесьь мира кристальная, Сталин!
Всем делам нашим даешь полет,
Силам нашим размах даешь,
Крыльям нашим даешь разворот,
С нами — что ни мгновенье — ты,

¹ Тридцать седьмой год в Киргизии (Возвращенные имена). Сборник статей и очерков... — С. 231–233.

В каждом сердцебиенье — ты,
Наше вдохновенье, Сталин!
Наша вода могучая — ты,
Наша кровь кипучая — ты,
Солнце — самое лучшее — ты!
Мудрость неистощимая — ты!
Мужество непоколебимое — Сталин,
Радость неомрачимая — Сталин,
Ты несокрушимый боец,
Счастья нашего ты творец,
Ты грядущего счастья кузнец.

Кто же был автором столь возвышенного гимна Сталину, официально принятого Чрезвычайным съездом Советов Киргизстана? По этому поводу имелось и специальное постановление бюро ЦК КП(б) Киргизии от 26 июня 1937 г.: считать авторами письма киргизского текста тт. Токомбаева и Бокомбаева, соавторами русского текста, производившими поэтическую обработку письма, — тт. Пеньковского, Тарловского и Тыныстанова.

Во всех изданиях придерживаться текста, принятого пятым Чрезвычайным Съездом Советов Киргизской ССР, и запретить кому бы то ни было исправление в текстах.

Но вскоре репрессии стали вырывать из рядов поэтов лучших и пришлось принимать новое решение об авторстве. Посягать же на сам текст-послание великому вождю и его изъятие никто не посмел. 9 ноября 1937 г. бюро ЦК КП(б) Киргизии принимает соломоново решение: «В связи с тем, что в письмо включены как авторы, ныне разоблаченные враги народа Тыныстанов, Токомбаев и исключенный из партии как буржуазный националист Бокомбаев, считать необходимым немедленно переиздать это письмо на русском и киргизском языках».

Кирглавлит обязывали по мере выхода нового издания обеспечить изъятие всех предшествующих публикаций.

Это касалось лишь официального обращения к своему вождю.

В отношении же других произведений репрессированных — они изымались безоговорочно. Решением бюро ЦК Компартии Киргизии от 1 августа — в день ареста во Фрунзе киргизского поэта и ученого-лингвиста, профессора Касыма Тыныстанова и крупнейшего русского ученого-востоковеда, профессора Е. Д. Поливанова опросным путем среди членов бюро ЦК принимается решение изъять из обращения все произведения Тыныстанова, как изданные, так и в рукописи.

Но этого казалось мало: буквально через три дня — 4 августа 1937 г. бюро ЦК принимает новое, более полное решение:

«1. Обязать все РК, ГК КП(б) Киргизии до 15 августа закончить изъятие из обращения литературы, авторами которой являются разоблаченные враги народа.

2. Запретить использование изъятых книг на какие бы то ни было цели».

Изымались не только книги «врагов народа», но и книги, в которых были их имена. Так, по решению бюро ЦК 16 августа изымается книга Алексеева и Попова В. «Иссык-Куль» (изд-во «Московское товарищество писателей», 1933 г.) как «восхваляющая контрреволюционера националиста Абдрахманова и контрреволюционера-троцкиста Урываева».

Репрессии обрушились и на деятелей просвещения и культуры в республике.

Печать судьбы¹

В Киргизию профессор Поливанов приехал по личному приглашению тогда уже опального научного сотрудника Института культурного строительства, бывшего наркома просвещения Киргизской АССР К. Тыныстанова. Они были знакомы по Ташкенту, и Тыныстанов решил переманить известного лингвиста, создателя учебников для узбекских школ, для научного укрепления родного института и оживления работы по созданию киргизских и дунганских учебников.

Приказ № 22, изданный 21 июля 1934 г. по Институту, гласил:

«Зачислить профессора Поливанова с 7/VII научным сотрудником института в должности действительного члена по дунганскому сектору с окладом содержания 600 руб. в месяц. Испытательный срок с заключением персонального договора.

Основание: рапорт Поливанова с резолюцией директора Института».

Директором в это время был Шихалов.

Так неожиданно-негаданно лингвистическая звезда мирового масштаба засветила во Фрунзе. Надо сказать, к этому времени имя Е. Д. Поливанова действительно было широко известно в научных кругах, и может быть за рубежом даже более, чем в Союзе.

Недолгую, но яркую жизнь прожил Евгений Дмитриевич Поливанов.

Родился он в Смоленске 28 февраля 1881 г. В 1908 г. с серебряной медалью окончил Рижскую Александровскую гимназию и поступил в Петербургский университет. После блестящего окончания в 1912 г. Е. Д. Поливанов получил

¹ Тридцать седьмой год в Киргизии (Возвращенные имена). Сборник статей и очерков... — С. 243—257.

² Том VIII. В. М. Плоских

сразу два приглашения остаться в университете и выбрал кафедру сравнительного языкознания проф. И. А. Бодуэна. Как бы мы сейчас сказали — в аспирантуре. Дело в том, что параллельно с университетом он учился в Практической восточной академии, закончив ее по японскому разряду. Так Е. Д. Поливанов стал представителем особого направления в ориенталистике, соединяя в себе филолога и лингвиста-теоретика.

В 1914 г. Поливанов сдает магистерские экзамены, защищает диссертацию и становится приват-доцентом восточного факультета, читает курсы по японскому и китайскому языкам. Он публикует труды по японскому языку, трижды (в 1914, 1915 и 1916 гг.) занимался изучением диалектных особенностей коренных жителей Японии, посетил в эти же годы Корею и Китай. Вскоре Поливанов становится профессором своего родного университета. Являясь беспартийным, Поливанов, тем не менее, активно сотрудничал с большевиками.

Печатается в горьковской легальной газете «Новая жизнь», а при выборах в Учредительное собрание голосует по списку большевиков. С сентября 1917 г. Поливанов заведует отделом печати в МИДе. Именно ему принадлежит заслуга расшифровки, перевода и публикации тайных договоров царского правительства.

Проф. Поливанов сразу и безоговорочно принял Октябрьскую революцию. Как специалист по восточным языкам (в первую очередь японского и китайского) он работает в Наркоминделе (и одно время работал под непосредственным руководством Льва Троцкого, что впоследствии сыграет свою роль в роковой судьбе ученого).

В 1919 г. Е. Д. Поливанов вступает в Коммунистическую партию (чем оттолкнул от себя университетскую профессуру) и активно включается в практическую работу среди иностранных представителей Коминтерна, особенно китайцев и японцев. Затем — фундаментальная научная

работа по восточным языкам и сравнительному языкознанию. Он становится признанным специалистом по сравнительной лингвистике индоевропейского направления. Его труды издаются за рубежом. Поливанов выступает одним из первых и самым последовательным оппонентом так называемой «яфетической теории» — «нового учения о языке» Н. Я. Марра (уже много позже оказавшегося «научно необоснованным»), но терпит поражение. Теория Марра получает официальную поддержку, что при административной системе означало гонение на ее противников с последующими репрессиями. И языкознание становится орудием политики. Поливанова перестают печатать и снимают со всех занимаемых должностей. Но он не унывает: неутомимо ездит в лингвистические экспедиции в Среднюю Азию, в том числе в Фергану и на Памир. Со своими коллегами участвует в разработке письменностей для народов СССР, в создании грамматики местных языков, выпускает учебник для школ по узбекскому языку. Он посылает тезисы и доклады на международные лингвистические конгрессы (где они печатаются), но отсутствие средств не позволяет ему выезжать за границу для личного участия в международных форумах. Да он особенно и не стремится за границу, где его ожидала обеспеченная жизнь и прекрасные условия для работы. Ученый решил посвятить себя разработке учебников для среднеазиатских народов, методике обучения нерусских русскому языку. Поэтому с удовольствием откликнулся на приглашение из Киргизии.

Основная его работа во Фрунзе — киргизский и дунганский языки: составление учебников, словарей, перевод эпоса «Манас» и др. Но приходилось в пединституте преподавать даже ...политэкономии. Ученый был полиглотом и сам говорил, что знает 16 языков. Среди них — все основные западноевропейские, а также китайский, дунганский, японский, все тюркские. Но фактически (по крайней мере, лингвистически) владел еще, по крайней мере,

двумя десятками языков, в том числе ассирийским, арабским, грузинским, корейским, тибетским, чеченским, эстонским и многими другими. Он легко усваивал новые языки и знал их многочисленные диалекты. Такой научный сотрудник для киргизского института культурного строительства был поистине драгоценной находкой. Уже через пару дней он выезжает на две недели в Ташкент «по личным делам» (там проживала сестра его жены). Ташкент, кроме экспедиционного маршрута, оставался пока единственным городом, куда ученый мог свободно выезжать. Дело в том, что после активной критики «яфетической теории» Н. Я. Марра, Е. Д. Поливанову ограничивают передвижение. Приближались трагические годы и их грозные тучи уже повисли над страной. Строго был регламентирован распорядок работы в Институте.

Вот образчик приказа от 10 января 1935 г.:

«Обязательное время занятий в Институте научных сотрудников и технических работников Киргизского научно-исследовательского института культурного строительства:

Поливанов Е. Д. с 12 1/2 до 15 1/2 часов,

Тыныстанов К. Т. с 12 1/2 до 15 1/2 часов,

Ян-Шан-Син Ю с 10 до 14 часов... (и т. д.).

Всякое отклонение от вышепоименованного времени научных работников и технических допускается только с разрешения директора».

Как на военном предприятии!

В первый год работы в экспедицию выехать не удалось. Е. Д. Поливанову и молодому научному сотруднику Юсупу Ян-Шан-Сину (ныне здравствующему пенсионеру) срочно пришлось заняться составлением учебника дунганского языка, а Тыныстанову и Абдукаимову — киргизского.

В этом же году совместно с Ясыром Шиваза Е. Д. Поливанов переводит на дунганский язык «Интернационал»

и часто, как вспоминал позже ставший народным поэтом Шиваза, напевал его по-дунгански.

Вообще в полевой экспедиции Поливанову в Киргизии удалось участвовать только один раз — летом 1936 г.: с 23 июня по 10 августа, и то по жестко расписанному и утвержденному маршруту. Характерно в этом отношении распоряжение, отданное 20 июля 1936 г. по Киргизскому научно-исследовательскому институту культурного строительства.

«Начальнику дунганской экспедиции профессору Поливанову.

1. Категорически предлагается следовать по маршруту экспедиции и исключительно с Ян-Шан-Синем. Ваши самостоятельные выезды (без Ян-Шан-Сина) дезорганизуют работу экспедиции.
2. Изменение маршрута (Кара-Кунуз — Каракол) будем рассматривать как нарушение плана работы Института, дорожные расходы и суточные во время отклонения от общего маршрута будем списывать за Ваш счет.
3. Предлагаю из каждого телеграфного пункта сообщать в Институт о времени выезда и въезда, с указанием общего состояния работы.
4. Работы экспедиции должны быть закончены до 10 августа, в противном случае Ян-Шан-Син не может уйти в отпуск.

Зам. директора И. Батманов»

Согласимся, энтузиазма в работе такой приказ ни у кого не прибавит.

28 лет спустя Ян-Шан-Син вспоминал:

«Мы были в экспедиции по изучению и сбору материалов по дунганскому языку, были в селах Александровка, Ирдык, г. Пржевальск Киргизской ССР... и в с. Каракунуз Казахской ССР... Обладая феноменальной памятью, проф.

Е. Д. Поливанов, чтобы скрасить дорогу на тарантасе, наизусть читал «Илиаду» и «Одиссею» на греческом языке несколько часов подряд. Он переводил в это время киргизский героический эпос «Манас» и наизусть декламировал сотни стрóf. Из лингвистической экспедиции сохранилось две работы, остальные экспедиционные материалы до наших дней не дошли...»

Несмотря на отнюдь нетворческую атмосферу в Институте, Е. Д. Поливанов с энтузиазмом работал в экспедиции, отдыхал душой со своим молодым коллегой и учеником Ян-Шан-Сином, оставшимся до конца верным научным принципам своего маститого учителя.

В рукописных фондах Института киргизского языка и литературы (наследника бывшего Института культурного строительства и института языка и письменности) удалось обнаружить только «Отчет о дунганской лингвистической экспедиции», написанный Поливановым 15 августа 1936 г. Он начинался так:

«Только благодаря ценным качествам моего сотрудника тов. Ян-Шан-Сина, которого я искренне считаю отличным товарищем по работе, экспедиция смогла сделать то, что она сделала, и в общем удовлетворить тем требованиям, которые ей ставились: в результате экспедиции нами установлен диалектный состав дунганских наречий на территории СССР и сделаны фактические и морфологические описания дунганских наречий, в том числе доселе мне не известного Шэньсийского наречия».

Никаких других, кроме «Отчета», дунганских материалов в архиве не оказалось. Хотя по воспоминаниям Ян-Шан-Сина должно где-то быть две работы Поливанова и монография «Главнейшие особенности дунганского языка», подготовленная автором к печати.

Но нам удалось обнаружить в этом же архиве (точнее, в фондах Института) четыре рукописные тетради (а когда-то

их было не менее восьми) по киргизскому языкознанию. Когда мы принесли для перепечатки эти материалы машинистке Е. Н. Криницкой, постоянно сотрудничавшей с историками, она чуть не упала в обморок: ей были знакомы тетради, и она хорошо знала их автора.

По нашей просьбе она записала свои воспоминания о том далеком времени, в которых есть такие строки:

«Странное было у меня чувство, когда я увидела у Вас в руках эти тетрадки. Много лет назад я уже видела их однажды, когда он сам принес их мне — те же самые школьные тетради в клеточку, с такими же серенькими обложками, из плохой бумаги, исписанные его аккуратным почерком, видимо, всегда одинаковым, судя и по принесенным Вами. Моя зрительная память не изменила мне. Я узнала их раньше, чем Вы сказали мне, кому они принадлежали. Что-то дрогнуло во мне, когда я взяла их в руки. Столько лет прошло... Вдруг всколыхнулось все такое горькое, трудное. И за несколько минут я вновь пережила все, что давно миновало, и о чем мне тоже давно уже не разрешено не упоминать ни в каких анкетах и даже не вспоминать...»

Милая Евгения Николаевна, как мы понимаем Вас! Написала она это в марте 1971 г., все еще боясь вспоминать те кошмарные годы, когда сама вслед за мужем (репрессированном в 1934 г. по делу об убийстве Кирова, бесследно сгинувшим где-то в Сибири), без прав, без работы, без денег и друзей по чужой жестокой воле безвинно вынуждена была прозябать вдали от родного Ленинграда. Поливанов пытался, чем только мог в своем безысходно бедственном положении помогать хорошенькой машинистке, давая на перепечатку свои материалы. И после ареста Поливанова она вынуждена была отнести недопечатанные его рукописи в НКВД. Это было понятно и объяснимо: с одной стороны, страх, уже испытанный, леденящий душу и тело, с другой — наивная вера, что, может, хоть там-то

они сохранятся! Будем и мы надеяться, что еще не все потеряно, и материалы Поливанова, как и законченные, но не опубликованные труды, будут обнаружены.

Сохранившиеся же тетради по киргизской лингвистике, равно как и его подстрочный перевод одного из центральных сюжетов эпоса «Манас» — «Великий Поход (на Бейджин Великий)» — до сих пор не были предметом внимания киргизских языковедов и литературоведов. Хотя представляют несомненную ценность как для истории киргизской письменности, так и для манасоведения, небезынтересны и для историков.

Е. Д. Поливанов, в частности, поддерживал гипотезу енисейского происхождения киргизов, связывая с этим и отсутствие в Средней Азии другого тюркского языка, специфически близкого киргизскому. В то же время автор говорит о многочисленных этнических компонентах киргизской народности — как миграционных, так и местных, тьянь-шаньских. При этом ученый уточняет:

«Говоря здесь (и ниже) о языковых предках киргизов (в которые я предполагаю авторов енисейского письма), я имею в виду, конечно, турецкоязычных их предков, т. е. турецкоязычную часть того конгломерата племен, из которого, путем последовательных гибридизаций, сложился современный киргизский национальный коллектив, — хотя бы в статистическом отношении эта часть и уступала не турецкоязычным элементам (вместе взятым), или даже хотя бы одному только монгольскому элементу. Надо сказать, что, — несмотря на бесспорность этого процесса смещения вполне различных народностей — в отдельных частностях процесс этот (а, значит, и история киргиз) остается еще далеко не освещенным и содержит в себе много спорных для современного востоковедения моментов».

Этот тезис ученого сохраняет свое научное значение и в современном киргизоведении, процесс этногенеза в кото-

ром еще окончательно не решен и где противоборствует несколько гипотез.

При диалектном анализе киргизского языка проф. Поливанов целиком воспринимает классификацию по четырем диалектам, установленную, говоря его словами, «выдающимся местным исследователем К. Тыныстановым».

Приведем еще одну оценку лингвистических трудов К. Тыныстанова, данную в тех же тетрадах Е. Д. Поливанова:

«Исследовательская работа т. Тыныстанова заслуживает безусловного внимания, так как в ней он вполне самостоятельно подошел к той проблеме морфологии (т. е. дисциплины, изучающей соотношения и взаимные причинные зависимости фонологической и морфологической систем языка), которая лишь в последние годы... стала разрабатываться западно-европейскими лингвистами».

За свои научные труды К. Т. Тыныстанов в 1936 г. получает звание профессора. В Институте, таким образом, стало два профессора, высокоавторитетных лингвиста, глубоко уважавших и поддерживавших друг друга. Но обстановка в Институте была непростой. Неоднократно приходилось признавать свои идеологические ошибки К. Тыныстанову. Продолжал оставаться под «колпаком» и Е. Поливанов. Несмотря на то, что отчет по экспедиции он представил раньше установленного срока, с него «за неявку на заседание дунганского сектора 17 августа «удерживается» однодневный заработок как за прогул». При этом профессора унижительно заставляют визировать этот приказ собственноручной подписью. До увольнения с работы и ареста оставался еще целый год.

Несмотря на тяжелый прессинг, и Е. Поливанов, и К. Тыныстанов активно трудятся. В тематическом плане научно-исследовательских работ Института на 1936 г. (иначе тем, по которым проводились исследования), значились работы:

- «Очерк синтаксиса киргизского языка» — Тыныстанов, I печ. лист, кирг. яз.;
- «Пунктуация киргизского языка». — Тыныстанов, I п. л., кирг. яз.;
- «Материалы по грамматике дунганского языка». — Поливанов, 15 л., русск. яз.;
- «Материалы дунганской экспедиции 1936 г.» — Поливанов и Ян-Шан-Син, русск. — дунг.;
- «Пунктуация дунганского языка». — Поливанов и Ян-Шан-Син, I п. л., дунг. яз.

Судя по плану, работа лингвистов была чрезвычайно интенсивной. Если бы им не помешали, должна была быть и результативной.

У него были большие планы и на роковой 1937 г.— создание следующих работ:

1. «Ошский диалект», кирг. яз. (русск. яз.), 2 п. л.
2. «Очерк дунганской диалектологии» (итоги экспедиции 1936 г.), 5 п. л. (русск., дунг.). В соавторстве с Ян-Шан-Синем. Дунг. яз. (в соавторстве с Ян-Шан-Синем).
3. Экспедиция в Ош на 1 мес. С 1 июля.
4. Экспедиция в Чуйскую долину и Каракол на полмесяца с 1 мая. — Поливанов, Ян-Шан-Син.

По издательскому плану на 1937 г. планировалась за Поливановым публикация его готовых рукописей:

1. «Научное описание дунганского языка». Рус. яз., 12 п. л.
2. «Очерк истории дунганского письма». Рус. яз., 2 п. л.
3. «Дунганская диалектология». Рус., дунг., 5 п. л. (В соавторстве с Ян-Шан-Синем).

Ни одна из вышеперечисленных работ так и не была издана, не дошло до нас подавляющее большинство рукописей двух ученых-коллег.

Дирекцией института (новый директор А. Валитов) Е. Д. Поливанов характеризовался как плодотворный

ученый, по своим «методологическим установкам» в области языковедения являющийся представителем так называемой «индоевропейской школы». Его рукопись по научному описанию литературного дунганского языка институт направлял на рецензирование известному специалисту-китаисту академику Алексееву в Ленинград. Но тут же открешивался от другой его фундаментальной работы «Введение в фонетику», находившейся в издательстве товарищества иностранных рабочих в СССР. А все дело было в том, что издательство запрашивало институт, где сейчас работал ученый, о целесообразности «популяризации и издания» его работ в связи с тем, что им были «известны некоторые отрицательные стороны работ проф. Поливанова в бытность его в Москве и Ленинграде».

Шел уже 1937 г. Ни одна из вышеперечисленных работ Поливанова издана так и не была. Не увидели свет и отмеченные труды К. Тыныстанова. Наш столь длинный перечень рукописного наследия ученых, так и не нашедшего своего читателя, вызван желанием обратить на них внимание и призвать к их поиску, ибо они — национальное достояние всего советского народа.

* * *

...В дверь постучали на рассвете. В ответ коротко, но зло пролаял Джерри.

Поливанов лежал без движений. Неожиданно для себя он понял, что не может пошевелиться. Гулко билось сердце. Его стук заполнил весь мир.

«Главное не открывать глаз, — по-мальчишески взмолился Евгений Дмитриевич, — тогда они решат, что меня нет и уйдут».

— У него собака, — послышался из-за двери грубый голос, — дозвоьте, я ее успокою.

Резкий металлический лязг вызвал бешеную ярость пса. «Пистолет взвел, — отвлеченно отметил Поливанов, —

значит за мной, но почему сейчас, неужели нельзя было подождать до утра?»

Жена осторожно положила руку на его щеку:

— Я всегда любила тебя, слышишь, Женья, — ее русский был далек от совершенства и в нем слышалось сразу несколько акцентов, — но сейчас он походил на дивную музыку, и придал Поливанову силы.

В дверь забарабанили кулаками. Евгений Дмитриевич резко поднялся, двумя рывками натянул брюки, рубашку и одним поворотом ключа отворил дверь.

Появились люди в военной форме. Хозяина прижали к стене и стремительно обыскали.

— Оружие, оружие есть? — хрустнул металлом голоса один из вошедших.

Поливанов не понял: жадные, цепкие руки, бесстыдно шарящие по его телу, наполнили его жгучей ненавистью, он задышался.

— Вон, — ткнул пальцем в целую коллекцию ружей, висящих на стене, — тут целый арсенал.

— Так, — сказал старший, глядя на кровать, на которой полусидела жена Поливанова, — одевайтесь и побыстрее.

— Но-о...

— Никаких «но», иначе пойдете с нами в ночной рубашке.

Жена Поливанова дрожащими руками накинула домашний халат и встала.

— Сюда, — старший толкнул ногой табурет, вылетевший на середину комнаты, за ним другой. Женщина безвольно опустилась на табуретку.

— А вы?! — Военный повернулся к Поливанову. Лицо ученого напряглось, в глазах появился блеск.

— Я прошу тебя, — сказала по-французски, сама того не заметив, его жена, и потянула Евгения Дмитриевича к соседнему табурету.

— Говорить только по-русски!

Поливановы сидели в центре своей маленькой комнатки. Рядом с хозяином лежал Джерри, время от времени скаливший зубы.

Обыск начался от дверей, по часовой стрелке. Осмотрели все — стены, пол, немногочисленные вещи и мебель. Она состояла из кровати, книжных стеллажей и табуреток, на которых сидели Поливановы. Евгений Дмитриевич безучастно смотрел на происходящее. В очередной раз он перебирал свою жизнь и не находил в ней ничего, что могло бы послужить поводом для происходящего сейчас.

Революция, партия большевиков, — он вспомнил, как после этого шага от него отвернулась большая часть коллег-профессоров, — и все время работа. Работа и больше ничего. Чем я мог не угодить властям, чем? Ведь не научный же спор по поводу яфетической теории Марра может послужить поводом к аресту? Что сказал этот молодой человек с мертвыми глазами: «Вы арестованы, как враг народа». Кикой же я враг, чем я навредил своему народу, чем? Чушь какая-то.

Он поднял голову и увидел, что один из сотрудников НКВД сыпает в большой мешок его работы.

— Что вы делаете? — Вскинулся Поливанов. Это научные труды, это достояние народа.

— Сидеть! Тебе они больше не понадобятся, а наши там посмотрят, что это за наука такая, — ослабил главный.

— У вас в НКВД есть лингвисты?

— У нас все есть. Прикажет партия и любой из нас станет лингвистом, тоже мне «наука». — Говоривший презрительно сплюнул на пол и, наступая на упавшие листы, принялся сбрасывать в мешок бумаги со стола и полок.

— Женя молчи, они не люди, — прошептала по-эстонски жена Поливанова.

— Я же сказал — по-русски, — старший лениво рванул женщину за плечи, приподнял и отбросил ногой табурет, на котором она сидела к двери.

— Она эстонка, — поднялся Поливанов, — и говорит на своем родном языке.

— Молчать! Сюда, — военный ткнул пальцем в табурет, валяющийся на пороге. — Сюда садись, подальше от муженька — врага, может еще и спасешься.

Обыск закончился утром первого августа. Поливанова с женой увезли, собака побежала было за машиной, но потом отстала и вернулась к порогу своего дома. Первые дни соседи тайком друг от друга подкармливали ее, а потом она ушла куда-то...

* * *

Не пришлось ученым побывать уже и в экспедициях. 1 августа 1937 г. оба профессора были арестованы, а через три дня, 3 августа 1937 г., появился приказ по институту:

«§ 1. К. Тыныстанова, как не оправдавшему доверия и на протяжении ряда лет не дававшего научной продукции Институту, с работы с 1 августа сего года снять.

«§ 2. Е. Д. Поливанова, как не оправдавшему доверия и срывающего выполнение производственного плана, с сего числа с работы снять.

§ 3. Сборники НИИ ЯП — «Вопросы орфографии киргизского языка», «Вопросы орфографии дунганского языка», работу И. Батманова «Части речи в киргизском языке», изданную под редакцией Поливанова, из обращения изъять.

§ 4. Работу Е. Д. Поливанова «Принципы терминологии дунганского языка» из набора изъять.

§ 5. Работу Ян-Шан-Сина «Гансуйский и шансийский диалекты», находящуюся в стадии набора, приостановить до пересмотра».

Партийным решением от 1 августа 1937 г. из обращения изымались все произведения Тыныстанова, как изданные,

так и в рукописях. Та же судьба постигла и научное наследие Поливанова. Самые плодотворные ученые нелепо обвинялись в срыве исследовательских планов и увольнялись с работы. Несколько позже им навешивают ярлыки «троцкистов», «националистов», «пантюкистов», в общем — «врагов народа» и вменяются в вину все мыслимые и немыслимые злодеяния. Идеология властно вторгалась в жизнь, во все ее сферы, в науку — в том числе...

Через полмесяца с трибуны совещания актива работников народного образования, проходившего во Фрунзе 16 августа 1937 г., уже уверенно звучало:

«Тыныстанов и Поливанов, — говорил в своем докладе тогдашний зам. наркома просвещения Киргизской ССР Н. Д. Черкасов, несколько позже сам прошедший через ад репрессий, — в своих работах проводили контрреволюционную националистическую линию, засоряли киргизский и дунганский язык... Поливанов — представитель индоевропейской школы, вел расовую линию, фашистскую, гитлеровскую линию в языковом вопросе... Другая фигура — Тыныстанов, союзник Поливанова, националист, проводил линию Абдрахманова, Алиева, проводил пантюкистскую байско-феодалную линию».

Нужны конкретные примеры, доказательства? Пожалуйста: тут же человек, не знающий ни одного, кроме родного языка, начинает уличать признанных лингвистов. Мол, для обозначения слова «связь» в дунганском языке есть свой термин, а ваш-де Поливанов предлагает искаженное слово, которое в буквальном смысле значит «туда-сюда».

Слово «Фрунзе» во всех языках означает «Фрунзе», а Тыныстанов, мол, предлагает на киргизский манер — «Прунзе», «Париж» — «Парич». И тому подобные лингвистические «опровержения».

«Вся эта работа, — говорилось на активе, — проходила на глазах у руководителей Института языка и письменности Валитова и Батманова, и эти люди не могли

своевременно вскрыть их, начали вскрывать только сейчас и то туго, и не большевистски».

Обстоятельства довели над бывшими коллегами ученых, но и в этих условиях, к их чести, надо сказать, они не проявляли особого рвения, что позже «зачтется» уже при обвинении их самих во всех грехах. Нужно было партийное решение. И оно вскоре последовало:

«Эта банда националистов и троцкистов не допускала для работы в Институте преданных партии и Советской власти молодых научных работников — киргизов и дунган, искажала киргизский язык, не допускала проникновения в киргизский язык советских интернациональных терминов и извращала их, занималась подрывной работой в области алфавита и орфографии, саботировала издание научных работ института, в том числе терминологических словарей, мариновала в шкафах института огромное богатство фольклорного материала, пыталась уничтожить его, раздавая на руки частным лицам, в результате чего этот материал обратно в Институт не возвращался», — строки из решения от 4 сентября 1937 г., подписанного первым секретарем ЦК КП(б) Киргизии Аммосовым, который сам через два месяца был необоснованно репрессирован и расстрелян как «враг народа».

В августе в Институте прошла новая волна чистки: как пособник разоблаченного контрреволюционного националиста Тыныстанова был уволен трудившийся над киргизско-русским словарем Х. Карасаев, освобождают от производственных работ Ян-Шан-Сина, вскоре снимают с работы и тюрколога И. Батманова.

Е. Д. Поливанова увозят в Ташкент. Здесь выездная сессия военной коллегии Верховного суда СССР 25 апреля 1938 г. приговорила его к высшей мере наказания. Ученый был расстрелян в возрасте 47 лет. Через полгода, в канун праздника Великого Октября, в г. Фрунзе был расстрелян 37-летний К. Тыныстанов.

Лишь спустя четверть века постановлением Пленума Верховного суда СССР от 3 апреля 1963 г. приговор выездной сессии военной коллегии Верховного суда СССР от 25 апреля 1938 г. был отменен и дело прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления: «профессор Поливанов Евгений Дмитриевич полностью реабилитирован». Копию постановления получил на свой запрос ученик и младший коллега Поливанова Юсуп Ян-Шан-Син. А еще через полтора года в Самарканде была организована поливановская лингвистическая конференция, были изданы ее материалы под названием «Актуальные вопросы языкознания и лингвистическое наследие Д. Поливанова», вышли в свет избранные работы ученого, опубликованы брошюры и статьи, раскрывающие вклад Е. Д. Поливанова в общее языкознание. Вывод современных ученых был однозначным — Е. Д. Поливанов — всемирно известный ученый-лингвист, получивший признание своими трудами по восточному языкознанию, по лингвистической поэтике и поэтике восточных литератур, по общему языкознанию.

Идеи Поливанова сохранили свою актуальность до настоящего времени: проблема эволюции языка, влияние общества на язык, языковые контакты, вопросы, связанные с исследованием звуковой стороны языка. К сожалению, труды Поливанова на многие годы были преданы забвению, что нанесло существенный вред развитию советского языкознания, некоторые идеи были осуществлены за рубежом и лишь оттуда пришли снова к нам. Сегодня лингвистические идеи Поливанова заняли достойное место в советском языкознании. Но до сих пор не изданы почти все научные труды, созданные ученым в Киргизии (за исключением грамматики дунганского языка для начальных школ, 1935–1936 гг.), не отмечено мемориально его пребывание в республике. Сегодня в Японии и Китае ученого знают лучше и больше, чем у нас.

³ Том VIII. В. М. Плоских

Заклучить эту часть хочется двумя высказываниями двух выдающихся людей.

В. Каверин: «Это нужно было быть человеком огромной воли и огромной чести и огромной веры в советскую науку для того, чтобы действовать так, как действовал Поливанов».

И оценка Виктора Шкловского: «Поливанов был обычным гениальным человеком. Самым обычным гениальным человеком».

Публикуется по изданию:

Тридцать седьмой год в Киргизии (Возвращенные имена). Сборник статей и очерков // под ред. К. К. Каракеева, В. М. Плоских. Бишкек: Кыргызстан, 1991.

Часть вторая

В. М. Пlosких

Узел судьбы

По материалам следственного дела

Он был репрессирован в 1937 г., тайно реабилитирован в 1964 г., и еще четверть века на его судьбе лежала печать отверженного «социалистической кыргызской культурой». Лишь после многотрудных выступлений представителей интеллигенции, среди которых в первую очередь следует назвать К.К. Юдахина, Б.М. Юнусалиева, С. Джигитова, М. Байджиева. К. Тыныстанов был полностью реабилитирован, его имени возвращена честь, а творческое и научное наследие постепенно занимает должное место в культуре своего народа.

О двух неизвестных ранее страниц трагической судьбы из архивов КГБ, некогда глубоко засекреченных и войдет речь в 90-летнюю годовщину Касыма Тыныстанова.

1935

В республике, как и по всей стране, разворачиваются политические процессы, но на этом фоне предпринимается первая серьезная попытка научной оценки изучения и подготовки сводного варианта эпоса «Манас». При всем при этом идет шельмование виднейших деятелей национальной культуры. Их вынуждают признавать «ошибки», каяться, их снимают с работы и ограничивают в публикациях. Но до физической расправы дело пока не доходит. Когда им не дает покоя научный и творческий успех талантливого кыргызского поэта и ученого, организатора молодой науки и просвещения Касыма Тыныстанова. Он был в расцвете сил. И так хотелось работать на благо народа! А его вытаскивают на эшафот областной парторганизации, ждут покаяния. И он вынужден каяться. Вот документ из партархива — протокол конференции с выступлением К. Тыныстанова.

«Обо мне немало писали, обо мне немало вынесено решений парторгазцией, обо мне немало было официальных разговоров, и эти же разговоры мы слушали здесь. Почему некоторые товарищи и парторганизации говорили обо мне?»

Во-первых, потому что мой политический путь был неоднозначен, мой путь менялся, шел зигзагами. Во-вторых, в данный момент, когда классовая борьба обостряется очень сильно правильно выступает парторганизация, когда крити-

чески относится к моей работе, именно потому что надо на ошибках отдельных коммунистов воспитывать широчайшие массы и членов партии. Вот чем пользовались все выступления товарищей и в печати о моих ошибках».

Да! Нелегко проходить через такие чистилища. И только глубокая внутренняя убежденность в право-человечной цели — построении лучшего будущего, которое видели в социализме, давала силы неустанно трудиться, а не опускать руки. В отношении К. Тыныстанова процесс критики не спадал, все более накалялся.

При очередной чистке 1935 г. его исключают из партии. Но ученый находит в себе силы работать и выступает с большим докладом на конференции по «Манасу», фактически первой всесоюзной конференции по манасоведению. До сегодняшнего дня о конференции ничего не было известно.

Рассекречивание архивных фондов, в том числе документов архива КГБ, и предоставление их исследователям для работы позволили ознакомиться с материалами, которые

ранее были недоступны. В том числе и со стенограммой первой большой конференции, которая, оказывается, проходила во Фрунзе, в конце декабря 1935 г. А почему материалы были засекречены и стали недоступны для исследователей, читателю ясно будет из того, что организаторы и основные участники конференции вскоре были арестованы и казнены как «враги народа», а вся документация, связанная с их деятельностью, немедленно изымалась из обращения.

Сейчас обнаружен, но и то лишь пока фрагмент стенограммы конференции. К счастью, в ней полная запись выступления Касыма Тыныстанова — экземпляр стенограммы не редактированный и неправленный, но завизированный автором. В левом верхнем углу 14-й машинописной страницы стенограммы и 139 листа архивного дела собственноручная подпись Касыма Тыныстанова, так что экземпляр визирован докладчиком.

Не вдаваясь в анализ всего выступления — а доклад К. Тыныстанова был основополагающим, — отметим лишь, что ученый оценивал эпос как глубоко народный (что тогда требовалось доказывать и обосновывать!), отражающий «старинный колорит, который был 500—600 лет тому назад» и призывал к скорейшему его изданию.

Доклад К. Тыныстанова прерывался репликами секретаря Киробкома М. Белоцкого, председателя Совнаркома Б. Исакеева, Аильчинова, в дискуссии выступил Мухтар Ауэзов, который сказал о докладчике:

«В основном считая солидной точку зрения, я все-таки имею с ним расхождение по поводу драматизма и стилистики эпоса Манас», а также о планировании издания эпоса «Манас». Председательствующий Б. Исакеев оценил выступления как «очень хорошие, серьезные работы».

Основные идеи Тыныстанова были поддержаны Е. Д. Поливановым, выступившим с докладом о принципах русского перевода эпоса «Манас» и кыргызских эпитетах.

Разбить до конца остатки буржуазно-кулацкого национализма.

(От бывшего средневизантского интеллигентства).

Успехи националистического шовинизма в Средней Азии вызывают огромное сочувствие буржуазных националистов, бытующих и оппортунистическое большинство. Будучи робкими и отчаянными боя, буржуазно-кулацкие националисты переходят к более завуалированным формам борьбы.

Они проинспирируют в советский аппарат в городах и деревнях, привлачиваются к националистическим, земельным и др. учреждениям. В Ферганском районе (Узбекистан) буржуазные националисты под предлогом чужака от кулаков и мещанов из колхозов бегут и в баранов. Прокурор Мухамедов отпустил безнадзорно, освобождая от наказания беглеца. Ферганский районский партийный комитет выдал партийные билеты кулакам и буржуазным националистам. В Наманганском националистическом комитете развлекли колхозное имущество, разваливали колхозы.

Контрреволюционные националисты пытаются использовать буржуазные, националистические пережитки части населения.

Значительная масса в чашку контрреволюционного национализма — падает в частности, отражение в художественной литературе результатов Средней Азии. Число лет писателя в журнале «Голос» (Туркмения) подвигло буржуазно-кулацкие националисты, — поэт и сатирик Ширин Мурт.

В одном стихотворении в форме пе-

рессаже каждого стихотворения так выпала свои истинные взгляды: «Эпир буржуазно-кулацкий, но ты остался на своем месте. Но почему опять вернется. Почему Мурт так является реальным буржуазным — в своем времени».

Писатель Мурт пользовался моральной поддержкой националистических элементов, работавших в туркменских организациях и невольно только развлекшихся.

В «Докладном билете», «Кукуруза ботаника» (Туркмения), в «Битве за второго года обучения», в «Образцах тактической литературы» (агит.-фронт.) и в других книгах пропавшихся аяно байские идеи под видом примеров, переводов из старых книг и т. д.

В «Коммунистическом манифесте» на туркменском языке на 20-й странице читается:

«Вообразите, что как будто бы коммунисты официально будут освобождать жез. Нет ничего своего насчет контрреволюционного узька. Коммунистам обособлять жез нужно. Это для нас почетная националистическая обязанность!»

««Обих» оралды в кулхозах!» На сцене советского театра в г. Фрунзе ставился пьеса некоего Касыма Тыныстанова. Одна из них называется «Шабдан». Астро будто бы призывает народную массу к богатыря Шабдану,

по существу своему якому угодно-го эксплуататорского класса — криво-своего богатыря: «В Киргизии раздувалась крайняя жез. В Киргизии проламывались основы. Давний прием дерьбят, сирота».

Прочитав в Киргизии бай. Сугунай, народ: жез отеп народа — Богатыря Шабдан!

Нельзя было ожидать смерти Шабдана. Он остался восток киргиза на Иркензав. Касым Тыныстанова посылает по базю в образе богатыря Шабдана. Эта отравлено кулацкая пьеса ставилась на сцене театра имени Кичкина несколько раз. И сейчас еще ставится в районных театрах.

Кафетры некоторых вузов также используются для посылки «школа» местного национализма.

Директор Клоузного института (Самарканд) организовал в студенческих студентах-вузьях, проводя:

— Так или иначе, они в Узбекистане работать не будут. Зачем их стипендия?

С кафедр Средневизантского клон-

От редакции.

Содержание нашего корреспондента тенденцизм, и в отношении не-свидетельствует, что далеко не все пар-тияльные и советские организации Сред-ней Азии ведут большевистскую борь-бу за основные принципы ин-тернационализма и что в ряде фактов, упомянутых в сообщении г. Ман-сурова наблюдается потворство кулакам и национа-лизму по существу.

какого интеллигента буржуазно-национа-листы заминают: — Говорит много! неопределенности, а между тем что один раз, всей жизнью выходя проклад утоска.

Партийные организации Туркмени-и недавно отписались к местному национа-листам, что замечено: (также по-тому в ряде районов местные национа-листы срывали планы допрекраситоров, в Туркмении изложил 20 тыс. тонн зерна в сравнении с прошлым годом, несмотря на лучшие климатические условия и т. д.) Критика беспечности у некоторых партийных функционеров, они не заметили усиления местного национализма, а в мае 1934 владимир-ского Шибановича в роли борьбы с кулаками в национальном вопросе.

В Узбекистском колхозном инсти-туте студенты из бывшего населения посыланы в хутор Усманов, член колхозника. В Чапуре в индивидуальном доме время допущены исключитель-но на русском языке.

Эти факты вскрывают националь-но-политический вред, который приносит националистический шовинизм.

ДЕЯ МАМУИЛОВ.

На конференции выступали и сказители — манасчи, полчаса исполнял «Манас» Саякбай Каралаев.

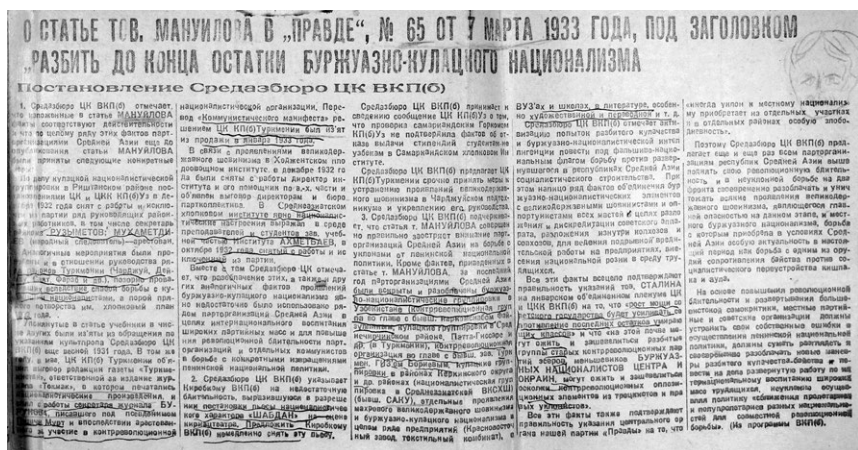
Члены редколлегии оказались арестованными еще до конференции (председатель Токчоро Джолдошев — уже 16 октября 1935 г., Сакен Сейфуллин и другие докладчи-ки — в 1937 г. (М. Белоцкий, Б. Исакеев, Е. Поливанов, К. Тыныстанов и др.). Все они были признаны «врагами на-рода», их идеи — националистическими и контрреволюцион-ными. Всех их постигла горькая судьба репрессированных.

Как сложился последний год жизни, год пыток и стра-даний самого Касыма Тыныстанова? Черствые, казенные страницы следственного дела дают ответ на это.

Итак...

1937

1 августа начальник управления народного комиссариата внутренних дел Киргизской ССР капитан госбезопасности Четвертаков подписывает ордер «для обыска и ареста» Тыныстанова Касыма, проживающего по адресу: ул. Карла

Маркса, дом 53. Сотрудник отдела НКВД сержант Титов направляется на выполнение задания. Сержант был «вооружен» уже готовым и подписанным тем же Четвертаковым постановлением, в котором говорилось: «Рассмотрев следственный материал на гражданина Тыныстанова Касыма, по национальности киргиза, уроженца Кара-Кольского района, члена ВКП(б), сына байманапа, директора научно-исследовательского института в г. Фрунзе, оперуполномоченный 3 отдела УГБ НКВД Киргизской ССР сержант госбезопасности Титов, нашел, что следственные данные в достаточной степени позволяют его в контрреволюционной деятельности, в преступлении по ст. 58-II УК РСФСР и, принимая во внимание, что нет гарантий, что он, Тыныстанов Касым, не скроется от следствия и суда, постановил арестовать его с производством обыска и просит предварительное согласие на это прокурора КиргССР по спец-делам».

Постановление было составлено на скорую руку, в нем фактические неточности — от должности К. Тыныстанова (он не был директором на момент ареста) и до социального происхождения (он был не из семьи байманапов). Что же

касается согласия прокурора, оно, по всей видимости, было дано, может, это случилось позже, а может, и вообще было пустой формальностью, так как в самом следственном деле такого документа нет. Но есть протокол обыска, датированный тем же 1 августа 1937 г. Обыск был совершен, как и полагалось, в присутствии двух понятых — Амельковой Евгении Алексеевны и Байтырбаевой Адамкали.

Были описаны и изъяты: — пистолет системы «Браунинг» и патроны к нему;

- *ружье двуствольное с патронами;*
- *личные документы;*
- *книги разные и рукописи — 17 шт.;*
- *книга К. Радека 1934 г.;*
- *фотокарточки разные — 38 шт.;*
- *паспорт и партбилет.*

Несколько позже был изъят еще рюкзак с книгами и рукописями.

Что за книги, что за рукописи были изъяты при аресте и обыске — остается только гадать. Ни фотокарточек, ни книг, ни рукописей пока не обнаружено. Лишь в копии отложилась последняя научная рукопись К. Тыныстанова, видимо рассчитанная на широкий круг читателя, поэтому не загромождена никакими специфическими научными терминами. Называется она «Десять лет борьбы за новый алфавит в Киргизии (сжатый исторический очерк)» и датирована 10 мая 1937 г. Подчеркнем: это последняя, но далеко не единственная научная работа Касыма Тыныстанова. Она даже числится в каталоге рукописей отдела Академии наук Кыргызской Республики, но... только в каталоге. На полках хранилища самой рукописи нет, и никто никогда ее не видел. И только более полувека спустя нам удалось ее случайно обнаружить в архивах КГБ и ввести в научный оборот.

Не вдаваясь в анализ этого последнего научного труда (требующего во многом критического подхода и соответ-

ствующих комментариев), приведем из него лишь завершающую часть, нацеленную на будущее, актуальную и сегодня, которая, однако, именно сегодня воспринимается неоднозначно. Но это вывод. Это убеждение основоположника кыргызского научного языкознания, и мы вправе его знать:

«Современный человеческий язык давным-давно перестал быть только обыкновенным средством общения между отдельными людьми, а превратился в самое сильнейшее орудие отдельных классов для осуществления своего господства.

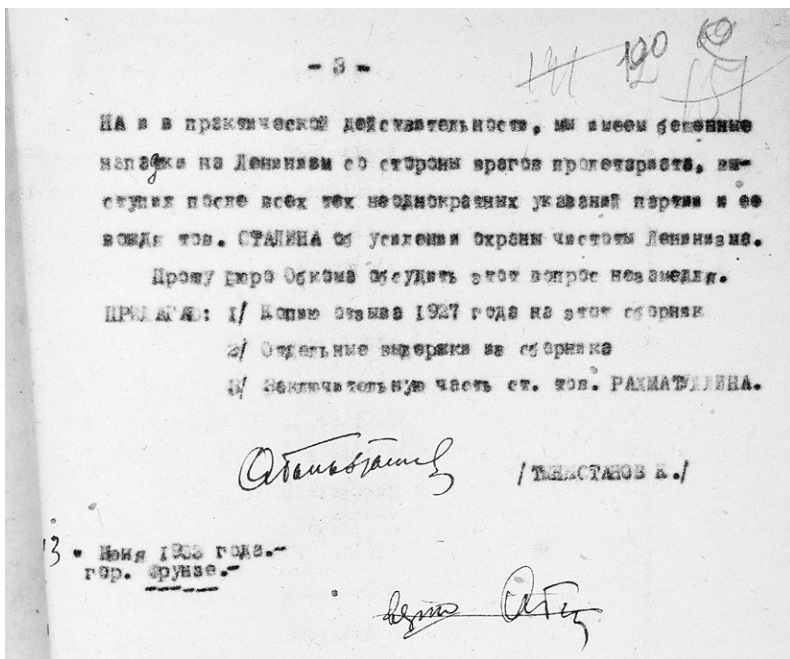
Национальные языки в Советском Союзе в своем дальнейшем развитии должны стремиться к максимальному отрицанию всего того, что разобщает их друг от друга, к максимальному поощрению всего того, что приобщает друг к другу эти языки...

Культурно влияющая роль русского языка для национальностей СССР выделяется исторической необходимостью: во-первых, потому, что русский рабочий класс был авангардом в деле свержения власти капитала в России, и он же, как более опытный рабочий класс, остается авангардом в дальнейших боях за окончательную победу социализма, во-вторых, потому, что только через русский язык как язык более культурный может быть создано на национальных языках то количество социально-экономических и научно-технических знаний, которые необходимы для окончательной победы социалистического общества. Только в свете такой постановки могут быть успешно разрешены вопросы грамматики, орфографии, терминологии и других разделов языкового строительства...

К. Тыныстанов»

10 мая 1937 г.

Научный вклад в языкознание К. Тыныстанова очень высоко оценил выдающийся лингвист современности,

старый друг и коллега ученого Е. Д. Поливанов. В рекомендации на представление К. Тыныстанова к званию профессора (заметим, первого профессора в кыргызской науке) Е. Д. Поливанов написал «В области языкового строительства Киргизии, в деле преподавания киргизского языка тов. Тыныстанов играл и продолжает играть важнейшую роль.

Профессор Поливанов.
10.IV.35 г.

Их арестовали одновременно — 1 августа 1937 г. Через три дня после ареста запоздалым приказом по Институту киргизского языка и письменности обоих профессоров освободили от работы за профессиональную некомпетентность, как «не оправдавших доверия».

4 августа 1937 г. Поливанова наскоро допросили в Москве, Тыныстанова держали в местной тюрьме. Его в течение 50 дней не вызывали на допрос, держали в неведении ни по сути обвинения, ни о ходе следствия. Лишь 20 сентября 1937 г. некто Жуков вызывал К. Тыныстанова на первый допрос и безграмотно заполнил анкету арестованного. Стандартный типовой бланк с типографским шрифтом. Только от руки заполненные следователем ответы и визированная подпись арестованного и сейчас вызывают внутреннюю дрожь, стоит лишь представить обстановку и атмосферу неведения и страха, ожидания и беспомощности без вины арестованного, всю свою жизнь посвятившую воплощению в жизнь идеалов, в предательстве которым его так обвиняли. Хотя он еще не знал конкретно: в чем его обвиняли.

Итак, тюремная анкета арестованного.

Тыныстанов Касым, 1901 г. рождения, Балыкчинский р-н, п. Чырпыкты, профессия и специальность — педагог, языковед, профессор по языку; соц. происхождение — из крестьян-бедняков, соц. положение — служащий, до революции батрачил, после революции — учился до 1924 г., после — работал. Образование — высшее, партийность — 1926—1937 гг. Состав семьи: жена Турдубиби, сын Тендик, дочь Бердик, дочь Каниметова Кишимжан, мать Маркатаева Арпанек.

И — все. Ни интереса к научным трудам, ни к художественным произведениям. Хотя в обвинительном заключении они будут фигурировать. Особенно последние — стихи и драматический цикл под общим названием «Академические вечера».

1938

1 января Касыму Тыныстанову было предъявлено официальное обвинение. Оно гласило, что К. Тыныстанов, начиная с 1921 г., состоял активным членом к.-р. националистической организации «Алаш-Орда» и впоследствии по день ареста членом к.-р. националистической организации «Социал-Туранской партии». Будучи в составе руководящего центра этих к.-р. организаций, вел активную пропаганду и агитацию, а также практическую работу за свержение вооруженным путем Соввласти в целях отторжения Киргизии от СССР и создания буржуазно-националистического государства под протекторатом одного из иностранных капиталистических государств, ведя организационную деятельность по сношению с разведывательными органами этого капиталистического государства, т. е. совершил деяния, предусмотренные ст. 58. П. 1-а, 2, 4, 7, 10 и 11 УК РСФСР.

Что по поводу этого обвинения можно сказать? Оно трафаретно для всех «врагов народа», с небольшими вариациями. Идеи алашордынцев были привлекательны для молодой национальной интеллигенции Средней Азии. Ими переболели большинство мыслящих представителей и кыргызской художественной и научной интеллигенции, партийные, советские и государственные деятели в 1920-х годах. Позже они переросли и отошли от этих идей. Об этом неоднократно говорил и сам К. Тыныстанов в 1930-х годах.

Что же касается организационного участия в Социал-Туранской партии, то партии как таковой не было, она была плодом чекистского

Т.в. Махрат!

Очень и очень прошу Вас прогнать эту поделку
 и помочь мне с своими тов. указаниями в
 деле разоблачить много допущенных ошибок в этой
 поделке, а также вычеркнуть в печати с разоблаче-
 нием своих ошибок, так как в ат. Вас тов. указания
 чтобы она вычеркивалась в печати было абсолютное требование

13/II-33. с пр. следом Обвинитель (Тыныстанов)

воображения, поводом для репрессий «буржуазных на-
 ционалистов». Во всяком случае существование СТП не
 подтверждается никакими документальными материала-
 ми даже всех раскрытых, ранее засекреченных архивов и
 архивных фондов и дел. Работа же на иностранные раз-
 ведки — традиционное обвинение в адрес всех крупных
 деятелей, подвергшихся репрессиям в 30-х годах.

Обвинение К. Тыныстанову подписали зам. начальника
 отдела НКВД Киргизской ССР лейтенант госбезопасности
 Машнин. Позже к делу приобщается «как вещественное
 доказательство» два стихотворения К. Тыныстанова —
 «Заря» и «Ала-Тоо», якобы, характеризующие его буржуаз-
 но-националистические убеждения двадцатых годов.

22 февраля 1938 г. Машнин объявил К. Тыныстанову
 следствие законченным и сообщил, что дело передается
 в суд. К. Тыныстанов в ходе следствия «с пристрастием»
 признал, несмотря на абсурдность, все предъявленные ему
 обвинения.

Суд оказался скорым. Выездная сессия Военного Суда СССР, проведшая ряд заседаний во Фрунзе в начале ноября 1938 г. на своем закрытом заседании рассмотрела ряд дел. Полчаса понадобилось, чтобы признать все пункты обвинения К. Тыныстанова. Сам же ученый, измученный более чем годовым заключением, на последнем своем допросе полностью отказался от всех своих предшествующих показаний и заявил о своей невинности и ложности обвинения. Накануне медицинская комиссия из тюремного персонала обследовала состояние здоровья заключенного и поставила диагноз: «неврастения, катар желудка, передвигаться без посторонней помощи не может, нуждается в стационарном лечении».

Вместо, этого выездная сессия Военного суда (почему военного?), признала обвинение достаточным и 5 ноября 1938 г. приговорила К. Тыныстанова... к расстрелу. Ниже следовало предписание: приговор привести в исполнение немедленно.

Чон-Ташская братская могила у подножия кыргызского Ала-Тоо явилась последним пристанищем великомученика.

Так была поставлена последняя кровавая точка в гонениях на творчество и на самой жизни талантливый кыргызского ученого-самородка, одного из основоположников кыргызской советской литературы.

Далее известно: уничтоженного физически, отвергнутого партийным постановлением от читателей и учеников, заклеянного «буржуазного националиста» и «врага народа» Касыма Тыныстанова пытались навсегда отторгнуть от культуры кыргызского народа, предать забвению. Но ветер политического обновления вторгся во все сферы общественной жизни нашей страны. После смерти Сталина началась волна реабилитаций. Решением Военной коллегии Верховного Суда СССР от 1 октября 1967 г. К. Тыныстанов был посмертно оправдан «за отсутствием состава преступления». Реабилитированный в гражданском

плане, он продолжал оставаться дискредитированным в идеологическом, продолжал числиться в «буржуазных националистах», не был восстановлен в партии даже по-смертно. А это значило, что на всем его научном и художественном наследии продолжало лежать жесткое партийное «veto». В исторической и литературоведческой литературе он по-прежнему оценивался как «буржуазный националист», его произведения не переиздавались, а творчество не исследовалось.

Удрученные таким положением честные коллеги и соратники Тыныстанова профессора К. К. Юдахин и Б. М. Юнусалиев обращаются во все инстанции с просьбами, пожеланиями, требованиями вернуться к переоценке творческого наслонил К. Тыныстанова. Но все тщетно. Прошедшая политическая реабилитация оказалась половинчатой: с одной стороны, признавалось, что осужденные и казненные явились невинными жертвами сталинизма, с другой — в целях превратной идеологической стабильности — над тем же Касымом Тыныстановым (Юсупом Абдрахмановым, Абдыкеримом Сыдыковым и многими, многими другими) продолжал висеть ярлык «буржуазных националистов». Даже партийная реабилитация 1964 г. была утаена от общественности.

1989

И только в январе после заключения специальной комиссии под председательством М. Д. Шеримкулова (в составе которой были писатели Мар Байджиев и Александр Иванов, литературоведы и переводчики Михаил Рудов, Салиджан Джигитов и Абдугани Эркебаев, другие представители интеллигенции Кыргызстана, в том числе и автор данных строк) в республиканской печати публикуется постановление всеильного еще ЦК Компартии Киргизии, которое констатировало: «...Согласиться с выводами комиссии ЦК о необходимости восстановления исторической правды

⁴ Том VIII. В. М. Плоских

о литературном наследии... одного из зачинателей кыргызской письменной литературы, ученого-лингвиста Касыма Тыныстанова, незаконно репрессированного в тридцатые годы». Соответствующие организации, наконец-то (в 1989 г.), были призваны начать изучать его творчество и издавать его произведения. Закончить хотелось бы поэтическими строками самого Касыма Тыныстанова из «криминального» стихотворения «Заря Ала-Тоо», пророчески написанного двадцатилетним юношей почти семьдесят лет тому назад (перевод М. Рудова).

«Много всего повидал,
Горечь и сладость вкушал.
Узел судьбы топором
Не разрубал, отломал.
Прожиты трудные дни,
В сердце остались они.
Нежно меня обними,
Вот мечта моя, Ала-Тоо».

К. Тыныстанов.

Публикуется по изданию:

Узел судьбы. По материалам следственного дела. «Слово Кыргызстана (В конце недели)», 1991, 12 окт.

Часть третья

В. М. Пlosких

**Человек
огромной воли,
огромной чести,
огромной веры**

*Исторический портрет лингвиста
Е. Д. Поливанова*

Уже при жизни он стал всемирно известным ученым, признанным лидером нового направления в лингвистике. Его труды переводились на иностранные языки, особенно ценились и переиздавались в Японии. А в нашей стране делалось все возможное, чтобы замолчать его исследования. Уже опубликованные научные труды были изъяты из обращения, а неопубликованные рукописи и сейчас находятся за «семью печатями» в секретных фондах недосягаемых архивов. И хотя в последнее время стали появляться статьи и книги о жизненном и творческом пути ученого, организуются конференции, посвященные его памяти, изданы избранные произведения, имя его все еще не заняло достойного места в истории советской науки. В Кыргызстане, где прошли последние три года жизни и научных исследований выдающегося лингвиста современности, где написаны труды по дунганскому и кыргызскому языкознанию, по манасоведению, нет ни серьезных публикаций об ученом, не собраны и не изданы последние его исследования, никак мемориально не отмечено его пребывание здесь.

Речь идет о Евгении Дмитриевиче Поливанове.

* * *

Институтом истории Академии наук Кыргызстана из Самаркандского областного государственного архива получена «Ведомственная анкета Наркомпроса УзССР» Е. Д. Поливанова. Это ксерокопия интереснейшего документа — анкеты из 46 пунктов, заполненной лично Е. Д. Поливановым, с подробными ответами на большинство вопросов. И хотя анкета эта была довольно скрупулезно проанализирована несколько ранее московским автором В. Ларцевым в книге «Евгений Дмитриевич Поливанов. Страницы жизни

и деятельности» (М., 1988), она представляет интерес и для нас, ибо остается пока открытым ряд вопросов, на которые может дать, но еще не дал ответа фрунзенский период жизни ученого.

Однако все по порядку. Анкета заполнена Е. Д. Поливановым 14 апреля 1931 г., во время его работы в Самаркандской педагогической академии. Она отражает основные вехи жизни, причем упор делается не на научно-педагогическую, а на общественно-политическую деятельность. Автор даже слегка мистифицирует свою биографию. Так, в графе «год, месяц, число рождения» собственной рукой выводит: «28 февр. 1892 г.». Хотя, судя по архивной справке, он родился в 1891 г. (именно эту

дату приняли все ученые, исследователи жизненного пути и творчества Поливанова), также в другой — ташкентской — анкете (личное дело Е. Д. Поливанова № 2370 из бывшего архива Ташкентского государственного университета) он упорно повторяет именно 1892 г. Трудно поверить, чтобы Е. Д. Поливанов дважды в таких документах, как личное дело, «забывал» год собственного рождения. Объяснение хронологического авторского смещения даты рождения, скорее всего, надо искать в склонности ученого к сознательной иронической мистификации событий. Примеры такого рода из жизни Е. Д. Поливанова встречаются неоднократно.

В «Краткой биографии» анкеты Е. Д. Поливанов пишет: «Сын железнодорожника и матери-писательницы, участницы освободительного движения (о ней в «Историческом вестнике» за 1910, кажется, год). По окончании гимназии

поступил в университет и одновременно в Восточную Академию (окончил их в 1911—1912 гг.). Получил предложение остаться при Университете для приготовления к профессуре по кафедрам: 1) русской литературы; 2) сравнительного языкознания; 3) тибетского языка. Избрал сравнительное языкознание, в 1914 г. закончил магистрский экзамен и с 1.1915 г. стал приват-доцентом (по японскому языку, а затем по сравнительному языкознанию). В 1917 г. принимал участие в политработе еще до Октябрьской революции (в Совете крестьянских депутатов, где в бюро печати был одним из двух всего имевшихся там интернационалистов), печатался в «Новой жизни» Горького, с Октябрьской революции (с самого первого дня ее) стал на работу Советской власти. Среди всего состава профессуры Петербургского университета стали на сторону Советской власти только двое: проф. Рейснер и я. С тех пор работаю по специальности и в разных должностях на практической работе».

В графе «Научные труды, какие и год их издания» Е. Д. Поливанов записал: «Свыше ста научных работ (из них свыше 20 научных изданий). 1913—1931». В графе «Какими языками владеет» скромно ответил: «французским, японским, китайским, узбекским, английским и некоторыми другими». Ученый был фактически полиглотом и в другой анкете писал, что знает 16 языков (а лингвистически еще два десятка).

Обратим внимание еще на один пункт анкеты: «Перерывы в Вашей работе и причины их», ученый ответил: «Конец 1917 и начало 1918 г. ввиду исполнения обязанностей уполномоченного наркома (зам. наркома)». Эта графа, точнее, ответ на нее — сыграли роковую роль в судьбе Е. Д. Поливанова. Поясним. Дело в том, что по рекомендации М. С. Урицкого ученый в ноябре 1917 г. был принят в Наркоминдел, где вскоре стал заместителем наркома по Востоку. Как известно, народным комиссаром иностранных дел молодой Советской республики в это время был

Л. Д. Троцкий, о чем вспоминать в анкете 1931 г. был крайне опасно. И хотя ученый работал над непосредственным заданием В. И. Ленина по опубликованию тайных договоров царского правительства, он принимал участие и в других практических делах. Известна телеграмма, отправленная за подписью Поливанова из Петрограда в Бухару, датированная 21 февраля 1918 г.: «Прежде всего требуем публичного признания власти Совета Народных Комиссаров. Отвечайте немедленно» (См.: *Ларцев В.* Указ. соч. С. 48).

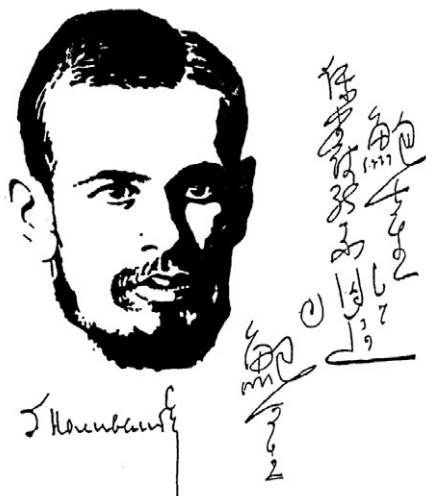
С 1918 по 1920 г. Поливанов активно работает в Коминтерне, был даже заведующим Восточным Отделом. В это же время, а точнее — в 1919 г., вступает в партию (в анкете назван номер партбилета — 360054). Но в 1926 г., как пишет сам, «выбыл с правом обратного поступления ввиду отъезда на Д. Восток в 1926 г.» (пункт 23 анкеты). Что это за условия заграникомандировки, или чем вызвана такая неуставная формулировка — неизвестно. В. Ларцев, однако, приводит сообщение (со ссылкой на архив АН СССР — Ф. 677. Оп. 6. Д. 224. Л. 311 об.), что в 1935 г. Поливанов был принят кандидатом в члены ВКП(б). Это был уже фрунзенский период жизни ученого, но ни в партархиве Кыргызского филиала ИМЛ, ни в фондах Киробкома, ни Фрунзенского горкома партии связанных с этим вопросом документов нам обнаружить не удалось. Забегая вперед, можем сказать, что в протоколах партсобраний первичной организации — Института культурного строительства, позже — Института кыргызского языка и письменности — не отмечено и участие Поливанова в собраниях ее. Нет решения горкома и об исключении из партии Поливанова в связи с репрессиями в июле 1937 г. (хотя в отношении его коллеги и соучастника по трагедии К. Тыныстанова все формальности и в партийном плане соблюдены).

Таким образом, вопрос о партийности Е. Д. Поливанова после 1926 г. и его партийной реабилитации долго

оставался открытым и окончательно прояснился лишь после обнаружения новых документов в архивах КГБ. Но об этом ниже.

Каков же научный вклад Е. Д. Поливанова в лингвистику и с каким научным багажом он приехал в Кыргызстан (а это случилось летом 1934 г.)?

Один из первых красных профессоров Е. Д. Поливанов уже в 20-е г. — автор целого ряда основополагающих лингвистических трудов, он занимает ведущее место в сравнительном языкознании, является признанным лингвистом-востоковедом... до тех пор, пока не выступил с ревизией яфетической теории «нового учения о языке» Н. Я. Марра. Её суть сводилась к тезисам о четырех элементах, лежащих якобы в основе всех языков мира, о движении человечества от множества языков к единству. Все это противоречило истинно научному сравнительному языкознанию, которое возглавлял профессор Е. Д. Поливанов. Однако Марра поддерживали А. В. Луначарский, другие представители власти, видя в нем авторитетного ученого старой школы, полностью перешедшего на коммунистические позиции. Действительно, с определенного времени, примерно с 1927—1928 г. Марр стал обильно оснащать свои труды и выступления цитатами Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина и прослыл пролетарским, марксистским ученым. В условиях, когда политический культ вождя все более становился реальностью, Марр в советском языкознании оказался непререкаемым авторитетом. Его яфетическая теория считалась вершиной марксистского языкознания. Опубликовав в 1928 г. статью «Специфические особенности последнего десятилетия (1917—1927) в истории нашей лингвистической мысли» и выступив 4 февраля 1929 г. в Коммунистической академии с докладом «Проблема марксистского языкознания и яфетическая теория», Е. Д. Поливанов оказался в оппозиции официальному марровскому языкознанию. Едкие, афористические выводы Поливанова били в самую

сердцевину «новой» яфетической теории Марра. На многочисленных конкретных примерах Поливанов убедительно доказывал, что «положения, которые высказываются Марром, оказываются не связанными с фактами», и далее — вывод: «У Марра многое не ново, а то, что ново, то исключительно неубедительно». Однако слушатели академии, будучи в основном нелингвистами и настроенные заранее соответствующим образом, не восприняли доводов ученого. После дискуссии, которая фактически превратилась в шельмование, Е. Д. Поливанов был фактически отстранен от активной научной деятельности, его перестали в центре публиковать и он вынужден был уехать в Среднюю Азию — сначала в Самарканд, а затем в Ташкент. Ему и здесь лишь с трудом удастся печататься, но он упорно и много работает над созданием письменности и грамматики языков коренных народов Средней Азии, продолжает заниматься общетеоретическими проблемами языкознания, основными способами образования языков, их интеграции и интерференции, фонетической эволюцией

и пр. Забегая вперед, отметим: современные лингвисты признают, что именно Е. Д. Поливанов стоял на правильных научных позициях и если бы марровская теория не заглушила административными силовыми мерами идеи Поливанова, то современное сравнительное языкознание в своем развитии ушло бы далеко вперед. Признаемся, однако, что его идеи за рубежом сразу нашли признание, были развиты и в нашу страну возвратились позже, уже через иностранную науку.

Вокруг Поливанова сложилась такая предгрозовая атмосфера (и это еще в начале 30-х годов!), что многие издательства просто боялись публиковать работы «антимарксистского» профессора, вокруг него начали плестись интриги. Общая невыносимая атмосфера усугубилась обострившейся болезнью. Для заглушения физической и духовной боли все чаще приходилось прибегать к морфию, развивалась наркомания.

Как вспоминает уже в наши дни известный советский ученый-тюрколог академик Н. А. Баскаков — ученик Е. Д. Поливанова, в 1930 г. у них произошла довольно-таки неожиданная встреча в Каракалпакии, в г. Турткуль. Баскаков пригласил учителя в гости, где его жена радушно приняла знаменитого ученого и была совершенно очарована его рассказами, его манерами, которые выдавали в нем светского человека. «Но вдруг гость как-то сник, извинился и попросил разрешения произвести некоторую лечебную процедуру. После того, как укол был сделан, он вновь расцвел и с еще большим вдохновением стал рассказывать...» (Литературный Киргизстан. 1990. № 12. С. 129). С годами недуг стал необратимым и в свое время, возможно, стал, одним из поводов расправы над строптивым ученым.

В 30-х годах в Ташкенте часто бывал сначала по служебным, а затем научным делам известный кыргызский организатор науки, поэт и ученый Касым Тыныстанов. Сам будучи лингвистом, признанным в стране тюркологом,

К. Тыныстанов, естественно, не мог оставить без внимания судьбу выдающегося коллеги. И решил пригласить Е. Д. Поливанова в Кыргызстан, обещая создать нормальные условия для работы и жизни.

Приказом по Институту культурного строительства от 21 июля 1934 г. профессор Е. Д. Поливанов зачисляется «научным сотрудником Института в должности действительного члена по дунганскому сектору с окладом содержания 600 руб. в месяц. Испытательный срок с заключением персонального договора». Но тут же уезжает обратно в Ташкент по семейным делам (некоторое время продолжая совмещать научно-педагогическую деятельность в Кыргызстане и Узбекистане).

С июля по декабрь 1934 г. он несколько раз побывал в Ташкенте в командировке (не только за государственный счёт, но и на свой семейный сверхскромный бюджет).

Во Фрунзе свободных квартир не было, и Поливанов с женой — эстонкой по национальности — Бригиттой Альфредовной Нирк, поселился сначала в гостинице, затем в однокомнатной квартире дома № 92 по ул. Дзержинского, ныне самой престижной, элитной улице столицы Кыргызстана. Здесь же он пользовался и аптекой, легально приобретая наркотики.

По воспоминаниям современников, это был худощавый, коренастый человек, без левой руки (в молодости потерял при неосторожной посадке в трамвай, но ходили слухи, что еще будучи гимназистом он на пари положил ее под колеса поезда — еще один пример мистификации, которую любил ученый?). Он привлекал к себе людей своей эрудицией, ораторским красноречием и каким-то внутренним, непередаваемым обаянием.

Основная его работа в Институте культурного строительства, вскоре переименованного в Институт кыргызского языка и письменности, — кыргызский и дунганский языки: составление учебников, словарей, изучение и перевод на

русский язык эпоса «Манас». Но приходилось по совместительству в пединституте преподавать, даже... политэкономии. Ученый был полиглотом, легко и быстро писал, увлекательно читал лекции, имел обширный круг знакомых среди научной и творческой интеллигенции. Такой человек для Кыргызстана, вступившего в полосу культурной революции, был поистине драгоценной находкой.

В первый год работы в экспедицию выехать не удалось — Поливанову и молодому научному сотруднику Ян-Шан-Сину (ныне здравствующему пенсионеру) срочно пришлось заняться составлением учебника дунганского языка. В том же году вместе с поэтом Ясыром Шиваза Поливанов переводит на дунганский язык «Интернационал», заявляет серию научных работ в исследовательский план института, 28 декабря 1935 г. выступил с большим докладом на манасоведческой конференции во Фрунзе.

Е. Д. Поливанов рвался в лингвистическую экспедицию по Кыргызстану, но срок ее неоднократно отодвигался, не выехали и, как намечалось, 15 июня 1936 г. Уже когда все было готово, появляется очередной приказ по институту: «День выезда экспедиции по обследованию говоров дунганского языка перенести на 21 июня сего года. Профессору Поливанову и научному сотруднику Ян-Шан-Сину поручается участие в работе по переводу проекта Конституции на дунганский и киргизский языки». В лингвистическую экспедицию по жестко расписанному и утвержденному маршруту выехали лишь 23 июня 1936 г. Характерно в этом отношении распоряжение по институту:

«Начальнику дунганской экспедиции профессору Поливанову.

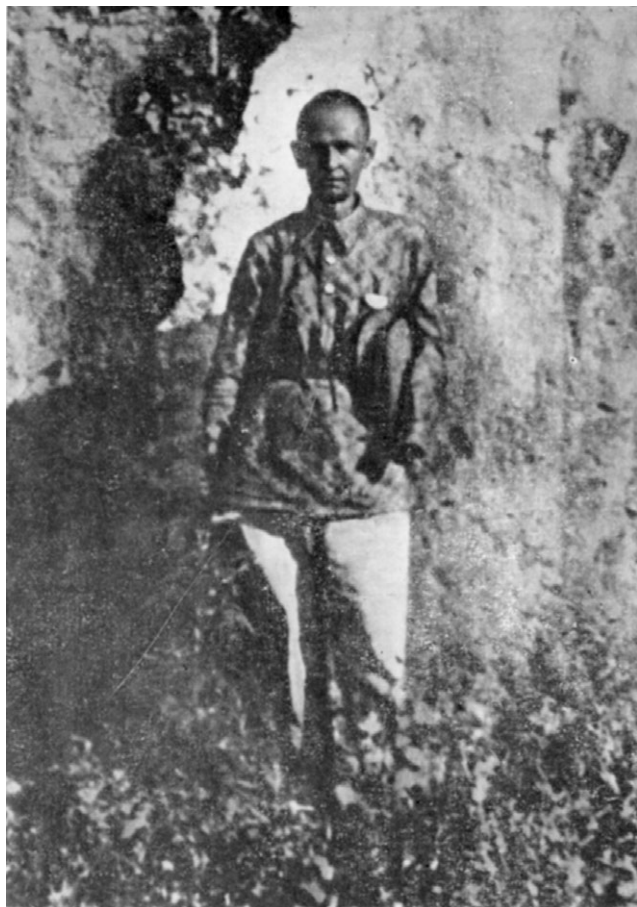
1. Категорически предлагается следовать по маршруту экспедиции и исключительно с Ян-Шан-Синим. Ваши самостоятельные выезды (без Ян-Шан-Сина) дезорганизируют экспедиции.

2. Изменения маршрута (Каракуруз — Каракол) будем рассматривать как нарушение плана работы института, а дорожные расходы и суточные во время отклонения от общего маршрута будем списывать за Ваш счет.
3. Предлагаю из каждого телеграфного пункта сообщать в институт о времени выезда и въезда с указанием общего состояния работы.
4. Работы экспедиции должны быть закончены до 10 августа.

Зам. директор И. Батманов».

Согласимся, энтузиазма в работе от такого приказа ни у кого не прибавится. Но рядом был молодой друг, коллега, который скрашивал жесткие условия экспедиционного бытия. И понятен в этом плане отзыв Поливанова о надежном коллеге и друге Ян-Шан-Сине: «Только благодаря ценным качествам своего сотрудника тов. Ян-Шан-Сина, которого я искренне считаю отличным товарищем по работе, экспедиция смогла сделать то, что она сделала, и в общем удовлетворить тем требованиям, которые ей ставились: в результате экспедиции нами 1) установлен диалектический состав дунганских наречий на территории сел... 2) сделаны фактические и морфологические описания дунганских наречий, в том числе доселе мне не известного шэньсийского наречия».

Три десятилетия спустя Ян-Шан-Син в переданных мне воспоминаниях писал: «Мы были в экспедиции по изучению и сбору материалов по дунганскому языку, были в селах Александровка, Ырдык, в г. Пржевальске и в с. Каракуруз (Казахская ССР)... Обладая феноменальной памятью, профессор Е. Д. Поливанов, чтобы скрасить дорогу на тарантасе, наизусть читал «Илиаду» и «Одиссею» на греческом языке несколько часов подряд. Он переводил в это время кыргызский героический эпос «Манас» и наизусть декламировал сотню стрóf».

Из лингвистической экспедиции сохранились две работы, остальные экспедиционные материалы до наших дней не дошли. В рукописных фондах Института кыргызского языка и литературы — наследника бывшего Института культурного строительства и Института языка и письменности — удалось обнаружить только «Отчет о дунганской лингвистической экспедиции», написанный Е. Д. Поливановым 15 августа 1936 г.

Приведем выдержку из отчета:

«Собранная картина языковых фактов открывает нам глаза не только на исторический генезис дунганских систем «тонов»..., но и на историко-фонетическую систему китайских «тонов» в целом, и тут мы, бесспорно, владеем материалами и выводами, которые кроме нас никому еще не известны. Подробному изложению относящихся сюда вопросов должна быть посвящена особая монография, за которую можно будет приняться в ближайшие месяцы — в отпускное время».

Подготовленной автором к печати монографии «Главнейшие особенности дунганского языка» найти не удалось. Но мне посчастливилось встретить в этом же архиве (вернее, в фондах института) четыре рукописные тетрадки (в свое время их было не менее восьми) по кыргызскому языкознанию. Когда я принес для перепечатки эти материалы машинистке, издавна и постоянно сотрудничавшей с историками, — Е. Н. Криницкой, она не смогла сдержать удивления: ей были знакомы тетрадки, она узнала почерк автора — эти четкие характерные строчки.

По моей просьбе Е. Н. Криницкая записала воспоминания о том далеком времени и о человеке, написавшем эти тетради. У нее есть такие строки: «Странное у меня было чувство, когда я увидела у вас в руках эти тетради. Много лет назад я уже видела их однажды, когда он сам принес их мне — те же самые школьные тетради в клеточку, с такими же серенькими обложками из плотной бумаги, исписанные его аккуратным почерком. Моя зрительная память не изменила мне. Я узнала их раньше, чем Вы сказали мне, кому они принадлежали. Что-то дрогнуло во мне, когда я взяла их в руки. Столько лет прошло... Вдруг всколыхнулось все такое горькое, трудное. И за несколько минут я вновь пережила все, что давно миновало, о чем мне запрещено было упоминать в каких-либо анкетах и даже вспоминать...»

Написала она это в марте 1971 г., все еще боясь вспоминать те кошмарные годы, когда высланная вслед за мужем — «врагом народа», без прав, без работы, без денег и друзей вынуждена была прозябать вдали от родного Ленинграда. Е. Д. Поливанов, сам в безысходно-бедственном положении, пытался чем только мог помогать молоденькой машинистке, отдавая ей на перепечатку свои материалы. И после ареста Поливанова она вынуждена была сдать недопечатанные его рукописи в НКВД. Это было понятно и объяснимо: с одной стороны,— страх, уже испытанный, леденящий душу, с другой — наивная вера, что, может быть, хоть там-то они сохранятся! Весь научный архив и рукописи Е. Д. Поливанова были изъяты. Будем и мы надеяться, что еще не все потеряно, и материалы ученого, как и законченные, но не опубликованные труды, будут обнаружены, что откроются архивы и секретных донные учреждений.

Сохранившиеся же тетради по кыргызской лингвистике, равно как и подстрочный перевод одного из центральных сюжетов эпоса «Манас» — «Великий поход» («На Бейджин Великий») по сагымбаевскому варианту, до сих пор не были предметом специального внимания языковедов и литературоведов, хотя представляют несомненную ценность и для истории кыргызской письменности и манасоведения, безынттересны они и для историков.

Приведем оценку кыргызского эпоса выдающимся ученым и одним из лучших его переводчиков (первые фрагменты были опубликованы в газете «Советская Киргизия» в 1935 г. и в журнале «Литературный Узбекистан» в 1936 г.): «Манас, — писал Е. Д. Поливанов, — бесспорно занимает первое место среди памятников устно-литературного творчества турецких народов как по художественному, так и по научному своему значению (в качестве ценнейшего объекта литературного исследования). А по своему объему этот колоссальный эпос, в несколько десятков раз

⁵ Том VIII. В. М. Плоских

превосходящий “Илиаду”, должен занять и мировое первенство, как самый длинный (и представляющий собою, вместе с тем, единое сюжетное построение) эпос из всех известных нам народных эпосов других национальностей». И далее: «И если допустимо устанавливать литературные параллели между гомеровским творчеством и “Манасом”, то “Великий поход” следовало бы назвать “Илиадой” киргизского героического эпоса (в то время как к “Тризне хана Кокотая” могло бы быть применено сопоставление с “Одиссеей” в целом, а к “Семетю” — сравнение с “Телемахидой”, т. е. с первыми четырьмя песнями “Одиссеи”»).

Подстрочный перевод Е. Д. Поливановым «Манаса» (под ред. И. А. Батманова) можно считать первым подлинно научным переводом с обширными (если не сказать — исчерпывающими) комментариями. Чтобы читать мог получить представление о характере комментариев, приведем лишь два примечания переводчика.

Комментируя упоминание в эпосе остатков некогда вырытых очагов, Е. Д. Поливанов замечает: «Тут сказитель делает от себя вставку археологического, так сказать, содержания, но при этом он хочет снять с себя ответственность за возможную ошибку и потому говорит: «Вот, дескать, что я слышал от тех, кто бывал в этих местах. Что я слышал, то я и передаю. А сам врать я не стану — какой предполагается место этой тризны в местности Каркыра, — где много топлива растет и много воды, а значит, где имеются удобные условия для устройства массового пира, — до сих пор видны ямки очагов».

Другой пример — объяснение употребления бата — молитвы — кыргызами:

«“Фатиха” (арабск.) — в кыргызском произношении бата — молитва, но здесь, видимо, имеется в виду не молитва, а жест, которым обыкновенно сопровождалась (заканчивалась) молитва и который получил самостоятельное употребление (без молитвы), называясь также бата (фатиха).

Жест этот состоит в том, что руками проводят по лицу вниз и далее по бороде (как бы собирая льющуюся благодать). Жест этот употребляется именно при важных речах — как их подтверждение и является именно массовым жестом, исполняемым всеми присутствующими».

Надо сказать, что ученого никак не удовлетворяла та организационная неразбериха, волокита, которая сопутствовала коллективному переводу «Манаса» на русский язык. Сам много и плодотворно работавший, Е. Д. Поливанов не может терпеть разгильдяйства в науке и 21 февраля 1936 г. обращается со своими предложениями непосредственно к первому секретарю Кыргызского обкома партии М. Л. Белоцкому, являвшемуся одновременно и председателем редакционной комиссии по подготовке к изданию кыргызского народного эпоса «Манас»: «Ввиду того, что мой перевод из “Манаса” был признан “очень хорошим”, т. Батманов может повторить, (т. е. подтвердить) этот отзыв (редакторов о моем переводе), я позволю себе рассчитывать на участие в дальнейшем продолжении переводной работы по «Манасу» и поэтому прошу: принять во внимание, что дальше идти такими темпами (которые у нас имели место благодаря нераспорядительности секретаря) нельзя. Если бы было принято мое предложение [от] VI.1935 [г.], мы имели бы уже 24000 переведенных и обработанных стихов (к 1.II.1936 [г.]). Но пошли иным путем. Однако на конференции¹ было принято мое предложение о немедленной раздаче новых текстов, о заключении новых договоров и об оплате старых по мере их выполнения. Это было принято и не выполняется. В итоге мы 10 дней работаем, а потом 1 1/2 или 2 месяца не переводим ни одного стиха — ибо текст не распределен и т. д.

¹ Конференция по «Манасу», прошедшая накануне во Фрунзе.

Прошу о немедленном заключении нового договора, о расчете по старому (выполненному) договору и выдаче текста для перевода». (Партархив Кырг. фил. ИМЛ. Ф. 10. Оп. 9. Д. 6. Л. 20).

Насколько мало Е. Д. Поливанов обращал внимания на форму, имея в виду лишь важность сути, содержания письма, свидетельствует такой штрих: начало письма, его адресат и концовка — дата и подпись — «профессор Е. Поливанов» — написаны простым карандашом, а само письмо — в основном чернилами. У ученого не было ни времени, ни желания переписывать его начисто.

Какова же была реакция «власть имущих» на письмо ученого с мировым именем?

М. Л. Белоцкий переадресовывает его секретарю по идеологии т. Джумабаеву, тот «перекидывает» его ниже — т. Абдыкаимову — с резолюцией: «разобраться». На этом все и кончается. К слову сказать, перевод на русский язык «Манаса» так и не вышел в свет; впервые эпос, вернее, его часть «Великий поход», на русском издается в 1946 г. (о Поливанове, естественно, ни слова, как же — «враг народа»!), но вскоре же этот перевод был «забракован как идеологически не выдержанный!

Небезынтересны и сегодня (и не только для историков науки) рассуждения ученого о проблемах истории кыргызского языка и этногенеза кыргызского народа. Е. Д. Поливанов поддерживал гипотезу енисейского происхождения кыргызов, связывая с этим отсутствие в Средней Азии другого тюркского языка, специфически близкого кыргызскому. В то же время автор говорит о многочисленных этнических компонентах кыргызской народности — как миграционных, так и местных, тянь-шаньских. При этом он уточняет: «Говоря здесь (и ниже) о языковых предках киргизов (в которых я предполагаю авторов енисейского письма), я имею, конечно, турецкоязычных их предков, то есть турецкоязычную часть того конгломерата племен,

из которого путем последовательных гибридизаций сложился современный киргизский национальный коллектив — хотя бы в статистическом отношении эта часть и уступала нетурецкоязычным элементам (вместе взятым), или даже хотя бы одному только монгольскому элементу.

Надо сказать, что несмотря на бесспорность этого процесса: смешение вполне различных народностей — в отдельных частностях процесс этот (а значит, и история киргизов) остается еще далеко не освещенным и содержит в себе много спорных для современного востоковедения моментов».

Этот тезис большого ученого сохраняет свое научное значение и для современного кыргызоведения, ибо процесс этногенеза кыргызского народа окончательно еще не выявлен и в современной науке противостоят несколько гипотез.

Упоминая о попытках до революции разработать кыргызский литературный язык и называя кыргызские книги, Е. Д. Поливанов, однако, считал, что это были в целом неудачные попытки. «Начала киргизского литературного языка, как такового, — пишет Е. Д. Поливанов в тетрадях, — приходится относить к 1924 г., когда вырабатывается или, собственно говоря, копируется с казахской “байтурсуновской” реформицы) киргизская реформированно-арабская графика, известная под именем Арабаевского алфавита, и выпускается в свет первый киргизский букварь (тот самый, на обложке которого, как мы уже упоминали изображена была казахская юрта вместо киргизской).

В качестве составителя букваря назван тот же Арабаев, хотя справедливость требует указать, что фактически этот букварь (не алфавит, а сам букварь как таковой) был составлен не Арабаевым, а двумя молодыми (в то время) киргизскими литераторами: т. Тыныстановым и т. Данияровым».

Е. Д. Поливанов стоял у истоков реформы национальных языков народов Средней Азии и писал со знанием дела.

При диалектном анализе кыргызского языка Поливанов целиком воспринимает классификацию его по четырем диалектам, установленную «выдающимся местным исследователем К. Тыныстановым» (Е. Д. Поливанов) — юга Кыргызстана, долины Таласа, Чуйской долины, восточной части северной части Кыргызстана.

Вообще Поливанов очень высоко ценил лингвистические способности своего коллеги. Приведем оценку, высказанную Поливановым в уже упоминавшихся нами тетрадах: «Исследовательская работа Тыныстанова заслуживает безусловного внимания, так как в ней вполне самостоятельно подошел к той проблеме морфонологии (т. е. дисциплины, изучающей соотношения и взаимные причинные зависимости фонологической и морфологической систем языка), которая лишь в последние годы... стала разрабатываться западноевропейскими лингвистами».

За свои научные труды один из выдающихся первых кыргызских ученых, лингвист, литератор и поэт К. Тыныстанов в 1936 г. получает звание профессора. Е. Д. Поливанов много сделал для подготовки научных кадров в Кыргызстане. Надо сказать, что профессор К. К. Юдахин был его учеником, своим учителем Поливанова считал и молодой дунганский ученый Ян-Шан-Син, и молодой кыргызский ученый Х. Карасаев. Дорогу в профессора талантливому кыргызскому ученому Касыму Тыныстанову также дал Е. Д. Поливанов. Приведем рекомендательный отзыв профессора Е. Д. Поливанова о научных записках К. Тыныстанова:

«Повторив вкратце мой отзыв, представленный в Н.-и. Институт культурного строительства, считаю нужным указать, что:

1. Тов. Тыныстанов без сомнения занимает первое место среди языковедов, занимающихся вопросами националов Киргизии;
2. Начав с задания лексикологического характера, тов. Тыныстанов самостоятельно изобрел оригинальный способ

(и технический прибор) для исчерпывающего обследования словарного запаса в индивидуальном языковом мышлении (изобретение это может иметь большое теоретическое и прикладное значение);

3. Работа над словарем привела тов. Тыныстанову к вопросам так называемой «морфонологии». Несмотря на то, что ни с самим термином «морфонология» (созданным в зап. Европе лишь за последние 5–7 лет), ни с соответствующими работами зап. европейских лингвистов тов. Тыныстанов не мог быть знакомым, он самостоятельно принялся за разрешение морфологических проблем в области киргызского языка, и по ряду вопросов пришел уже к определенным конкретным результатам (в “Проекте” тов. Тыныстанова лишь отчасти освещена произведенная им в этом направлении научная работа);
4. В области языкового строительства Киргизии в деле преподавания киргызского языка тов. Тыныстанов играл и продолжает играть важнейшую роль.

В виду вышеизложенного я считаю, что несмотря на необходимость пополнить свою подготовку чтением европейской лингв. литературы, тов. Тыныстанов заслуживает звания профессора по своей специальности.

Профессор Поливанов
10.04.35 г.¹

В результате в институте стало два профессора — два высокоавторитетных лингвиста, глубоко уважавших и поддерживавших друг друга. Но обстановка в институте была непростой. Неоднократно приходилось «признавать» свои идеологические ошибки К. Тыныстанову. Продолжал оставаться «под колпаком» Е. Д. Поливанов. Так, отчет по экспедиции

¹ Публикация Мара Байджиева в газ. «Кыргызстан маданият», июль 1991 г.

он представил на два дня раньше установленного срока (вместо 17—15 августа), тем не менее с него «за неявку на заседание дунганского сектора 17 августа удерживается однодневный заработок как за прогул». При этом профессора унижительно заставляют визировать этот приказ собственноручно. До увольнения с работы и ареста оставался еще целый год. Е. Д. Поливанов и К. Тыныстанов активно трудятся. В тематическом плане научно-исследовательских работ института на 1936—1937 гг. их труды по лингвистике значились как основополагающие.

Е. Д. Поливанов приступил к составлению картотеки кыргызско-русского словаря, научному описанию дунганского языка, готовил очерк истории дунайского письма, исследовал поэтику и принципы русского перевода кыргызского эпоса «Манас», имел большие научные планы. Поливанов активен и в общественной жизни: он ставит вопрос о создании дунганского театра, организации пушкинского юбилея и т. д.

Предпринимает Е. Д. Поливанов попытку выехать и на Международный лингвистический конгресс в Данию. В конце июля (или начале августа) 1936 г. он направляет из экспедиции письмо первому секретарю обкома партии Белоцкому:

«В Обком ВКП(б).

Прошу извинения, что пишу карандашом. Это объясняется тем, что я нахожусь в условиях полевой работы в научной лингвистической экспедиции и, пользуясь случаем отправить письмо через Токмак, лишен сейчас возможности писать чернилами¹.

В день выезда во 2-ой рейс нашей экспедиции я получил письмо из Дании — от секретаря Комитета по созыву IV Международного лингвистического конгресса с официальным

¹ Хотя отдельные фразы письма вписаны чернилами — то же пренебрежение к форме документа!

предложением участвовать в этом конгрессе (от 27.VIII до 4. IX в Копенгагене, в Дании).

Прошу разрешить вопрос: уместно ли мне выехать на этот конгресс?

Обстоятельства таковы:

- 1) К 10 VIII я закончу научную экспедицию.
- 2) В сентябре мне, так или иначе, необходимо быть в центре для корректирования ряда печатающихся Академией наук моих научных работ.
- 3) Я получал регулярно приглашения на все три прежде бывших международных конгресса и на международную фонологическую экспедицию. Но не имея возможности выехать (по семейным, главным образом, обстоятельствам: не мог обеспечить материально свою семью на время своего отсутствия), я ограничивался тем, что посылал мои доклады и др. работы; доклады зачитывались и печатались (на французском языке);
- 4) Теперь же есть важный теоретический вопрос, в котором важно было бы отстоять марксистскую линию историко-лингвистического исследования (подробности могу изложить по приезду), и я готов был бы, если обком найдет уместным, принять с этой целью личное участие в Конгрессе (хотя никакой особой личной заинтересованности в этой поездке и не имею).

В случае положительного ответа прошу (т. к. надо отвечать в Данию немедленно) телеграфировать мне по адресу: Каракол, селение Ирдык, профессору Поливанову.

Профессор Евг. Поливанов.
Около 10. VIII буду в г. Фрунзе»¹.

¹ Партархив Кырг. фил. ИМЛ. Ф. 10. Оп. 9. Д. 6. Л. 3–7.

Каков же был ответ? Характерный для классического бюрократизма — отписка. На письме резолюция Белоцкого (в 1937 г. тоже репрессирован): «Школьн. отд. Это дела не обкома, а Центрального правительства — кому ездить на заграничные конгрессы». И рядом еще чья-то приписка: «Поливанов в отъезде. Приедет сообщу. Не знаю адреса». И чья-то подпись. Неразборчивая. (И это все на письме со всеми конкретными координатами адресата).

Никакой, конечно, Дании Поливанов не увидал.

За Поливановым прочно закрепилась репутация «анти-марксиста», и руководство республики не решалось впутываться в рискованные не столько научные, сколько политические споры и игры вокруг имени хоть и признанного за рубежом, но отверженного в Союзе ученого.

А тут еще из Москвы, из издательского товарищества иностранных рабочих в СССР 5 января 1937 г. пришел официальный запрос:

«ЦК КП(б) К Киргизская ССР.

Профессор Поливанов Евгений Дмитриевич, работающий в настоящее время в научно-исследовательском Институте киргизского языка и письменности, представил издательскому товариществу иностранных рабочих в СССР ряд работ, в частности, «Введение в фонетику».

В связи с тем, что нам известны некоторые отрицательные стороны работ проф. Поливанова в бытность его в Москве и Ленинграде, убедительно просим сообщить Ваше мнение о целесообразности популяризации и издания работ проф. Поливанова.

Помощник пред. правления издательства
инорабочих по кадрам (Петров)»¹.

¹ Партархив Кырг. фил. ИМЛ. Ф. 10. Оп. 9. Д. 73. Л. 19.

Где уж тут было разбираться во всем этом официальным властям! Только бы ото всего откреститься. И в Москву пошел ответ: ничего, мол, мы не знаем ни о работах, ни о рукописях Поливанова. Делайте, что хотите (ответ, естественно, шел от имени директора института). Книга издана не была, рукопись не обнаружена.

Наступил 1937 г. И ни одна из перечисленных выше научных работ Поливанова так и не была издана. Не увидели свет и непревзойденные лингвистические труды К. Тыныстанова. Не пришлось друзьям побывать в новых намеченных экспедициях. 1 августа, в один и тот же день, оба профессора были арестованы, а 3 августа 1937 г. появляется приказ по институту следующего содержания:

- «§ 1. К. Тыныстанова как неоправдавшего доверия и на протяжении ряда лет не дававшего научной продукции институту с работы с 1 августа сего года снять.
- § 2. Е. Д. Поливанова как неоправдавшего доверия и срывающего выполнение производственного плана сего числа с работы снять.
- § 3. Сборники НИИКЯП¹— «Вопросы орфографии киргизского языка», «Вопросы орфографии дунганского языка» и работу И. Батманова «Части речи в киргизском языке», изданную под редакцией Поливанова, из обращения изъять.
- § 4. Работу Е. Д. Поливанова «Принципы терминологии дунганского языка» из набора изъять.
- § 5. Работу Ян-Шан-Сина «Ганьсуйский и шансийский диалекты», находящуюся в стадии набора, приостановить до пересмотра.

Вр. и. о. директора И. Батманов»².

¹ Научно-исследовательский институт киргизского языка и письменности.

² Из книги приказов по НИИКЯП.

Партийным решением от 1 августа 1937 г. из обращения изымались также все произведения Тыныстанова — как изданные, так и в рукописях. Та же судьба была уготована и научному наследию Поливанова. Самые плодотворные ученые нелепо обвинялись в срыве исследовательских планов и увольнялись с работы. Несколько позже им навешиваются ярлыки «троцкистов» и «националистов», «пантюркистов», в общем — «врагов народа» и вменяются в вину все мыслимые и немыслимые злодеяния.

Многие годы, десятилетия архивы КГБ хранили молчание, к следственным делам ученых не допускали. Перестройка и особенно последние события в корне изменили дело. В руки ученых поступают материалы человеческих трагедий, но одновременно появляется возможность вводить в научный оборот и новые ценные сведения и научное наследие репрессированных ученых, рукописи которых были покрыты пылью десятилетий в секретных сейфах. Так появляется на свет стенограмма всесоюзного совещания по манасоведению во Фрунзе в декабре 1935 г. с докладами Касыма Тыныстанова, Евгения Поливанова, Мухтара Ауэзова, обнаружен последний научный труд К. Тыныстанова «Десять лет борьбы за новый алфавит», датированный маем 1937 г. и другие.

Наконец-то можно беспристрастно взглянуть на последние трагические дни жизни репрессированных и вскрыть «кухню» сыска и дознания преступными методами преступных органов.

Пройдемся по страницам следственного дела, связанного с Евгением Дмитриевичем Поливановым. Документы из архива КГБ Кыргызстана использованы благодаря содействию его руководства, а копии отдельных документов из архива КГБ СССР любезно предоставил московский ученый Ф. Д. Ашнин.

Арестован Е. Д. Поливанов был по распоряжению из Москвы, переданному телеграммой через Алма-Ату наркому

внутренних дел Киргизской ССР Четвертакову 30 июля 1937 г.: «Основании телеграммы товарища Фриновского арестуйте и направьте спецконвоем Москву третий отдел востоковеда Поливанова Евгения бывшего 1917 г. заместителем Троцкого Наркоминдела Турбина работающего на научной работе Киргизии.

На справке резолюция Четвертакова от 31.7.1937 г.: «Тов. Григорьеву. Для исполнения». Тот переадресовывает т. Маргайтису: «Немедленно напишите постановление, согласуйте с прокурором и произведите арест и тщательный обыск. 31.VII.37 г.».

Я называю все имена, так как история должна знать как своих героев, так и антигероев. Тем более, что их тоже давно нет в живых, большинство из них также постигла участь репрессированных. Судьба жертв и палачей тесно переплелась в канве истории.

На другой день рождается постановление следующего содержания:

«1937 г. августа 1-го дня. Я, начальник 4-го от-ния 8 отдела НКВД КирССР капитан госбезопасности Маргайтис, рассмотрев материал в отношении Поливанова Е. Д., который материалами НКВД СССР изобличается в контрреволюционной троцкистской деятельности и подлежит аресту и направлению в распоряжение НКВД СССР, а потому Постановил:

Поливанова Евгения Дмитриевича 1892 (ошибка — надо: 1891. — В. П.) года рождения, служащий, профессор Научно-исследовательского института, б/п, в прошлом дворянин, женат, проживает в гор. Фрунзе, Дзержинского, 37 (59), кв. 3, арестовать и спецконвоем направить в Москву в распоряжение 3-го отдела НКВД СССР согласно распоряжению Зам. Наркома внутренних дел СССР за № 7156.

Копию настоящего постановления направить Прокурору КиргССР в 8-й отдел НКВД КирССР».

1 августа 37-го Поливанова арестовывают, производят обыск, но протокол обыска составляют лишь на следующий день: профессор жил настолько бедно и не имел ничего компрометирующего, что весь протокол составил буквально несколько строк.

«Протокол обыска

1937 июля (описка, надо: августа. — В. П.) 2 дня я, нач. 4-го отд. 3 отд. НКВД КирССР Маргайтис на основании ордера УНКВД КирАССР за № 477 произвел обыск у гр. Поливанова Евгения Дмитриевича, проживающего в г. Фрунзе по ул. Дзержинского № 59, кв. 3.

При производстве обыска присутствовали гр.: гр. Ибраев Илья Григорьевич, Поливанова Бригитта Альфредовна, Одоевская Аврелия Альфредовна (сестра жены. — В. П.).

Изъято для представления в УНКВД следующее: Разной переписки, книги, письма в одном рюкзаке, паспорт за № АЖ 118431».

Переписка, книги, рукописи, письма исчезли. В делах — ни во Фрунзе, ни в Москве — их нет.

4 августа произведен первый допрос ученого. Кстати, в Москве протокола его нет. Допрос проводился во Фрунзе, и почему-то сохранился в следственном деле жены Поливанова — Бригитты Альфредовны.

Протокол представляет интерес своим содержанием — это фактически краткая автобиография ученого, рассказанная в экстремальных условиях. Приведем его в вольном и несколько сокращенном изложении.

1937 г., 4 августа в г. Фрунзе начальник 4 отделения 3 отдела НКВД КиргССР Маргайтис допросил гражданина Поливанова Евгения Дмитриевича, рождения 1891 г. в г. Смоленске БССР. Сын служащего-дворянина, образование: среднее — гимназия в г. Риге, высшее — в Ленинграде в 1912 г. окончил университет и Восточную Академию, в 1914 г. сдал экзамены на магистра.

Владеет языками: французским, немецким, английским, испанским, китайским, узбекским, кыргызским, туркменским, дунганским, таджикским, латинским, греческим, польским, сербским, татарским, эстонским, русским.

Самостоятельно живет с 1912 г.

Работал в 1912–1915 гг. при Университете в Ленинграде, готовился к профессуре, в это же время преподавал в частной гимназии... и на курсах в г. Ленинграде. В 1915–1920 гг. — приват-доцент в университете, в то же время с мая 1917 г. — член кабинета военной части при Совете крестьянских депутатов в г. Ленинграде. С октября 1917 г. по март 1918 г. — уполномоченный народного комиссара иностранных дел в г. Ленинграде, с октября 1918 г. по декабрь 1919 г. — зав. восточным отделом информационного бюро при СНК, одновременно по апрель 1921 г. — организатор китайской коммунистической секции при Ленинградском комитете партии и преподавал в школах при китайской и корейской коммунистических секциях. С апреля 1921 г. по сентябрь 1921 г. работал в Москве зав. восточным сектором КУТВ и помощником заведующего дальневосточным отделом ИККИ, с сентября 1921 г. по 1924 г. — в Ташкенте, профессор САГУ и заместитель председателя... Ученого совета Туркестанской Республики. Одновременно с 1923 г. — пом. зав. Главлита. В 1924 г. четыре месяца в г. Москве — преподаватель восточного отделения Восточной Академии. С конца 1924 г. по начало 1926 г. работал в Ташкенте в тех же должностях. В начале 1926 г. выехал в г. Владивосток, где работал профессором университета по сентябрь 1926 г.. С сентября 1926 г. по октябрь 1929 г. в Москве — зав. секцией КУТВ, одновременно — председатель Ленинградского отдела РАНИОН. С осени 1929 г. по осень 1931 г. — в Самарканде, в Научно-исследовательском институте Узбекистана в качестве профессора. С осени 1931 г. по июль 1934 г. — в Ташкенте, в том же институте (который именовался тогда Институт

культурного строительства, а затем Институт языка и литературы). С июня 1934 г. — во Фрунзе, в Научно-исследовательском институте, в то же время — профессор педагогического института (периодически) и консультант Госиздата.

Бывал за границей — в Японии в 1915 и 1916 годах в каникулярное время в научных командировках, в эти же годы бывал в Маньчжурии (Китай) и Корею.

Участие в партиях: в компартии — с марта 1919 по 1926 гг. выбыл по собственному желанию в результате болезни.

Далее в протоколе сведения о жене, родственниках и знакомых, уточняющие вопросы и ответы.

На этом партийность Поливанова закончилась. Выходя из рядов партии (основной причины мы не знаем, болезнь ведь не помеха, это несерьезно), Е. Д. Поливанов не предпринимал новых попыток вступить или восстановиться в партии. Он с ней порвал полностью и окончательно, осознанно и именно в те времена, когда все массово начали вступать в партию, ибо для беспартийных путь в жизни был намного труднее, а для вышедших или исключенных из партии и чреват опасностями.

После ареста во Фрунзе началось клеймение «врагов народа» Е. Д. Поливанова и Касыма Тыныстанова.

Характерно в этом отношении шельмование с трибуны совещания актива работников народного образования, проходившего во Фрунзе 16 августа 1937 г. «Тыныстанов и Поливанов, — говорил в своем докладе тогдашний заместитель наркома просвещения Киргизской ССР Н. Д. Черкасов (несколько позже сам прошедший ад репрессий), — в своих работах проводили контрреволюционную националистическую линию, засоряли кыргызский и дунганский языки...».

И это — в адрес авторов первых учебников по кыргызскому и дунганскому языкам, основоположников научной кыргызской и дунганской лингвистики!

В архивах КГБ, в следственном деле по К. Тыныстанову сохранилось коллективное заявление (точнее — обвинение) руководства и сотрудников Института кыргызского языка и письменности в адрес республиканского НКВД, датированное 4 сентября 1937 года. В нем, пытаясь как-то оправдаться задним числом и отмежеваться от арестованных Тыныстанова и Поливанова, коллеги по работе давали им такие, по сути уничтожающие характеристики:

«Работавший в Институте с 1934 г. профессор Поливанов до Октябрьской революции ездил один или два раза в Японию. По его словам, в 1917—18 гг. он работал в НКВД и, следовательно, сотрудничал с Троцким.

Затем он работал в информационном отделе Коминтерна и в 1924 г. выбыл из рядов ВКП(б) (о причинах выбытия и времени вступления в ВКП(б) получить от Поливанова точный ответ не представлялось возможным).

Будучи морфинистом, Поливанов был связан с уголовным элементом и до 1934 г. приобретал морфий и другие наркотические средства для себя, для своей жены (Б. Кирк-Поливановой) и ее сестры (А. Одоевской) у спекулянтов и жуликов...

В части отношений с Тыныстановым внешне Поливанов держался обособленно, однако в отдельных его выступлениях проскальзывают мотивы восхваления Тыныстанова как единственного талантливого специалиста».

Вот где проявилась червоточина людской зависти и страха.

В тот же день — 4 сентября 1937 г.— было оформлено решение бюро ЦК КП(б) Киргизии о работе Института кыргызского языка и письменности. В нем, в частности, говорилось: «Бюро ЦК отмечает, что благодаря отсутствию партийного руководства бюро Киробкома (бывший первый секретарь М. Л. Белоцкий уже арестован как враг народа. — В. П.) и вредительской работе бывшего руководства Наркомпроса (Джолдошев, Татыбеков, Алиев) в Институте

⁶ Том VIII. В. М. Плоских

кыргызского языка и письменности в течение ряда лет орудовали враги народа — троцкисты и националисты (Ши Ливанов, Тыныстанов, Сопиев) и их приспешники (Шабданов, Карасаев, Идрисов и др.), которые в течение всей своей работы в институте проводили контрреволюционную, националистическую работу, занимались вредительством, саботажем, проводили контрреволюционную фашистскую расовую теорию в области строительства культуры и привели институт к развалу.

Эта банда националистов и троцкистов не допускала для работы в институте преданных партии и Советской власти молодых научных работников — кыргызов и дунган, искажала кыргызский язык, не допускала проникновения в кыргызский язык советских интернациональных терминов и извращала их, занималась подрывной работой в области алфавита и орфографии, саботировала издание научных работ института, в том числе терминологических словарей, мариновала в шкафах института огромное богатство фольклорного материала, пыталась уничтожить его...» (Партархив Кырг. фил. ИЛМ. Ф. 56. Оп. 4. Д. 35. Л 87)

Политический приговор Е. Д. Поливанову предшествовал приговору юридическому.

Арестованного Поливанова перевозят в Москву и устраивают допрос с «пристрастием». Сохранилось заявление Е. Д. Поливанова от 1 октября 1937 г. «начальству следователей, ведших допросы»:

«Я обвиняюсь в шпионаже в пользу Японии по ст. 58—1а. Прошу о прекращении тяжелых приемов допроса (физические насилия), так же эти приемы заставляют меня лгать: Добавлю, что я близок к сумасшествию».

То же Е. Д. Поливанов повторил во время суда 25 января 1938 г., добавив, что *работал всегда честно и шпионом никогда не был*. Заявление не помогло Поливанову, как и миллионам других репрессированных.

Еще один документ из архива КГБ СССР.

Из обвинительного заключения от 31 октября 1937 г. по делу Поливанова Е. Д.:

«[...] В 1916 г., возвращаясь из Японии в г. Владивосток Поливанов через своего знакомого Григорьева познакомился с японским разведчиком *Яманаси*.

Яманаси использовал японофильские убеждения Поливанова и, подкупив его деньгами, завербовал Поливанова в японскую разведку...

С 1930 г., находясь на работе в Средней Азии, Поливанов до момента его ареста поддерживал связь с представителями японской разведки в Москве через спецсвязиста, выполняя поручения японской разведки по шпионской и террористической работе. За это время он [...] передал японцам свои развернутые соображения.

Виновным себя признал.

На основании изложенного Поливанов Евгений Дмитриевич [изобличается в том, что он]:

1. В 1916 г. японским разведчиком Яманаси был завербован в японскую разведку.
2. По заданию японцев поступил в царскую разведку.
3. После Октябрьской революции занимал пост замнаркоминдела (наркомом был Троцкий), сообщал японцам о всей деятельности Наркоминдела.
4. Проводил определенную шпионскую и террористическую работу по заданию японской разведки.
5. Находясь на работе в Средней Азии, передавал японцам по этому вопросу свои развернутые соображения, т. е. [обвиняется] в преступлениях, предусмотренных ст. 58(1а), 58(8) и (11) УК РСФСР¹.

¹ 58 (1а) — измена Родине. 58(8) — подготовка и совершение терактов. 58(11) — принадлежность к антисоветской организации.

Вследствие изложенного Поливанов Е. Д. подлежит преданию суду Военной Коллегии Верховного Суда СССР с применением закона от 1.XII 1934 г.».

Жена Евгения Дмитриевича Бригитта Альфредовна ничего не знала о судьбе мужа. Думала, что его увезли в Ташкент, и после безрезультатных хлопот во Фрунзе выезжает туда. Пишет в Москву. А ее саму в это время разыскивают по всему Кыргызстану для ареста.

Какой неподдельной болью отдают ее письма. Приведем одно из них — на имя Вышинского, от января 1938 г. (Черновик письма позже был изъят при аресте Бригитты Альфредовны (10 апреля 1938 г.) и хранится в ее следственном деле в архиве КГБ Кыргызстана).

Письмо очень плохой сохранности, с порывами, поэтому отдельные слова читаются с трудом, имеются пропуски.

«Глубокогоуважаемый товарищ!

Шесть месяцев я терпеливо ждала каких-нибудь результатов — и только теперь, когда я убеждаюсь, что мне без вашей помощи не обойтись, я решаюсь отнять у Вас частицу Вашего времени и просить Вашего любезного внимания к моему делу.

Я — жена профессора Поливанова Евгения Дмитриевича, хорошо известного в лингвистической науке и своими открытиями в области лингвистики, и своей бесконечной работоспособностью, и преданностью науке.

Шесть месяцев назад, 1 августа 1937 г. профессор Е. Д. Поливанов был арестован органами НКВД в г. Фрунзе, где мы последние годы проживали и где мой муж работал в научно-исследовательском институте языка и письменности руководителем дунганской секции, а также консультантом в Киргосиздате и преподавателем пединститута.

Арест был неожиданным и сильным ударом (...) для мужа, ибо все окружающие лица (...) знали, что мой муж был совершенно (...) Кроме того, он уже 27 лет подряд

(...был(?)...) наркоманом-морфинистом, он не мог прожить ни одного дня (...без вливания) героина и лишение его нужной, дозы наркоза может (вызвать?) разрыв сердца у него и вообще это...».

Далее на обороте страницы:

«Примерно в середине августа, придя в НКВД г. Фрунзе, я узнаю от коменданта, который, возвращая мне часть взятых при обыске вещей, сказал, что мужа моего нет во Фрунзе, что он переведен. Но никакими способами я не могла узнать о его местонахождении. Следователь Маргайтис, ведший дело, меня упорно не желал принять после перевода мужа, а заявление начальнику управления НКВД с моей просьбой указать мне место нахождения моего мужа оставалось без ответа.

Муж мой, взятый в летних брюках и рубашке, в таком виде и пропал неизвестно куда. Напрасно прождав (полтора..?) месяца, я выехала из Фрунзе в Ташкент в надежде...»¹

Второй лист — видимо, продолжение и концовка письма — лучшей сохранности:

«Я снова послала запрос во Фрунзе, к тому же следователю Маргайтису и, кроме того, просьбу наркому внутренних дел Киргизии тов. Лоцманову — сообщить мне, где находится мой муж, куда он мог бесследно исчезнуть? И кроме того, я просила тов. Лоцманова помочь мне своим ходатайством перед Институтом языка и письменности во Фрунзе, чтобы мне, не требуя доверенности моего мужа, выслали бы из Института полагающиеся моему мужу деньги за неиспользованный отпуск в 1937 г. и все, что по закону может ему полагаться. Скоро уже 1 1/2 месяца, как я отправила упомянутые запросы во Фрунзе, но ответа нет до сих пор ни от тов. Маргайтиса, ни от т. Лоцманова. Я просто в отчаянии, я не знаю, куда мне еще обратиться.

¹ Здесь письмо обтрепано, с обрывом.

И вот теперь опять во мне загорелась искра надежды — я знаю, что Вы, тов. Вышинский, не оставите без ответа отчаявшегося человека. Я прошу Вас посоветовать мне — как узнать мне судьбу мужа? Я прошу Вас дать распоряжение соответствующим органам о том, чтобы они известили меня о судьбе моего мужа. Может быть, он в Москве? Конечно ли следствие, был ли суд и в чем его обвиняют? Обо всем этом прошу Вас помочь мне узнать...

(Далее опять просьба о содействии в получении денег из института мужа).

Простите за беспокойство, за отнятое у Вас время.

С глубоким уважением
Б. Поливанова.

Мой адрес: Ташкент, Гл. почтамт, до востребования, Б. Поливановой. Домашний адрес: Ташкент, Сенная площадь, коллектив № 8, дом 83».

Конечно, никакого ответа не последовало и от Вышинского. Да навряд ли и письмо дошло до него. А вот обратный адрес «пригодился» органам НКВД — для ареста Поливановой. 10 апреля 1938 г. ее арестовали.

13 ноября 1938 г. постановлением тройки НКВД КырССР по обвинению в том, что она «являлась агентом польской разведки, собирала шпионские сведения и дискредитировала карательную политику Совласти, Поливанова Бригитта Альфредовна приговорена к исправтрудлагерю на десять лет». Судя по всему, отбывала срок в лагере на Онеге. Дальнейшая судьба ее неизвестна. (К слову, Маргайтис в 1939 г. был уволен из НКВД, Лоцманов — репрессирован).

Евгения Дмитриевича Поливанова в живых уже не было. По приговору Военной Коллегии Верховного суда СССР от 25 января 1938 г. он был осужден к расстрелу с конфискацией имущества.

В литературе имеется несколько противоречивых данных о дате расстрела Поливанова, проскальзывают сведения, что якобы он был в Онежском ГУЛаге в 1941 г. (на самом деле там была его жена). По одной из справок о реабилитации и я ранее писал о приговоре к расстрелу в Ташкенте от 25 апреля 1938 г. Но все это, как выяснилось, неточно.

Вот последний документ из архива КГБ СССР:

«Справка

Приговор о расстреле Поливанова Е. Д. приведен в исполнение 25 января 1938 г. Акт о приведении приговора в исполнение хранится в особом архиве 1-го Спецотдела НКВД СССР.

Начальник 2 отделения 1 спецотдела НКВД СССР лейтенант Шевелев».

Реабилитирован ученый был по ходатайству коллег четверть века спустя — в 1963 г.

И наконец, заключительный документ, к сожалению, запоздалый, составленный посмертно.

Документ о реабилитации, которой во многом способствовали настоятельные хлопоты российского лингвиста Б. А. Серебренникова, кыргызстанских ученых — дунганина Ян-Шан-Сина, русского К. К. Юдахина, кыргыза Б. М. Юнусалиева, российских писателей В. Шкловского и В. Каверина.

**«Постановление 237-63 Пленума Верховного суда СССР
3 апреля 1963 г.**

Под председательством

Зам. Председателя Верховного
суда СССР — **т. Тербилова В. И.**

Зам. Генерального прокурора
СССР — **т. Мишутина А. Н.**

При секретаре — **т. Кузнецове А. Г.**

Протест Генерального прокурора СССР по делу Поливанова Евгения Дмитриевича

По приговору Военной коллегии Верховного суда СССР от 25 января 1938 г. профессор Кыргызского научно-исследовательского института языка и письменности Поливанов Евгений Дмитриевич, 1892 г. рождения (все та же ошибка: надо 1891 г. — В. П.), уроженец г. Смоленска, осужден на основании статей 58(1а), 58(8) и 58(11) УК РСФСР к расстрелу с конфискацией имущества.

Поливанов признан виновным в том, что с 1916 г. является агентом японской разведки и передал ее представителям шпионские сведения. В 1930—1937 гг., находясь в Средней Азии и будучи активным членом антисоветской диверсионно-террористической шпионской организации, созданной по заданию японской разведки, передавал ее представителю в Москве сведения, составляющие государственную тайну.

Обсудив протест Генерального прокурора СССР, который предлагает отменить приговор и дело в отношении Поливанова производством прекратить за отсутствием в его действиях состава преступления, Пленум Верховного суда СССР находит, что протест подлежит удовлетворению.

Обвинение Поливанова основано лишь на его показаниях, полученных в стадии предварительного следствия путем применения незаконных методов допроса, о чем свидетельствует заявление Поливанова от 1 октября 1937 г.

В судебном заседании Поливанов заявил, что признание его на предварительном следствии не соответствует действительности и что антисоветской деятельностью он не занимался.

Допрошенный на предварительном следствии свидетель Кузнецов высказывал лишь свое предположение о связи Поливанова с японской разведкой, не основанное на конкретных фактах.

В своих заявлениях видные языковеды Б. А. Серебренников, Ю. Ян-Шан-Син, К. К. Юдахин, Б. М. Юнусалиев и известные писатели В. Б. Шкловский и В. Каверин, длительное время знавшие Поливанова, характеризуют его как выдающегося ученого-лингвиста, честного советского гражданина.

Находя осуждение Поливанова необоснованным, Пленум Верховного суда СССР, соглашаясь с протестом и руководствуясь п. «а» ст. 9 Положения о Верховном суде СССР, постановляет:

Приговор Военной Коллегии Верховного суда СССР от 25 января 1938 г. в отношении Поливанова Евгения Дмитриевича отменить и дело на основании п. 2 ст. 5 УПК РСФСР производством прекратить.

Председатель *(подпись В. Тербилова)*
Секретарь *(подпись А. Кузнецова)*».

Такова жизнь и трагическая судьба одного из крупнейших лингвистов нашего столетия, прожившего последние творческие годы во Фрунзе.

Публикуется по изданию:

Человек огромной воли, огромной чести // Чабыт / Литературный альманах. — Вып. I. — Бишкек, 1992.

Часть четвертая

В. М. Плоских

**Торокул,
отец Чингиза**

По страницам следственного дела

Когда сын не оправдывает надежды, говорят: «Природа на детях тихо отдыхает». Если же потомок пошел дальше своего предка, возвысился, утверждают: «Он сын своего отца». Последние слова в полной мере можно отнести к писателю Чингизу Айтматову и его брату, известному ученому, академику Ильгизу Айтматову — сыновьям популярного в середине 1930-х годов общественного деятеля Торокула Айтматова.

«Отец, я не знаю где ты похоронен...» Это горькое признание Чингиза Айтматова, предпослал эпиграф к повести «Материнское поле», вновь всколыхнуло общественное мнение летом 1991 г., когда случайно у подножья курортного местечка Чон-Таш близ Бишкека была вскрыто место погребения репрессированных в 1937 г. Среди 137 обнаруженных останков находился и прах Торокула Айтматова, о чем свидетельствовал чудом сохранившейся приговор с именем казненного в нагрудном кармане плаща.

Чингиз Айтматов в интервью «Литературной газете» скажет: «Ведь подумать через полвека, прошло 54 г. — найдено тайное погребение расстрелянных людей, еще одна Катынь, среди прочего — обвинительное заключение, пробитое пулей, видимо, оно была положена в карман, которое не удостоверялось, что это останки отца. Все исчезло, истлело — дела несчастных людей, обувь одежда, а бумага документ той эпохи с именем Торокула Айтматова уцелела, причём текст на 3 машинописных страницах сохранился настолько хорошо, что его можно читать».

Так мир узнал еще об одной трагедии разыгравшейся в кровавом 1938 г. далеко от Москвы, на окраине огромного Советского Союза, в столице республики Кыргызстан в городе Бишкек.

Как прошли последние трагические дни бывшего второго секретаря кыргызского обкома партии, слушателя института красной профессуры Торокула Айтматова? Об этом человеке мы узнаем через документальные свидетельства из еще совсем недавно глубоко засекреченных архивов НКВД и КГБ. Перед нами следственное дело номер 4418 по обвинению Торокула Айтматова как одного из активных участников вскрытой в Киргизии контрреволюционной организации социал-туранской партии.

Дело начиналось так.

1 декабря 1937 г. заместитель наркома внутренних дел СССР комкор М. Фриновский (тот самый, который через 5 месяцев подпишет ордер на арест О. Мандельштама) по запросам наркома НКВД Кыргызской ССР полковника Лоцманова выдает ордер некоему Гусеву «на производство, арест и обыск Айтматова Торокула, адрес: ул. Воровского, д. 25, кв. 15.

В запросе Лоцманова говорилось:

«Айтматов Торокул, 1903 г. рождения, кыргыз, гр-н СССР, уроженец Шекровского сельсовета Кировского р-на КиргССР, происходит из семьи крупного бая-манапа, член ВКП(б), грамотен, не судим, учится в институте красной профессуры в г. Москве.

1. Является видным деятелем вскрытой ликвидированной к-р (контрреволюционной. — Авт.) националистической «социал-туранской партии» в Киргизии, ставившей своей целью вооруженное свержение сов. власти и создание буржуазно-националистического государства под протекторатом Англии.
2. В своей практической работе по заданию руководящего центра к-р. организации проводившей широкую вредительскую деятельность в области нархоза Киргизии...

На основании изложенного Айтматов Т. Подлежит аресту и привлечению к ответственности по 58 п. 4–10 11 ст. УК РСФСР».

С. С. С. Р.

**ВНЕШНИЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
ОТДЕЛ ВНЕШНИХ СВЯЗЕЙ
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

ОРДЕР № В198

Декабрь / *11* / дня 1937 г.

дан

.....
..... Главного
..... Управления Государственной Безопасности НКВД
..... на производство

Ареста и обыска

Айтматова
Торокула

ул. Воровского д. 25 кв. 15.

И. М. Мамедов
Народного Комиссара Внутренних Дел СССР

И. М. Мамедов
Начальник Второго Отдела ВУГБ

И. М. Мамедов

а: 30

Он был арестован 1 декабря 1937 г. При обыске изъята лишь одна папка с перепиской. В этот же день Айтматов собственноручно фиолетовыми чернилами заполняет анкету арестованного:

Фамилия: Айтматов

Имя и отчество: Торокул

Год рождения: 1903

Место рождения: Кировский район (Киргизия) Шекеровский сельсовет

Место жительства: (адрес) улица Воровского, дом 25, гор. Москва

Специальность: служащий

Место последней работы, занимаемая должность, звание: слушатель историко-архивного института красной профессуры

К какой общественной группе принадлежал к моменту ареста: служащий

Паспорт получал в Советском районе города Москва, отдел милиции не помнит

Партийность (в прошлом и настоящем): бывший член партии, член в 1925 г. Исключен 10.XI.37 г.

Национальность: киргиз

Гражданство (подданство): гражданин Советского Союза

Каким репрессиям подвергался при Советской власти: судимость, арест и другие (когда, каким органом и за что). Никогда не был подсудимым и подвергался до сих пор аресту.

Подпись арестованного — Айтматов».

На обороте анкеты был перечислен состав семьи: жена — Нагима Айтматова, сыновья: Чингиз, Ильгиз, дочери: Люция, Роза; брат Рыскул Айтматов, сестры замужние: Аимкул Урманова, Кулаим (фамилии мужа не знаю), Каракизбаева. Живут в Кировском районе Киргизии, Шекеровский сельсовет.

АНКЕТА АРЕСТОВАННОГО

3-4

1. Фамилия Айтматов
2. Имя и отчество Тлорбек
3. Год рождения 1903г.
4. Место рождения Кировский район (Киргизия) иткерский селен
5. Место жительства (адрес) улица Поворова дом №25 пер. Москва
6. Специальность Служащий
7. Место последней работы, занимаемая должность, звание Служащий историко-педагогического института Красной профессора
8. К какой общественной группе принадлежит к моменту ареста (к группе рабочих, служащих, колхозников, одиночников, кустарей, людей свободных профессий, служителей культа) Служащий
9. Паспорт получил в Советском районе города Москва, выдали
(когда и каким органом выдали паспорт и где прописан)
МВД СССР не помню
10. Партийность (в прошлом и настоящая) Был член партии с 1925
(указать стаж, когда исключен)
исключен 10/VI-1937г.
11. Национальность Киргиз
12. Гражданство (подданство) Гражданин Советского Союза
13. Каким репрессивным подвергался при Совласти: судимость, арест и другие (когда, каким органом и за что) Ни когда не был подвергнут аресту и не подвергался до сих пор аресту

Подпись арестованного Айтматов

1. Кем и когда арестован

2. Квтанция №

Подпись сотрудника, заполнившего анкету

1937

ПРИМЕЧАНИЕ: Анкета заполняется четко и разборчиво со слов арестованного и проверяется по документам.

14. Состав семьи (близкие родственники, их имена, фамилии, адреса и род занятий) Жена - Наина Айтматова, сыновья: Чингиз, Илчи, дочери: Асия, Роза, брат: Рыскул Айтматов, сестры - замужние: Асия, Урманова, Келалия (замужем ее мужа не знаю), Карамелиева. Семья живет в Кировском районе (Киргизия) в своем селе.

Подпись арестованного Айтматов

Айтматова вывозят из Москвы в Киргизию. 14 января 1938 г. он уже во Фрунзенской тюрьме. На другой день ему предъявляют официальное обвинение в том, что он якобы «является активным участником к-р. националистической организации «СТП», ставившей своей целью вооруженное свержение сов. власти, насильственное отторжение Кир. ССР от Союза ССР и образование буржуазно-националистического государства под протекторатом одного из иностранных буржуазных государств.

В своей практической работе проводил организационную подрывную, вредительскую деятельность в Киргизии.

Завербовал в к-р. организацию ряд лиц».

На основании вышеизложенного Т. Айтматов был Привлечен «к уголовной ответственности по ст. 58, п. 1, 2, 4, 7, 10, 11 УК.

Допрос вели мл. лейтенант госбезопасности Климанов и сотрудник Трубников. Первый протокол допроса от 16 января 1938 г. Видимо, Т. Айтматов соответствующим образом был «обработан», т. к. стал «давать показания», и признал свою «вину». Позже его чудом уцелевший сокамерник Тенеберди Алапаев так вспоминал жуткие тюремные дни 1937–38 гг.:

«В 1937 г. я попал в одну камеру с Торокулом. В камере было человек 7–8 (я точно не помню), была одна кровать. По очереди занимали место на кровати и под кроватью. Остальные сидели, у входа около двери был туалет. Новый человек занимал место около туалета. Меня приволокли после допроса и бросили в камеру. Из всех находившихся в камере выделялся высокий, стройный, красивый мужчина своей добротой и выдержкой. Он уделил особое внимание мне. Уступил свое место около кровати, а сам пересел к двери, на место, положенное мне. Успокаивал меня, расспросил, кто я и откуда. Оказалось, что мы земляки.

Говорили, что это Айтматов Торекул, его взяли в Москве, прямо с занятий в институте Красной профессуры...

Уводили его на допрос и приводили едва живого. Мучили его больше всех нас. Я как мог ухаживал и помогал ему в такие моменты. И мы сблизились, стали доверять друг другу. Он мне рассказал, что у него четверо детей и переживал, чтобы они не попали в детский дом. Он говорил: «Если тебе удастся остаться в живых, разыщи, пожалуйста, мою семью и передай, что я ни в чем не виноват, что я перед советской властью чист, пусть не верят тому, что я враг народа. Я, наверное, уже не останусь в живых».

Тенеберди Алапаев просьбу выполнил, но только почти через 20 лет тюрьмы и сибирской каторги...

Протокол допроса «с пристрастием» Т. Айтматова сохранился. Он напечатан на машинке, Каждая страница завизирована собственноручно Айтматовым слабой подписью чернилами.

Итак, протокол допроса, в каждом слове которого чувствуется не искреннее признание обвиняемого, а жестоко запрограммированная схема следователя.

Вопрос: Расскажите о Вашем участии в к-р. националистической организации.

Ответ: В контрреволюционную националистическую организацию я был завербован в 1926 г. в городе Кара-Коле, в период моей работы секретарем Каракольского окружкома ВКП(б)... С этого времени мне стало известно, что наша к-р. националистическая организация посвятила своей целью отторжение Киргизии от Советского Союза и образование самостоятельного буржуазно-националистического государства путем вооруженного восстания — вооруженное свержение советской власти».

Далее шли автобиографические показания:

В Караколе работал 6 месяцев. В декабре 1926 г. после I учредительного съезда Советов направляется секретарем Джалад-Абадского кантком ВКП(б), где находился до конца 1929 г.

В 1930 г. — нарком торговли, все время в командировке. С августа 1930 г. — второй секретарь ОК ВКП(б). В марте 1931 г. — секретарь Ошского РК ВКП(б), где проработал до конца 1933 г., «т. е. до снятия с работы пред. СНК Абдурахманова, после снятия которого Исакеев занял пост Пред. СНК Кир. АССР, а я вместо него был выдвинут на должность второго секретаря Кир. ОК ВКП(б)». Весь 1934 г. Т. Айтматов работал вторым секретарем Киробкома ВКП(б), а в январе 1935 г. выехал на учебу в Москву.

Рассказал Т. Айтматов и о своем «вредительстве». Насколько примитивно и неправдоподобно они звучат, что наглядно видно: показания даны под диктовку или записаны самолично недалекими следователями. Вчитываемся в эти так называемые признания: «мною насильственным путем вытеснялись с поливных земель рис, бакчи, огороды и вместо них засеивался хлопок»...

«В 1932 г по моему заданию Рахмановым¹ была написана и протащена на сцену пьеса «Рапорт с юга», насыщенная и пропитанная к-р. националистическим содержанием, восхвалявшая ныне разоблаченных врагов народа членов нашей к-р. организации Абдурахманова и Уразбекова, как вождей Кир. республики. Эта пьеса по моему же указанию была поставлена в Кир. нац. театре г Фрунзе».

Здесь же и такое «самообвинение»: «В одной из бесед у себя на квартире Исакеев рассказал мне, что наша организация «СТП» ставит своей ближайшей целью вооруженное свержение советской власти в Киргизии, отторжение ее от остальной части Советского Союза и образование буржуазно-националистического государства под протекторатом Японии (?!! — Авт.). Я был целиком и полностью согласен с этими задачами».

¹ Рахманов — руоводитель узбекского национального театра в Оше.

Абсурдные показания, явный плод дикого воображения следователя.

Здесь, видимо, надо сказать несколько слов о так называемой «Социал-Туранской партии» (СТП), которую многие считают чистыми плодом фантазии органов ОГПУ — НКВД, поскольку никаких документальных свидетельств, подтверждающих наличие такой организации, никто не видел. Ранее же глубоко засекреченные документы свидетельствуют: в начале 30-х годов ряд кыргызских интеллектуалов задумался о правильности курса партии по социалистическому переустройству колониальных царских окраин, в частности, Кыргызстана. Стихийно организовалась группа единомышленников — А. Сыдыков, И. Арабаев, А. Шабданов, Т. Сопиев и другие. Они устно обговорили свою программу, которую мы сегодня назвали бы альтернативной официальному курсу, и даже написали «Манифест-воззвание». Но оба документа при загадочных обстоятельствах в 1933 г., как раз накануне их ареста, исчезли. Арест же был неминуем, так как в 1931 г. в стан единомышленников затесался наушник, и А. Сыдыков и другие оказались под контролем ОГПУ — НКВД, что и дало повод всех арестовать, как только началось «организационное оформление партии».

Позже Программа была восстановлена по памяти при допросах в застенках НКВД. В изложении лидера группы Абдыкерима Сыдыкова она представляла собой следующее:

1. Построение социализма в одной стране невозможно. Социализм может быть построен успешно только во всемирном масштабе при овладении высокой техникой. Отсюда логически следует, что попытки построения социализма в СССР неизбежно повлекут обнищание населения, особенно в бывших колониях царской России, как культурно отсталых, не владеющих техникой.
2. Крупные мероприятия политического и экономического характера, проводимые советской властью по отношению

к бай-манапству, влекут за собой хозяйственную разруху в стране.

3. Выдвижение на государственные должности дехкан, рабочих, технически малограмотных и теоретически не подготовленных к управлению государством, влечет за собой развал и хаос в управлении.

На сегодняшний день, не имея достаточных кадров, необходимо отказаться от принципа выдвижения.

4. Ленинская политика в национальном вопросе является по существу правильной и приемлемой, но фактически проводимая Коммунистической партией в Киргизии искажается...»

Сегодня скажем: программа СТП в ряде своих положений предугадала устремления наших современных политиков.

Все проходящие по делу СТП были осуждены в 1934 г. А. Шабданов приговорен к расстрелу, другие, в том числе А. Сыдыков и А. Сопиев, к 10 годам лишения свободы. Однако в 1938 г. всех расстреляли. Ученик и друг А. Сыдыкова, Ю. Абдурахманов был исключен из партии и снят с работы. Позже его тоже уничтожили. Т. Айтматов, который не имел к СТП абсолютно никакого отношения, и имя которого нигде в следственных делах не упоминалось, в 1937 г. облыжно обвинен в принадлежности к этой организации. Во время особого разгула репрессии в 1937—1938 гг. миф о СТП служил «националистическим» колпаком, под которым механически оказывались обвиняемые. Среди них был и Т. Айтматов. На допросе он признал связь с теми «к-р», которые уже арестованы и уже «сознались». Ни одного человека с «воли» он не назвал, ни один по его вине не был арестован. А на суде этот мужественный человек отказался ото всех тюремных признаний и самооговоров и прямо заявил о своей невиновности.

Несмотря на усиленные настояния выдать сообщников и рассказать о контрреволюционной деятельности в Москве, Т. Айтматов отвечал категорическим отказом: «В Москве я никакой к-р. работы не вел». Допросы лиц, связанных с Т. Айтматовым, вел лично нарком Внутренних дел Кирг. ООР полковник Лоцманов, — показатель особого внимания к нему. Но кроме оговоров под давлением и пытками, других свидетельств и вещественных доказательств обвинительного характера в деле нет.

3 ноября 1938 г. Т. Айтматова знакомят с обвинительным заключением, которое было утверждено лично наркомом Внутренних дел Кир. ССР полковником Лоцмановым и помощником Главного военного прокурора РККА, военюристом 1 ранга Шульцем. Приведем этот кощунственный документ, который, заметим, типичен для подобных дел и почти по трафарету дублирует обвинения других репрессированных:

«Органами НКВД Киргизской Республики ликвидирована антисоветская, националистическая, террористическая, диверсионно-вредительская организация, существовавшая в блоке с право-троцкистской террористической организацией.

Указанная организация, так называемая «социал-туранская партия» ставила целью путем вооруженного восстания, террора, вредительства и диверсии свержение соввласти, отторжение Киргизии от Сов. Союза и создание буржуазно-националистического государства с ориентацией на Англию. (Ранее в деле речь шла о Японии. — Авт.).

Следствием в отношении преступной деятельности Айтматова Торокула установлено:

1. Обвиняемый Айтматов, являясь выходцем из антисоветской бай-манапской среды, в 1926 г. был завербован в «Социал-туранскую партию» Исакеевым Баялы, работавшим в то время в Каракольском ВКП(б).
2. Айтматов был осведомлен Исакеевым и другими участниками организации о проводимой контрреволюционно-

террористической, шпионской деятельности «социал-туранской партии», и он разделял эти формы и методы борьбы.

3. По заданию Исакеева обвиняемый вербовал из среды антисоветски настроенных лиц новых участников организации...
4. По указаниям руководящего центра организации, в лице б. пред. Киргизской ССР Исакеева, обвиняемый Айтматов, работая на ответственных постах в районах и Республике, проводил вредительство в сельском хозяйстве, в особенности в области хлопководства и оседания кочевых хозяйств».

Ознакомившись с обвинительным заключением, Т. Айтматов сразу же заявил, что от ранее данных показаний отказывается.

5 ноября 1938 г., в 23 часа 05 мин., под председательством бригадюрюриста Алексеева началось закрытое судебное заседание выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР. В зале находились только судьи да обвиняемый, свидетелей не вызывали. Т. Айтматов заявил, что виновным себя не признает и от своих показаний на предварительном следствии отказывается. Судебное следствие объявляется законченным. В последнем слове подсудимый просит вынести справедливое решение. Суд удаляется на совещание. В 23 часа 25 мин. оглашается приговор и заседание закрылось.

Всего 20 минут потребовалось судьям, чтобы приговорить Торокула Айтматова к высшей мере наказания — расстрелу с конфискацией всего лично принадлежащего ему имущества. До конца суток оставалось еще 35 минут. Этого вполне хватило для уничтожения «врага народа». Есть справка: «Приговор о расстреле Айтматова Торокула приведен в исполнение в гор. Фрунзе 5.XI.1938 г.».

ПРИГОВОР

именем Союза Советских Социалистических Республик

выездная сессия

Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР

в составе:

Председательствующего - Бригвоенюрист - АЛЕКСЕЕВА

Членов: Бригвоенюрист - ЗАЩЕВА и военного юриста 1 ранга БОДИРЕВА

При секретаре военном юристе 1 ранга БЕТНЕР

В _____ открытом _____ судебном заседании, в гор. _____ Фрунзе

_____ ноября _____ 1938 года, рассмотрела дело по обвинению:

ААТМАТОВА Тюрякула, 1903 г. рожд., б/слушателя историко-партийного
Института Красной Профессуры в Москве - в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-2, 58-7, 58-8 и 58-11 УК РСФСР

Предварительным и судебным следствием установлено, что Айтматов с 1926
является активным участником ас националистской
новобухарской, а впоследствии террористической и дивер-
сионно-вредительской организации, созданной вавшай на-
ционалистической Киргизской ССР в блоке с троцкистами и кула-
ми и соавтывая с ними свержение Советской власти, а
организацию Киргизии от СССР и создание автономного в
звучного государства, был организационно связан с ор-
ганом из Рухабдугалай национальной организации Исаксали,
по заданию которого создал в году Оми две националистич-
еские к-ры группы захватывав в них 8 тысяч, а занимал по-
средствами ряда известных военных деятелей Киргизии в
дугалейскую диктатуру в области сельского хозяйства и культу-

...Летом 1991 г. в Чон-Таше в общей могиле, были обнаружены три полуистлевших листочка обвинительного заключения на Торокула Айтматова. Нашелся, наконец, ответ его сыну, нашелся через полвека. Тогда же, в 1938 г., жену и родных Торокула Айтматова обманули, сообщив, что он «осужден правильно и выслан в дальние лагеря без права переписки».

В заявлении на имя прокурора СССР и наркома Внутренних дел СССР Нагима Айтматова писала: «По сведениям, подученным мною с НКВД Киргизской ССР, мой муж в ноябре месяце 1938 г. осужден тройкой на 10 лет с высылкой на Дальний Восток без права переписки.

Кроме вышеуказанных, никаких сведения о муже не могу получить и его судьба мне совершенно не известная — жив он или нет. Так как в последнее время многие лица, обвиненные как враги народа оказались невиновными, то я решила обратиться к Вам и прошу Вас пересмотреть дело моего мужа».

Ей ответили тем же враньем: лица сменились, система осталась.

Умер Сталин, наступила хрущевская «оттепель» и 10 января 1956 г. Нагима Айтматова обращается к прокурору республики с просьбой выяснить судьбу мужа: «...тяжелым моральным потрясением явились для меня и наших детей осуждение его в 1937 г. Наша семья благодарна Советской власти: мы жили и трудились как и все равноправные граждане, дети получили образование. Однако, нам очень хочется узнать всю истину — виновен ли он в действительности, или нет. Если виновен, то какова мера наказания. Нам хочется узнать, где он сейчас находится. Нам хочется жить и трудиться с чистой совестью перед Советской властью».

Ей сообщили, что дело пересматривается.

Тогда Чингиз Айтматов пишет жалобу в прокуратуру СССР: «Моя мама — Айтматова Нагима Хамзаевна подала

жалобу 10 января 1956 г. с просьбой пересмотреть дело Айтматова Торокула, осужденного в 1937 г. якобы за участие по делу «врагов народа».

В ответ на это она получила Ваше письмо за № 9 д. 6671—65 от 9 апреля 1956 г., где говорится, что дело моего отца находится на проверке.

Я в свою очередь также обращаюсь к Вам с просьбой ускорить пересмотреть дело отца, т. е. Айтматова Торокула. Вся наша семья с тревогой и волнением ожидает результатов проверки. Вот уже 20 лет мы не имеем никаких вестей о судьбе отца, не знаем, жив ли он или нет, когда осужден, не знаем, действительно ли он виновен перед Родиной? Эти вопросы возникают у нас потому, что на протяжении всего этого времени мы всегда мучительно переживали совершившееся событие и в душе никак не могли поверить в преступность отца перед партией и советской властью, за которую он боролся в самые тяжелые годы установления и упрочения ее в Средней Азии, одним из первых в Киргизии вступив в ряды КПСС.

Наша семья, в частности, совершенно точно знает, что отец выходец из самых бедняцких слоев. Мой дед Айтмат Кимбильдиев и отец вынуждены были покинуть аул и уйти на заработки на железнодорожное строительство Турксиба, где они продолжительное время работали чернорабочими на участке ст. Бурное. Насколько мне известно, мой отец честно и добросовестно работал секретарем Кир. обкома ВКП(б) и на других ответственных партийных постах. В последнее время он учился в Москве, в Институте марксизма-ленинизма, оканчивал завершающий курс.

Сейчас, когда партия приступала к справедливому пересмотру минувших событий 1937 г., мы с нетерпением ждем решения участи отца. От этого зависит не только его личная судьба, но и честь и совесть нашей семьи. Я, например, в семье старший, уже вышел из комсомола по возрасту и считаюсь молодым киргизским писателем,

не могу осмелиться подать заявление для приема в КПСС. По этой же причине меня не приняли в аспирантуру, несмотря на то, что я имел все данные для поступления. Точно также поступили с моим младшим братом, окончившим Московский геолого-разведочный институт. А сестру, например, окончившую среднюю школу в 1954 г. курсу, организованному у нас для отбора студентов в центральные вузы, она прошла с самыми лучшими результатами,

В конце концов, дело даже не в этом, может быть, это мелочи, о которых не следовало бы говорить, однако, нам важно добиться истины и если отец не виновен, восстановить его и нашу незапятнанную честь перед народом и партией.

Айтматов,
15.VII—56 г.»

Наконец, 15 июня 1957 г. Военная коллегия Верховного суда СССР «Приговор Военной Коллегии Верховного суда СССР от 5 ноября 1938 г. в отношении Айтматова Торокула по вновь открывшимся обстоятельствам отменить и дело о нем прекратить за отсутствием состава преступления».

27 июля 1957 г. Нагима Айтматова покорно и со слезами расписалась в том, что получила справку Военной Коллегии Верховного суда Союза ССР, о реабилитации мужа.

Она умерла через два десятилетия после этого, так и не узнав, где могила мужа, отца ее детей. И дети могилу матери почитали общей с отцом могилой. В родном селе Шекер, во дворе школы, поставлен памятник Торокулу Айтматову. А весной 1992 г. жители Джалал-Абада, где в 20—30-х годах он был председателем земельно-водной реформы, а Нагима помогала в строительстве школы и больницы, одну из центральных аллей города назвали ее именем.

Восстанавливаются добрые имена безвинно пострадавших в 30-е годы. Память о Торокуле Айтматове и других

незаконно репрессированных людей увековечена отныне в граните и металле, в названиях улиц, городов и сел, парков и площадей... Да, правда в конечном итоге всегда торжествует, но в нашем случае победа сродни празднику, который, как поется в хорошей песне, со слезами на глазах.

Публикуется по изданию:

Торокул Айтматов. — Бишкек: Илим, 1993. — С. 52–63.

Часть пятая

В. М. Пlosких

**Манас не признал
себя виновным**

*По страницам следственного дела
№ 5630*

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Шесть десятилетий все наши познания о так называемой Социалистической (или социал) — Туранской партии (СТП) сводились к двум моментам: первоначально к тому, что это махровая националистическая организация, разветвленная по всей Средней Азии, затем это бездоказательное положение сменилось столь же бездоказательным утверждением, что такой организации в природе не существовало, она явилась плодом преступного воображения органов ОГПУ-НКВД и служила поводом для массовых репрессий национальных политических деятелей Средней Азии и Казахстана в 30-е годы.

Отсутствие документов-первоисточников, сверхжесткая засекреченность материалов не позволяли подтвердить или опровергнуть эти версии, и даже в научной литературе все оценки о СТП сводились к трафаретным штампам скупых партийных решений, авторы же обобщающих трудов по истории Компартии Союза и ее республиканских разветвлений отделялись молчанием. Хотя в основе почти всех политических приговоров, например, в Кыргызстане с 1934 по 1938 г., лежало обвинение в принадлежности к СТП. С этим обвинением оказались в могиле видные политические и государстве иные деятели Кыргызстана А. Сыдыков, Х. Роковой (Чанышев), Ю. Абдрахманов, Б. Исакеев, Т. Айтматов, выдающиеся деятели кыргызской культуры и науки И. Арабаев, К. Тыныстанов, О. Алиев и многие-многие другие.

Итак, что же это за мифическая организация, сокрытая вуалью строгой секретности, партия, за принадлежность к которой лучшие национальные лидеры Средней Азии и Казахстана взойшли на эшафот?

⁸ Том VIII. В. М. Плоских

ЛИДЕР

Дело в том, что в 1929 г. группа единомышленников из кыргызских интеллектуалов во главе с Абдыкеримом Сыдыковым всерьез задумалась о пути в светлое социалистическое общество, который указывали большевистские лидеры из Москвы, весьма далекие от знания специфических условий жизни окраин. Мыслящие интеллигенты видели, что единый «стратегический» курс партии большевиков приведет не к процветанию и благоденствию бывших царских колоний, а к обнищанию и разрухе. Стали анализировать ситуацию и задумываться над перспективами развития своего народа, искать общий путь для Среднеазиатского региона, который в бессмертном творении Фирдоуси именовался Туран. (Как видим, эти интеллигентные романтики и мечтатели находили время не только для изучения трудов «друга всех народов», но и черпали силы для борьбы на примерах эпических героев Рустама и Сухраба). И если о туранской партии, как таковой и речи еще не было, число единомышленников Абдыкерима Сыдыкова, Ишеналы Арабаева, Аджимана Шабданова и Султана Курманова заметно росло.

А. Сыдыков и И. Арабаев были известными кыргызскими лидерами оппозиции еще с начала 20-х годов, открыто писали о своих сомнениях В. И. Ленину и в ЦК большевистской партии. И хотя не получили поддержки, а наоборот, были наказаны, продолжали оставаться ее влиятельными неофициальными руководителями.

Абдыкерим Сыдыков (Сыдыков Абдул-Керим). Биографическая справка по архивным материалам.

Родился в 1889 г. в семье потомственных манапов рода солто в местности Башкара-су Чуйской долины. Отец —

Узбеков Сыдык в прошлом был волостным управителем, а затем в 1912–1915 гг. бием (судьей) в Пригородной волости вблизи Пишпека. После революции занимался частным скотоводством и хлебопашеством. В 1930 г. «за невыполнение твердого задания полностью» по уплате налогов был приговорен на год исправительно-трудовых лагерей, после отбытия которых жил с Абдыкеримом Сыдыковым во Фрунзе. Дед — Узбек Бошкоев (1826–1912) — известный в Чуйской долине манап, сторонник России. В бытность управителем Токановской волости в 1872 г. получил от туркестанского генерал-губернатора К. П. фон Кауфмана за «отлично усердную и полезную службу» золотую медаль на анненской ленте. В 1901 г. «во внимание особых услуг» награждается большой серебряной медалью. Успешно занимался животноводством и торговыми операциями, благотворительной деятельностью. Последняя награда молдо Узбека Бошкоева — медаль Красного креста «в память участия в деятельности общества во время русско-японской войны 1904–1905 гг.»

Умер 15 мая 1912 г. и похоронен в Алаарчинском ущелье, где возведен доставленный из Ташкента гумбез из чугунных арматур. В надгробной надписи выведена вся генеалогия: Узбек ибн Бошкой, ибн Канай ибн Тулеберди ибн Жамансарт ибн Кошой ибн Талкан ибн Чаа ибн Солто.

В раннем возрасте Абдыкерим Сыдыков был отдан учиться в мусульманский мектеб, где усвоил азы арабского и познакомился с Кораном. В 1904 г. поступил в Верненскую мужскую гимназию — учебное заведение привилегированного типа. Обязательными предметами были: Закон Божий, русский язык, словесность, немецкий, французский языки, история, география, природоведение, математика, чистописание и др. При гимназии был открыт специально кыргызский пансион, где проживало 7 кыргызских детей из Пишпека. В 1911 г. А. Сыдыков успешно заканчивает гимназию и поступает на ветеринарный факультет Казанского

университета. В это время здесь первый кыргызский историк Осмоналы Сыдыков (однофамилец Абдыкерима) готовит к публикации две свои книги: по истории кыргызов (“Мухтасар тарых-и кыргызийя”) и о кыргызском раздолье (“Тарых-и кыргыз шадманийа”).

Абдыкерим вскоре заболел и вынужден был возвратиться в Пишпек, где одно время занимался пчеловодством, затем поступил на государственную службу. 16 ноября 1912 г. в прошении на имя государя императора он обращается к Пишпекскому уездному начальнику: «Имею желание поступить в военную Вашего Величества службу по военно-народному управлению. Прошу определить на службу словесного переводчика Пишпекского уездного управления». После проверки на благонадежность и взятия подписки «о непринадлежности к тайным обществам» в прошлом и что не будет принадлежать к ним и впредь А. Сыдыков зачисляется переводчиком. Вскоре он награждается медалью в связи с 300-летием дома Романовых, затем малой серебряной медалью «За труды, понесенные обстоятельствами войны». В сентябре 1916 г. «за толковую передачу приказаний подполковника Рымшевича во время боя при отражении атаки мятежников» А. Сыдыков был представлен к ордену святого Станислава III степени с мечом и бантом. Этот факт будет вызывать неоднократные обращения к биографии А. Сыдыкова в будущем, особенно при неоднократных исключениях его из партии, но участие Сыдыкова в репрессиях кыргызского населения так подтверждено и не будет, несмотря на все старания советских, партийных и карательных органов.

После победы февральской революции А. Сыдыков становится заместителем (помощником) пишпекского уездного военного комиссара Временного правительства, членом лево-эсеровской партии. Он занимает также должности председателя торгово-хозяйственной и промышленной секции,

заведующего подотделом по оказанию бесплатной юридической помощи бедноте в национальном отделе.

Летом 1917 г. А. Сыдыков создает в Пишпекке отделение казахско-кыргызской партии «Алаш», в котором активное участие принимали его единомышленники и друзья И. Арабаев, К Тыныстанов, Н. Тулин и др.

Через год, с началом «красного террора» после покушения на Ленина, пишпекское отделение «Алаш» было распущено, А. Сыдыков вступает в партию левых эсеров, затем в партию большевиков. «Вступление мое в ряды коммунистической партии 29 октября 1918 г. при сли-

янии последней и партии с.-р. левых, — напишет позже А. Сыдыков, — окончательно оформило мое политическое кредо». До 1919 г. А. Сыдыков работал в Пишпекке.

В 1919 г. он был уполномоченным военно-политической комиссии по ликвидации Семиреченского Северного фронта, являлся членом тройки по ликвидации Верненского мятежа, а в 1920 г. — членом экспедиционной тройки по ликвидации Нарынского мятежа.

В конце 1919 г. А. Сыдыков утверждается заместителем председателя мусульманского бюро Джеты-Суйского обкома коммунистической партии Туркестана. После слияния Мусбюро с обкомом партии с марта по август 1920 г. был членом Исполбюро обкома партии, а затем переводится в аппарат облисполкома — работает заместителем председателя, а затем председателем Семиреченского облисполкома.

В 1920—1921 гг. А. Сыдыков, будучи членом облмусбюро, исполбюро Семиреченского обкома (Джеты-Суйского), облвоенревкома, облревкома, членом коллегии Наркомзема Туркестанской республики, уполномоченным ЦК союза «Кошчи» Туркестанской республики, был наделен высокими полномочиями и выполнял различные партийные и государственные поручения. В эти годы он избирался депутатом Всеобщего съезда Кыргызского края (Оренбург), делегатом первой областной конференции мусульман-коммунистов и других форумов, а на X съезде Советов Туркестана — членом ЦИК Советов Туркестанской республики и делегатом I съезда Советов СССР.

В 1920 г. впервые официально был поднят вопрос о его партийности. При обсуждении кандидатур в президиум IX съезда Советов Туркестанской АССР была высказана мысль о том, что он недостойн быть в составе коммунистической фракции, как бывший бай и полицейский. Комфракция съезда рассмотрела его заявление, учла ходатайства делегатов от северных уездов Киргизии и постановила: «...принять к сведению и т. Сыдыкова признать членом Коммунистической партии».

К 1922 г. А. Сыдыков выступает инициатором создания Кыргызской Горной области, его поддерживают такие деятели, как Айдарбеков, Абдрахманов, Арабаев и др. Создание первого очага кыргызской государственности, каковым мыслилась самостоятельная Горная область (с вхождением ее в РСФСР), в полной мере отвечало вековым чаяниям, жизненным интересам кыргызского народа. Сыдыков утверждается председателем оргкомиссии по созыву Учредительного съезда Горной области. Однако, по телеграмме И. Сталина, Учредительный съезд был распущен (из-за опасности возникновения буржуазно-национального образования), решение вопроса о самостоятельной Кыргызской области отложено, А. Сыдыков отозван в распоряжение ЦИК Туркестанской АССР. Следует отметить, что работу по

организации и проведению съезда Кыргызской Горной области Сыдыков осуществлял, будучи исключенным из партии. В марте 1922 г. он был избран делегатом от Семиреченской областной парторганизации как председатель облисполкома на краевую партконференцию. В Ташкенте он узнал, что комиссией по чистке исключен из партии как бывший полицейский чиновник (помощник уездного начальника). Комиссия по чистке, исключив А. Сыдыкова из партии, разрешила ему остаться на советской работе.

11 августа 1922 г. ЦКК РКП(б), заслушав личное объяснение А. Сыдыкова, восстанавливает его в партии и отзывает из Семиречья. Он переводится в г. Ташкент, работает начальником управления коневодства, членом коллегии Наркомзема, далее управляющим торгового отдела Госторга Туркестанской Республики.

В мае 1924 г. партколлегия ЦКК опять исключает Сыдыкова из партии. Мотивы исключения: сын манапа, служил переводчиком-письмоводителем, принимал участие в карательной операции против участников восстания 1916 г., стал помощником уездного начальника, был заместителем уездного комиссара Временного правительства, членом лево-эсеровской партии. Но 25 июня в соответствии с постановлением Президиума ЦИК КПТ от 12 июня ЦКК КПТ отменяет свое решение, а дело Сыдыкова направляется на следствие.

16 сентября 1924 г. Партколлегия ЦКК КПТ, опираясь на заключение дополнительного исследования, а также на решения Исполбюро Пишпекского Угоркома КПТ от 20 августа и Президиума Джеты-Суйского обл. КК КПТ от 2 сентября, исключает Сыдыкова из партии.

Рассмотрев апелляцию Сыдыкова, ЦКК РКП(б) своим решением от 11 декабря 1924 г. восстановил его в рядах партии «ввиду продолжительной и безупречной работы на ответственной советской и хозработе».

А. Сыдыков, Т. Токбаев, И. Арабаев. 1924 г.

После национально-государственного размежевания Средней Азии и образования Кара-Кыргызской автономной области в ноябре 1924 г. Сыдыков командировается в Москву для разрешения ряда важных для молодой области вопросов. После окончания служебной командировки работает на должности заведующего отделом местного хозяйства облревкома (облисполкома). Затем он назначается полномочным представителем Кара-Кыргызской автономной области в Ташкенте.

В период формирования партийно-советского аппарата только что созданной автономной области Сыдыков активно участвует в групповой борьбе и выступает против усиления диктата партаппарата. Поэтому вопрос о партийности Сыдыкова поднимался (в виде вопросов к докладчикам) и на первой Кыргызской областной партийной конференции, которая состоялась в марте 1925 г. На конференции

Сыдыков участвовал в качестве делегата с совещательным голосом.

Отвечая на вопрос конкретно о партийности Сыдыкова, представитель ЦКК РКП(б) по Средней Азии Манжара подчеркнул, что «по отношению к Сыдыкову в партии должна быть прекращена какая-либо травля... Такие товарищи, как Сыдыков, искренне отдаются работе в пользу Советской власти и рабочих, и дехкан, и такие товарищи могут быть в партии».

Ровно через три месяца после облпартконференции (25 июня 1925 г.) комиссия, возглавляемая самим же Манжара, проверяя заявление «тридцатки», одним из инициаторов которого был Сыдыков, пришла к выводу о правомерности исключения его из партии.

Это был последний эпизод в партийной карьере А. Сыдыкова.

В Постановлении Исполкомиссии Средазбюро ЦК КП(б) от 29—30 июня 1925 г. было закреплено это решение:

«а) Сыдыкова, как трижды исключавшегося из партии и не прекратившего участия в группировках и выступлениях против партийного комитета, вносящего разложение как внутри парторганизации, так и в советские органы, признать заслуживающим исключения комиссией по проверке — вопрос о его партположении считать исчерпанным и одновременно признать его пребывание в Кыргызской автономной области невозможным; б) Арабаева, бывшего муллу, активного организатора группировки, не знающего и не желающего знать политику и тактику партии, исключить, считая возможным использование его на советской работе...»

Так бесславно закончилась партийная карьера А. Сыдыкова и его старшего друга И. Арабаева. К слову сказать, что даже и после гражданской реабилитации А. Сыдыкову было отказано в посмертном восстановлении в рядах коммунистической партии.

СЕКРЕТНЫЙ АРХИВ Ц.К. В.К.П. (6.)		
И.л.в. №		
СОБМВ	с. гр.	АРХ. М.

П Р О Т О К О Л № 30

ЗАСЕДАНИЕ ПОЛИБЮРО ЦК РКП от 23.X.1924 года.

ПРИСУТСТВОВАЛИ: члены Политбюро ЦК: т.т. Бухарин, Зиновьев, Каменев, Сталин, Томский, Троцкий.

Кандид. в члены ЦК: т.т. Калинин, Молотов, Рудзутак, Сокольников.

Ч л е н ы Ц. К.: т.т. Андреев, Бубнов, Доганов, Зеленский, Каганович, Красин, Кубяк, Крайновский, Каров, Квинтинг, Лавевич, Орджоникидзе, Пятаков, Петровский, Смирнов А. П., Сулимов, Харитонов, Чубарь.

Кандид. в члены ЦК тов. Скрипник.

Ч л е н ы Ц.К.К.: т.т. Гусев, Куйбышев, Солд., Инсоп.

С л у ш а л и:

П о с т а н о в и л и:

Опросом членов Политбюро от 18/X-24 г.

№9. Вопросы, связанные с национальным размежеванием Средней Азии. /ОБ № 26 п. 1 от 18/X-24 г. /.

32.1/ Утвердить Секретариат временного партийного бюро Кара-Киргизской области в составе т.т. Каменского и Абдрахманова, членами Кара-Киргизского временного партбюро - т.т. Зольфисаева, Айдарбекова, Текебаева, Покровского, Вотбаева, Бабахалла, Гасова, Туленова, Худойкулова, Арабаева, Рассулбева.

32/ Утвердить секретариат временного партбюро Таджикской области т.т. Соколова и Ямаева.

33/ Утвердить Туркменский Ревком в составе т.т. Айдакова /председатель/ Назарова /зам. пред./ Артык Рахманова /зам. пред./ Атабаева, Шутмова, Паскуц кого, Сахат-Муралова, Вешерова, Кулиева, Кудыммедова, Мамедова, Наубаева, Аменкова, Байрам-Салхитова, Оразова, Матвеева, Нежауца, Кудалова, Чар-Перлиева, Красновского, Жоскукова, трех севпартийных десхан, 2-х европейских рабочих; Бретта, Городецкого и Нимашкова.

Вопрос о работе т.т. Мосера, Розенталя и Гейджинского передать на разрешение Сред. Аз. Бюро ЦК.

4/ Утвердить Кара-Киргизский Ревком в составе: т.т. Айдарбекова /председатель/, Зулфисаева /зам. пред./, Ингулатова /зам. пред./, Абдрахманова, Малыева, Ченбашиев, Покровского, Вотбаева, Каменского, Сарыбаева, Цинко, Худойкулова, Рассулбева, Арабаева, Тайчинова, Джанбаева и Асылбекова.

ЦК:

И. Г. Гашин

А пока вернемся к истокам организации Социалистической Туранской партии, в самом зародыше которой был заложен провал.

Предательство

С чего все началось?

А началось с примитивного, подлого предательства.

Видимо, в каждой партии, каждой организации был (и есть) свой Азеф.

...Он сам в этом признавался, когда уже не было никакой угрозы, никакой опасности. Признавался с чванливой гордостью, не понимая всей глубины своего падения даже в конце 50-х годов, когда уже полным ходом шла реабилитация, он с самодовольством Иуды по призыванию утверждал: это его заслуга в ликвидации СТП. Звали его Ахмедбек Керимбеков. Родился в 1905 г., работал в скромной должности юрисконсульта во Фрунзе. 26 апреля 1958 г. не под давлением и не из-за страха за собственную жизнь он категорически утверждал: «Свои ранее данные показания я подтверждаю, и заявляю, что антисоветская организация Социал-Туранская партия была».

Дело в том, что еще летом 1931 г. С. Курманов и А. Шабданов привлекли для участия в своей группе А. Керимбекова, грамотного юриста, не раз высказывавшего критические замечания в адрес партийного руководства. Но он испугался и написал заявление одному из секретарей Киробкома партии – Алиеву. Тот направил его заместителю начальника ОГПУ республики Четвертакову. Далее события разворачивались стандартно, в духе традиционного детективного жанра: доносчика обязали связями с организаторами партии не терять и обо всем подробно докладывать лично Четвертакову. Итак, не успев еще официально оформить-ся, СТП тут же оказалась «под колпаком» чекистов. Можно

предположить, что не без участия провокатора «пропал» письменный текст Программы и Воззвания СТП.

Четверть века спустя А. Керимбеков вспоминал: «Весной 1932 г. в доме Тулина Найзабека, где жили Шабданов Аджиман и Сопиев, было собрание по вопросу обсуждения и принятия программы Социал-Туранской партии. На этом собрании был я, Шабданов Аджиман, Сопиев, Курманов Султан, Хашибеков Хайратдин. Программа была написана на русском языке рукописью Шабданова, Сопиева и Курманова, я ее читал. В программе говорилось о задачах «Социал-Туранской партии». Программа была одобрена всеми присутствующими лицами».

Правда, А. Сыдыков и И. Арабаев на совещании не присутствовали, как объяснил А. Керимбеков, «из-за конспиративных целей». Председателем организации заочно был избран А. Сыдыков. А. Керимбеков разъяснил и суть названия партии, как оно понималось организаторами: «Туранская, потому что в перспективе все племена Туранской низменности войдут в состав нового государства. Социал — создание социалистического государства, но не такое, как советское».

Вскоре единственный экземпляр рукописи Программы и Воззвания исчез. Оригинал документа не фигурировал и в деле, а позже копия была воспроизведена авторами Программы по памяти в ходе допросов. Сообщники, однако, догадывались, что их подозревают. Один из ответственных работников Южной Киргизии, коммунист Хасанбек Алымбеков предупредил С. Курманова — одного из авторов Программы СТП, что «ГПУ известно о наличии их контрреволюционной организации». Об этом же позже на допросе поведал А. Шабданов: «Со слов Сопиева, ему об осведомленности ГПУ о наличии нашей к.-р. группы сказал некий Хасанбек Алымбеков». А раз знали, значит, по всей видимости, предприняли и определенные меры предосторожности. Этим и объясняется отсутствие в следственном деле конкретных

вещественных или документальных доказательств их «виновности». Но избежать ареста они не могли, да и не чувствовали за собой уголовной или государственной вины, ибо их помыслы были направлены не на изменение общественного строя, а на поиски более совершенного пути строительства социализма с учетом среднеазиатской специфики. Да и название будущей партии они мыслили как Социалистическая туранская партия. Социалистическая...

Что же это за идея Турана, которую неизменно отожествляли с пантюркизмом?

Идея

Итак, вначале была идея.

Термин Туран совсем не соответствует термину Туркестан, а туры — не совсем тюрки. Для осмысления этого углубимся в древнюю индоиранскую мифологию, согласно которой Тур был сыном первочеловека Йимы (азиатского Прометея, возжегшего огонь в Хорезме). Он считался родоначальником туранцев, под которыми в древности понимали восточноиранские (сакские) племена. В «Шахнаме» Тур — сын царя Фаридуна. При разделе владений царя Туру достались Чин и Туран. Вскоре Тур, подобно библейскому Каину, убил своего брата Эраджа, которому отец завещал Иран и Араистан. Это убийство стало первопричиной мифологической извечной вражды Ирана и Турана. Мстя за гибель Эраджа, внук его Манучехр убил Тура. Потом жертвами кровной мести стали многие цари с обеих сторон. Фирдоуси собирал древние легенды и компоновал из них свое гениальное творение в середине X в., когда, древнеиранские туры давно сошли с исторической арены. Место их заняли сравнительно молодые тюркские племена, связывавшие свое происхождение с волчицей. Однако в эпической традиции Ирана земли к северу от Сырдарьи

считались Тураном, а тюрки — потомками туранского царя-колдуна Афрасиаба.

Новую жизнь идее Турана, которая уже подразумевала независимое общетюркское государство, дали события Октябрьской революции и гражданской войны, волна национального возрождения и самоопределения. Быстро возникали и столь же быстро исчезали партии всевозможных толков, в основе которых лежали идеи пантюркизма и панисламизма. Правда, справедливости ради надо отметить — их истоки уходили еще в дореволюционные времена. А. Аршаруни и Х. Габидуллин прекрасно вскрыли эти истоки в своей книге «Очерки панисламизма и пантюркизма в России», опубликованной издательством «Безбожник» в Москве в 1931 г. и переизданной в Лондоне в 1990 г.

Они приводят документ охранного отделения Туркестанского края со следующей характеристикой панисламизма, которая распространяется в равной мере и на пантюркизм: «Строго определенной программы и тактики панисламисты не выработали. Ближайшая задача их — политическая борьба с ныне существующим в империи государственным строем, который является в глазах панисламистов главной препоной к национальному самоопределению магометан». Идеи пантюркизма были основополагающими в джаддизме, в партии Алаш, в социал-туранских взглядах. В Советском Союзе признанным лидером пантюркизма стал бывший коммунист, один из руководящих работников Наркомнаца Мирсаид Хайдаргалиевич Султан-Галиев.

В первый год Октябрьской революции он в числе других представителей национальной интеллигенции «вернулся лицом к советской власти». Его тезис: «мусульманские страны являются пролетарскими народностями», и их борьба имеет общую цель — социалистическую революцию. Исламские народы и социализм — вот основной тезис программы Султан-Галиева, одного из вдохновителей нового движения пантуранистов. Позже он пришел

к той исключительной мысли, что «в понятии мусульман весь мусульманский мир, без различия национальностей и племен, является одним нераздельным целым». Все идеологи пантурсизма неоднократно в той или иной мере высказывались за необходимость создания «такой политической партии среди тюркских народов, которая защищала бы интересы всех классов тюрко-татарских народов». В программе Султан-Галиева 1928 г. говорится: «...мы выдвигаем ...концепцию о том, что материальные предпосылки социального переустройства человечества могут быть созданы лишь установлением диктатуры колоний и полуколоний над метрополиями».

Главный документ султан-галиевцев — новых паитюркистов — назывался так: «Соображения об основах социально-политического, экономического и культурного развития тюркских народов». В нем четко сказано, что вместо существующих советских союзных и автономных республик и областей партия должна способствовать организации «Туранского государства» на той части территории Советского Востока, где живут главным образом тюркские народы: татары, башкиры, казахи, кыргызы, узбеки, таджики, туркмены и др.

Еще будучи коммунистом, Султан-Галиев выступил против предложений И. В. Сталина в национальном строительстве и тем самым стал его первым серьезным оппонентом. Это произошло на знаменитом XII съезде партии (17—25 апреля 1923 г.), который узаконил необходимость «партийного единства». В итоге Султан-Галиев был арестован в своем рабочем кабинете буквально через несколько дней — уже 4 мая 1923 г.

Позже Л. Троцкий вспоминал слова Каменева, сказанные в 1926 г. по этому поводу: «Помните арест Султан-Галиева, бывшего председателя татарского Совнаркома в 1923 г.?.. Это был первый арест видного члена партии, произведенный по инициативе Сталина. Мы с Зиновьевым,

к несчастью, дали свое согласие. С того времени Сталин как бы лизнул крови» (Лев Троцкий. Сталин. В 2-х томах. Том II. М., 1990. С. 260).

Итак, идеи пантюркизма и панисламизма в 20-х годах витали в воздухе, имели своих лидеров и не могли, естественно, миновать или оставить равнодушной мыслящую часть кыргызской интеллигенции.

Впервые Кыргызстан заявил о своей государственности еще в 1922–1924 гг. Попытка в 1922 г. создать Горную автономную область не увенчалась успехом из-за развернувшейся групповой борьбы, в основе которой лежали истоки родоплеменной розни. Но через два года был получен статус автономной области в составе России, и первые партийные руководители стали «избираться» по направлению из центра. Они с трудом осваивались с местной спецификой и нередко брали сторону то одной, то другой группировки, подменяли органы советской власти, фактически устанавливая — по образцу центра — диктат партии, что вызывало сопротивление творчески мыслящей интеллигенции, искавшей другие пути к социализму. Идеи пантуранизма привлекали молодую тюркскую интеллигенцию, освободившуюся от имперского колониализма, особенно в период создания автономных и союзных республик. В Средней Азии они оформились в движение «Алаш». Признанным идеологом и лидером националистической автономии в Казахстане в конце 1917 — начале 20-х годов был кадет А. Букейханов.

В Кыргызстане идеями Алаш-Орды «переболели» почти все молодые интеллигенты-коммунисты, позже отклевывшиеся от своих ранних убеждений. Но идеи туранизма продолжали занимать умы. Тем более окружающая действительность, несоответствие идей социализма грубой практической реальности создавали для этого благоприятную почву. Идеологами кыргызской интеллигенции 20-х годов, радевшими за будущее своего народа и не раз

Участники пленума Кир. обкома, приблизительно 1928 г.

обращавшимися с письмами и посланиями в вышестоящие партийные органы, лично к В. И. Ленину и И. В. Сталину, были И. Арабаев, автор первого кыргызского букваря и письма к Ленину, А. Сыдыков, организатор письма «тридцатки», Ю. Абдрахманов, предсовнаркома Кыргызской АССР и автор ряда писем И. В. Сталину. Все они были в 1933–1937 гг. репрессированы и почти шесть десятилетий память о них вытравливалась из истории народа.

«Вождю Революции Товарищу Ленину...»

В печати почти не упоминалось письмо ряда деятелей Северного Кыргызстана, направленное в 1920 г. В. И. Ленину, в котором говорилось о бедственном положении кыргызов и содержалась просьба уделить особое внимание бывшим повстанцам, возвращавшимся из Китая. Письмо

⁹ Том VIII. В. М. Плоских

адресовано «товарищу Ленину лично» как вождю Российской революции от граждан Джунуса Байджакова, Ишеналы Арабаева, Исака Шайбекова, Исаметдина Шабданова, Двуткула Шигаева, Атыхана Тезекбаева, Султангазы Сраилова, Кишинбека Туменбаева, Гайбылды Алмантаева и Лагира Янсанчина, проживавших в Пржевальском, Нарынском, Токмакском и Пишпекском уездах Семиреченской области.

Авторы писали: «Глубокочтимый товарищ Ленин.

1. Если кто-нибудь нам задаст вопрос, пользуются ли кыргызы Семиреченской области свободой сословной революции, то на это мы ответили бы, что мы не пользуемся свободой и таковой у нас нет. Поводами и мотивами к этому служат нижеследующие обстоятельства. Кыргызы Семиреченской области, в особенности Пржевальского и Пишпекского уездов, начиная с 1895 г., были в высшей степени стеснены и притеснены в земельном отношении, так как все наши орошаемые зерноземные плодородные земли переселенческим управлением полностью без исключения были отрезаны самым хищническим образом под переселенческие участки и таковые заселены крестьянами, приглашенными из России властью. Благодаря этому, выражая свое неудовольствие Правительству и начальству, в 1910 и 1911 г. наши кыргызы стали перекочевывать в Китайские пределы.

2. Свое неудовольствие кыргызы выражали еще и тем, что власть в то время не разрешала нашим кыргызам открывать школы в волостях, а тем более нельзя было думать о том, чтобы обучение происходило на их средства, так как в то время власть нарочно старалась держать народ в темноте и неведении, не желая пускать в ход вместе с тем и другие злоупотребления и притеснения над ними.

3. В дополнение к вышеизложенному, в 1916 г. были мобилизованы кыргызы, имеющие от роду от 19 до 43 лет, для отправки их на фронт на работу, хотя кыргызы

Ю. Абдрахманов

А. Орозбеков

помогали лошадьми, юртами, мешками и другими необходимыми средствами для войны. Кыргыз гнали на работу, как баранов, и они не могли перенести это, вследствие чего произошли рабочие бунты, и многие из них бежали в Китайские пределы, оставив свои земли и дома. В Китайских пределах у них не осталось почти никакого скота и, благодаря этому, им пришлось продавать своих детей и жен. Многие из них вернулись после объявления свободы в России пешком и босыми. На дороге их встречали и истребляли крестьяне, убивая многих поголовно, но несмотря на это, наши кыргызы перед этим не останавливались, стремясь вернуться на свою родную землю...»

Конкретно заявители поставили перед В. И. Лениным двадцать один вопрос по социальному устройству кыргызов в послереволюционный период, в том числе:

«1. Издать приказ об обязательном общем обучении кыргызских детей, имеющих школьные возрасты...

4. Кыргызских сыновей, годных для службы, принять в войска, на военную службу, обучение их произвести на родном языке, причем учителями и инструкторами им назначить из своих кыргыз, кончающих ташкентские военные курсы.

5. Из наших кыргыз образовать оседлость.

6. Начиная с 1920 г., оказать содействие и помощь к поднятию уровня производительности кыргызского скотоводческого и сельскохозяйственного труда и проч...»

Далее в письме перечислялись не столь обнадеживающие к лучшему мероприятия советской власти, ибо заявители просили:

«...11. Дать особое полное чрезвычайное правомочие и полномочие и выдать достаточное количество денег. Особой комиссии для устройства кыргыз-беженцев, живущих до сего времени в Китайских стенах и не могущих по своей бедности вернуться на родину.

12. Послать телеграмму Китайскому правительству в Пекине и Урумче (с просьбой) оказывать всевозможные содействия Особой комиссии, а если Китайская власть не окажет полностью содействия и внимания по сему делу, то трудно будет найти проданных разным лицам наших кыргыз.

13. Возвращаемым из Китая кыргызам-беженцам предоставить право занимать свои прежние места и земли и обязать русскую власть беречь их от крестьян, имеющих на них злобу со времени царского режима...»

Письмо заканчивалось призывом: «Представляя о всем изложенном здесь Вам, глубоко чтимый товарищ Ленин, и в лице Вашем высшей власти Российской социалистической республики, мы твердо верим, что теперь голос

наш будет услышан, что откроется для нас путь свободы и развития и обездоленный донныне кыргызский пролетариат вступит, наконец, как меньший, но равный брат в великую семью революционной России.

1 мая 1920 г. Ленин переадресовал письмо: «Сталину (или Каменскому) на отзыв в 2-х словах» (написано на конверте рукой В. И. Ленина простым карандашом. — Авт.). Ответ Ленину подписал Д. Каменский на бланке Российской социалистической Федеративной Советской Республики, Народного комиссариата по делам национальностей и помечен датой — Мая 27 дня 1920 г. № 940.

Машинописный текст ответа гласил:

«Товарищу Ленину.

В прошении кыргызы Семиреченской области:

- 1) Жалуются на чинимые им притеснения русским населением. (Требует проверки — возможность допускаю).
- 2) Просят о ряде мероприятий по улучшению их жизни. (Многое сделать можно и необходимо).
- 3) Предлагаю весь материал передать в Наркомнац для принятия соответствующих мер.

Д. Каменский».

Соответствующие меры, надо полагать, были приняты. Но почти все, если не все, подписавшие письмо-прошение, позже были причислены к «врагам народа» и память о них в истории вытравлена. Но это произошло позже, а в 20-х годах они еще активно пытались участвовать в революционном переустройстве жизни своего народа, не всегда слепо следуя пути, предначертанному партией, которая из центра руководила своими отрядами на местах.

Первое организованное противостояние официальному курсу большевистской партии, идейной оппозиционной программой в Кыргызстане стало письмо так называемой «тридцатки».

В 1925 г. в заявлении «тридцатки» на имя ЦК РКП(б), национального Совета, Средазбюро ЦК РКП(б) и Киробкома партии так было сформулировано экономическое и политическое кредо инициаторов иного курса государственного переустройства: «Национальное размежевание Средней Азии и создание Автономной Киргизской области должно было внести единство среди кыргызского народа, постепенно ликвидировать родовую вражду и все те группировки, которые создавались как следствие долгих лет колониционной политики, проводимой царским правительством на далекой окраине». Но этого, говорилось далее в документе, не произошло: «Партаппарат строился по групповому принципу близости и личной связи того или иного работника с руководящей верхушкой Обкома, еще больше разгоралась внутривнутрипартийная групповая борьба и родовая борьба в массах, выявилась линия игнорирования целого ряда коренных работников, знающих прекрасно местные условия работы и могущих быть полезными партии и советской власти в проведении правильной линии на местах, особенно земельной политики».

Авторы заявления предлагали свое решение: «Мы всецело поддерживаем полное равенство коренного и европейского населения при проведении планового землеустройства, имея в виду устроить в первую очередь в порядке землеустройства безземельные группы населения».

Далее, характеризуя тогдашнее положение республики, подчеркивалось: «...в сильнейшей мере дает себя чувствовать мелочная опека и вмешательство руководящей власти Обкома даже в техническую работу советского аппарата, что полностью обеспечивает (обезличествует? — Авт.), парализует и подрывает авторитет перед широкими трудящимися массами, ни в коей мере не наблюдается разграничение в работе советского и партийного аппарата, так как Обком занимается всеми вопросами».

Сыдыков А.

Айдарбеков И.

Орозбеков А.

Зульфibaев Д.

Арабаев И.

Худайбергенов Т.

Чукин С.

Чонбашев С.

Участники заявления «тридцатки»

Лидером и идейным вдохновителем «тридцатки», автором — или соавтором заявления-манифеста был А. Сыдыков. Его подписал и домулла И. Арабаев, а также председатель Кыргызского облисполкома Орозбеков, его друзья Айдарбеков, Чукин и многие другие.

Истины ради надо сказать, что членов «тридцатки» было более 30, но поскольку один из них оказался русским — зав. Облздравотделом Николаев — близкий к А. Сыдыкову человек, а заявление партаппаратом было сразу же квалифицировано как националистическое, то русского отсекли, чтобы не «портил» картину, хотя он более всех и пострадал — с должности зав. Обл. здравотделом был отправлен на работу рядовым врачом в Нарын, где и затерялся.

На последнем допросе в застенках НКВД 10 февраля 1938 г. А. Сыдыков мужественно заявил: *«Я признаюсь в том, что был организатором и идейным вдохновителем этих тридцати человек, подписавшихся под явно анти-советским националистическим документом».*

В том же 1925 г. лидеры «тридцатки» были исключены из партии, освобождены от руководящей работы. А. Сыдыков был выпровожен из республики в Ташкент на рядовую работу. Но идеи, заложенные в основу заявления «тридцатки», не умерли. А насильственные методы перевода индивидуального сельского хозяйства в коллективное, экспроприация и высылка под видом бай-манаров и кулаков наряду с зажиточными хозяйствами также середняцких, да и просто неугодных местным партийным лидерам лиц, ужесточение общей карательной политики и безалаберности в хозяйствовании привели к разрухе и голоду. Отзвуки всеобщего мора с Украины, Поволжья и Казахстана докатились и до Кыргызстана. Присылка партийных лидеров в ключевые парторганизации, двадцатипяти тысячников в руководители хозяйств на селе усиливали, с одной стороны, шовинистические амбиции русскоязычного населения и, с другой, как противодействие им — националистические течения

коренных народов. На этой почве вызрели оппозиционные идеи официальному курсу партии большевиков — построить социализм в одной стране, минуя феодальную стадию развития. Рождались идеи симбиоза пантюркизма и социализма, идеи наивного или интуитивного нащупывания пути к созданию социалистической туранской организации...

И тут сработало предательство.

Поиски врагов народа

А. Сыдыкова арестовали не первым, хотя он числился в лидерах оппозиции. Арестовали 9 мая 1933 г. согласно постановлению оперуполномоченного Особого Отдела Среднеазиатского военного округа Левшина, которое утвердил заместитель начальника ГПУ Кыргызской АССР Четвертаков.

«...Рассмотрев имеющиеся следственные данные о к.-р. (контрреволюционной. — Авт.) деятельности проживающих в г. Фрунзе Сыдыкова Абдыкерима, Сопиева Турды Акуна, Курманова Султана, Арабаева Ишеналы, Тельтаева Касымбая и Тулина Найзабека и усматривая, что указанные лица в достаточной мере изобличаются в преступлениях, предусмотренных ст. 54—II УК РСФСР, что дальнейшее пребывание их на свободе может повлиять на нормальный ход расследования, а также не исключена возможность уклонения их от следствия и суда, а потому, руководствуясь ст. 102 и п. 5 ст. 144 УПК, — **Постановили:**

В отношении Сыдыкова Абдыкерима, Сопиева Турды Акуна, Курманова Султана, Арабаева Ишеналы, Тельтаева Касымбека и Тулина Найзабека избрать мерой пресечения уклонения от следствия и суда — содержание их под стражей и заключить в ДПЗ при Кир. ГПУ».

С арестом спешили: нужно было создать громкий политический процесс, чтобы чем-то оправдать срывы

хозяйственных планов, голод и объявить недовольным людям имена «виновных». Обстановка была сложной: великий скачок в индустрии, курс на массовую коллективизацию в сельском хозяйстве, несмотря на триумфальные отчеты, поставили население на грань нищеты и голода...

В 1932 г. вслед за другими регионами страны начинается голод в Казахстане. С весны оттуда началась массовая перекочевка в пределы Киргизии, где стала расти смертность. Это напугало руководителей республики. Первый секретарь партии большевиков А. О. Шахрай и предсовнаркома Ю. Абдрахманов, считая план хлебозаготовок высоким, решили затормозить вывоз зерна. Позже в объяснительной записке на имя Антипова, полномочного представителя ЦКК ВКП(б), Ю. Абдрахманов все брал на себя и писал: «Беседея с Шахраем и Исакеевым (второй секретарь обкома партии. — Авт.) о том, что план трудно выполнить, я сказал: *«Лучше пускай нас снимут за невыполнение плана, чем за то, что мы довели республику до положения Казахстана. Оба с этим согласились».*

В Кыргызстан нахлынули десятки тысяч беженцев из Казахстана и Сибири, которым оказывалась возможная помощь. Но ресурсы истощались, так как налогообложение было непомерным. В результате с 1931 по 1932 г. поголовье скота сократилось на 1,5 млн голов (с 3800 тыс. до 2300 тыс.), не выполнялся план хлебозаготовок. Начались поиски виноватых — их снимали с работы, отдавали под суд. На июньском (1933 г.) пленуме обкома партии А. О. Шахрай доложил, что в ходе прошедших хлебозаготовок было расстреляно свыше 100 человек. На это последовала реплика одного из ретивых членов президиума: «Мало!..»

Такова экономическая обстановка, сопутствовавшая следствию по делу о СТП.

Политической прелюдией кампании против нее явился ряд нисходящих сверху по вертикали партийных решений. В январе 1933 г. объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б)

в обстановке все усиливающегося голода, срывов планов второй пятилетки оптимистически призывал к улучшению качества продукции и росту производительности труда в промышленности, повышению урожайности и улучшению качества работы в сельском хозяйстве. А главной предпосылкой дальнейшего продвижения страны к социализму пленум считал усиление боеспособности партии «в борьбе с классовыми врагами».

Как сообщает последнее издание «Очерков истории Коммунистической партии Киргизии» (Фрунзе, 1979 г.), в феврале 1933 г. под знаком дальнейшей активизации коммунистов и всех трудящихся Кыргызстана в борьбе за выполнение новых задач прошел VI Объединенный Пленум Кыргызского обкома и областной контрольной комиссии ВКП(б). Он предложил партийным и советским органам «осуществить дальнейшее развернутое социалистическое наступление» на остатки эксплуататорских классов, «непримиримо бороться за неуклонное и последовательное осуществление генеральной линии партии и ее ленинской национальной политики, давая сокрушительный отпор оппортунистам, решительно преодолевая остатки родовых и феодальных пережитков в экономике и сознании трудящихся кыргызов».

Партийные решения послужили импульсом для разветывания антинационалистической кампании. Но темпы, видимо, не удовлетворяли центральные органы. И уже в марте газета «Правда» призвала кыргызскую и другие среднеазиатские парторганизации усилить борьбу с уклонистами от «ленинской национальной политики». Средазбюро ЦК ВКП(б) спешно принимает постановление, требующее от Кыргызского обкома партии решительной борьбы на два фронта — против великодержавного шовинизма и местного национализма. Но, подчеркивалось в документе, борьба с национализмом приобретает на данном этапе особую актуальность как борьба с одним из орудий сопротивления

социалистическому переустройству кыштака и айла со стороны байства.

Удивительно, каким «революционным» пафосом веет от всех этих партпостановлений! Такое было время. Но поражает другое: почти с таким же пафосом и с прежними формулировками чуть ли не сорок лет спустя авторы официальной истории Компартии Киргизии повторяли установки, по которым были репрессированы тысячи людей, устаревшие, отжившие положения, хотя во второй половине 50-х годов уже прошла волна реабилитации этих самых репрессированных, была доказана необоснованность предъявленных обвинений.

Начались спешные поиски врагов. Обыкновенные агентурные сводки, клеветные доносы в стенах ОГПУ-НКВД уже стали обретать плоть структуры контрреволюционной политической организации — СТП, ставившей целью создание единого тюркского государства на социалистических началах. Неорганизованные, неоформленные зачатки инакомыслия неофициальной оппозиции выдавались за стройную разветвленную организацию с антисоветскими целями.

Всех занимал, да и сейчас занимает вопрос: насколько реальной была идея создания мифического пантюркистского государства? И отсюда вопрос с СТП: она существовала на самом деле или это выдумка ОГПУ? Попробуем ответить на эти вопросы материалами одиннадцатитомного «Дела о Социал-Туранской партии».

Надо отметить, что в нашей стране, будь то в центре — Москве, Ленинграде — или на окраинах, в национальных республиках, изначально репрессивные меры были делом рук карательных служб ОГПУ-НКВД. Государственные и партийные структуры следовали за ними: лишь после ареста людей освобождали от должностей, лишь после ареста их исключали из партии. Характерно в этом отношении одно из заявлений Н. И. Ежова, сталинского «железного» наркома: «За несколько месяцев не помню случая, — заявил

он однажды, — чтобы кто-нибудь из хозяйственников и руководителей наркоматов по своей инициативе позвонил бы и сказал: «Тов. Ежов, что-то мне подозрителен такой-то человек, что-то там неблагополучно, займитесь этим человеком». Таких фактов не было. Чаще всего, когда ставишь вопрос об аресте вредителя, троцкиста, некоторые товарищи, наоборот, пытаются защищать этих людей». Так было и в Кыргызстане. В документах мы не раз встречались с фактами, когда человек уже арестован, а на работе числится, даже некоторое время продолжает оставаться в партии (Арабаев, Тыныстанов и другие). Не государственные службы, а ГПУ было инициатором ареста А. Сыдыкова и членов так называемой СТП.

Допросы и пытки

Лидером, понятное дело, должен был выступить известный политический деятель, ранее проявивший себя в оппозиции, авторитетный в кыргызской среде. Таким человеком и оказался А. Сыдыков. На него ориентировались национальные интеллектуалы, к тому же в последнее время его отстранили от активной политической деятельности. Это была фигура, устраивавшая и самих оппозиционеров, и чекистов, вознамерившихся провести политический процесс по аналогии с теми, которые уже начались в России.

Не занимавший вот уже почти десять лет больших официальных должностей А. Сыдыков скромно трудился в Госплане в Ташкенте, откуда в 1932 г. был приглашен во Фрунзе своим учеником Ю. Абдрахмановым — председателем Совнаркома Кыргызской АССР. Ю. Абдрахманов и Б. Исакеев рекомендовали беспартийного А. Сыдыкова в качестве грамотного экономиста первому секретарю Киробкома А. О. Шахраю и тот дал согласие перевести его на должность заведующим сельхозотделом и зам. председателя

Госплана нашей республики. В роковое время А. Сыдыков оказался Фрунзе, где через год был арестован. Потянулись долгие дни допросов и истязаний.

Первый допрос А. Сыдыкова состоялся в день ареста, 9 мая 1933 г. Он сразу же заявил; «Признаю себя виновным в контрреволюционной деятельности». И собственноручно сформулировал пять пунктов этой «деятельности», выразившейся в следующем (хотя трудно отрешиться от мысли, что не сфабрикованы ли они самим следователем — настолько пункты одиозны и нереалистичны):

«1. В подготовке вооруженной силы против советской власти путем посылки товарищей на предмет подготовки населения и выяснения пути, как нужно пробраться за границу.

2. Контрреволюционную связь мы не могли осуществлять благодаря закрытию перевала и невозможности переезда через перевалы наших порученных людей.

3. Первая наша наметка была нашу связь осуществить через юг, для чего примерно в октябре 1932 г. выехали некоторые товарищи, от которых я лично никакой вести на получил, но мне передавали другие товарищи, что они очень плохо и редко информируют.

4. Признаться, результата нашей организации я лично до сегодняшнего дня не видел, но один из наших товарищей, который приехал с юга, еще не успел сообщить. С районами непосредственной у меня лично связи нет и в то же время нельзя не допускать мысли, что наши товарищи не связаны, но они мне пока ничего не сообщили.

5. В основном я могу сказать, что в Киргизии есть контрреволюционная организация, к числу которой и я принадлежу, и очень многие. Подробности я могу в последующем показании и задании вопросов указать».

Подписи:

А. Сыдыкова и следователя Левшина.

ПРОТОКОЛ ОЧНОЙ СТАВКИ

Между обвиняемыми АЛИМОВЫМ А и ИМАНБАЕВЫМ Мукашам.

От 31-го мая 1938 г.

После опознания друг друга и заявления об отс
стрги каких-бы то нибыло счетов обвиняемые показали:

ВОПРОС К ИМАНБАЕВУ: - Вы подтверждаете свои показания о
участии АЛИМОВА в "запасном центре" - "Социаль-
туранской партии" и в частности его участие на нелегаль-
ном совещании этого "центра" в ноябре мес. 1937 г.

ОТВЕТ ИМАНБАЕВА: - Свои показания я подтверждаю. АЛИМОВ
мне известен как один из участников "запасного
центра" - "Социаль-туранской партии" и в частности - АЛИ-
МОВ, я - ИМАНБАЕВ, КЕНЕБАЕВ, САЛИХОВ и другие участво-
вал на нелегальном совещании "запасного центра" в ноябре
мес. 1937 г., которое происходило на даче СУЛТАНБЕКОВА.

ВОПРОС К АЛИМОВУ: - Показания ИМАНБАЕВА Вы слышали, по-
тврждаете Вы эти показания?

ОТВЕТ АЛИМОВА: - То, что здесь сказал ИМАНБАЕВ я слыш
и эти показания я подтверждаю, ИМАНБАЕВ говорит
правду. Я, как и он, участник "запасного центра"
Социаль-туранской партии и на нелегальном совещании
этого "центра" в ноябре мес. 1937 г. я присутствовал в
числе указанных ИМАНБАЕВЫМ: КЕНЕБАЕВА, САЛИХОВА, СУЛТА-
БЕКОВА и др.

ОЧНУЮ СТАВКУ ПРОИЗВЕЛ:

Опер. УПОМОЛОЧ. З ОТД. УТЬ НКВД К. А. ЕССЕВ

И здесь тоже бросается в глаза одна деталь: Сыдыков конкретно не знал, в чем его обвиняют, и признание начал со слов: «Признаю себя виновным в том, что меня обвиняют в контрреволюционной деятельности...» — и далее по тексту, но слова «в том, что меня обвиняют» явно по подсказке следователя зачеркнуты и в конце даже специально оговорены: «зачеркнутое не читать». А. Сыдыков вынужден «признаваться», но его показания настолько обтекаемы, абстрактны и беспредметны, что последним пунктом опять, вероятно, не без участия следователя, как

бы обнадеживая его, следователя, на будущее, идет фраза: «Подробности я могу в последующем показании и задании вопросов указать».

Следователь, однако, не успокоился. В этот же день состоялся второй, более продолжительный допрос. Протокол написал следователь, а Сыдыков неуверенной рукой лишь визировал каждую очередную страницу. На следующий день допрос продолжался. Следователя мало интересовали участники «организации»: он всех их уже знал и сам свел воедино. Ему нужно было для обоснования ареста и приговора выяснить все, что связано с программой СТП, которая могла раскрыть цели и задачи арестованных. Нужен был политический процесс, наподобие тех, которые проходили в центре страны. И чем громче, тем лучше.

Поскольку вопрос о программе СТП являлся ключевым, приведем полностью показания А. Сыдыкова по этому поводу:

«В процессе разговоров о проведении к.-р. работы Шабданов и Сопиев предлагали написать программу организации, названия организации, насколько я помню, никакого не давалось. Я категорически возражал против всяких писаных программ и вообще против всяких писаний по делам к.-р. организации. В процессе разговоров программа организации, ее установки и программа практической деятельности определилась довольно ясно.

Программа организации сводилась к следующему, оговариваюсь, что даю ее в общих чертах, оставляя за собой право последующего дополнения.

1. Построение социализма в одной стране невозможно, социализм может быть построен успешно только во всемирном масштабе при овладении высокой техникой, Отсюда логически следует, что попытки построения социализма в СССР неизбежно повлекут обнищание населения, особенно в бывших колониях царской России, как культурно отсталых, не владеющих техникой.

2. Крупные мероприятия политического и экономического характера, проводимые соввластью по отношению к байманаству Киргизии, влекут за собой хозяйственную разруху в стране.
3. Выдвижение на государственные должности дехкан, рабочих, технически малограмотных и теоретически не подготовленных к управлению государством, влечет за собой развал и хаос в управлений.

На сегодняшний день, не имея достаточных кадров, необходимо отказаться от принципа выдвижения.

4. Ленинская политика в национальном вопросе является по существу правильной и приемлемой, но фактически проводимая коммунистической партией в Киргизии искажается — примеры приведу позже и вообще прошу вопрос о программе организации отложить до следующего допроса».

Несомненно, здесь Сыдыков высказывал свои сокровенные мысли. Следователь Левшин добивался конкретного изложения программы, которая, как видим, оформлена не была и позже, в более или менее «округлой» форме выкристаллизовалась в застенках ОГПУ. Ее соавторами в полной мере можно назвать как заключенных Сыдыкова, Шабданова, Сопиева, так и следователя Левшина.

Программа СТП

Просто не хочется отходить от первичных архивных документов: вопрос слишком запутан, и любое авторское переложение может вызвать обоснованное сомнение. Поэтому пусть читатель сам судит о степени достоверности следственных материалов и показаний обвиняемых: где истина, где налет указаний и подсказок следователя, а где и прямая фальсификация. Пусть он сам вообразит

¹⁰ Том VIII. В. М. Плоских

дух тюремной камеры, представит методы работы следователей и духовную близость людей, болеющих за будущее своего народа.

Итак, допрос продолжался. Допрашивали коллег А. Сыдыкова. 11–13 мая 1933 г. Турды Акун Сопиев показал следователю Левшину: «В апреле 1932 г. мы начали приступать к составлению программы, т.к. чувствовалась необходимость организованных, практических действий. В апреле месяце, в конце, на совещании всего состава группы, за исключением Лепесова и Кашимбекова Коке, которые отсутствовали¹. Курманову и Шабданову, или только одному Курманову, поручили написать программу, основные положения которой были выработаны тут же на совещании, которое происходило за городом около с-х техникума. В мае месяце программа была закончена и утверждена группой на совещании, которое происходило там же. На совещании отсутствовали только Керимбеков и Хашимбековы Хайретдин и Коке и Лепесов.

Курманов доложил программу, потом она была переписана мною и Шабдановым, состояла в следующем:

1. Для организационного руководства действиями создать комитет из 3-х человек.
2. На комитет возложить обязанность руководства всеми членами к.-р. организации.
3. Все члены организации должны беспрекословно подчиняться комитету и все задания выполнять своевременно.
4. Для активизаций своих к.-р. действий и большей свободы в них всем членам организации стремиться перейти за границу, в Западный Китай или Афганистан и там подготовить кадры агитаторов и организаторов.

¹ Отсутствовал и Сыдыков: он еще был в Ташкенте, из которого наезжал во Фрунзе на восемь дней в марте и окончательно переехал 13 мая 1932 г. — Авт.

5. Когда осложнится международная политическая ситуация и приведет к вооруженному столкновению капиталистического мира с Советским Союзом, мы, туранисты, должны принять активные действия против советской власти и против капиталистов.
6. Стремиться организовать, создать Туранскую Федеративную республику, с вхождением в нее всех тюркских племен и противопоставить ее как против Советского Союза, так и против капиталистических государств.
7. Будущий государственный строй Федеративной Туранской республики должен был быть промежуточным между строем в СССР и буржуазно-капиталистических странах, пролетариат и крестьянство как классы в отдельности мы не признавали, считая, что в нашей республике будет бесклассовая демократия.
8. Для облегчения действий Туранской диктатуры объединить в один общий язык все тюркские языки, поставить в основу законы сингармонии, причем изменения в языке должны были быть в связи с изменением социально-экономических формаций.
9. Высшая власть Турана принадлежит курултаю (съезд), а в промежутках между съездами власть принадлежит комитету.
10. Избирательных и гражданских прав должны были быть лишены лица, вредные для общества, несмотря на классовую социальную принадлежность. Лишение прав за принадлежность к какому-нибудь классу не допускалось.
11. Внутри нашей партии, которую мы назвали Социалистической Туранской Партией, до победы диктатуры Турана, создание каких-либо фракций или платформ не разрешалось.

Указанные пункты программы далеко не исчерпывают ее всю, но я не могу вспомнить ее полностью. К программе

мною была составлена объяснительная записка, но когда мы ее утверждали, то решили, что это явится не объяснительной запиской, а воззванием. Воззвание постараюсь восстановить.

При обсуждении программных установок в группе возникли некоторые разногласия, т. к. я подводил эти установки к коммунистическим. Курманов Султан возражал мне и большинство согласилось с ним, почему я легко уступил. С момента утверждения мы стали считать себя не группой, а организацией, которую сокращенно называли «С.Т.П.».

Вскоре приехал Сыдыков, которому я сказал, что мы вырабатываем принципы программных установок, он это одобрил. О том, что у нас существует письменный документ, я ему не сказал, т.к. мы все боялись, что узнав о том, что мы нарушаем его указания, он от нас отойдет».

Небольшой комментарий. Видимо, в документе хронология событий изложена правильно, раскрыты в какой-то мере цели и программные установки организации, которую, конечно же, еще нельзя было назвать партией: это был лишь ее зародыш, который тут же, на корню, подрубили. Все это подтверждается другими показаниями и рассказами отдельных лиц уже в ходе реабилитационного процесса второй половины 50-х годов. Смущает, точнее будет сказать, возмущает другое: внесение в протокол политических терминов, таких, к примеру, как контрреволюционные действия и других, вложенных в уста подследственных. В своем кругу они никоим образом не считали себя контрреволюционерами, они лишь искали другие пути развития собственного народа, также социалистические, но на иных базовых посылах.

На допросе соавтора программы С. Курманова 13 мая 1933 г. другой следователь — Пашковский — «уточнял» детали: «С наступлением весны 1932 г. мы активно взялись за работу группы. Примерно в начале апреля фрунзенцы: я, Сопиев, Хашимбеков, Хайретдинов, Шабданов,

Керимбеков¹ и Камбаров на поле за городом устроили совещание, на котором было решено приступить к составлению программы и организационно оформить группу. На следующем заседании участвовали, кажется, все, сделали набросок проекта программы (основные положения программы) и дали название организации — «Социалистическая Туранская Партия».

Избрали комитет в составе: Сыдыкова, Керимбекова, Шабданова, Хашимбекова и Курманова. Председателем был избран Сыдыков, хотя он в это время находился в Ташкенте. В контрольную комиссию избран Сопиев.

В первых числах я с Шабдановым написали вчерне Программу СТП, а Сопиев написал «Воззвание»...

Допрос продолжался. На следующий день — 14 мая 1933 г. — С. Курманов конкретизировал свои показания: «В основу программы нашей организации «СТП» был положен принцип, в основном, националистический. За точность не ручаюсь, потому что программа, написанная мною и Шабдановым, была потеряна еще до окончательной ее обработки, но смысл ее заключается в следующем:

1. Национальные республики в Средней Азии, в том числе и Киргизия, несмотря на ряд промышленных строительных, были и остаются сырьевой базой для ведущих районов европейской части России — сырье и продукты питания (мясо, масло) вывозятся для них.
2. Национальная политика в области коренизации аппарата, проводимая путем выдвигенчества, является затуманиванием сознания масс. Благодаря малограмотности и некультурности выдвигенца национала-руководителя в большинстве в управлении аппаратами и организациями нацреспублик опять-таки ведущая роль остается за приезжими из европейских национальностей.

¹ Вот и всплыло имя провокатора. В последующем все упомянутые лица, кроме А. Керимбекова, были репрессированы.

3. Темпы строительства, взятые по масштабу ведущих районов Советской России, в некоторых национальных республиках привели к распылению населения (Казахстана) и разрушению народного хозяйства, в частности животноводческого, в Казахстане и Киргизии.

Это доказывает неприемлемость для отдельных национальных республик исключительно революционных (быстрых) темпов в строительстве народного хозяйства, вместо необходимости применения эволюционных (более медленных) темпов строительства.

4. Исходя из этих общих положений, СТП ставит перед собой задачу объединения тюрко-татарских племен в одно тюрко-татарское государство.

В основу организационной части программы легли принципы форм и методов действия бывшей группы.

Мы считали, что внутри Советского Союза невозможно вести работу нашей организации, поэтому одним из основных вопросов СТП был поставлен переход членов организации за границу.

Каждый член организации должен был приобрести оружие какими угодно путями. Рекомендовалось проводить покупку, в крайнем случае, прибегать к методам хищения оружия у работников в совучреждениях».

Насколько наивно звучит последний тезис, чувствуется сразу, но он был необходим следователю для подведения обвиняемых под статью о террористической деятельности. Оба допрашиваемых согласно показали разным следователям, что программа была написана, а затем утеряна. То же самое свидетельствовал и провокатор А. Керимбеков, которому вовсе незачем лгать, так как его наказывать не собирались.

Конечно же, иметь программу в письменном виде было в интересах следователей. Поэтому встает вопрос: каким

образом документ исчез? Халатность? Едва ли. Может, уничтожили сами, почувствовав «колпак» ОГПУ? Выкрал хозяин квартиры? Для чего? И кому передал? Или не успел? А возможно, и не было вовсе никакой писанной программы? Она только плод фантазии следователей? Тогда не хватает логического завершения нашего повествования. Вопрос поставлен — ответа нет.

Опять таинственная пропажа?..

Пропал бесследно и второй важнейший документ — Манифест, или Воззвание СТП. Однако и он был восстановлен по памяти автором-составителем Т. А. Сопиевым, но уже в тюремных застенках. Документ не однозначен и вызывает откровенно противоречивые чувства. Но, следуя принципу приводить первоисточник целиком, а не в изложении, тем более фрагментарном, даем его в полном виде — по протоколам следственного дела. Вот он: «Киргизия существует около трех тысяч лет. Кыргызы за долголетнее историческое существование ни разу не переживали такие трудные моменты, какие приходится переживать теперь, в эпоху красного милитаризма.

Кыргызы и все население Турана до колонизации русскими империалистами были хозяевами своей земли, скота и себя. Проклятый строй империализма кыргызам и туранцам вообще ничего не дал, гнал их с хороших земель, от воды и научил предавать друг друга из корыстных целей. Плоды эти существуют и сегодня при красном милитаризме, как, например, распространенный шпионаж на селе.

Существующий строй красных милитаристов оказался не лучше царского режима.

Красный милитаризм народы Турана привел к голоду и нищете. Казахи голодают, начиная с Алтая и до Украины.

Существующий строй не является демократическим, а является военно-феодальной монархией. Диктуют секретари парткомов — от райкомов до ЦК.

Установленный строй большевиками на бумаге коммунистический, на деле милитаристический. Большевики не коммунисты, а красные милитаристы.

Если красный милитаризм на территории царской России потерял на Западе прибалтийские государства, то на Востоке приобрел Монголию, Танну-Тюбе¹.

Монголия и Танну-Тюбе не отличаются от колоний. Красный милитаризм там тоже проводит эти же мясозаготовки, хлебозаготовки и насильственную коллективизацию. Там тоже гонения на тамошняяков² (феодалов).

Большевики выкинули лозунг индустриализации страны, а где же плоды эти в Туране? Стало немного лучше, чем при царизме. Построили несколько легких индустриальных предприятий, а где же тяжелая промышленность? Плоды легкой индустрии тоже не для Турана, а для России, только названия наши.

(Далее, сравнивая цены предметов азиатской промышленности и сельского хозяйства в Средней Азии с московскими, автор убедительно доказывает, что в центре эти товары дешевле).

Будучи не в состоянии терпеть ужасный гнет красного милитаризма на юге Киргизии, массы ежегодно поднимают волну восстаний. Они являются лучшими сынами Турана. Большевики отвратительно называют их «басмачами», чтобы массы думали, что они действительно басмачи. Но это неверно: они не басмачи, а повстанцы!!!

¹ Танну-Тюбе (Тува) — название Тувинской народной республики в 1921—1926 гг

² Так в документе. — Авт.

Много думали потомки Турана о свободе. За достижение свободы якуты восстали в 1928 г., но почти 30% якутского населения уничтожили.

Для подавления таких повстанцев организовано ГПУ. ГПУ фактически является таким же органом, как царская жандармерия. То бедствие, которое на сегодняшний день постигло казахов — массовая нищета и голод — должно легко перенестись и на другие народы Турана.

Под предлогом ссылки в Туран, в частности, в Киргизию, увеличивается число русского населения, которое будет служить опорой красного милитаризма, а из Турана массами выселяют людей, иногда совершенно ни в чем не повинных под предлогом, что они являются кулаками, хотя фактически ничего не имеют.

Вся черноземная и присибирская часть Казахстана переполнена русскими пришельцами, а сами казахи оттеснены в глушь, в пески.

Туран, получив название Турана, за долголетнее историческое существование не переживал таких трудных моментов, как переживает теперь, при красном милитаризме.

Поэтому туранисты поставили перед собой задачу отделить Туран как самостоятельную федеративную государственную единицу в составе племенных автономных республик.

Перед СТП стоят два принципа:

1. Принцип национального освобождения и
2. Принцип социализма.

1. Принцип национального освобождения:

Мы хотим национального освобождения потому, что кучка пришельцев-русских не должна управлять нашими народами и странами. Они свою политику проводят через предателей и кукол, называемых выдвиженцами. Мы этого не допустим. Страной будут управлять лучшие сыны Турана.

2. Принцип социализма.

Мы, туранисты, должны вести страну по пути быстрейшего нарастания социализма, не давать никаких привилегий ни одному к классу, опираясь только на диктатуру «социалистической туранской партии». Но все же опорой СТП остается крестьянство Турана.

Во избежание бедности и нищеты масс и во избежание существования мелкотоварных хозяйств должны провести коллективизацию, но этот термин тогда для масс будет враждебен, поэтому коллективизацию нужно будет заменить термином «фермеризация», давая больше льгот фермерованным хозяйствам, приведем к фермеризации всего населения Турана.

В Туране будет проведен госкапитализм, а поэтому крупные индивидуальные с-хоз-ва и промышленность в руках частных лиц сосредоточены не будут. Современные совхозы будут также госхозяйственными.

Высшая власть в Туране принадлежит курултаю (съезду), на котором выбирается комитет, управляющий страной в промежутках между съездами.

В Туранской Народной Социалистической республике не иметь права голоса будут лица общественно-вредные, независимо от принадлежности к какому-либо классу.

При президенте Турана должен быть создан комитет старейшин, оказывающих помощь действиям партии и туранскому государству. Они не имеют права голосовать за решения, принимаемые президентом, но могут на любое решение наложить свое «вето».

Вот все, что по памяти воспроизвел автор Воззвания Т. А. Сопиев. Документ заканчивается припиской: «Протокол читал, записан правильно, к коему и подписываюсь.

Сопиев.

Допросил — оперуполномоченный
СО САВО ИПП Левшин

17.V.33 г.»

ПРОТОКОЛ

(ОБЪЯВЛЕНИЯ ОБ ОКОНЧАНИИ СЛЕДСТВИЯ)

380

" 3 " ноября 1938 года

Гор. Фрунзе.

пол. тов. З ОД. УГБ НКВД КСР
ССР Суря. г.б. Куберсат объявил обвиня
емому Манасу Бадан Дикамбаеву в ин. ст. 206 7
что следствие по его делу окончено и направляется
Прокурору для предания суду.

После указанного, обвиняемый Манас
Бадан Дикамбаев
заявил, что с мажоритарным составом
он ознакомлен, добавку и своим
показаниям ничего не имеет. Винов
ным себя не признаю. Я давал ложные
показания.

Обвиняемый

Манас

Следователь

Куберсат

Как видим, незамутненные идеи социализма все же были настолько привлекательны, что и националистически настроенные на обособленность туранисты взяли их в свой идеологический арсенал. Повторяем, документ не однозначен. И встает вопрос: надо ли его публиковать целиком, если и сегодня кое-кто может воспринять его провокационно? Думаем, надо! Надо знать всю историю, без замалчивания, все «белые», «черные» и «кровавые» ее страницы. Важно не трансполлировать прошлое на настоящее, а трезво, с исторической точки зрения оценивать все факты и события прошедшего времени, не воспринимать в качестве истины в последней инстанции все положения как коммунистической, так социалистической и националистической идеологий.

Прошлое мы должны оценивать с позиций сегодняшнего дня. Тем более недалекое наше прошлое. Надеемся, читатель нас поймет правильно. Мы против огульных оценок того или иного положения, но должны к каждому из них подойти с пониманием, а это нетрудно сделать, если временами читатель станет на точку зрения автора (или авторов) воззвания и его глазами посмотрит на обстановку 30-х годов.

Есть такая партия?

Сложность человеческого познания, познания правды истории в том и заключается, что она — история — испытывала и испытывает на себе такое давление господствующих политических сил, что порой трудно пробиться на поверхность. И здесь к месту будут пророческие слова известного русского философа Вл. Соловьева (1853—1900), высказанные им накануне катаклизмов XX столетия: «Историческим силам, царящим над массой человечества, еще предстоит столкнуться и перемешаться, прежде чем на этом раздирающем себя звере вырастет новая голова — всемирно-

объединяющая власть антихриста», который «набросит блестящий покров добра и правды на тайну крайнего беззакония в пору ее конечного проявления...» (Вл. Соловьев. Соч. в 2-х т. Т. 2. М., 1988, с. 643).

30-е годы XX столетия были насыщены трагическими событиями, связанными с фарисейскими восхвалениями диктаторов и робкими проявлениями интеллектуального инакомыслия. Взять хотя бы тех же Ю. Абдрахманова, Т. Айтматова, Б. Исакеева, К. Тыныстанова и др., которые были серьезными оппонентами официозно-официальных взглядов. Документы свидетельствуют, что инициатором организационного оформления и составления Программы СТП был А. Шабданов, который оберегал А. Сыдыкова как идеологического лидера от разоблачения (вспомним предупреждение Х. Алымбекова о ГПУ). Ничего не говорили о Программе и Сыдыкову. Кстати, он остерегал, «чтобы абсолютно никаких письменных документов... не писали».

Допрошенный 11 и 14 июня 1933 г. в Ташкенте все тем же следователем Левшиным А. Шабданов показал: «Теперь я по пунктам эту программу не помню, но единственный тон программы, общие установки я помню. Сводятся они к следующему: основной целью «Социалистической Туранской партии» (как мы называли нашу к.-р. организацию) являлось образование федеративного социалистического Туранского государства на территории Средней Азии, в состав которого должны были войти Узбекистан, Кыргызстан, Туркмения, Кара-Калпакия, Казахстан. Это государство должно было отделиться от СССР. Достижение социализма в этом государстве на первом плане мыслилось не через экспроприацию промышленности и национализацию земель. На первом этапе должно было быть развитие промышленности и земледелия по типу эпохи промышленного капитала. На втором этапе промышленность и земледелие должны были иметь признаки коллективизации, а последний третий этап, переход промышленности и земель

в собственность государства. Этот переход мыслился не посредством пролетарской революции, а посредством вращивания капитала в социализм эволюционным путем. Все это являлось основной программной установкой СТП».

Далее Шабданов рассказал о тактических планах СТП, от которых так и веет шаблоном политических процессов, виртуозом которых в центре выступал в это время А. Я. Вышинский. А именно: создание гибкого ядра; создание вооруженной силы; эмиграция за кордон в Китай; установление связи с английским правительством и Афганистаном и получение у них материальной поддержки и т. п. Доморощенные среднеазиатские блюстители великодержавных интересов чуть ли не слепо следовали схеме прошедших в центре «шахтинского дела» и процесса над «промпартией». И уже совсем смехотворным и чем-то нереальным веет от сообщения «О средствах организации»: «В конце 1931 или в начале 1932 г., точно не помню, мною, Курмановым, Сопиевым, Камбаровым было решено для создания денежного фонда нашей к.-р. организации взимать с членов организации по 5% с получаемой ежемесячно зарплаты и 15% или 25%, хорошо не помню, от гонорара за литературную работу. Впоследствии это решение было утверждено общим собранием.

Казначеем сначала был Камбаров, потом я, потом Курманов. Фактически в этот фонд внесли по 50 р. в июне 1932 г. — я, Сопиев, Курманов и Лепесов Зайнетдин. Остальные, несмотря на неоднократные напоминания, денег не вносили.

Собранные 200 руб. были израсходованы мною в июне месяце 1932 г. при поездке в Ош по делам нашей организации, о чем сообщу ниже.

О других материальных средствах нашей к.-р. организации я не знаю». Подписано А. Шабдановым.

Группа здравомыслящих национальных интеллигентов, озабоченная тяжелым экономическим положением в крае

и карательной политикой по отношению к крестьянству, все глубже задумывалась над будущим Кыргызстана, однако не предпринимала никаких шагов к организационному оформлению оппозиции. Единственное, что было сделано в этом направлении, это присвоение оппозиционерами псевдонимов.

На одном из допросов, 22 июня 1933 г., во Фрунзе А. Шабданов рассказал: «Сыдыков Абдыкерим был назван Манасом, Шабданов Аджиман имел псевдоним Темир, Лепесов Зайнетдин — Ворон, Хашимбеков Насреддин — Борошо, Сопиев Турды Акун — Шан, Тюменбаев Хашимбек — Кайрат». Манас и Темир — это понятно, грозные популярные имена в среднеазиатской истории, а чем прославились остальные имена, ставшие псевдонимами — неизвестно. Разговоров о них больше не возникало. Следователи, вероятно, не придавали им серьезного значения.

Как мы уже знаем, лидером оппозиционеры видели только А. Сыдыкова — деятельного, грамотного администратора, проявившего свой талант в первой половине 20-х годов, инициатора манифеста «тридцатки». Он был автором научных работ («Родовое деление кыргызов», «Краткий исторический очерк кыргызского народа»), ряда статей и выступлений по проблемам горно-кочевых хозяйств, трезвым идеологом, видевшим пагубность официального курса большевиков в диктате партии и полном игнорировании нужд и реалий общественной жизни.

Свои идеологические воззрения оппозиционеры попытались было выразить в программе и воззвании, но необходимого завершения они не получили. Отсюда и нерешенный до сих пор (но уже чисто академический) вопрос: была ли на самом деле Социал-Туранская партия, либо это чистейший миф ОГПУ-НКВД?

Среди арестованных по делу СТП особое место занимает Ишеналы Арабаев — молдоке (учитель) кыргызской интеллигенция, как ласково называли его соратники. Он и

действительно был первым подлинным учителем и просветителем, «совестью кыргызской нации» периода ее становления. Мы знаем его и как создателя кыргызского алфавита на основе арабской графики, автора первого кыргызского букваря, составителя первых кыргызских учебники по грамматике и естествознанию.

Его имя пока мало говорит непосвященному. Попад еще в 20-х гг. в оппозицию официальному курсу государственного строительства, он был отстранен от активной политической деятельности, необоснованно репрессирован как националист и погиб в ташкентских застенках ГПУ в 1933 г. И если о первых годах жизни и деятельности И. Арабаева еще можно кое-что прочитать в научной литературе совсем недавно, правда, тенденциозно негативное (а теперь появились и более объективные статьи в периодике), то о последнем годе его жизни ничего неизвестно.

Осенью 1992 г. отмечался 110-летний юбилей со дня рождения И. Арабаева. Была создана правительственная юбилейная комиссия во главе с советником президента Кыргызстана, вице-президентом Академии наук республики академиком Т. К. Койчуевым. Надеемся, этот повод наконец-то позволит по достоинству оценить вклад в кыргызскую культуру поистине выдающегося просветителя своего времени, и он займет должное место в нашей истории.

Напомним вкратце основные вехи его биографии. Родился в октябре 1882 г. в Центральном Тянь-Шане, в с. Кунбатыш, ныне Кочкорского района. Окончив русско-туземную школу, он с 1900 г. занялся просветительской деятельностью, начал учительствовать в с. Кунбатыш. С 1910 г. по май 1912 г. учился в г. Уфе, в знаменитом высшем духовном медресе «Галия», а затем преподавал в Прииссыккулье, где, говорят, и сейчас сохранилось здание основанной им первой школы.

По некоторым, правда, документально не подтвержденным сведениям, И. Арабаев до революции совершил хадж

в Мекку и Медину, учился в Константинополе, обучался в медресе «Хусаиния» в Оренбурге, а затем уже окончил медресе «Галия». Еще в 1911 г. в Казани он издал с собственным предисловием составленную слушателями медресе одну из первых книг на кыргызском языке видного акына-письменника и мыслителя Молдо Кылыча «Кысса Зилзала» («Землетрясение»).

В предисловии, кстати, он подчеркивал: «Из рода сарыбагыш знаменитый поэт Молдо Кылыч в течение 20 лет написал много стихов на чистом кыргызском языке». А ведь еще совсем недавно у нас в республике глубокомысленно утверждалось, что до революции у кыргызов письменности не было. Насколько абсурдны такие утверждения, становится понятным при первом же обращении к книгам И. Арабаева. В 1912 г. в Оренбурге издаются его «Основы правописания». Фактически он стоял у истоков новой кыргызской письменности.

Тогда, в 1911 г., в Уфе, в издательстве «Шарк», И. Арабаев в соавторстве с Сарсекеевым опубликовал «Букварь, или обучение скоростному чтению» для казахских и кыргызских детей.

И. Арабаев был близким другом известного казахского просветителя и политического деятеля, лидера партии «Алаш» Ахмета Байтурсунова и сам в 1918 г. возглавлял ее Пишпекский филиал, который оказал большую благотворительную помощь возвратившимся из Китая кыргызским беженцам. Именно в рамках этой политической деятельности в 1920 г. И. Арабаев с рядом других кыргызских представителей обращается с вышеприведенным письмом к В. И. Ленину — «вождю российской революции». В этом письме — крик души о бедственном положении кыргызов Пржевальского, Нарынского и Пишпекского уездов и просьба уделить особое внимание повстанцам 1916 г.

В 1921 г. И. Арабаев — делегат 1-го съезда союза «Кошчи», в 1922 г. — делегат XI Всероссийского съезда советов,

¹¹ Том VIII. В. М. Плоских

с 1922 г. он — заместитель председателя Семиреченского Союза «Кошчи», один из инициаторов создания самостоятельной Горной области кыргызов, с 1924 г. — председатель Академического центра Кара-Кыргызской области.

Дополненное и переработанное учебное пособие И. Арабаева по кыргызскому языку издается в 1925 г. Во время ликвидации неграмотности большую роль сыграл его букварь для взрослых. В те же годы он создает учебные пособия для начальных классов по арифметике, природоведению, переводит на кыргызский язык начальный курс географии, много литературы общественно-политического характера, в том числе несколько работ В. И. Ленина.

В 1925 г. И. Арабаев выступил (совместно с А. Сыдыковым) одним из инициаторов и авторов заявления так называемой «тридцатки» — первого серьезного документа, противостоящего официальному курсу укрепления всевластия партаппарата. Но ответом на заявление явилось не исправление положения в республике (тогда это было уже немислимо: страна стремительно шла к диктатуре партаппарата), а исключение из партии и освобождение лидеров от руководящей работы. А. Сыдыков был выпровожден из Кыргызстана, И. Арабаев, имевший опыт преподавания в Среднеазиатском Госуниверситете (казахский язык, история и литература), стал рядовым преподавателем в первой республиканской совпартшколе и медполитехникуме, где он работал до ареста.

Ряд его товарищей уже оказался в тюрьмах, над кем-то сгустились черные тучи, со всех сторон обложили и самого Арабаева, которого щадили товарищи, и его имя долго не фигурировало в следствии, пока, наконец, арестованных не «придавили». В представлении ГПУ такой человек, как И. Арабаев, интеллектуальный национальный политик, не мог остаться в стороне от СТП. Тем более, что, по показаниям А. Сыдыкова, А. Шабданова и А. Сопиева, разрабатывались программа и воззвание партии. А идеи

Программы как бы вытекали, во всяком случае, перекликались с письмом И. Арабаева В. И. Ленину в 1920 г. и заявлением «тридцатки» 1925 г.

Повторяем, арестованные долго не показывали на И. Арабаева, хотя он был их единомышленником. Тем не менее его взяли в г. Фрунзе через два дня после Сыдыкова, Сопиева, Курманова, Тельтаева и Тулина. Постановление об аресте было подписан ташкентским следователем оперуполномоченным особого отдела среднеазиатского военного округа С. В. Левшиным и утверждено заместителем начальника ГПУ Киргизской АССР Четвертаковым, лично контролировавшим дело по СТП.

Арестованные 9 мая 1933 г. были доставлены в Ташкент. И. Арабаева привезли туда позже, 6 июня. На следующий день его навестил Левшин, а вечером узника нашли в камере мертвым. Был ли это добровольный уход из жизни перед угрозой пыток или его отравили сокамерники — трудно сейчас сказать: сохранились лишь рапорт следователя и акт судебно-медицинской экспертизы. Вскрытие показало, что он, якобы, принял огромную дозу жевательного табака. Встает вопрос: сам или отравили?

Во-первых, едва ли человек, закаленный в политических стычках еще до первого допроса, следовательно, до пыток, сам разорвал бы связи с жизнью. Во-вторых, не в интересах следствия, тем более тенденциозного, убирать со сцены одну из ключевых фигур «контрреволюционного заговора». Куда выгоднее было получить «нужные» показания и добиться признания вины, а это они умели: все обвиняемые признавались. Другое дело, что большинство из них на последней стадии, в суде, отказывались от своих показаний. В-третьих. Да, были среди сокамерников уголовники. Возможно, насторожившись, когда услышали, что И. Арабаев хочет говорить со следователем, без посторонних, они-то и решили лишить его жизни.

Итак, три версии, одна из которых наиболее правдива, но и она почему-то не была принята во внимание властями. Может, чтобы не поставить себя под удар? Легче было все объяснить самоубийством, которое снимало разные проблемы, в том числе и ответственность за безалаберность тюремной службы.

...Следствие по делу СТП тянулось уже почти полгода, арестованных из Ташкента перевезли во Фрунзе, а конца ему не было видно. Изнуренный допросами, неизвестностью, Сыдыков 19 октября 1933 г. обращается к своим мучителям с письмом, пытаясь хоть как-то прояснить ситуацию. Документ написан карандашом на трех пожелтевших листках бумаги. Читая его, надо все время не упускать из виду условия, в которых содержался безвинный человек. Итак, «Разъяснительная записка в дополнение к моим показаниям» — так назван этот документ: «Вот уже 6-й месяц, как я сижу в одиночке (160 дней). Казалось бы, уже пора кончить мое дело и дать определенное наказание, согласно соответствующей статьи революционного закона, но, однако, окончание моего дела тянется до сих пор.

По-видимому, затяжка моего дела объясняется тем, что я в своем показании недостаточно полно осветил положение, и я вынужден дать поэтому некоторое разъяснение в нижеследующем: хотя я в своем ранее данном мною показании указал фактически нашу к.-р. организацию с указанием ее цели и задачи, принимая во внимание, что только чистосердечное признание и полное разоружение дают возможность облегчить свое положение.

Ввиду моей одиозности в условиях Киргизии могут быть на меня разные баснословные доносы, не соответствующие действительности. Одиозность моя заключается в том, что я выступил в 1925 г. в числе так называемой «30-ки» против линии Обкома ВКП(б) и отдельных членов бюро — Худайкулова и Бабаханова об искривлении линии партии. Выступление «30-ки» было осуждено вышестоящей

партийной организацией в лице Средазбюро ЦК ВКП(б) и представителя ЦКК ВКП(б) в лице тов. Зеленсона, в результате чего я и несколько человек из «30-ки» были исключены из состава членов партии. Кроме того, я был немедленно отозван в Ташкент. Т.т. Худайкулов и Бабаханов были также исключены из партии, и был создан над ними общественный процесс. Все это дело хорошо известно быв. уполн. ЦКК Средазбюро т. Манжара. Я лично предполагаю, что на меня могут быть всякие донесения и ложные показания в связи с возвращением Худайкулова ныне весной 1933 г. в г. Фрунзе, если не непосредственно от него, то его единомышленников (напр. Кокумбай Чинин). Просьба обратить на это особое внимание во избежание могущих быть сведений личных счетов.

Ввиду того, что я был отозван из Киргизии и все время с 1925 по 1932 г. был в Ташкенте и согласно моего заверения САБ (Средазбюро ЦКК ВКП(б). — Авт.) о том, что я не буду иметь связь с Киргизией, я совершенно порвал связи и поэтому я не мог там создать или состоять в какой-либо к-р. организации. Такая организация могла быть в Киргизии и помимо моего участия, о чем я мог и не знать о существовании таковой, т. к. я во Фрунзе себя держал совершенно обособленно, стараясь не вмешиваться во внутриреспубликанские дела ввиду моего особенно исключительного положения. Кроме того, я был предупрежден т.т. Абдрахмановым и Исакиевым порвать всякую связь с бай-манапскими элементами, что мною и было принято к руководству.

Я могу даже допустить, что в связи с моим приездом во Фрунзе могло быть и оживление контрреволюционного байства и манапства. Но я должен здесь оговориться, что об этом мною был лично предупрежден до приезда во Фрунзе т. Абдрахманов, в бытность его в Ташкенте. Он на этот вопрос ответил: «Советская власть в лице меня всегда

может дать отпор подобным случаям»¹. Не ограничиваясь его ответом, я его просил поставить мой вопрос в Обкоме и лишь по согласию с последним мне протелеграфировать. Через несколько времени я получил телеграмму о возможности моей службы в Киргизии. После чего я с семьей перебрался во Фрунзе. Что побудило тов. Абдрахманова звать меня, хорошо зная о моей одиозности в условиях Киргизии? Хотя этот вопрос маленький, но имеет большую принципиальность в условиях Киргизии. Пребывание мое в Киргизии означало реставрирование байских и манапских элементов и не зря ожили и зашевелились разбитые группы старых контрреволюционных буржуазных националистов (сыдыковцев) и левых загибщиков (худайкуловцев). Весною как-то раз показался во Фрунзе Худайкулов, но куда-то быстро исчез. Я объясняю вызов меня в Киргизию тов. Абдрахмановым тем, чтобы завоевать авторитет перед байскими и манапскими элементами и в случае пожара выдать меня как известного заслуженного националиста и таким образом завоевать почетный авторитет и перед советской властью. Я настоящим ничуть не имею в виду заниматься самооправданием, а лишь даю для ясности дела настоящее объяснение, так как в ранее данных мною показаниях указал, что я в основном — контрреволюционер.

Итак, в вышеизложенном своем разъяснении я останавливаюсь на следующих моментах:

1. Что я ни в какой другой к-р. организации не состоял, кроме той, о которой мною указано в ранее данных показаниях.
2. Напоминая о своей одиозности в условиях Киргизии, прошу обратить внимание на то, чтобы не были сведены со мною личные счёты.

¹ Далее увидим, как глубоко заблуждался Ю. Абдрахманов, сам прошедший все круги адовых репрессий по обвинению в организации СТП, ставшему тогда уже стандартным.

3. Что я попал в Киргизию по вызову Абдрахманова.
4. Ввиду того, что я уже порядочное время (160 дней) сижу в одиночке, прошу ускорить окончание моего дела и определить наказание.

А. Сыдыков». **19.X.1933 г.**

Письмо несет на себе печать явной обреченности. Не чувствуя своей вины, автор не исключает, однако, возможности реального контрреволюционного заговора. Как видим, кампания по поиску врагов, которая уже разворачивалась на страницах печати и партийных собраниях, отражалась в сознании не только обывателей, но и руководящих работников. Причем каждый не считал сам себя преступником, но не исключал, что враги существовали, что их ряды постоянно множились.

Этот синдром врага позволял хоть в какой-то степени объяснить репрессии, которым подвергались не только действительно инакомыслящие, но и их родственники, друзья и знакомые, — по цепной реакции «карточного домика». По делу СТП в 1933 г. привлекались как друзья-единомышленники, так и люди, просто с ними соприкасающиеся. Поразительно, но почти все они в ходе следствия признавали себя виновными, хотя на закрытом суде многие отказались от прежних показаний.

После предъявления обвинения А. Сыдыков заявил: «Признаю виновным в пределах данных мною ранее показаний, а в организации массы против соввласти, подготовке к восстанию и срыве всех важнейших и хозяйственно-политических мероприятий соввласти в 1932 и 1933 гг. виновным себя не признаю».

По делу СТП в 1933 г. было привлечено 23 человека, со временем количество репрессированных росло, так как «появились» по воле следователей региональные филиалы партии, а затем в 1937–1938 гг. аресты стали массовыми.

Одним из активных участников СТП становится не без помощи ОГПУ А. Шабданов. На него возложили основную ответственность и приговорили к расстрелу в 1934 г. Он единственный из всех обвиняемых, в отношении которого тогда приговор сразу же был приведен в исполнение.

А. Шабданов родился в 1905 г. в Чон-Кемине. Один из наследников знаменитого манапа, он перешел на сторону революции. Беспартийный, окончил в Алма-Ате педтехникум, работал научным сотрудником. Арестован одним из первых 20 декабря 1932 г. на Восточном Памире, в кишлаке Мургаб и доставлен в Ташкент. Почти через полгода осмелился написать заявление прокурору по наблюдению за органами ОГПУ Средней Азии: «Несмотря на то, что я под заключением нахожусь пять с половиной месяцев, до сего времени мне совершенно неизвестно, в чем заключается мое провинение. Прошу Вас оказать воздействие на ускорение хода следствия моего дела».

Заявление передали по тюремным инстанциям, но на нем оказалась следующая приписка: «Шабданов просил прокурору заявление не направлять, т. к. сознался в принадлежности к к.р. организации». И — неразборчивая подпись. Не нужно быть большим провидцем, чтобы догадаться, какие изменения произошли в сознании заявителя, если он через некоторое время от совершенного непонимания своей вины «созрел» до полного признания собственной «контрреволюционной» деятельности.

В воспоминаниях оставшихся в живых участников этого процесса неоднократно упоминалось применение угроз и пыток, но сами палачи в этом официально, конечно же, не признавались, особенно на раннем этапе репрессий — в 1933 г. В деле же о СТП документ об этом сохранился в примечании к протоколу допроса Исхака Курманова, дехкана из Джалал-Абада, который категорически отрицал свое участие в контрреволюционной деятельности. Не сумев добиться «признания», допрашивавшие его 15 июля

1933 г. в Оше следователь Маевский, заместитель начальника ЮКОС ОГПУ, и Рачко, уполномоченный СО ЮКОС ОГПУ, в примечании к протоколу допроса, явно подстраховывая себя, записали: «Допрос Курманова Исхака произведен мною с применением попытки его обработать (подчеркнуто нами. — Авт.). Задавалось вопросов значительно больше, чем отмечено в протоколе, в частности, были сделаны намеки на связь с Сыдыковым Абд. Курманов категорически отрицал проведение какой-либо контрреволюционной работы, не отказываясь от того, что к нему приезжали бай-манапы с севера Киргизии». И. Курманов плохо владел русским языком, допрос шел через переводчика, а протокол подписал собственноручно — «по-арабски».

Султан Курманов, его родственник из села Кызыл-Туу, соавтор Л. Шабданова по Программе СТП, на момент ареста проживал в Оше, преподавал в Кирхлоптехникуме. Беспартийный, из манапов. На вопрос об имущественном положении сам арестованный ответил в анкете: «Кроме книг ничего не имею».

Турды-Акун Сопиев, автор манифеста-воззвания, из села Ак-Терек Балыкчинского района Прииссыккулья. Педагог, образование среднее, из бай-манапов. С 1926 по 1928 г. состоял кандидатом в члены ВКП(б). Трудно удержаться, чтобы не привести курьезный случай из тюремной судьбы этого примечательного человека, сподвижника А. Сыдыкова. Находясь в заключении, Сопиев к очередной годовщине Октябрьской революции пишет стихотворение-панегирик.

Существенная деталь, характеризующая, пожалуй, всех основных участников группировки: признавая важность революции для судеб народа, они не считали социалистический путь, на который вступила страна с его тоталитарным режимом и диктатом партии в лице ее вождя Сталина, единственно верным.

Стихотворение Сопиев передал своему следователю Левшину 20 октября 1933 г., сопроводив его наивной

запиской: «Тов. Левшин! При сем высылаю Вам стих «В этот день Великого Октября», который я хочу опубликовать в «Правде Востока» ко дню годовщины Октября. Думаю, что (оно) достойно быть опубликованным. Поэтому прошу Вас препроводить его редактору, говоря, что стих написан заключенным Сопиевым».

Стихотворение, как и записка, написанные карандашом, выщвели и очень плохо читаются. Но все же отдельные его фрагменты можно привести:

«В этот день — день Великого Октября
Со всех сторон лица,
И радостно, мирно и гордо...
Теперь всех пролетариев цель одна,
Всем пролетариям быть как один,
Ликвидируя диктатуру капитала,
Построим на земле социализм».

Как бы чувствуя слабость своего «белого стиха», но упоывая на содержание, Сопиев в записке Левшину отмечает: «Между прочим, я вообще не стихотворец, а прозаик. Начал писать — вышел этот стих. Теперь его не хочу бросать...

ОГПУ в Ср. Азии, камера № 20».

Ответа, конечно, не последовало: Сопиев уже числился не только в организационных лидерах, но и считался одним из идейных вдохновителей СТП. Заметим, что все трое — ровесники, в 1933 г. — двадцативосьмилетние мужчины. Несколько старше А. Сыдыков, еще старше — на 23 года — И. Арабаев, самым пожилым из привлеченных по делу СТП был К. Чиныев, 79-летний хлебороб из села Кызыл-Туу, неимущий, из скотоводов...

Немало места в следственном деле отведено некоему Хайдару Галиевичу Роковому (он же Чанышев), единственный из арестованных, который обращался с письмами и телеграммами к Сталину, Акулову и Менжинскому,

с тайными записками к жене и товарищам на волю. Кто же он такой? Попробуем ответить на этот вопрос, тем более, что наша история о нем донныне полностью умалчивала.

Арестованный по делу СТП, он на допросе 18 июля 1933 г. показал: ему 38 лет, член ВКП(б) с 1919 г., женат, в 1912 г. окончил высшее начальное училище. Работал телеграфистом в Маргелане, Джаркенте до 1918 г., затем — на разных должностях в Средней Азии и Казахстане. В 1924—25 гг. был членом правления Кара-Кыргызского медторга в Ташкенте, зав. облместхоза во Фрунзе, потом — снова в Ташкенте, в землеустроительной партии, и с 1932 г. по день ареста (11 июля 1933 г.) — в системе Совсинторга на Памире.

Ранее хорошо знал А. Сыдыкова, считался, видимо, его единомышленником, поэтому и был влит в одну с ним группу обвиняемых и доставлен в Ташкент. Коммунист с 15-летним стажем, он поверить не мог, что его арест не был ошибкой, не мог воспринять методы допроса представителями органов власти, которую сам всеми силами пестовал.

В заявлении на имя прокурора СССР Акулова 13 августа 1933 г. он писал: «...Нахожусь в негласном одиночном заключении... Абсолютно не разделяю политику негласного содержания под стражей заключенных. Такие явления наблюдались при царизме и теперь практикуются некоторыми капиталистическими странами, чего мы не должны были унаследовать. Не могу же я допустить мысль, что органы ГПУ, не будучи уверены в правильности своих действий в отношении ареста того или иного гражданина, держат из этого секрет и этим самым избегают порицания общественности?».

Роковой активно переписывался с «волей». При тщательном досмотре в одной из передач тюремщики нашли записку, которая была спрятана в пирожок. Немало записок политического и личного характера было перехвачено.

К делу приобщены фотокопии этих посланий. Написаны они мелким убористым почерком, телеграфным стилем с обеих сторон узких ленточек из холщовой материи. Они с трудом читаются, не все можно разобрать, но то, что поддается глазу, является документами огромной психологической силы, уникальнейшим тюремным эпистолярным наследием. Нам пока неизвестен другой такой пример конспиративной переписки узников. Текст некоторых записок повторяется: видимо, Роковой не был уверен (и не без основания), что все его послания дойдут до адресата. Однако, судя по содержанию, отдельные из тайных писем все же читались на воле. Пользовались таким приемом, как видно из записок Рокового, и другие заключенные, возможно, менее успешно.

Вот что Роковой пишет молодой любимой жене: «Мордочка! Весь поглощен мыслями о тебе. Живу, дышу тобою. Мои кошмарные дела меня не занимают так, как мысли о тебе. Пощади меня, и так страшно больно...» «Счастлив, что видел тебя. Показалось предвестником освобождения. Как я соскучился! Жизнь бы принес тебе. Боюсь твоего отъезда больше потери жизни, что кажется дурным признаком, живу только тобою, а не собою. Знаю, тебе тяжело, потерял право обижаться. Уедешь — не обижусь, останешься — обяжешь жизнью. Радовался письму 14/X, терзался записке 20/X. Щади, мне и так больно...»

«Пришли уголовный кодекс. Дело без перемен. Обвинения еще нет. Телеграммы отсылайте повторно ежемесячно по тем же адресам. Пошлите копии всем, кого перечисляю, тоже Азизуллину, Мухаммедову и Уразу. Берегитесь Котыра. Пишите 2—3 экз., хоть один пройдет...» «На передачи не разоряйся. Шли меньше. Пришли мой уголовный кодекс. Записки бросай у двери к доктору. Левшин пока увлекается, разъезжает, как будто ищет материалы, коих нет...»

А вот записка, адресованная, скорей всего, товарищам по воле: «...Помните, что я попал в глубокое

недоразумение. Обвиняют в связи с Кульджой — (в) шпионаже. Это — гнусная ложь, жестокая клевета. Вы знаете, что я на такое мерзкое и подлое дело не способен. То же в связи с Сыдыковым. С ним я виделся, полит. единомышленником не был. Сами все знаете. Тайн у меня от вас не было. Я не виноват, совесть чиста. Бесконечно обидно за такое незаслуженное оскорбление и позор. Боюсь только жестокой ошибки ГПУ. Статьи пока не дали, но говорили, что будет 58-П. Жду. 40 дней сидел один (со мной) под чужой фамилией. 15 дней трое, а потом двое. С 20 августа не допрос не вызывали. В августе писал Сталину, Акулову, Менжинскому. Буду писать еще. Через день в 6 ч. вечера хожу в амбулаторию к Блюм...»

Видимо, доктор Блюм и был тем человеком, через которого шла нелегальная переписка.

На неоднократные письма из тюрьмы, телеграммы товарищей с воли Генсеку ЦК ВКП(б) Сталину, прокурору СССР Акулову, председателю ГПУ Менжинскому, в ЦК — Ярославскому, в ЦИК — Калинин, в Средазбюро — Бауману ответов не было. Роковой проходил по общему делу СТП с А. Сыдыковым, о взаимоотношениях с которым он добродушно и, пожалуй, излишне откровенно рассказал еще 20 августа 1933 г.:

«В вопросах моих взаимоотношений с Сыдыковым и другими кыргызскими работниками надо исходить из истории моей работы в Киргизии с 20 по 25 г., где я принял активное участие в группировочных течениях и принадлежал к так называемому худайкуловскому течению, борвавшемуся с течением, возглавлявшимся Абдрахмановым, Арабаевым и Сыдыковым, за коими шла основная часть имущего класса: бай-манапы и т. д. Группировка эта привела к осуждению нашего течения: Бабаханов, Худайкулов и я в 26 г. были арестованы, я поплатился заключением около 40 дней, а двое товарищей поплатились показательным процессом».

Далее Роковой говорил о Сыдыкове как человеке здравомыслящем и не способным на открытое выступление против советского государства. Роковой общался с Сыдыковым по совместной работе в Ташкенте, где его очень ценили. Он был принят Ходжаевым, который заявил, что Сыдыков исправляется и ценил его; «неплохого мнения о нем был тов. Зеленский».

Непосредственно о «контрреволюционной деятельности» А. Сыдыкова Роковой не мог сообщить ничего утвердительного и показал следующее: «О наличии контрреволюционной группировки в Киргизии и его (Сыдыкова. — Авт.) участия в ней — ничего не слышал и достаточных оснований к такому предположению не имел. Я знал, конечно, как и доказывал когда-то, что Сыдыков — бывший переводчик, комиссар Временного правительства, богач, потерявший кое-что от революции. Но последнее время положительные отзывы о нем, его тихая скромная работа не оставляли во мне серьезных сомнений о том, что он, будучи в состоянии учесть силу и мощь СССР, примирился со своим положением. Встретившись с ним в прошлом году в Москве и слушая его сообщения о своей хорошей работе в Киргизии, это мнение во мне еще больше утвердилось. Я никак не мог допустить мысль, что он может оказаться таким идиотом, который на 16-м году существования советской власти, сильно окрепшей и являющейся угрозой даже крупным капиталистическим странам, мог быть способен на какую-нибудь бессмысленную авантюру.

Однако, учитывая наличие в Киргизии антисоветских элементов среди его друзей и сложность политической обстановки там, я выразил сожаление по поводу его переезда на работу в Киргизии, спасется ли он от возможных там недоразумений и авантур».

Догматик-коммунист, действительно не причастный ни к чему антисоветскому, и подумать не мог, что Сыдыков, здравомыслящий политик, ввяжется в авантюру. И в то

время, когда все окружение Сыдыкова давало показания о его и своей «контрреволюционной» деятельности, когда под давлением следствия «признался» в преступлении перед властью даже сам Сыдыков, Роковой настойчиво утверждал об обратном и тщетно пытался найти правду в самых высших партийных и советских инстанциях.

Сохранилась одна из таких безответных телеграмм заключенного Рокового: «Москва. Президиум семнадцатого съезда партии, вождю партии Сталину, ОГПУ Менжинскому, Госпрокурору Акулову, секретарю Средазбюро Бауману.

Седьмой месяц нахожусь под стражей тчк Обвиняюсь сокрытии контрреволюционной организации Киргизии, пособничестве ей тчк Результате произведенной очной ставки Сыдыковым обвинения отпали тчк пятнадцать лет пребывания рядах партии боролся за ее генеральную линию тчк для подведения партией итогов пятилетки разрешения великих задач построения бесклассового общества я лишен возможности принять участие практической реализации решений съезда тчк считая содержание под стражей глубоким недоразумением грубой ошибкой прошу вмешательства предмет моего освобождения тчк целях обеспечения доставки вам данной телеграммы до получения ответа вашего объявляю голодовку с двадцать шестого января тчк 23 января 1934 г. Роковой».

Ответа из центра не получил, голодовку после «общения» с тюремными властями пришлось снять. Роковой пошел по делу СТП как один из ее активных участников.

Обвинительное заключение

В 1934 г. было вынесено обвинительное заключение по делу № 5630 «О националистической к-р. организации в Киргизии «Социал-Туранская партия (СТП)». А. Сыдыков обвинялся в следующем:

«1. С конца 1931 г. по день ареста 9.V.1933 г. руководил действиями членов националистической контрреволюционной организации, именуемой «Социалистическая Туранская партия», которая своей конечной целью ставила выделение из Советского Союза Узбекской, Туркменской, Казахской, Киргизской и Каракалпакской республик и образование из них федеративного буржуазно-демократического государства. На первом этапе своей деятельности организация ставила задачу отторжения от советского Союза Киргизской ССР посредством вооруженного восстания внутри Киргизии при помощи банд главарей, оперирующих в Синь-Цзянской провинции Зап. Китая и Английского консульства в Кашгаре.

2. Лично Сыдыковым были привлечены к работе к-р. организации аксакалы рода «саяк» Чиныев Кукумбай, из рода «чирик» Маакеев Чоршек, которые по указаниям Сыдыкова в Сталинском и Нарынском р-нах Кир. АССР организовали к-р. группы до 250 человек, подготовленных к вооруженному выступлению 1933 г. и проводивших активную (антисоветскую. — Авт.) агитацию и срыв ряда с-х политкампаний, т. е. в преступлениях, предусмотренных ст. 58—II 4 УК РСФСР.

В предъявленных ему обвинениях по п. I сознался полностью, по п. II — виновным себя не признал».

Обвинение было составлено Левшиным в Ташкенте, согласовано с нач. СОСАВО и ПП Загвоздиным 3—9 января 1934 г., утверждено прокурором ПП ОГПУ в Ср. Азии О. Вальбером (нечеткая подпись) 20 января 1934 г.

Дело пошло в суд, и Сыдыкова перевезли во Фрунзенскую тюрьму. Здесь должен был состояться финал долговременной и многолюдной эпопеи «контрреволюционной деятельности СТП». Вскоре, 28 февраля, на заседании коллегии ОГПУ А. Шабданова приговорили к расстрелу, который в тот же день и состоялся. Подсудимых Абдыкерима Сыдыкова, Джанем Солтоноева, Султана Курманова, Турды-Акуна Сопиева, Мокке Комбарова, Мустафу Ахметова, Насредина

Кашимбекова приговорили к расстрелу с заменой заключением в исправтрудлагерь сроком на 10 лет.

Хайреддин Кашимбеков, Хайдар Галиевич, Роковой (Чанышев) Кокумбай Чиныев и Чортек Маакеев должны были отправиться в исправтрудлагерь сроком на 10 лет, но его заменили высылкой в Нарынский край на тот же срок.

Касымбай Тельтаев, Зайнатдин Лепесов (Курманов), Кемель Шабданов, Каринбай Канатов, Исхак Курманов, Санхутдин Лепесов (Курманов) получили по пять лет исправтрудлагерей. На три года лагерей осудили Али-Аскара Чолукова, а Чиминбая Токтомушева и Мамута Майлыбашева решили упечь в Западную Сибирь сроком на три года. Джумадыль Иманкуловой зачли в наказание срок предварительного заключения и из-под стражи освободили. Через неделю Сыдыков, Камбаров, Ахметов и Кашимбеков были отправлены в Читу в распоряжение управления Ухтпечлага ОГПУ для «содержания на особом учете».

Завершается многотомная коллекция дел 1933–1934 гг. по СТП следственным делом Зайнатдина Лепесова (Курманова), уроженца села Кызыл-Туу Сталинского района Кыргызстана, сына бая. В 1934 г. он вместе со всеми осужден по делу СТП и приговорен к пяти годам тюрьмы. Три года спустя 14 сентября 1937 г. его уже обвиняют в том, что «состоял членом к.-р. организации, по поручению которой направлялся для связи за кордон, среди к.-р. националистов рассказывал о своей к.-р. деятельности, восхвалял при этом ее к.-р. организаторов». За это «тройка» при НКВД Узбекской ССР приговаривает его к расстрелу с конфискацией имущества. 25 октября 1937 г. приговор приводится в исполнение. Реабилитирован «контрреволюционер» 12 февраля 1957 г.

Новые круги ада

1937 г. сопровождался новым шквалом жестоких репрессий. Политические лидеры Кыргызстана, арестованные как враги «народа», повлекли за собой обвинения, сплетенные из разноцветных нитей несуществовавших преступлений, не последнее место среди которых занимала уже явно мифическая организация, от фундамента до конька крыши созданная сотрудниками НКВД. Чекисты решили реанимировать СТП, арестовав в качестве руководителей новые лица — Ю. Абдрахманова, К. Тыныстанова и Б. Исакеева и вывели нити связей в Москву — к Т. Рыскулову, в Ташкент и Алма-Ату. Они вернулись к делу А. Сыдыкова, которому предстояло пройти еще раз один круг адových испытаний. На последнем допросе 10 февраля 1938 г. Сыдыков заявлял: «Я признаю себя виновным в том, что мною организована в 1931 г. группа киргизских националистов, выходцев из бай-манапской среды. Эта группа ставила перед собой цель: организацию эмиграции в Синьцзян. В 1933 г. эта группа была разоблачена и репрессирована органами ГПУ, в частности, тройкой ОГПУ... В Средней Азии был приговорен к расстрелу, с последующей заменой 10 годами концлагерей...

Никогда ни в какой к.-р. националистической организации я не состоял, не считая организованной мной группы в 1931 г. и мое участие в так называемой тридцатке... Создание группировки диктовалось необходимостью в осуществлении директив Турк. ЦИКа...

Я категорически отрицаю, что в то время мною была создана националистическая к.-р. организация и что эта организация ставила перед собой дело реставрации капитализма в Киргизии... Я признаюсь в том, что был организатором и идейным вдохновителем этих тридцати человек, подписавшихся под явно антисоветским националистическим документом...

Я заявляю еще раз, что в моей деятельности было много контрреволюционных националистических дел, но все исходило лично от меня, никакими связями или обязательствами перед к.-р. националистической организацией это не объясняется, ибо я ни в какой националистической организации не состоял и тем более сам ее «не организовывал».

Дрожащей рукой выведена корявая подпись — «Сыдыков», а ниже стоят уверенные подписи оперуполномоченного НКВД Киргизской ССР Лебедева и сержанта Фиша.

Затем последовало обвинительное заключение, датированное тем же роковым 10 февраля 1938 г. Вот выписка из решения тройки НКВД Кирг. ССР: «А. Сыдыков обвинялся в том, что являлся одним из активных организаторов в Киргизии к.-р. алашординской нац. орг-ции, впоследствии — СТП. По его заданию были созданы в ряде районов к.-р. повстанческие группы на вооруженное восстание против сов. власти. Организатор к.-р. тридцатки».

Постановили: расстрелять, имущество конфисковать.

В этот же день его отправили в камеру смертников, а 18 февраля 1938 г. его не стало. Так погиб лидер кыргызской интеллигенции 20-х годов, официально возглавивший оппозицию сталинскому курсу. Так была в зародыше разгромлена идея об оппозиционной партии.

Все дело СТП базировалось на допросах, показаниях отдельных свидетелей и — редко — на очных ставках. Никаких письменных, документальных доказательств, экспертиз не было.

Репрессированные в начале 30-х годов были политическими противниками всего лишь сталинского режима, сторонниками идей иного пути Кыргызстана к социалистическому будущему. К примеру, после осуждения в 1934 г. на 10 лет М. Ахметов несколько лет отбывал наказание в одном лагере с А. Сыдыковым. Остался жив и был привлечен как свидетель по реабилитации его бывших товарищей. Так вот в феврале—марте 1957 г. М. Ахметов показал:

«В период 1934–37 г. я с Сыдыковым отбывал наказание в одном лагере. В разговорах со мною он заявлял, что действительно в городе Фрунзе была создана антисоветская организация «Социал-Туран»; но ее участники ничего практически против советской власти не сделали. По словам Сыдыкова, планы участников этой антисоветской организации были еще только в мыслях».

Через пять месяцев М. Ахметова попросили еще раз все вспомнить, но поподробнее. Синдром страха прошел, требовалось рассказать только правду — без давления, без угрозы нового наказания. Он и на этот раз сказал:

«Следуя вместе с Сыдыковым этапом в исправительно-трудовой лагерь в 1934 г., я знал, что я с ним привлечен по одному делу за участие в антисоветской организации, поинтересовался у него — Сыдыкова, была ли на самом деле СТП? На что он мне ответил: организации как таковой не было, но мысль о создании в Киргизии Социал-Туранской партии у него и других, кого именно, он не назвал, была... Правильным является то, что Сыдыков, как он мне говорил, только мыслил вместе с другими о создании в Киргизии Социал-Туранской партии».

Итак, оппозиционеры не успели оформиться организационно, хотя Программа разрабатывалась, вырисовывались цели и задачи СТП. И пусть ее идеи не получили прямого воплощения, они имели под собой вполне реальную почву и при других, более благоприятных обстоятельствах, вполне могли стать основой, на которой родилась бы альтернативная организация правящей партии не только в Кыргызстане, но и во всем Среднеазиатском регионе.

Одним из основных мотивов для суда и приговора являются, как известно, личные признания обвиняемых. Но, опираясь на них, можно ли прямо ответить на вопрос: была ли реальностью СТП?

Приведенные документы и материалы из следственных дел, надеемся, в какой-то мере поднимают занавес.

Опричникам сталинизма на местах мало было задуть оппозицию. Они твердо решили с корнем вырвать и все ее окружение — друзей, знакомых, причастных и непричастных, всех независимо мыслящих людей, которые, это совершенно определенно, не имели даже малейшего отношения к оппозиции, но потенциально могли представлять опасность для тоталитарного режима. Из жизни вырывался цвет кыргызской нации. И первым из них можно назвать Ю. Абдрахманова.

Прошу мою подпись не считать доказательством виновности

Уже после ареста А. Сыдыкова и всей группы состоялся пленум Киргизского обкома партии, на котором присутствовал секретарь Средазбюро К. Я. Бауман. В своем выступлении Ю. Абдрахманов, еще не ведая всей подноготной дела СТП и не оправдывая Сыдыкова, неосторожно назвал его своим учителем. Бауман тут же среагировал и ему пришлось неуклюже оправдываться: назвал, мол, учителем потому, что учился у него началам партийной работы еще в городе Верном. Но — слово не воробей, сказанного, тем более на партийном форуме, не вернешь. Не помогло и более позднее покаяние: не разглядел в Сыдыкове «попутчика», для которого «национальный вопрос был доминирующим».

Ю. Абдрахманова, обвинив в срыве планов развития народного хозяйства, снимают с поста председателя Совнаркома и исключают из партии. Он вынужден был уехать из родной республики, но ненадолго. Когда поднялась новая волна кровавой вакханалии в 1937 г., его в начале апреля находят в далеком Оренбурге. При аресте инкриминируют участие в давно разгромленной СТП, клевете на советских

партийных лидеров (имея в виду нелестный отзыв в личном дневнике о члене Политбюро Л. М. Кагановиче).

При обыске у него изымают два револьвера системы «Маузер» с патронами (в то время высоким руководителем разрешалось иметь личное оружие), собственные труды «О состоянии и перспективах развития животноводства в Киргизии», «О восстании кыргызов в 1916 г.», общую тетрадь, партбилет № 378821 (хотя исключен из партии он был еще в октябре 1933 г.), черновики писем Сталину на пяти листах, переписку, фотоаппарат «Цейс». Итак, наличие оружия не являлось фактом криминальным, зато дневник, который, оказывается, был изъят у Марии Яковлевны Натансон — близкого Абдрахманову человека — при ее аресте в Ленинграде еще в начале 30-х гг., оказался щедрым источником для обвинений.

Наступили другие времена, и с заключенными любого ранга уже особенно не церемонились. Если человек сразу не «сознавался», тут же применялись допросы «с пристрастием», которыми органы владели, надо заметить, в совершенстве.

Сохранилась в архивах первая тюремная анкета — своеобразная информационная справка автобиографического характера, написанная собственноручно 4 апреля 1937 г. Из нее явствует, что «Абдрахманов Юсуп Абдрахманович, рожд. 21 декабря 1901 г. в с. Таштак Иссык-Кульского района Кир. ССР, место жительства — г. Оренбург, Набережная ул., д. 18. Профессия и специальность — животновод. Место и должность службы: зам. начальника животноводческого управления ОблЗУ. Образование — низшее. Член ВКП(б) с 1919 по 1933 г. Исключен из ВКП(б) в 1933 г. за антипартийное поведение — двурушничество. Состав семьи: жена — Абдрахманова Уля, сыновья: Анвар, Алибек, дочери — Аида, Раиса, Ленина».

Ю. Абдрахманов не знал за собой никаких грехов и, естественно, не мог назвать себя преступником. Начались

пытки. Доведенного до бессознательного состояния арестанта заставляли подписывать протоколы допросов, в которых он клеветал на себя. И все же Абдрахманов нашел силы и мужество написать письмо прокурору СССР Вышинскому и наркому внутренних дел Ежову. Для автора оно оказалось роковым.

Письмо, как известно, было уже опубликовано Ж. Джунушалиевым и И. Семеновым в предисловии к книге Ю. Абдрахманова, но все же приведем отрывок из него: «Четвертого апреля 1937 г. был арестован Оренбургским управлением НКВД и мне было предъявлено обвинение в том, что, якобы, я состою в контрреволюционной организации. Допрашивавший меня следователь гр. Зеликман Н. П., применив ко мне специальные меры воздействия и доведя меня почти до невменяемого состояния, принудил к подписи под т.н. протоколами допроса, составленными им самим, без всякого допроса... В силу вышеизложенного я отказываюсь от своих подписей под протоколами допроса, составленными Оренбургским управлением НКВД и прошу, что, если будет суд над лицами, указанными в протоколах допроса с моими подписями, то мою подпись не считать как доказательство их виновности».

Письмо возымело обратные действия: истязания ужесточились, и уже 30 апреля 1937 г. арестованный во всем «признался» окончательно. А за три дня до этого ему был задан такой вопрос: «Вы подали заявление на имя Народного Комиссара внутренних дел тов. Ежова Н. И., в котором излагаете свои намерения дать следствию откровенные показания о всей вашей контрреволюционной деятельности, как участника националистической и троцкистской террористической организации. Что вы намерены сообщить следствию?»

Уже в самом вопросе заключалась вся программа ответа, которую и пришлось трем допрашивавшим — начальнику УНКВД Оренбургской области майору госбезопасности

Успенскому, его заместителю майору Зеликману и начальнику отдела лейтенанту Шарапову — «раскручивать». Ответ был такой: «Я подал заявление, чтобы дать откровенные показания о своей контрреволюционной деятельности, вполне представляя, что на меня имеются многочисленные материалы, как на участника троцкистской организации, и я не хочу, чтобы меня этим материалом уличали. Я буду давать откровенные показания».

На допросе 30 апреля 1937 г. Ю. Абдрахманов показал: «В основу материалов, по которым я был исключен из партии, легли выводы комиссии Антипова... и обнаруженный при встрече в г. Ленинграде у троцкистки Натансон мой дневник, переданный ей мною для ознакомления. В этом дневнике хотя и не была отражена вся контрреволюционная работа, однако, то, что было в нем изложено, давало достаточно материалов для исключения меня из партии.

После снятия меня с поста Председателя СНК Киргизской республики я поехал в Москву, зашел к Рыскулову и стал рассказывать ему о случившемся. Он меня перебил и сказал, что все знает. Рыскулов был очень зол на меня за то, что благодаря своей неосторожности (я) провалился. Он говорил: «Надо было умнее работать, лучше конспирировать и не писать этих дурацких дневников».

И, наконец, заключительный допрос в Оренбурге, где было заявлено: «Я признаю себя виновным в том, что начиная с 1923 г. по день ареста вел активную контрреволюционную работу».

14 сентября 1937 г. Оренбургским управлением НКВД Ю. Абдрахманов был признан виновным по четырем пунктам 58 статьи УК РСФСР и отправлен в распоряжение НКВД Киргизской ССР. Через три дня начальник спецконвоя, некто Удодов, доставил его во Фрунзе, и перед Президиумом ЦИК СССР возбуждается ходатайство о продлении срока следствия до 17 января 1938 г. Так бюрократическая

машина фарисейски заботилась о внешних атрибутах законности.

Получив «добро», следователи приступили к работе, «выявляя» этапы теперь уже националистической деятельности Абдрахманова, который вновь попытался отказаться от показаний, данных им в Оренбурге. Здесь Ю. Абдрахманов в призрачной надежде на справедливость снова обращается к Ежову, наивно надеясь на какие-то послабления в родных краях.

Но методы работы следователей в Кыргызстане были такими же, как и в Оренбурге. Вскоре вновь пришлось во всем «признаться». Дело о «троцкистской контрреволюционной и террористической» деятельности стало обрастать сюжетами и деталями «националистической» деятельности Абдрахманова уже как лидера разветвленной СТП в Кыргызстане, той самой партии, в судьбе которой последнюю точку следователи поставили, как они сами считали, еще в 1934 г. Но понадобился новый виток репрессий, и для его обоснования ничего нового и ничего более умного, чем реанимация СТП, выдумать не смогли. Старый миф стал обрастать новыми деталями.

Еще 20.01.1938 г. оперуполномоченный 3 отдела НКВД Киргизской ССР Лебедев предъявил Ю. Абдрахманову обвинение в том, что «он является основным руководителем контрреволюционной националистической организации Социал-Туранской партии, которая ставила перед собой цель вооруженного свержения советской власти в Киргизии с последующей реставрацией в ней капитализма. Свою к.-р. подрывную работу тесно контактировал с московскими центрами троцкистов и правых. Являясь агентом ино-разведки, Абдрахманов направлял работу к.-р. националистической организации в интересах и по директивам этой разведки, сам для нее занимался сбором шпионских материалов и созданием разведрезидентур.

Договорившись с иноразведкой, создавал в Киргизии повстанческие формирования, занимался вредительством и вербовкой новых людей и для иноразведки и для к.-р. националистической организации».

Чтобы не создалось впечатления, что такое нагромождение фантастических обвинений, признанных подсудимым, является чистой абракадаброй, бредом сумасшедшего, в дело подшивается медицинская справка, датированная 25 февраля 1938 г.: «З—к Абдрахманов Юсуп — здоров» — с неразборчивой подписью тюремного врача.

В течение последующих девяти месяцев допросов не было. Во всяком случае, в деле соответствующих документов нет, да и после предъявления обвинения они были просто не нужны. Никаких вещественных доказательств также предъявлено не было, кроме приобщенных к делу лишь 2 ноября 1938 г. двух дневников Абдрахманова, в которых (по заключению оперуполномоченного НКВД Киргизской ССР, «отражены его к.-р. связи, отдельные а-с. толкования и клеветнические измышления на политику Сов. власти и партии ВКП(б). Причем эти записи полностью изобличают его — Абдрахманова — как троцкиста и к.-р. националиста, как одного из руководителей к.-р. националистической организации»).

Имелись, правда, и некоторые так называемые свидетельские показания, но и они были первосортной липой. Характерный пример Касымбек Тельтаев, один из осужденных на пять лет по делу СТП, был досрочно освобожден и в 1936 г. поселился близ Алма-Аты. В 1937 г. его вызвали во Фрунзе на допрос по делу Ю. Абдрахманова. Жил «на свободе» два месяца, время от времени его вызывали следователи, но он ничего нужного им не донес. Ему все время угрожали арестом, приговаривая: «Дашь показания, пройдешь свидетелем, не дашь, посадим».

«Допрашивавший меня следователь, — вспоминал позже Тельтаев, — сам от моего имени сочинял показания,

изобличающие Абдрахманова, а меня заставлял лишь подписывать протокол допроса. Правда, перед подписью протокола следователь зачитывал мне его. Не видя какого-либо другого выхода и из боязни быть самому арестованным, я под нажимом следователя подписывал эти протоколы, хотя содержания их почти не «усваивал»...

Неправдоподобность этих «моих» показаний видна хотя бы из того, что созданная якобы Сыдыковым Абдыкеримом и Арабаевым Ишеналы контрреволюционная националистическая группировка стремилась захватить власть в свои руки, между тем все мы в то время уже занимали руководящие посты...»

О методах выбивания показаний Тельтаев вспоминал с содроганием даже спустя много лет. Первый допрос вел все тот же Левшин, настойчиво требуя признания принадлежности к контрреволюционной организации. Тельтаев устоял, не признал чудовищных обвинений. Тогда «следователь Левшин, держа в своей руке оружие, ударил меня в лицо, после этого другие присутствующие при допросе сотрудники ОГПУ, фамилии их не помню, тоже стали избивать меня кулаками и ногами. В бессознательном состоянии я был водворен в подвал, где и очнулся. В подвале я содержался один...»

Подобные «допросы» повторялись чуть ли не ежедневно.

Тельтаев уже отбыл свое в лагерях под Карагандой (где, по его словам, из киргизов, осужденных в 1934 г., он был один, остальные — туркмены и русские), и кошмар недавнего прошлого сковывал его волю перед жестоким следователем даже три года спустя, когда его вынуждали показывать против Абдрахманова.

Последний допрос состоялся 3 ноября 1938 г. и Ю. Абдрахманов все предъявляемые обвинения под пытками признал полностью: «Я к.-р. Националист и один из руководителей к.-р., националистической организации киргизских буржуазных националистов и как буржуазный

националист, борясь с Сов. властью за реставрацию капитализма в Киргизии, я встал на путь сговора о совместной борьбе с право-троцкистами, я встал на путь прямой измены Родине — ставши агентом англоразведки.

В этих преступлениях я признаю себя виновным и за это я готов нести ответственность по законам страны Советов.

Записано верно. Читал Ю. Абдрахманов».

Чудовищной нелепостью звучит это признание. Таким жестоким, страшным тюремным холодом веет от написанного, что становится жутко. 4 ноября протокол с предъявленными статьями обвинения ему вручил секретарь Военной коллегии военный юрист 1 ранга Батнер.

Скорый суд состоялся 5 ноября. Состав суда: председательствующий бригавоенюрист Алексеев, члены — бригавоенюрист Зайцев и военюрист 1 ранга Болдырев, секретарь — военный юрист 1 ранга Батнер. В зале, кроме них и обвиняемого, никого не было: в свидетелях просто не нуждались. Подсудимый «никаких ходатайств» не имел и «отвода составу суда не заявлял».

Здесь, перед финишем жизни, Абдрахманов нашел в себе силы отказаться от вынужденных показаний и виновным себя не признал. В протоколе суда написано: «Он виновным себя не признает и от своих показаний на предварительном следствии отказывается. Он участником антисоветской организации не являлся и никакой к.-р. работы не вел, шпионом не был».

Далее были оглашены выдержки из показаний других арестованных. Подсудимый сообщил, что все эти лица его оговаривают по неизвестным ему причинам. Однако собственноручных своих записей в дневнике не отрицал. В последнем слове Ю. Абдрахманов заявил, что «он себя на следствии оговорил». И все же суд приговорил его «к высшей мере уголовного наказания — расстрелу с конфискацией всего лично принадлежащего ему имущества».

Приговор подлежал немедленному исполнению в тот же день — 5 ноября 1938 г.

Военный филиал СТП

Итак, СТП была раздавлена в самом зародыше еще в 1933—1934 гг. Однако, несмотря на это, позже ее использовали для коренной чистки партийного и государственного аппаратов, уничтожения лучших представителей народа во всех сферах общественной и хозяйственной деятельности. Для «полноты» картины в соответствии с общесоюзным сценарием не хватало в нашем крае военного заговора. И сценаристы из НКВД создали свой собственный, так называемый Военный филиал Социал-Туранской партии. Доцент Кыргызуниверситета Н. Тунтеев провел специальное исследование по этой теме (см. публикацию в газ. “Res Publica” 24.04.92), поэтому, следуя за автором, приведем в сжатом виде лишь основные положения «дела» военных, отсылая читателя, желающего подробнее ознакомиться с вопросом, к подготовленной Н. Тунтеевым работе.

Как известно, история собственных вооруженных сил Кыргызстана своими истоками связана со становлением Кыргызской автономной области в составе РСФСР. Приказом Туркфронта от 25 июня 1925 г. началось формирование на добровольной основе отдельного кавалерийского эскадрона. В марте 1927 г. он преобразуется в дивизион, таким образом создаются «национальные части кавалерии РККА им. ЦИК Кирг. АССР». В 1932 г. это уже кавалерийский полк, который неоднократно демонстрировал на учениях прекрасные показатели, что не раз отмечал в своих приказах командующий Среднеазиатским военным округом П. Е. Дыбенко (вскоре сам репрессированный).

В мае 1937 г. органами НКВД СССР был раскрыт «заговор» в Красной Армии, в связи с этим почти весь комсостав

репрессуется. М. Н. Тухачевского, И. Э. Якира, И. П. Уборевича, А. И. Корка, Р. П. Эйдемана, В. М. Примакова и В. К. Путну и других летом этого же года расстреляли. Началась охота за «врагами народа» по всем национально-территориальным военным округам, в том числе и в Средней Азии. Как справедливо отмечает Н. Тунтеев, обвинения были стандартными: если ты русский — то ты правый или левый уклонист, еврей — троцкист, нерусский — националист...

Первым 11 августа 1937 г. попал в застенки командир второго эскадрона Асан Алиев. Предъявленное ему обвинение гласило (цитируем по публикации Н. Тунтеева): «...будучи командиром РККА, вошел в связи с известными контрреволюционными националистами, членами алаш-ордынской и пантюркистской организации в Киргизии Осмонкулом Алиевым, Джайнаком Садаевым и др. Создал в полку контрреволюционную организацию по подготовке вооруженного восстания против Советской власти, часть членов которой — Борбашев, Дауталиев, Бакеев и др. были репрессированы органами НКВД в 1934 г.»

Далее в обвинении говорилось: «...Члены СТП намеревались путем вооруженного восстания отделить Кыргызстан от СССР и ориентировать на Англию, они спровоцировали восстания трудящихся против насильственной коллективизации: Таласское — в 1930 г., Ат-Башинское, Темировско-Тюпское, Балыкчинское — в 1931 г., Джеты-Огузское — в 1932 г. и массовую откочевку в Китай».

Аресты проходили всю вторую половину 1937 г. вплоть до осени 1938 г. По делу «военного филиала социал-туранской партии» из бывшего и действующего комсостава Киркавполка было арестовано 43 человека, список возглавлял Асан Алиев. Создателем и главным палачом дела был оперуполномоченный особого отдела НКВД И. Х. Даутов, уроженец Оренбурга.

Истязаниями и пытками у обвиняемых выбивали «добровольные» признания, заставляли подписывать загодя составленные и отпечатанные на машинке протоколы допросов. В связи с этим становится понятным и кощунство, к примеру, приказа наркома НКВД Кыргызстана Лоцманова «О результатах соцсоревнования» третьего и четвертого отделов УГБ НКВД республики за февраль 1938 г.:

«Четвертый отдел в полтора раза превысил по сравнению с 3-м отделением число арестов за месяц и разоблачил шпионов, участников контрреволюционных организаций на 13 человек больше, чем 3-й отдел... Однако, 3-й отдел передал 20 дел на Военколлегию и 11 дел на спецколлегию, чего не имеет 4-й отдел, зато 4-й отдел превысил количество законченных его аппаратом дел (не считая периферию), рассмотренных тройкой, почти на 100 человек...»

Дело по «военному филиалу СТП» все более разрасталось, в связи с чем и затягивалось, а тут пришел конец кровавому карлику Н. Ежову. Вскоре созданная во главе с помощником главного военного прокурора РККА Калугина комиссия вскрывает нарушения во время следствия. Другая комиссия не находит криминала в деле «военного филиала СТП», и все подследственные отпускаются на свободу. Даутов привлекается к суду Военного трибунала войск НКВД Киргизской ССР и получает 10 лет за то, что, «работая оперативным уполномоченным Особого отдела НКВД Кирг. ССР, преследуя преступно-карьеристскую цель, выполняя явно неправильную установку бывшего начальника 3-го отдела НКВД Кирг. ССР Иванова и злоупотребляя своим служебным положением под видом борьбы с врагами Советского Союза, без достаточных к тому оснований арестовал 44 человека из числа младшего и среднего состава Киркавполка, за время следствия систематически избивал абсолютное большинство арестованных, добиваясь от них такими мерами физического воздействия ложных, явно провокационных показаний».

Таким образом, следственный фарс с так называемым «военным филиалом СТП» лопнул, арестованные были освобождены, восстановлены во всех правах и приняли участие в Великой Отечественной войне. Но это было счастливое исключение благодаря смене высшего руководства НКВД. Вскоре Берия, избавившись от исполнителей и свидетелей предшествующих репрессий, принял на вооружение все их методы...

Вместо заключения

При тоталитарном режиме был необходим репрессивный молох, и он продолжал действовать после замены Ежова Берией. Все осужденные по делу СТП в 1934 г., все репрессированные в 1937–1938 гг. оставались вне закона, продолжали числиться «врагами народа». Нужно было пережить еще двадцать, а затем еще более тридцати лет, чтобы окончательно снять с невинных людей черное клеймо, чтобы вернуть добрые имена отечественной истории.

Массовые репрессии, признание «вины» людьми, которые никогда преступлений не совершали, до сих пор не находят разумного объяснения. Как могло случиться, что миллионы людей безропотно шли на казнь, иногда продолжая сохранять верность идеям и режиму, которые их сгубили? Что заставляло крепких, сильных духом людей брать на себя вину за чудовищные преступления? Как могло якобы самое гуманное государство прибегать к пыткам, перед которыми бледнеют дела средневековой инквизиции и палачей гестапо?

Пока нет удовлетворительного объяснения этому феномену. Эрнст Неизвестный назвал это «антропологической катастрофой» («Дружба народов», 1989, № 12, с. 70). И он не далек от истины. Даже сегодня, десятилетия спустя, в новом режиме власти мы никак не оправимся от этой антропологической катастрофы. Дмитрий Волкогонов считает, что огромные масштабы репрессий оказались возможными потому, что Сталин вызвал «социальную инерцию насилия», которая породила доносительство, беспринципность, массовую ложь, клевету, оставившие глубокие следы в памяти, в психологии людей, в культуре («Триумф и трагедия». Политический портрет И. В. Сталина. В 2-х кн. Книга 1, ч. 2. М., 1989, с. 308).

И все же теперь есть основания надеяться на лучший исход. Из многих тысяч репрессированных по делу СТП сегодня, кажется, только один свидетель и участник

событий может вспомнить и рассказать о былом. Это Хусайн Карасаев, старейший аксакал кыргызской лингвистики, чудом оставшийся в живых. Осенью 1992 г. ему исполнилось 90 лет. Была создана правительственная комиссия по проведению юбилея во главе с вице-премьером республики доктором филологических наук А. Эркебаевым. «Последний из могикан» продолжает активно трудиться на научном поприще. Одна из его монографий — «Камус наама» — была удостоена осенью 1992 г. Государственной премии им. Касыма Тыныстанова (репрессированного, расстрелянного, ныне реабилитированного кыргызского лингвиста). Значит, жизнь берет свое, несмотря на огромный ущерб, нанесенный ей сталинским режимом.

Куда же мы идем?

Летом 1992 г. свою родину — село Бай-Казак Тянь-Шаньского района Нарынской области — ровно через полвека отчуждения посетил Толомуш Жакыпов, тридцать лет возглавлявший кыргызское отделение радио «Свобода» в Мюнхене. Бывший солдат Советской Армии, бывший военнопленный фашистской Германии, бывший гражданин ФРГ, он почти всю сознательную жизнь посвятил одной цели — «освободить весь Туран, я имею в виду Кыргызстан, Узбекистан, Туркменистан, Азербайджан, от коммунистического гнета. Эту работу мы вели не лозунгами, а через конкретные факты». Так заявил Т. Жакыпов своему однофамильцу А. Жакыпову, собственному корреспонденту газеты «Слово Кыргызстана» (10.06.92).

Узнаете? Оказывается, те самые идеи пантюркизма, программные положения так и не оформившейся СТП, не достояние только истории. Они живы и сейчас. Они «работают» и сегодня? Несмотря на «парад суверенитетов» и обретение народами Средней Азии подлинной государственной независимости, возрождаются идеи Турана — великого государства турков, раздаются голоса по воссозданию социал-туранской партии.

Но нельзя реанимировать прошлое. Оно уже стало историей. Сегодняшний день смотрит не назад, а вперед. А что же с будущим? Пантюркистская или иранистская, советская или китайская модель развития? Смелость далекого прогнозирования пока берут на себя только астрологи, колдуны и прочие «предсказатели», не очень, скажем, мягко, компетентные в исторической науке. Мы же верим в торжество человеческого разума, поэтому считаем, что сейчас появились все необходимые предпосылки для развития демократического государства Кыргызстан в мировом сообществе.

Но будущее немислимо без памяти о прошлом. И нашей памятью о кровавых страницах истории, которая не должна повториться, мог бы стать мемориальный пантеон в Бишкеке с выбитыми на граните именами всех невинно загубленных жертв тоталитарного режима, мемориальный пантеон подлинного интернационализма, потому что в горниле репрессивного молоха погибали лучшие люди кыргызского, русского, узбекского, дунганского, немецкого, еврейского народов, лучшие представители всех народов, населяющих ныне Кыргызстан. Покаяние избавит нас от манкуртизма.

Публикуется по изданию:

Манас не признал себя виновным / отв. ред. д-р ист. наук С. Данияров. — Бишкек: Илим, МП «Табылга», 1993. — 88 с.

Часть шестая

А. А. Карымсакова,

С. О. Омурзаков,

В. М. Плоских

Турар Рыскулов

в истории

Кыргызстана

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Почтив память и увековечив имя Турара Рыскулова в наших мыслях, мы воздадим должное за его великие труды во благо казахского народа. Ясно как день величие личности Рыскулова, спасшего свой народ от вымирания во времена великого голода. Это сродни подвигу противостоять тирании и деспотизму Сталина, отправившего на верную смерть многие тысячи жизней, и пожертвовать собой ради правды, восстав против намеренного уничтожения казахской нации. Имя Турара Рыскулова будет вечно жить в памяти казахского народа за его величайшие заслуги и труды!»

*Президент Республики Казахстан
Н. А. Назарбаев*

Отрывок из речи вечера «Памяти истории» 1994 г., посвященного национальным деятелям

В ряду талантливых сынов казахского народа особняком стоит фигура Турара Рыскулова — государственного деятеля, историка, экономиста, публициста. Это историческая личность, один из первых основателей будущей политической и экономической независимости Среднеазиатских республик и Казахстана. Вначале Турар Рыскулов стал председателем Центрального Исполнительного Комитета Туркестанской Республики, затем возглавил Совет Народных Комиссаров Туркестана. Он претворил в жизнь широкомасштабные мероприятия по восстановлению и развитию

народного хозяйства, производства, просвещения, борьбы с безграмотностью, выравниванию политико-экономических прав народов и др.

Государственная деятельность Т. Рыскулова на посту председателя Мусульманского бюро Коммунистической партии Туркестана, его роль в создании экономического союза среднеазиатских республик, таможенного союза с Иранской республикой, работа по линии Коминтерна в Монголии, деятельное участие в разработке первой Конституции Монголии, а также в качестве заместителя И. Сталина (являясь заместителем Председателя Совнаркома РСФСР) на протяжении 11 лет, значительна и бесценна. В большинстве случаев Т. Рыскулов принимал непосредственное участие в решении хозяйственных и экономических проблем страны, особенно при строительстве первой и второй пятилеток. Велика заслуга нашего знаменитого земляка в строительстве Турксиба, именно он возглавлял комитет по строительству.

Значимость Т. Р. Рыскулова как крупной политической фигуры на советском политическом олимпе признавали уже его современники. В. В. Куйбышев писал о нем в письме секретарю ЦК РКП(б) Е. Д. Стасовой от 9 августа 1920 г., что «Рыскулов — незаурядная фигура и может обработаться в Москве в недюжинного коммуниста...». М. В. Фрунзе отмечал в том же году, что он «помимо ума, обладает большой энергией и недюжинным характером»¹. Подчеркнем для понимания всей значимости приведенных оценок, что в 1920 г. Т. Р. Рыскулову было всего 26 лет.

Ярый идеологический противник большевиков, один из лидеров российской мусульманской эмиграции в Европе М. Чокаев назвал Т. Р. Рыскулова в своей книге «Туркестан

¹ Устинов В. М. Служение народу (Партийная и государственная деятельность Т. Рыскулова). — Алма-Ата, 1984. — С. 78, 7.

под властью Советов», изданной в Париже в 1935 г., «сталинским фаворитом»¹.

Выдающийся политический деятель России, Туркестана и Казахстана Турар Рыскулов оставил заметный след и в истории Кыргызстана. Здесь он начал свое образование, сюда неоднократно приезжал по работе, будучи заместителем наркома по делам национальностей РСФСР И. Сталина, а затем председателем Совнаркома Туркестана, зам. предсовнаркома РСФСР, хорошо знал кыргызских государственных деятелей Ю. Абдрахманова, А. Сыдыкова, Б. Исакеева, Т. Айтматова и др., с которыми плодотворно сотрудничал все свои годы и разделил трагическую судьбу в 1937–1938 гг.

С огорчением следует отметить, что даже в фундаментальных академических трудах (например, «История Киргизской ССР», т. 3, освещающий период 1917–1937 гг.) нет в историографических обзорах и списках использованной литературы даже упоминаний о Т. Рыскулове, равно как и о его кыргызском соратнике Торокуле Жанузакове — зампреда Центральное Исполнительного Комитета Туркестанской АССР.

В окружении близких людей и родных Рыскулов заражал всех своими планами, идеями, мыслями. Его личность покоряла своей волей, целеустремленностью. Он обладал каким-то неведомым гипнотическим воздействием на людей, подчиняя их своему уму и своей энергии. Рыскулов представлял собой редкостное явление человека жизненной воли, соединяющего фантастическую веру в революцию, в социализм, с не меньшей верой в себя, в свою внутреннюю силу и убежденность.

Жизнь Т. Рыскулова была полна лишений и трудностей, вместе с тем, он прожил яркую, интересную жизнь,

¹ Чокай оглы М. Туркестан под властью Советов / сост. Е. Аккошаров // В сб. Из истории казахов — Алматы, 1997. — С. 345.

не покладая рук работая ради будущего своего народа. Были взлеты и падения, но ничто не могло сдвинуть его с выбранного им пути и изменить его жизненную позицию — служение своему народу без остатка.

Символичен трагический конец Т. Рыскулова — аналогичный всей политической и творческой элиты Кыргызстана и Казахстана: массовые репрессии 1937 г. и расстрелы 1938 г. Среди них были самые яркие звезды: Т. Рыскулов, Ю. Абдрахманов, А. Сыдыков, Б. Исакеев, Т. Айтматов, А. Байтурсунов, А. Букейханов, М. Тынышпаев, Х. Досмухамедов, М. Жумабаев и многие другие.

О. Сабден, академик АН РК

ОСНОВНЫЕ ВЕХИ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ

Беспокойная молодость

Роль Турара Рыскулова в истории Кыргызстана — еще неисследованная страница государственного строительства, особенно трагических этапов борьбы с инакомыслием и репрессий тоталитарного режима 1930-х гг. Выявленные ранее секретные документы архива бывшего КГБ и современного архива политической документации Кыргызстана позволяют несколько осветить эту проблему.

Жизнь талантливого казахского политика, журналиста и писателя Т. Рыскулова во многом была связана с Пишпекком, зрелые годы его организаторской деятельности прошли в Семиречье, Туркестане и Москве.

Турар Рыскулов родился 14 декабря 1896 г. в Восточно-Талгарской волости Верненского уезда Джетысуйской области в семье бедняка-кочевника («простого киргиза», как писал сам Т. Рыскулов по традиции нач. XX в.). Безрадостным было тяжелое детство.

Здесь конечно необходимо учитывать, что в советский период анкета партийного и государственного руководителя должна была соответствовать существовавшей партийной идеологии. Поэтому вывод относительно происхождения Т. Р. Рыскулова требует дополнительного изучения, т. к. на этот счет имеется и другая информация.

В воспоминаниях о родителях и своих детских годах, о борьбе против царской администрации и внутри казахского общества с местными угнетателями Т. Рыскулов позже напишет так: «...Одним из способов царской туземной

администрации выжимать доход из населения было сваливание вины за пропажу скота на малые роды и бедных. То же проделывалось и в отношении нашего рода, в частности, ложные обвинения предъявлены были и моему отцу. Недовольство нашего рода этой тиранией волостной администрации дошло до крайнего напряжения. Мой отец, Рыскул Джилкайдаров, выведенный из терпения, застрелил тогдашнего волостного управителя Восточно-Талгарской волости Саймасая Учкемпирова. Последний был богатым человеком, имел влияние в нескольких волостях, был другом Семиреченского областного военного губернатора, который ежегодно ездил гостить к этому волостному на джайляу и на охоту на Иссыкское озеро. Я помню, как мобилизовались все аулы для расчистки дороги во время выездов губернатора на джайляу со всей его многочисленной свитой: ставились юрты, резались бараны и т. д.»¹.

Эти события 1905 г. позже лягут в основу повести Мухтара Ауэзова «Караш-Караш», а кыргызский режиссер Болот Шамшиев в 1969 г. напишет сценарий и студия «Киргизфильм» поставит художественный фильм «Выстрел на перевале Караш».

Эти драматические события коротко описал Т. Рыскулов в середине 30-х гг.: «Мы укрылись в доме русского казака, кажется по фамилии Жиряков, который, будучи вооруженным, не выдал нас родным волостного, несмотря на угрозы и требования расправы... Однажды ночью родные волостного ворвались в землянку, где мы жили, и потащили меня. Женщины (моя мачеха и жена брата отца) подняли вой, они вырывали волосы и царапали себе лицо (по казахскому обычаю). Прибежали соседи таранчинцы (уйгуры. — Авт.) и спасли меня»².

¹ Рыскулов Т. Из истории революционной борьбы в Казахстане // Избранные труды. — Алма-Ата, 1984. — С. 227.

² Рыскулов Т. Р. Избранные труды. — Алма-Ата, 1984. — С. 228.

Долгие месяцы следствия Рыскул Джилкайдаров провел в Верненской тюрьме. Остро переживавший за отца Турар все это время обитал в тюремном дворе, где познакомился с его бытом и нравами. Боясь за судьбу юноши, Рыскул уговорил начальника тюрьмы Приходько принять Турара на работу к себе дворовым мальчиком с разрешением бывать и ночевать в камере отца в тюрьме. Турар отвозил в качестве кучера детей Приходько в гимназию, а сам в тюрьме на учебных курсах для арестантов начал свое первое обучение русской грамоте. Русские заключенные-революционеры обратили внимание на черноглазого мальчика-казаха. Одни научили его играть на балалайке, мандолине, скрипке, другие — на гармошке, домбре. Александр Бронников научил мальчика читать и писать. Юный Турар слышал в тюрьме революционные песни, рассказы. Это имело решающее влияние на вызревание самосознания юноши.

После различных проволочек суд приговорил отца к каторжным работам, определив местом отбытия срока Сахалин. Так как администрация отклонила ходатайство осужденного о том, чтобы ему разрешили взять сына с собой (Р. Джилкайдаров боялся, что ребенка могут убить родственники Учкемпирова), то дядя Турара увез его в Аулие-Атинский уезд. Там, поблизости от Мерке, Турар начал свой трудовой путь, нанявшись пастушонком к баю. Спустя некоторое время, с помощью знакомого учителя Турара под фамилией Киргизбаев удалось записать в трехгодичную русско-казахскую школу.

В 1907 г. одаренный и упорный Турар сумел поступить сначала в Верненское приходское училище, затем окончил Меркенский русско-казахский интернат и поступил в Пишпекскую сельскохозяйственную школу, где учился с 1910 по 1914 гг. Пишпек — центр одноименного уезда, главный город дореволюционного Кыргызстана, славился своими краеведами, сельхозшкола являлась главным

специализированным учебным заведением края. Турар успешно окончил Пишпекскую сельхозшколу. Чудом уцелел и выпускной аттестат:

«Аттестат

Дан сей аттестат от Педагогического Совета Пишпекской сельскохозяйственной школы 1-го разряда на основании ст. 38 Устава ее за надлежащими подписями и приложением печати ученику означенной школы Рыскулову Турару в том, что он, поступив в эту школу в октябре 1910 г., окончил в оной в сентябре 1914 г. полный курс и на окончательных испытаниях оказал следующие успехи...» — далее идут только отличные и хорошие оценки по общеобразовательным и специальным сельскохозяйственным дисциплинам, в том числе «по главнейшим законам, относящимся до крестьянского быта»¹.

В Пишпеке Турар познакомился со многими видными представителями кыргызской элиты, которые затем сыграли важную роль в возрождении национальной государственности. Среди них отметим А. Сыдыкова, И. Айдарбекова, И. Арабаева, Т. Худайбергенова и многих других. Кстати, И. Айдарбеков — первый глава автономного Кыргызстана, учился в Пишпекской школе вместе с Т. Рыскуловым. После окончания ее Айдарбеков поехал дальше обучаться в Ташкентское гидромелиоративное училище.

После окончания Пишпекской сельскохозяйственной школы, получив аттестат «садовода», Турар держал экзамен в Самарское среднее сельхозучилище, но там ему отказали в приеме, поскольку был «киргиз-номадом», которому, по выражению директора училища, «незачем учиться земледелию». Первая попытка поступить в учительский институт Ташкента в 1915 г. тоже потерпела неудачу — Турару отказали как инородцу. Лишь позже, по новому прошению

¹ ЦГА КР. Ф. 69. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.

в Министерство просвещения в Петербург, ему дано было разрешение на поступление в институт, и он два года обучается в Ташкентском учительском Институте.

Это также свидетельствует в пользу не совсем бедняцкого происхождения Т. Рыскулова, об этом говорит и его женитьба в дальнейшем на дочери тюремного смотрителя И. А. Приходько.

На глазах начинающего студента развернулись грозные события 1916 г. Весь июль волновались низы старгородской части Ташкента. Вести из ставшего родным Аулие-Атинского уезда недвусмысленно говорили о стремлении бедноты дать бой представителям царской администрации и феодально-байской верхушки, которая стремилась переложить на плечи трудового народа тяготы указа царя от 25 июня 1916 г. о мобилизации коренного населения Средней Азии и Казахстана на военно-тыловые работы. Вопрос о том, как быть дальше, решился быстро. Турар в числе лучших представителей национального студенчества примкнул к тем, кто отстаивал интересы трудящихся аула, вступил в бой с угнетателями. Он уезжает в Мерке.

Национально-освободительное восстание 1916 г. «явилось наивысшей точкой обострения классовых противоречий, одним из проявлений назревавшего в России революционного кризиса» Взрыв протеста крестьянских масс аулов и кишлаков Туркестана и Степного края своим острием был направлен против представителей царской администрации и «собственных» феодально-родовых и байско-манапских элементов.

Храбрые, но плохо разбиравшиеся в обстановке командиры повстанческих отрядов нередко обращались к Т. Рыскулову за советом, как поступать в том или ином случае. И, несмотря на молодость, Турар мог оценить положение, принять верное решение, благодаря чему стал выдвигаться в руководители национально-освободительного движения на юго-западе Казахстана, где произошли острые стычки

повстанцев с карательными войсками¹. Но в разгар восстания Турара арестовали. Казалось, ему суждено было в полной мере разделить участь отца, однако из-за отсутствия улик полицейские выпустили его. Вскоре он тяжело заболел. Восстание тем временем на большей части территории края было подавлено, лишь в Тургае Амангельды Иманов продолжал неравную борьбу с карателями.

По выздоровлении, стремясь избежать новых и нежелательных встреч с меркенской полицией, Т. Рыскулов возвратился в Ташкент для продолжения учебы. Там, в стенах института, его и застала весть о свержении самодержавия. Сообщения о героическом подвиге петроградского пролетариата и солдат столичного гарнизона, сокрушивших твердыни царизма, были с восторгом встречены трудящимися края. «Накопившаяся десятилетиями под гнетом царизма жажда к национальному самоопределению вырывалась наружу. Во всех городах, даже в кишлаках и аулах устраивались манифестации»², — вспоминал позднее Т. Рыскулов.

Однако, по мнению современного казахского исследователя Б. С. Сарсенбаева, Т. Р. Рыскулов не принял участия в восстании 1916 г. в силу тяжелой болезни, приковавшей его к постели.

Государственный деятель новой формации

Водоворот революционных событий поворотного 1917 г. затянул в себя и молодого Турара Рыскулова. Летом 1917 г. он создает отделение революционного союза «Букара»

¹ Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане. — Ташкент, 1967. — С. 137; Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. — М., 1960. — С. 9, 301–309; *Рыскулов Т. Р.* Избранные труды. — Алма-Ата, 1984. — С. 231.

² *Рыскулов Т. Р.* Избранные труды. — Алма-Ата, 1984. — С. 236.

в Аулие-Атинском уезде (часть территории современного Кыргызстана и Казахстана) для защиты интересов казахской и кыргызской бедноты, в сентябре того же года вступает в ряды РСДРП(б).

В 1917–1920 гг. — годы формирования Т. Рыскулова как активного сторонника Советской власти — он становится членом РСДРП (сентябрь 1917 г.), интенсивно работает в гуще казахских масс, руководит работой Советов, проводит Первый уездный съезд казахских депутатов, на IV Чрезвычайном съезде Советов Туркестанской республики избирается в состав ЦИК.

В 1918 г. в октябре он был назначен комиссаром здравоохранения Туркестанской республики, в ноябре — председателем Чрезвычайной комиссии по борьбе с голодом в Туркестанской республике. В марте 1919 г. Т. Рыскулов избирается председателем и членом Мусульманского бюро Коммунистической партии Туркестана. В свои 25 лет он был незаурядной личностью — целеустремленный человек с высокой работоспособностью и самоотдачей, дальновзоркий стратег, вольнодумец, бесстрашный борец за правду и справедливость¹.

На всех своих постах-назначениях Т. Рыскулов работал самоотверженно, не жалея ни сил, ни времени. Тому

¹ Сэбден О., Жэпек М. С. Туар Рыскуловтын публицистикасындагы экономикалык козкарастары. — Алматы: Үлы дала тулгалары, КР БФМ экономика институты, 2014; Кошанов, Сэбден О., Дугалов А. Туар Рыскулов: Государственная деятельность и экономические воззрения. — Алматы: Ин-т экон. МОН РК, изд Арыс.; Кыдырәлі Д. К. Ос бэйтерек (Шокай мен Туар ундестігі) — Т. Рыскуловтын 110 жылдыгына арналган Халыкаралык гылыми конференциянын материалдары — Туркі Отан: ХКТУ, 2005. — 145–167 б.; Койгелдиев М. Үлттык саяси элита. Кызметі мен тагдыры (XVII–XX) Зерттеулер — Алматы: Жалын, 2004; Аманжолова Д. А. Формирование совесткости. Национальные меньшинства в этнополитическом ландшафте СССР. 1920–1930 г.г. — М.: Собрание, 2010; Аныз адам (журнал — кітап). — Алматы, 2011. — 10–52 б.

¹⁴ Том VIII. В. М. Плоских

свидетельством документальные хроники, согласно которым председатель Комиссии по борьбе с голодом Т. Рыскулов «...выбрал правильную точку зрения и ...первоочередной задачей поставил спасение голодающих детей путем организации детских приютов и колоний для сирот и беспризорников»¹.

Таким образом, активная работа на различных участках советского строительства сформировала Т. Рыскулова как руководителя, государственного деятеля не только для Туркестанской республики, но и для зародившегося единого федеративного государства.

Возглавляя правительство Туркестана, он сумел добиться многого: велась культурно-просветительская работа среди местного населения, дехканству выделялась помощь зерном (12,5 млн пудов), скотом (20 тыс. голов), проводились земельно-водные и налоговые реформы. В результате уровень жизни и экономическое положение бедняцко-средняцкой части, составляющей основной контингент кышлаков, стали значительно улучшаться.

Одной из главных проблем, которой Т. Рыскулов уделял особое внимание, были финансы. Он говорил, что без разрешения финансового вопроса невозможно выполнение других социально — экономических задач. Нельзя ждать денежных средств из Центра, Туркестан должен сам обеспечивать себя налоговыми поступлениями. Призывал бороться с дефицитом бюджета, подчеркивая, что «...доходы не покрывают даже одной трети средств (расходов). Значит, необходимо сократить расходы или половину государственного аппарата. Отсутствие учета и надзора за нашими доходами требует принятия мер, то есть целесообразно взять на учет все ценности республики, которые находятся в ведении Центра. Назрела необходимость — передачи

¹ Рыскулов Т. Собрание сочинений в 3-х т. Том 1. — Алматы: Казахстан. 1997.

их части Туркестану. Внутренний заем тоже важный вопрос»¹.

В 1923 г. Т. Рыскулов вместе с Я. Э. Рудзутаком создал в Туркестанской республике таможенный союз с Иранской республикой. В 1923 г. были созданы экономические союзы между Туркестанской, Бухарской, Хорезмской республиками.

С 1924 г. начинается новый этап в жизни и деятельности Т. Рыскулова, теперь он выходит на международный уровень, в качестве представителя Коминтерна он был направлен на работу в Монголию. Во время пребывания там, наряду с политическими вопросами (он принимает участие в разработке первой Конституции МНР), занимается и экономическими проблемами страны. Интересен тот факт, что в 1925 г. при активном участии Т. Рыскулова (в составе делегации Монголии он участвовал в данном мероприятии под фамилией «Казакбай») начали налаживаться дипломатические отношения Монголии с Китаем.

После возвращения из Монголии Т. Рыскулов активно включается в дискуссию о социально-экономических процессах в ауле.

В 1926 г. Т. Рыскулов назначается заместителем Председателя Совнаркома РСФСР и оказался единственным представителем восточных народов в правительстве. Становится руководителем Комитета содействия строительству Турксиба (1927–1930 гг.), начальником Главного управления коммунального хозяйства (1930–1931 гг.)

Как наиболее компетентного человека Т. Рыскулова утверждают Председателем Постоянного хлопкового совещания при Совнаркоме СССР (1926–1930 гг.).

Будучи зам. Председателя Совнаркома РСФСР, Т. Рыскулов занимался многими вопросами — возглавлял

¹ Туркестан. 12 декабря. 1922.

специальную правительственную комиссию по организации и руководству работой, связанной с переводом промышленных предприятий на непрерывное производство с целью повышения производительности труда. На протяжении всей своей руководящей деятельности Т. Рыскулов оказывал активное содействие интеграционному процессу экономики Казахстана и России. Он участвовал в 296 заседаниях Совнаркома РСФСР, 34 раза председательствовал на заседаниях правительства Российской Федерации, подписал 2070 постановлений Совнаркома РСФСР.

В 1932–1934 гг. Рыскулов возглавлял Комитет кустарной промышленности и промысловой кооперации при ЭКОСО РСФСР. Комитет на местах создавал своеобразные мини-фабрики, заводы, которые выпускали широкий ассортимент как промышленных, так и продовольственных товаров для трудящегося и его семьи. Можно сказать, что эти мини-фабрики, заводы являлись своеобразными малыми предприятиями, то есть, говоря современным языком, представляли малый и средний бизнес.

Промысловая кооперация сыграла роль во внешнеэкономических связях Советского Союза, активно заготавливая для экспорта пушнину, лес и другие экспортные товары.

В 1930–1934 гг. Т. Рыскулов возглавлял Экспортное совещание Российской Федерации. По предложению Т. Рыскулова в 1933 г. была проведена специализация предприятий, работавших на экспорт (в сегодняшнем понимании речь шла о конкурентоспособности). Особое внимание он уделял заготовкам пушнины, льна и лесоматериалов для поставки их за рубеж, следил за качеством продукции. «Одно количественное выполнение плана еще недостаточно, иной раз качество решает все, а погоня за одним количественным показателем не дает в результате нужного валютного эффекта. Таков опыт финнов сегодня», — писал он¹.

¹ Внешняя торговля. — 1933. — № 21–22. — С. 2.

Особое место в деятельности Т. Рыскулова занимает практическое решение проблем региональной экономики. В целом им было опубликовано более 250 трудов, в числе которых — «Джетысуйские вопросы», «Турксиб», «Казахстан», «Киргизстан».

В этих трудах он одним из первых дает цельную характеристику экономической истории и экономической географии Казахстана и Киргизии.

Монографическая работа Т. Рыскулова «Казахстан» (1927 г.) является фундаментальным трудом. В этой работе показано состояние республики в 20-е гг. XX века, развитие скотоводства, промышленности, торговли, транспорта, финансовое состояние, его подчиненность федеративному плану.

Общее количество населения Казахстана составляло около 6553600 чел., из которых на долю сельского населения приходилось около 92%, а на долю городского населения — 8%, часть которого также занималась сельским хозяйством.

В работе «Киргизстан» (1929 г.), крупном, обширном труде, опирающемся на архивные документы, опубликованные источники и статистические материалы, также показаны колонизаторская политика царской России, роль Октября, образование Киргизской АССР, хозяйственное положение того времени.

При его поддержке в 1929 г. были открыты Казахский педагогический институт (ныне КазНПУ им Абая), ветеринарный институт, пединституты в Ташкенте, Бишкеке, и Туркестанский университет (г. Ташкент, САГУ). Т. Рыскулов принимал также участие в открытии Коммунистического университета трудящихся Востока (КУТВ) в г. Москве. Он курировал институты востоковедения и учебные заведения Москвы и Ленинграда, выступал в МГУ и других университетах.

Будучи очень занятым человеком на посту зам. Председателя Совнаркома РСФСР, он много думал о родном

Казахстане, из писем от родных, он знал о чаяниях своего народа, о том, как он выживал в трудные времена великого голода и об откочевках казахов¹.

Глубоко переживая страшные, трагические результаты сплошной коллективизации для коренного населения Казахстана, проводимой под руководством Голощекина, Т. Рыскулов пытался убедить И. В. Сталина и его окружение в необходимости смены курса, но безрезультатно. На приеме у И. Сталина он ставит на рассмотрение ЦК ВКП(б) ряд задач по предотвращению голода, откочевке казахов и предлагает меры по их выполнению.

В меру своих сил и возможностей Т. Р. Рыскулов старался не забывать о Казахстане. В период массового голода в Казахстане 1932–1933 г. он старался помогать голодающему и откочевавшему с территории Казахстана казахскому населению (кстати, около 100 тысяч казахов бежало на территорию Киргизской АССР, где им власти и местное население оказывали посильную помощь).

9 марта 1933 г. Т. Р. Рыскулов направил обширную и подробную докладную записку И. В. Сталину, Л. М. Кагановичу и В. М. Молотову, в которой проанализировал ситуацию с голодающими и откочевниками в Казахстане и предложил ряд срочных мер по улучшению положения голодающих людей².

Кроме того, зампред СНК РСФСР внимательно отслеживал ситуацию с казахскими беженцами в граничащих с Казахстаном республиках и областях, ставших для них временным прибежищем. Например, 7 июля 1933 г. он перенаправил со своим письмом руководству Средазбюро ЦК ВКП(б) и Киргизской АССР копию письма наркома юстиции РСФСР Н. В. Крыленко о безобразиях

¹ Известия. 2 октября. 1929.

² ЦГА ПД КР. Ф. 10. Оп. 1. Д. 506. Л. 29–37.

на питательных пунктах, организованных для казахов-откочевников в г. Токмаке¹.

В течение весны 1933 г. он направил не менее 4 правительственных телеграмм председателю СНК Киргизской АССР Ю. Абдрахманову по вопросу об обустройстве казахских беженцев и имевшей место практике административного выселения откочевников с территории автономной республики².

Подобные телеграммы он в период массового голода 1932–1933 гг. часто направлял и в другие регионы и республики, куда бежали от голода казахи³.

Вся эта активность, направленная на спасение хотя бы части голодающих беженцев и облегчение их трагической участи, ускорила печальный конец Т. Р. Рыскулова.

К тому же, в его адрес звучали обвинения в «национал-уклонизме».

Т. Р. Рыскулов, анализируя в 1935 г. книгу Брайнина и Шафира «Очерки истории Алаш-Орды» (Алма-Ата, 1935 г.), дал в целом отрицательную оценку движению «Алаш». Он писал о А. Сыдыкове: «Отдельные алашские элементы имелись даже в Киргизии (в Пишпеке) во главе с известным манапом Садыковым»⁴. Это было своего рода отмежевание от А. Сыдыкова и Социал-Туранской партии, в принадлежности к которой Турара Рыскулова обвиняли, что послужило и одним из пунктов обвинительного приговора 1937 г. против него.

Последнее ответственное задание, которое выполнял на посту зам. председателя СНК Т. Рыскулов: он был введен

¹ ЦГА ПД КР. Ф. 10. Оп. 1. Д. 506. Л. 63–64.

² ЦГА КР. Ф. 23. Оп. 1. Д. 720. Л. 59, 46, 81а, 47

³ *Рыскулов Т.* Собрание сочинений в 3-х т. Т. 3. — Алматы, 1998. — С. 348–351.

⁴ *Рыскулов Т. Р.* Избранные труды. — Алма-Ата, 1984. — С. 211.

18 января 1937 г. в редакционную комиссию для выработки окончательного текста Конституции РСФСР.

21 мая 1937 г. Т. Р. Рыскулов был арестован сотрудниками НКВД в Кисловодске, где находился на отдыхе с семьей. В тот же день спецконвоем в отдельном вагонзаке арестованный был отправлен в Москву, где был помещен в тюрьму НКВД на Лубянке.

После 8 месяцев тюрьмы с применением пыток Т. Р. Рыскулов признал себя виновным в связях с «контрреволюционным бухаринско-рыковским троцкистским центром».

Осенью 1937 г. его также обвинили в причастности к националистической организации «Итти-фат-ва-Тараки», ставившей задачу отторжения Советского Туркестана и передачу его под протекторат Англии. Обвинили его и в причастности, даже руководстве Социал-Туранской партией, корни которой были в Киргизской ССР, где в свое время осудили ее организаторов и участников (1933–1934 гг.) и где с 1937 г. проходили новые судебные процессы под лозунгом причастности к СТП всех «врагов народа» из числа кыргызской интеллигенции и партийной номенклатуры¹.

Дело по обвинению Т. Р. Рыскулова было рассмотрено на закрытом заседании Военной коллегией Верховного суда СССР 8 февраля 1938 г. Ему инкриминировались ст. 58–2, 58–8, 58–9 и 58–11 УК РСФСР, что означало обвинения в измене Родине, вооруженном восстании, захвате власти, терроре. Приговор суда — расстрел с конфискацией личного имущества осужденного. Приговор был приведен в исполнение в Москве 10 февраля 1938 г. Т. Р. Рыскулов был посмертно реабилитирован 8 декабря 1956 г.²

¹ Плоских В. М., Карымсакова А. А. Турар Рыскулов в истории Кыргызстана // Труды Института мировой культуры. Выпуск IV. Война. Мир. Духовное наследие / Отв. ред. академик В. Плоских. — Бишкек—Лейпциг, 2005. — С. 217–218.

² Там же. — С. 225–226.

Даже после расстрела имя Т. Р. Рыскулова продолжали порочить обвинениями, в том, что он якобы был «руководителем пантюркистской контрреволюционной организации». Об этом говорилось в протоколах допроса арестованных Б. Исакеева¹ и А. С. Сыдыкова², которые уже знали о трагической судьбе расстрелянного Т. Р. Рыскулова и поэтому под пытками назвали его имя.

Репрессии исковеркали судьбы членов семьи Т. Р. Рыскулова. Его жена, Азиза Тубековна Рыскулова-Исенгулова, была отправлена с новорожденной дочерью Ридой в Акмолинский лагерь жен изменников родины (печально известный АЛЖИР — Акмолинский лагерь жен изменников Родины). Единственный сын Т. Р. Рыскулова от первого брака, Ескендир (или Александр), был сослан в Архангельский лагерь. Две старшие дочери Т. Р. Рыскулова, восьмилетняя Майя и четырехлетняя Сауле, были принудительно отправлены в детдом в селе Дубки Одесской области. К счастью, обеих девочек рискнули забрать оттуда к себе близкие родственники³.

Только в 1996–1998 гг. в Казахстане свет увидело полное, без идеологических изъятий трехтомное собрание сочинений Т. Р. Рыскулова, которое включало в себя систематизированные научные работы, докладные записки, выступления и переписку с широким кругом лиц⁴.

В 2007 г. впервые было издано полное собрание сочинений Турара Рыскулова в пяти томах⁵.

¹ Тридцать седьмой год в Киргизии. Возвращенные имена. — Бишкек, 1991. — С. 274, 181.

² ЦГА ПД КР. Ф. 10. Оп. 1. Д. 515. Л. 90.

³ *Рыскулова Сауле*. Нелепый мемориал. Нужна ли нам память о последствиях политического террора? // Аргументы и Факты. № 52, 2012 г.; *Рыскулов Т.* Собрание сочинений в 3-х т. Т. 3. — Алматы, 1998. — С. 426.

⁴ *Рыскулов Т.* Собрание сочинений в 3-х т. — Алматы, 1996–1998.

⁵ *Рыскулов Т.* Полн. собр. соч. в 5-ти т. — Алматы, 2007.

Проблема национальных взаимоотношений

Т. Рыскулов активно участвовал в дискуссиях по национальным проблемам. Его точка зрения на государственность тюркских народов не совпадала с официальным курсом Ленина-Сталина, он получал взыскания и чуть не был исключен из партии уже в начале 20-х годов. Его позиции близко совпадали с позициями первых кыргызских государственных руководителей А. Сыдыкова. Ю. Абдрахманова, недовольных некомпетентным вмешательством посланцев Центра в политическую жизнь местных администраций.

В связи с переходом к НЭПу национальный вопрос был включен в повестку дня на XII съезде РКП(б). Выступление Т. Рыскулова на съезде по национальному вопросу поражает глубиной знания проблемы и своей правильной постановкой. В условиях НЭПа, по мнению Т. Рыскулова, национальный вопрос приобрел острый характер в связи с развитием торгово-ростовщического капитала в отсталых национальных окраинах, что, в свою очередь, породило возможную реставрацию феодальных отношений.

Т. Рыскулов обращает внимание на то, что во многих республиках бывших окраин не хватает промышленного пролетариата, а основная масса состоит из отсталого крестьянства. Поэтому он выступает за сосредоточение средств производства на месте дислокации источников сырья. «Мы в своей теоретической постановке говорим, — отмечал он, — что царизм отличается от Советской власти тем, что при царизме царский капитал, в частности, центральная текстильная промышленность, превращал окраины в главный источник сырья и не давал местной туземной промышленности возможности развиваться, а наоборот, всячески, во всех отношениях, поддерживал их отставание»¹.

¹ *Рыскулов Т.* Избранные труды. 1984.

Группа центральных работников совместно с делегацией Киргизстана на III Сессии ВЦИКа. 1926 г.

Слева направо сидят: Зам. Отв. Секретаря ВЦИКа Полуян, Отв. Секретарь Киробкома Садаев, Председатель Облисполкома Уразбеков, Председатель ВЦИКа М. И. Калинин, Инспектор кавалерии РККА Буденный, Наркомвнутдел Белобородов, заместитель Председателя Облисполкома Киргизии Фатьянов;

Стоят направо: зам. Секретаря Совета Национальностей Союза Чаньшев, зам. Секретаря ВЦИКа Асфендиаров, Наркомюст Курский, заместитель Предоблисполкома Киргизии Абдрахманов, Постоянный Представитель при ВЦИКе Токбаев

В связи с этим Т. Рыскулов ставит вопрос об экономическом районировании, ибо именно оно как раз преследует цель создания и прикрепления к промышленным центрам соответствующих сельских местностей и вообще сельского хозяйства. При осуществлении этой меры, во-первых, создается пролетарская база, во-вторых, облегчается выработка самого сырья, добываемого на окраинах, в-третьих, укрепляется связь города с деревней. Все это он убедительно обосновывает анализом социально-экономического развития Туркестана.

Т. Рыскулов, проводя экономическую оценку положения крестьян в Туркестане, делает вывод, что условия ведения хозяйства сельскими жителями края требуют наделения их землей и доступа к поливной воде. В Средней Азии было развито поливное земледелие. При непосредственном участии Т. Рыскулова был создан Среднеазиатский сельскохозяйственный банк. Туркестанская АССР, Бухарская и Хорезмская народные советские республики участвовали в нем на паритетных началах. Правление банка находилось в Ташкенте, его отделения — в Бухаре и Хиве. Главная задача банка — организация кредитной кооперации и помощь дехканству в развитии сельскохозяйственного производства¹. Ссуда выдавалась в основном на восстановление хлопководческих и скотоводческих хозяйств

В 1920 г. он выступал с инициативой создания Тюркской компартии и Тюркской советской республики, за что его критиковали и обвиняли в национализме. Но он никогда не был националистом или уклонистом, не участвовал в «антипартийных» или «антисоветских» заговорах и интригах.

¹ Устинов В. М. «Служение народу» (Партийная и государственная деятельность Т. Рыскулова). — Алма-Ата: Казахстан, 1984; Сэбден О., Коньратбаев О. М. Турар Рыскуловтын орталык азидагы экономикалык кызметі. — Алматы, улы дала тулгалары, КР БҒМ, экономика институты, 2012.

Политические взгляды Турара Рыскулова дают основание рассматривать его как первого глобалиста советской эпохи. В условиях того времени у узбеков, казахов, кыргызов, туркменов, каракалпаков, таджиков и других народов Туркестана, Хивы и Бухары в силу объективного исторического развития еще не сформировалось национальное самосознание. Люди преимущественно идентифицировали себя с религией, со своими родами и племенами или в лучшем случае с тюркским этносом. Идея Тюркской Республики была поддержана Турккомиссией ВЦИК.

В июне 1920 г. она направила во ВЦИК телеграмму «о нецелесообразности организации трех республик Узбекской, Киргизской и Туркменской». Таким образом, идею национального самоопределения среднеазиатских народов Турар Рыскулов и Турккомиссия понимали как самоопределение тюркского народа.

Такой подход находил значительную поддержку среди местной интеллигенции. Исторически имелся шанс сохранить большую единую многонациональную республику Туркестан. Однако образованию Тюркской Республики помешало последующее вмешательство Ленина.

Сейчас это было бы федеративное государство с населением 80–100 миллионов человек, с огромным интеграционным потенциалом, природными запасами, единой экономикой и огромными возможностями, которое могло бы играть значительную роль в мировой политике. Но этот шанс был упущен, а небольшие по размеру тюркские государства Центральной Азии порознь до сих пор так и не могут занять достойное место в мировой иерархии.

Он во многом способствовал национальному размежеванию в Средней Азии, становлению советской государственности в Туркестане, в том числе кыргызского народа: Кара-Киргизская автономная область в 1924 г.; Киргизская автономная республика в 1926 г., которые, не имея даже прямой границы с РСФСР, входили на правах автономии

именно в Российскую Федерацию. Турар Рыскулов сначала как замнаркома национальностей И. Сталина, а позже, как зам. предсовнаркома РСФСР, был непосредственным куратором всех экономических и межнациональных отношений в молодой Советской Киргизии.

Заметное место в биографии Турара Рыскулова, как оппозиционера, занимает частное совещание (вошедшее в историю как «рыскуловское совещание») руководящих работников автономных образований РСФСР — членов ВЦИК и ЦИК СССР, посвященное национальному вопросу и проходившее в Москве под его председательством в 1926 г. По своему составу, значимости обсуждаемых на нем вопросов это совещание, как показало время, по существу выполняло функцию Всесоюзного совещания по национальному вопросу. Стенограмма так называемого «совещания националов» — или «рыскуловского» совещания, содержащаяся в московских архивах под грифом «Секретно», до сих пор не опубликована на русском языке. Первая информация о нем появилась десять лет назад в одной из казахстанских газет. Тогда еще кандидат исторических наук, а ныне доктор наук, профессор, руководитель Института истории и этнологии Казахской академии наук М. Койгельдиев вкратце описал его суть. Дело обстояло так.

В мае 1926 г. работавший в Кызыл-Орде редактором газеты «Энбекши Казак» Турар Рыскулов неожиданно был приглашен в Москву и назначен на должность заместителя Председателя Совнаркома РСФСР. Это было время, когда центр под руководством И. Сталина интенсивно работал над созданием новой советской империи. Любая преграда на этом пути убиралась немедленно. Так было решительно покончено с «валидовщиной», «султангалиевщиной», и другими «уклонистами». Однако силы, недовольные этой политикой Центра, еще были. Были и политические фигуры, способные выразить это недовольство на должном уровне. Одной из таких фигур являлся Т. Рыскулов. Это было

время, когда в Кыргызстане с аналогичными взглядами дали о себе знать предсовнаркома автономной республики Юсуп Абдрахманов, а позже и руководитель нелегальной Социал-Туранской партии Абдыкерим Сыдыков. С этими двумя именами неразрывно будет связана судьба Тураара Рыскулова до последних дней жизни. Практическое решение национального вопроса в молодой стране Советов проходило медленно, а многие вопросы конституционного правового характера во взаимоотношениях центра и окраин требовали неотложного решения. Обещанное большевиками национальным окраинам империи право на самоопределение становилось призраком. В этих условиях в недрах политического руководства автономных образований РСФСР, в частности в Киргизии и Казахстане, назревает недовольство политикой центра в отношении национальных республик. Сопровождение националов, созванное Т. Рыскуловым, по существу стало своеобразным выражением этого недовольства. Оно проходило 12 ноября вечером и 14 ноября, в воскресенье 1926 г. Открывая совещание, Т. Рыскулов отметил, что оно организовано по инициативе отдела национальностей ВЦИК и по просьбе представителей национальных окраин, ...приехавших с мест на партконференцию и сессию ВЦИК.

Участники совещания прослушали информацию Т. Рыскулова, обсудили тезисы, подготовленные Асфендиаровым, Самурским и Курцем, а по остальным вопросам шел свободный обмен мнениями. Авторы тезисов обвиняли столичные органы власти в чрезмерной централизации управления, в бюрократизме и нежелании понять коренные проблемы национальных образований, а именно: в коренизации аппарата управления, решении земельного вопроса, создании, внедрении национальных языков в качестве государственного и т. д.

Не менее критичными были и выступления. Приводим некоторые выдержки из них:

Курц (председатель СНК АССР немцев Поволжья): «Центральными органами нашей власти не выполняются не только директивные постановления, которые имеют политический характер, но даже и законы, которые обязательны уже к исполнению всеми советскими органами в отношении нацменьшинств и частично даже попираются». Ю. Абдрахманов (зам. председателя облисполкома, Киргизия): «Во взаимоотношениях национальных окраин с центральными органами РСФСР мы имеем массу недочетов. Бывает так, что заявления русского ходока из национальной окраины ставятся выше, чем заявления официального органа той же автономной государственной единицы — ...в 21-м году мы проводили земельную реформу ...отчуждалась от захватчиков киргизская земля, не только земля, но и строения, в том числе и мельницы. ВЦИК издает постановления о том, что мельницы должны возвращаться прежним владельцам и на этом основании крестьяне поднимают бучу...».

С резкой критикой состояния дел выступили и представители Казахстана С. Асфендиаров, С. Мендешев, Ж. Мынбаев, С. Ходжанов, А. Досов. С заключительной речью на совещании выступил Т. Рыскулов. Он был бескомпромиссен: «Аппарат центральный налажен, отражает известные интересы и от этого налаженного направления его повернуть трудно. Аппарат не приспособлен к учету особенностей национальных соокраин. Бывают случаи, когда руководители аппарата даже не знают, какие национальности и где живут. Чиновничий элемент настроен националистически и великодержавный шовинизм именно идет оттуда».

При этом отмечалось, что центральные органы РСФСР всячески стремятся «подчинить себе самостоятельные наркоматы автономных республик и проложить путь к их ликвидации, усиливается переселенческо-колониционная тенденция в сторону окраин, с игнорированием учета нужд и интересов местного населения в земельном вопросе,

¹⁵ Том VIII. В. М. Плоских

вмешательством через головы правительств некоторых автономных республик».

Совещание по своему статусу не было правомочно принимать какие-либо решения, а всего лишь могло разработать конкретные предложения для комиссии М. И. Калинина. Было решено поручить Рыскулову, Курцу, Самурскому, Наговицину, Асфендиарову «довести до сведения Сталина о данном совещании».

Разумеется, И. Сталин не смог примириться с такой критикой его курса. Последовал приказ с требованием о немедленном осуждении поведения националов. Во всех автономных образованиях РСФСР проходит обсуждение и осуждение материалов «рыскуловского» совещания.

Сталин, однако, не пошел на открытый разрыв с Рыскуловым, ибо мало, кто в высшем руководстве страны знал лучше Рыскулова возможности и недостатки многонационального народнохозяйственного механизма союзного и республиканского процессов, особенностей решения национальной государственной политики, ее мусульманского аспекта огромных регионов Средней Азии, Казахстана, Восточно-европейской России. Они вынуждены были «терпеть» друг друга. До определенного времени¹.

История совещания националов, конечно, не заканчивается проведением на местах осуждающих его решения заседаний. В Кыргызстане в конце 1920-х гг. по инициативе и под руководством А. Сыдыкова возникает нелегальная оппозиция, оформившаяся в Социалистическую Туранскую партию. В 1937–1938 гг. почти все ее участники были репрессированы. Тоталитарная система не могла простить Т. Рыскулову, Ю. Абдрахманову и их единомышленникам проявленную дерзость и независимость.

¹ Устинов В. М. Турар Рыскулов. Очерки политической биографии. — Алматы, 1996. — С. 7–8

ТуркСиб и железнодорожная ветка Пишпек-Иссык-Куль

В 1927–1930 гг. проводилась напряженная работа по координации деятельности различных ведомств, правительств и общественности республик Средней Азии по строительству Туркестано-Сибирской железной дороги. Возглавляемый Рыскуловым Комитет содействия стал практически штабом этой гигантской стройки. К обсуждению важных научно-технических вопросов привлекались крупные ученые, специалисты промышленности, сельского хозяйства, транспорта. Одна из важнейших задач Комитета заключалась в разработке мероприятий по хозяйственному развитию районов тяготения к строящейся магистрали. Комитет провел большую работу по планированию и реализации комплексных научных исследований прилегающих районов, их финансированию.

Комитет содействия ясно представлял себе, что одним из главных результатов строительства Турксиба должно быть создание на местах большого отряда рабочего класса Казахстана, в особенности кадров рабочих-строителей и железнодорожников-эксплуатационщиков. Было введено процентное ограничение ввоза рабочей силы из других районов. Принят курс на максимальное использование местной рабочей силы, при этом разрешен ввоз только той части квалифицированной рабочей силы, которую нельзя завербовать на месте.

Таким образом, роль Турксиба в создании кадров рабочего класса Казахстана, в особенности национальных кадров железнодорожников, была огромна. Если за 1927–1934 гг. общее число железнодорожников выросло в 3,5 раза, то казахов среди них — в 14,6 раза.

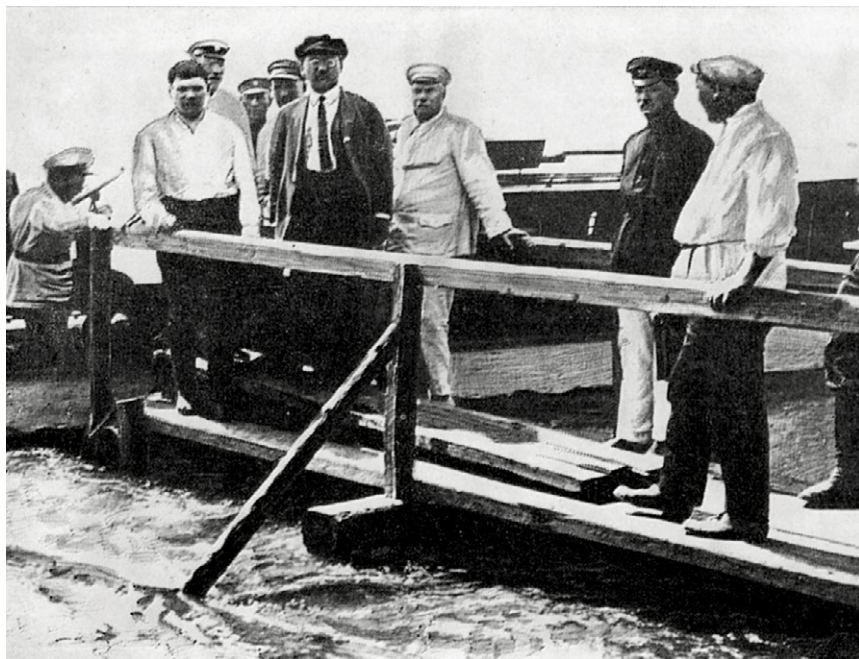
30 октября 1926 г. Турар Рыскулов выступил со статьей в газете «Правда», где доказывал жизненную необходимость Семиреченской ветки Турксиба, которая должна

соединить Среднюю Азию, где растет хлопок, с богатой хлебом Сибирью. 3 декабря Совет труда и обороны принял постановление о строительстве Туркестано-Сибирской дороги. Был создан Центральный комитет содействия строительству во главе с заместителем председателя Совнаркома РСФСР Тураром Рыскуловым.

Если на северном направлении магистрали сразу началась прокладка колеи, то на южном дело застопорилось. Не могли решить, как прокладывать дорогу — через Курдай или Чокпарский перевал. Турар сам выехал на место и вместе с инженерами П. Березиным и М. Тынышпаевым вдоль и поперек исходил эти места. И убедился, какое направление выгоднее и надежнее. Добившись правительственного разрешения, он сразу выехал из Москвы на станцию Луговую, чтобы открыть великую стройку. Кинокадры сохранили для нас этот исторический день: 21 ноября 1927 г. На трибуну поднимаются руководители стройки, гости из Москвы и Фрунзе, Ташкента, тогдашней столицы Казахстана — Кзыл-Орды. Начальник строительства Владимир Шатов открывает торжественный митинг. Оглашает телеграмму председателя Совнаркома страны А. Рыкова, в которой тот выражает уверенность в успешном завершении строительства Турксиба. Духовой оркестр играет пролетарский гимн. Собравшиеся на торжество окрестные жители аплодируют и громко скандируют: «Турар-ага! Турар-ага!».

Говоря о главных функциях дороги, Т. Рыскулов писал в это время в газете «Известия»: «Основная цель постройки Туркестано-Сибирской железной дороги — обеспечение снабжения Средней Азии дешевым хлебом из ближайших районов (Сибирь, Казахстан, Киргизия), усиление развития хлопководства и удовлетворения советским хлопковым волокном потребностей нашей текстильной промышленности».

В кыргызской историографии несколько сдержанно (мягко говоря) оценивается роль Т. Рыскулова в строительстве ответвления железнодорожной ветки от Турксиба на

**Т. Р. Рыскулов на строительстве Туркесба.
Иртыш 1928 год**

кыргызское направление. Но и документы и записи самого Т. Рыскулова свидетельствуют, что именно по инициативе Т. Рыскулова и под его непосредственным контролем шло доведение Семиреченской железной дороги от г. Фрунзе (к Пишпеку ветка была подведена еще летом 1924 г.) до Токмака с изысканиями возможности продолжения ветки до озера Иссык-Куль. «Постройка этой ветки, — писал Т. Рыскулов, — имеет большое значение для северного Кыргызстана, так как она проходит по развитой оседло-земледельческой полосе (Чуйская долина) и будет соединять ряд промышленных предприятий (сахарный завод и др.). Но еще большее значение имеет эта ветка в смысле

усиления нашей торговли с Кашгарией (Западный Китай) по линии тракта Рыбачье—Нарын—Туругарт—Кашгар»¹.

Сдержанное отношение к Т. Р. Рыскулову в Кыргызстане объясняется тем фактом, что при выборе маршрута южного участка Турксиба из четырех возможных — Курдайский, Какпотасский, Кастекский и Чокпарский — постановлением СТО СССР и СНК РСФСР был выбран последний, который единственный из всех полностью проходил по территории Казахстана, и оставлял, таким образом, северную часть Киргизской АССР в стороне от трассы Турксиба, что негативно влияло на темпы экономического и социального развития названной автономной республики.

Попытки СНК Киргизской АССР добиться реализации Курдайского варианта оказались безуспешными. Принятое решение было обусловлено стремлением максимально выпрямить магистраль с созданием сети подъездных путей, охватывавших прилежавшие к магистральной трассе районы².

Было начато большое строительство. Города Фрунзе и Рыбачье (сейчас это Балыкчы) были соединены железнодорожной веткой, что включило их в общесоюзное экономическое пространство. Но железнодорожное полотно было проложено только до Рыбачьего. Линия тракта Рыбачье — Нарын — Туругарт — Кашгар так и осталась только в планах³.

¹ *Рыскулов Т.* Собрание сочинений в 3-х т. Т. 2. — Алматы, 1997. — С. 337.

² *Джумабаева А. М.* История строительства железных дорог в Кыргызстане 1917–1955 гг. — Бишкек, 2008. — С. 33–50.

³ *Плоских В. М., Карымсакова А. А.* Турар Рыскулов в истории Кыргызстана / Труды Института мировой культуры. Выпуск IV. Война. Мир. Духовное наследие / отв. ред. академик В. Плоских. — Бишкек—Лейпциг, 2005. — С. 213.

Во время строительства Турксиба «он выступал на страницах центральной и местной печати как ученый-экономист, глубоко анализировавший вопросы роста грузооборота по Турксибу между Средней Азией, Сибирью, Казахстаном и Киргизией, влияние этого грузооборота на социально-экономическое развитие указанных районов и республик, рассматривал, в частности, Среднюю Азию как экономический район с ярко выраженным хлопковым направлением в хозяйстве, а Сибирь — район, способный поставлять большие запасы хлеба и фуража, леса и природных ископаемых. При этом выделял Казахстан и Киргизию в качестве районов со смешанным типом сельскохозяйственного производства (земледелия и скотоводства). Интересны наблюдения Т. Р. Рыскулова о развитии сибирской промышленности, в особенности металлургической и химической. Все это он освящал в своей книге «Турксиб», опубликованной в 1930 г., в многочисленных статьях, в предисловиях к книгам — Н. Грига «На Турксибе», З. Островского «Великая магистраль (о делах и людях Турксиба)»¹.

После успешного завершения этой грандиозной стройки первой пятилетки ВЦИК и СНК РСФСР оценили большую значимость строительства Турксиба под руководством заместителя Председателя Совета народных комиссаров РСФСР Т. Рыскулова и отметили его титанические усилия, потраченные на строительство.

Массовый голод в Казахстане (1932–1933 гг.)

В Казахской АССР массовый голод 1932–1933 гг. привел к значительной вынужденной эмиграции кочевников, когда целые казахские рода и аулы бежали в соседние

¹ Устинов В. М. Зампред Совнаркома Российской Федерации. — Алма-Ата: Казахстан, 1988.

регионы (в Сибирь, а также Киргизскую АССР, в которой проявления голода был заметно слабее в силу ряда политических и экономических причин) и страны (в основном, в Западный Китай и Монголию). Часть из них осталась там навсегда и сформировала многочисленную казахскую диаспору, численность которой по некоторым данным в настоящее время превышает полтора миллиона человек¹.

Немного вернемся к предыстории трагедии. Пятый пленум ЦК Компартии Казахстана в декабре 1929 г. постановил, что необходимым условием проведения генеральной линии партии на коллективизацию является переход кочевников к оседлому образу жизни. В данном случае коммунисты Казахстана под руководством Ф. И. Голощекина (одиозная фигура на политическом горизонте Казахстана) намного опередили союзные власти, так как указ о постоянном расселении кочевых племен на территории РСФСР был подписан только 6 сентября 1930 г².

Тогда же ЦК Компартии Казахстана постановил, что из 566 тысяч кочевых и полукочевых хозяйств к январю 1930 г. к оседлости должны быть насильственно переведены 544 тысячи³.

В резолюции Пятого Пленума ЦК Компартии Казахстана была записана следующая формулировка: «Всемерно... стимулировать коллективизацию животноводческих хозяйств в таких же темпах, как по зерновому хозяйству». Один из тогдашних секретарей Казкрайкома И. Курамысов говорил: «Вполне возможно, что коллективизация животноводческих хозяйств несколько сложнее, труднее,

¹ *Буркитбай Аяган*. «Пережив весь ад судьбы превратной...»: казахская эмиграция // Журнал Достык. Дружба. — Алматы. — № 3. 2011. — С. 8–9.

² Там-же — С. 14.

³ *Буркитбай Аяган*. «Пережив весь ад судьбы превратной...»: казахская эмиграция // Журнал Достык. Дружба. Алматы. № 3. 2011. — С. 14.

чем коллективизация зерновых хозяйств. Это ни в коей мере не означает, что мы в этом отношении помирились на меньшем темпе коллективизации, нежели это предусмотрено в отношении зернового хозяйства»¹.

Большой урон численности казахов на территории Казахстана нанесли откочевки в голодные годы. Четвертая часть этнических казахов, т. е. примерно 1030 тыс. человек, откочевало в годы голода за пределы родной республики. Из них 616 тыс. не вернулись обратно, 414 тыс. беженцев впоследствии вернулись в Казахстан. По оценкам специалистов, из безвозвратно откочевавших около 200 тыс. человек ушли за рубеж — в Китай, Монголию, Афганистан, Иран и Турцию. В межпереписной период 1926–1939 гг. за счет мигрантов численность казахов возросла в других союзных и автономных республиках: в РСФСР — в 2,3 раза, в Узбекистане — в 1,7 раза, в Туркмении — в 6 раз, в Таджикистане — в 7 раз, в Киргизской АССР — в 10 раз².

В одной из секретных докладных записок заместителя председателя СНК РСФСР Т. Р. Рыскулова, направленной И. В. Сталину, Л. М. Кагановичу и В. М. Молотову, которая датируется 9 марта 1933 г., отмечался подлинный размах трагедии массового голода: «По последним приблизительным данным, полученным с мест, прикочевавших в соседние с Казахстаном края сейчас казаков: в Средней Волге — 40 тыс. человек, Киргизии — 100 тыс. человек, Западной Сибири — 50 тыс. человек, Каракалпакии — 20 тыс., Средней Азии — 30 тыс. человек. Откочевники попали даже в такие отдаленные места, как Калмыкия, Таджикистан, Северный край и др. Часть населения во главе с баями откочевала в Западный Китай. Подобное явление откочевок

¹ История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). В 5-ти т. Т. 4. — Алматы: «Атамұра», 2009. — С. 252.

² Там же. — С. 286.

казаков в сторону центральных районов происходит впервые в Казакстане. Это не просто кочевание (которое обычно происходит летом на небольшое расстояние и при наличии скота), а в значительной части бегство голодных людей в поисках пропитания. Откочевники по отдельным районам доходят до 40–50% всего количества населения районов...

Но самым отрицательным результатом этих откочевок и расшатывания казахских хозяйств — являются голод и эпидемии среди казахского населения, начавшиеся с начала 1932 г., которые, ослабев летом, теперь вновь принимают угрожающие размеры. В прошлую весну в казахских районах и среди откочевников наблюдалась большая смертность на почве голода и эпидемий. Это явление вновь усиливается сейчас с приближением весны. Вот ряд фактов, взятых из материалов мест и относящихся к последнему времени. Приехавшие от нескольких краев, представители для участия в работах комиссии СНК РСФСР сообщают следующие факты:... т. Туганбаев (Зам. Председателя Киргизского ЦИКа) сообщает, что в г. Фрунзе и окрестностях скопилось до 10 тыс. казахов (о чем писал в ЦК ВКП(б) и Киробком ВКП(б)) и ежедневно умирает 15–20 человек (особенно дети)¹.

По данным кыргызстанского историка-демографа, доктора исторических наук, профессора Ш. Д. Батырбаевой, более 20 тыс. из числа казахских беженцев остались жить на территории современного Кыргызстана².

По примерным оценкам, прямыми жертвами голода и связанных с ним болезней стали в 1932–1933 гг. 1 млн. 750 тыс. человек, или 42% всей численности казахского населения Казахской АССР. Надо отметить, что в это время

¹ ЦГА ПД КР. Ф. 10. Оп. 1. Д. 506. Л. 29–30.

² *Батырбаева Ш.* Эпоха сталинизма в Кыргызстане в человеческом измерении. — М.: РОССПЭН, Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2010. — С. 37.

произошло значительное снижение численности и других этносов Казахстана: украинцев — с 859,4 до 658,1 тыс., узбеков — с 228,2 до 103,6 тыс., уйгуров — с 62,3 до 36,6 тыс. Представители этих этносов были вынуждены покинуть республику и бежать в более благополучные в продовольственном отношении территории — Сибирь, Узбекистан¹.

Партийное руководство Казахской АССР не предпринимало активных действий по возвращению откочевавших из-за голода в соседние регионы людей.

19 февраля 1933 г. Исполком Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б) на своем заседании рассмотрел вопрос об откочевке казахов в Среднюю Азию.

Ввиду отказа Казкрайкома ВКП(б) принять меры по организации возвращения откочевавших казахов было принято секретное решение об усилении изъятия кулаков, баев и родоправителей из среды казахских откочевников органами ГПУ, предоставления помощи и земельных наделов для оседания откочевавшим кочевникам, недопущения кочевых казахов в пограничные районы на основе разъяснительной работы (во избежание их возможного ухода из СССР). Также предписывалось организовать хозяйственное использование прибывших на территорию Средней Азии казахов на новых местах их проживания по линии оседания кочевников путем предоставления им соответствующих земельных наделов и оказания им помощи по линии использования рабочей силы в совхозах, организации транспортных артелей и т. п.².

¹ История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). В 5-ти т. Т. 4. — Алматы: «Атамұра», 2009. — С. 285.

² Из истории депортаций. Казахстан 1930–1935 гг. Сб. документов / сост.: Е. М. Грибанова, А. С. Зулкашева и др. — Алматы: ЛЕМ, 2012. — С. 566–567.

Равнодушное отношение казахских властей к судьбам голодающих и беженцев хорошо иллюстрирует пример из выше упомянутой докладной записки Т. Рыскулова: «...Органы Киргизской АССР сообщают, что недавно по согласованию с уполномоченным Казакского правительства направлено было 500 детей в Аулиэ-Ата, но там их не приняли, несколько детей умерло, а остальных пришлось привезти обратно в г. Фрунзе»¹.

Руководство Киргизской АССР для обеспечения продовольствием собственного населения и прибывших в республику десятков тысяч голодающих казахов сорвало план завышенных хлебопоставок в 1932 г., за что вскоре последовали суровые наказания.

Решением ЦКК ВКП(б) от 9 мая 1933 г. были освобождены от занимаемой должности с объявлением строгого выговора: О. Алиев — секретарь Киробкома ВКП(б), ведавший вопросами транспорта; Дж. Садаев — председатель Обл. КК — РКИ. Был объявлен строгий выговор по партийной линии первому секретарю Киробкома ВКП(б) А. О. Шахраю, председателю СНК Киргизской АССР Ю. Абдрахманову, уполномоченному Наркомснаба по Киргизской АССР Словацкому.

В сентябре 1933 г. ЦК ВКП(б) освободил А. О. Шахрая от обязанностей первого секретаря Киргизского обкома ВКП(б), а Ю. Абдрахманова — с поста председателя СНК Киргизской АССР².

В своем объяснении на имя заместителя председателя Президиума ЦКК ВКП(б) Ю. Абдрахманов писал: «Весной 1932 г. казахи массами прикочевали в Киргизию. Среди них началась смертность на почве голода. Это напугало многих руководителей, в т. ч. и меня.

¹ ЦГА ПД КР. Ф. 10. Оп. 1. Д. 506. Л. 33.

² *Абдрахманов Ю.* 1916. Дневники. Письма к Сталину. — Фрунзе: Кыргызстан, 1991. — С. 46.

По плану хлебозаготовок были разногласия в Средазбюро ЦК ВКП(б), так как мы считали, что нашу республику перегружают. В связи с казахскими откочевниками у нас — руководящих работников появились сомнения насчет реальности плана. Это демобилизовало нас, и мы в начале хлебозаготовок допустили по некоторым районам юга (Джалал-Абад, Араван-Бура, Наукат) торговлю хлебом. Беседуя с Шахраем и Исакеевым о том, что план трудно выполнить, я сказал: «Лучше пускай нас снимут за невыполнение плана, чем за то, что мы довели республику до положения Казахстана». Оба с этим согласились»¹.

11 ноября 1932 г. в своем дневнике Юсуп Абдрахманов отмечал: «...Бюро ОК приняло постановление о льготах кочевым и полукочевым хозяйствам. Расширительно толкуется решение СНК Союза. Это попытка задним числом исправить первоначальную ошибку. Хорошо, что исправляется, если не будет возражений со стороны Москвы...»

Кстати, М. кроет меня за казахов. Что причины беженства и т. д. казахов не в том, что там “глупые” люди — это верно, но... в другой раз напишем, что получится при иной концепции»².

31 декабря 1932 г. бюро Киробкома ВКП(б) рассмотрело вопрос о массовом наплыве в пределы республики казахских беженцев и приняло решение просить Средазбюро ЦК ВКП(б) о выделении необходимого минимального количества хлеба республике для оказания помощи беспризорным казахским детям и казахским беженцам. Так же было дано поручение Дж. Садаеву при его поездке в Москву информировать ЦК ВКП(б) о наплыве казахского населения на территорию Киргизской АССР, крайне бедственном

¹ Абдрахманов Ю. 1916. Дневники. Письма к Сталину. — Фрунзе: Кыргызстан, 1991. — С. 47–48.

² Там же. — С. 188–189.

их положении, массовых эпидемиях и смертности среди них. Кроме того, было решено просить Казкрайком командировать своего представителя в Киргизскую АССР для оказания практической помощи казахским беженцам и их детям¹.

В течение 1933 г. бюро Киробкома ВКП(б) неоднократно обсуждало проблему помощи казахским откочевникам. В работе по этой ситуации активно участвовали присланные в январе 1933 г. из Казахской АССР особо уполномоченные Казкрайкома и СНК Казахской АССР Курмангалиев и Избанов².

В начале 1933 гг. бюро Киробкома ВКП(б) сообщало в ЦКК ВКП(б) и Уполномоченному ЦКК ВКП(б) по Средней Азии Д. И. Манжаре: «На протяжении 1932 г. на территорию Кир. АССР из Казахской АССР перешло большое количество казахского населения. По неполным грубым и недостаточно проверенным данным количество перешедших определяется в 25—30 тыс. хозяйств»³.

Часть прибывшего казахского населения самостоятельно нашли работу по производственным предприятиям, строительству, совхозам и колхозам. Большая часть из числа перешедших людей находилась в чрезвычайно тяжелом экономическом положении и влачила жалкое голодное и полуголодное существование. В течение осени они питались на полях Киргизии, собирая колосья и занимаясь мелкими кражами хлеба и скота, с момента наступления холодов их положение резко ухудшилось, так как средств к существованию у большого количества перешедших не имеется.

Оказать реальную помощь казахским беженцам хлебом и другими продуктами республика не могла, так как сама

¹ ЦГА ПД КР. Ф. 10. Оп. 1. Д. 377. Л. 184

² ЦГА ПД КР. Ф. 10. Оп. 2. Д. 566. Л. 4.

³ ЦГА ПД КР. Ф. 10. Оп. 2. Д. 566. Л. 5.

имела в распоряжении крайне ограниченное количество хлеба, которого с натяжкой хватало на обеспечение всего населения.

Все это привело к тому, что к 1933 г. свыше 10 тыс. человек из числа откочевников находилось на краю гибели от голода. На этой почве среди казахов быстро распространялись эпидемии брюшного тифа и другие болезни, от голода и холода ежедневно умирало по несколько человек, родители бросали своих детей и приносили их в республиканские организации и оставляли там. Были случаи, когда детей оставляли на улице. По городам, селам и айлам было широко распространено нищенство. Имели место кражи продуктов питания на рынках, на полях и огородах. Больницы были переполнены больными беженцами¹.

4 июля 1933 г. нарком юстиции СССР Н. В. Крыленко направил заместителю председателя СНК РСФСР Т. Рыскулову записку, основанную на сообщении прокурора Киргизской АССР. Прокурор республики сообщал, что среди казахов-откочевников участились случаи людоедства на почве голода, жертвами которого оказываются в основном дети.

Так, в г. Токмаке 7 июня 1933 г. около питательного пункта для откочевников был обнаружен труп шестилетней девочки-казашки, причем внутренности и голова лежали на земле, а тело ребенка уже варилось в котле. Следствие установило, что девочка была зарезана тремя мужчинами и женщинами — казахами с целью утолить голод. Около того же пункта в другом месте был обнаружен труп девочки, приготовляемой казахом для варки — как он заявил об этом. Вообще, вокруг питательного пункта был обнаружен ряд человеческих костей (грудные клетки, ребра, височные, тазовые кости и т. д.)².

¹ ЦГА ПД КР. Ф. 10. Оп. 2. Д. 566. Л. 5.

² ЦГА ПД КР. Ф. 10. Оп. 1. Д. 506. Л. 64.

Киробком ВКП(б) и СНК Киргизской АССР предпринимали все возможные срочные меры для облегчения тяжелого положения казахских беженцев. Из республиканского бюджета было выделено 150 тыс. рублей, на которые свыше полутора тыс. детей было устроено в детские дома и в специально организованные по республике приемные пункты. Принимались меры по устройству откочевников на предприятия, стройки и в колхозы. Совместно с правительственной комиссией Казахской АССР была проведена кампания по возвращению беженцев в Казахстан, на что было выделено Киргизской АССР 5 тыс. пудов хлеба, но меры, не предпринятые Казахстаном, провалили кампанию и беженцы вернулись в Кыргызстан. На оказание помощи беженцам были использованы отпущенные союзным правительством 100 тыс. рублей, но их оказалось недостаточно для удовлетворения имевшихся потребностей¹.

Помощь простого народа и руководства Кыргызстана (особо отметим активность и последовательность участия Ю. Абдрахманова) голодающим беженцам — казахам, которые в тяжелое для себя время нашли приют на земле Ала-Тоо, не забыты и являются одной из самых трогательных страниц в истории дружбы и добрососедства двух народов.

Прибытие значительной массы казахов позволило большей их части выжить в период массового голода, а позже многим из них вернуться обратно на родину.

Т. Рыскулов и Социал-Туранская партия

Восемь десятилетий все наши познания о так называемой Социалистической (или социал) — Туранской партии (СТП) сводились к двум моментам: первоначально к тому,

¹ ЦГА ПД КР. Ф. 10. Оп. 2. Д. 566. Л. 5.

что это махровая националистическая организация, разветвленная по всей Средней Азии, затем это бездоказательное положение сменилось столь же бездоказательным утверждением, что такой организации в природе не существовало, она явилась плодом преступного воображения органов ОГПУ-НКВД и служила поводом для массовых репрессий национальных политических деятелей Средней Азии и Казахстана в 30-е годы.

Отсутствие документов-первоисточников, сверхжесткая засекреченность материалов не позволяли подтвердить или опровергнуть эти версии, и даже в научной литературе все оценки о СТП сводились к трафаретным штампам скупых партийных решений, авторы же обобщающих трудов по истории Компартии Союза и ее республиканских разветвлений отделялись молчанием.

Итак, что же это за мифическая организация, сокрытая вуалью строгой секретности, партия, за принадлежность к которой лучшие национальные лидеры Средней Азии и Казахстана взойшли на эшафот?

Мысли и идеи, обсуждавшиеся на Рыскуловском Московском совещании 1926 г., будоражили и тревожили местные кадры в автономиях Российской Федерации, Туркестана. Не стоял в стороне и Кыргызстан, свидетельством чего явилось выступление на «рыскуловском совещании» предсовнаркома Киргизской Автономной республики Ю. Абдрахманова.

Пройдемся по еще совсем недавно секретным материалам бывшего архива КГБ Кыргызской Республики. Одиннадцать томов, озаглавленных «Следственное дело № 5630 о контрреволюционной организации «Социалистическая Туранская партия». Правда, позже, чтобы не компрометировать самую идею социализма, уже в следственных и обвинительных документах тоталитарного режима в слове «социалистическая» последняя часть была

отсечена — зачеркнута, и название партии приняло вид «Социал-Туранская».

Но сначала была идея

В первые годы Советской власти идеи панисламизма и пантюркизма получили широкое распространение. Они были привлекательны для молодой тюркской интеллигенции в освободившейся от имперского колониализма окраине, особенно в период создания автономных и союзных республик. В Средней Азии они оформились в движение «Алаш», ставившее своей целью создание демократической федеративно-парламентской республики. В программном документе пантюркистов, носящем название «Соображения об основах социально-политического, экономического и культурного развития тюркских народов», прямо ставилась задача создания «Туранского (или Тюркского) государства» на территории Советского Востока, населенного главным образом тюркскими народами Татарии, Башкирии, Казахстана, Киргизии, Узбекистана, Таджикистана, Туркмении и т. д.

В Казахстане еще в 1917 г. была создана политическая организация «Алаш-Орда» — как тогда писала официальная газета «Казак» — «партия киргиз»¹. Ее идеи были восприняты и Т. Рыскуловым.

В Кыргызстане идеями Алаш-Орды «переболели» почти все молодые интеллигенты-коммунисты, позже открестившиеся от своих ранних убеждений. Но идеи туранизма в социалистическом обрамлении продолжали занимать их умы. Тем более, окружающая действительность, несоответствие

¹ Алаш-Орда. Сборник документов / сост. Н. Мартыненко. — Алмата, 1992. — С. 61.

идей коммунизма грубой практической реальности создавали для этого благоприятную почву.

Первое организационное противостояние официальному курсу развития Кыргызстана, идейной оппозиционной программой явилось заявление так называемой «тридцатки» (по числу подписавшихся — тридцать человек партийных и хозяйственных руководителей Кыргызстана).

В коллективном заявлении в ЦК РКП(б), Национальный совет, Средазбюро ЦК РКП(б) и Киробком партии в 1925 г. так было сформулировано экономическое и политическое кредо оппозиционеров-инициаторов государственного переустройства Кыргызстана. По идее национальное размежевание Средней Азии и создание Автономной Кыргызской области в составе РСФСР в 1924 г. должно было внести единство среди киргизского народа, ликвидировать родовую вражду и группировки. Но этого не произошло: партаппарат строился по групповому принципу, близости и личной связи того или иного работника с руководящей верхушкой Обкома, еще больше разгорелась внутрипартийная и родовая борьба в массах, выявилась линия игнорирования целого ряда коренных работников. Авторы заявления предлагали свои решения: «полное равенство коренного и европейского населения при проведении планового землеустройства»¹.

Авторы заявления выступили против засилья партаппарата, которое уже тогда дало о себе знать: во всем чувствовалась его мелочная опека, подмена даже технической работы советского аппарата, что полностью обезличило и парализовало авторитет Советов перед трудящимися массами.

Таким образом, группа впервые организованно выступила против стиля и методов работы партии, которые насаждались сверху донизу ставленниками Сталина и его сподручных.

¹ Курманов З. Политическая борьба в Кыргызстане: 20-е годы. — Бишкек, 1997. — С. 178.

Среди авторов письма «тридцатки» первые кыргызские политические лидеры Ишеналы Арабаев, Абдыкерим Сыдыков, председатель Киробкома Орозбеков и др. Эти идеи озвучил на «рыскуловском совещании» молодой глава Кыргызского правительства Юсуп Абдрахманов. Заявление «тридцатки» было осуждено партией большевиков как «контрреволюционное», а их лидер, Абдыкерим Сыдыков, выпроважден из Кыргызстана в Ташкент на рядовую работу.

Но идеи, заложенные в основу заявления «тридцатки» и «рыскуловского совещания», не умерли. Насильственные методы перевода индивидуального сельского хозяйства в коллективное, экспроприация и высылка под видом бай-манапов и кулаков наряду с зажиточными хозяйствами также середняцких, да и просто неугодных местным партийным лидерам лиц, ужесточение общей карательной политики и безалаберность в хозяйствовании привели к разрухе и голоду. Отзвуки всеобщего мора с Украины, Поволжья и Казахстана докатились и до Кыргызстана. Присылка партийных лидеров в ключевые парторганизации, двадцатипяти тысячников в руководители сельских хозяйств усиливали, с одной стороны, шовинистические амбиции русскоязычного населения, и, как противодействие им, националистические течения местных, коренных народов. На этой почве вызревали оппозиционные официальному курсу партии идеи построения социализма в одной стране, минуя феодальную стадию развития, идеи симбиоза пантюркизма и социализма.

И в подполье, в строгой секретности, родилась «Социалистическая (социал) Туранская партия» (СТП), в которую сначала вошла небольшая группа кыргызских оппозиционных интеллектуалов, потом (уже после ареста ядра партийцев) к социал-туранистам приписали неугодных деятелей не только Кыргызстана, но и Казахстана (А. Сыдыкова, Ю. Абдрахманова, Т. Айтматова, Б. Исакеева, Т. Рыскулова, С. Сейфуллина и пр.).

Сегодня всех занимал, да и занимает вопрос: насколько реальным или мифическим было создание такого государства у обвиненной в 1932–33 гг. группы кыргызских политических деятелей. И отсюда — тот же вопрос о Социал-Туранской партии: все же реальность это, или миф, созданный в застенках ОГПУ для репрессий против инакомыслящих оппозиционеров¹?

Дело в том, что письменных документов СТП не сохранилось: были утрачены или уничтожены лидерами Устав и Программа партии, а все сохранившиеся материалы — лишь показания доносчиков, протоколы допросов обвиняемых, обвинительные заключения судей и итоговые приговоры карательных троек.

Поскольку вопрос о программе Социал-Туранской партии является организационно-ключевым, приведем фрагмент показания Абдыкерима Сыдыкова по этому поводу тюремному следователю:

«1. Построение социализма в одной стране невозможно. Социализм может быть построен успешно только во всемирном масштабе при овладении высокой техникой. Отсюда логически следует, что попытки построения социализма в СССР неизбежно повлекут обнищание населения, особенно в бывших колониях царской России, как культурно отсталой, не владеющей техникой.

2. Крупные мероприятия политического и экономического характера, проводимые соввластью по отношению к бай-манапству Киргизии, влекут за собой хозяйственную разруху в стране.

3. Выдвижение на государственные должности дехкан, рабочих, технически малограмотных и теоретически не подготовленных к управлению государством влечет за собой развал и хаос в управлениях.

¹ Плоских В.М. «Манас» не признал себя виновным // В кн.: Абдыкерим Сыдыков — национальный лидер. — Бишкек, 1992. — С. 52.

На сегодняшний день, не имея достаточных кадров, необходимо отказаться от принципа выдвижения.

4. Ленинская политика в национальном вопросе является по существу правильной и приемлемой, но фактически проводимая коммунистической партией в Киргизии искажается — примеры приведу позже и вообще прошу вопрос о программе организации отложить до следующего допроса»¹.

В 1932 г. вслед за другими регионами страны начинается голод в Казахстане. С весны оттуда началась массовая перекочевка в пределы Киргизии, где стала расти смертность. Это напугало руководителей республики. Первый секретарь партии большевиков А. О. Шахрай и предсовнаркома Ю. Абдрахманов, считая план хлебозаготовок высоким, решили затормозить вывоз зерна. Позже в объяснительной записке на имя Антипова, полномочного представителя ЦКК ВКП(б), Ю. Абдрахманов все брал на себя и писал: «Беседуя с Шахраем и Исакеевым (второй секретарь обкома партии. — Авт.) о том, что план трудно выполнить, я сказал: «Лучше пускай нас снимут за невыполнение плана, чем за то, что мы довели республику до положения Казахстана. Оба с этим согласились».

В Кыргызстан нахлынули десятки тысяч беженцев из Казахстана и Сибири, которым оказывалась возможная помощь. Но ресурсы истощались, так как налогообложение было непомерным. В результате с 1931 по 1932 г. поголовье скота сократилось на 1,5 млн. голов (с 3800 тыс. до 2300 тыс.), не выполнялся план хлебозаготовок. Начались поиски виноватых — их снимали с работы, отдавали под суд. На июньском (1933 г.) пленуме обкома партии А. О. Шахрай доложил, что в ходе прошедших хлебозаготовок было расстреляно свыше 100 человек. На это

¹ Плоских В. «Манас» не признал себя виновным (По материалам следственного дела № 5630). — Бишкек, 1993. — С. 26.

последовала реплика одного из ретивых членов президиума: «Мало!..»

Такова экономическая обстановка, сопутствовавшая следствию по делу о СТП.

Политической прелюдией кампании против нее явился ряд нисходящих сверху по вертикали партийных решений. В январе 1933 г. объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) в обстановке все усиливающегося голода, срывов планов второй пятилетки оптимистически призывал к улучшению качества продукции и росту производительности труда в промышленности, повышению урожайности и улучшению качества работы в сельском хозяйстве. А главной предпосылкой дальнейшего продвижения страны к социализму пленум считал усиление боеспособности партии «в борьбе с классовыми врагами».

Как сообщает последнее издание «Очерков истории Коммунистической партии Киргизии» (Фрунзе, 1979 г.), в феврале 1933 г. под знаком дальнейшей активизации коммунистов и всех трудящихся Кыргызстана в борьбе за выполнение новых задач прошел VI Объединенный Пленум Кыргызского обкома и областной контрольной комиссии ВКП(б). Он предложил партийным и советским органам «осуществить дальнейшее развернутое социалистическое наступление» на остатки эксплуататорских классов, «непримиримо бороться за неуклонное и последовательное осуществление генеральной линии партии и ее ленинской национальной политики, давая сокрушительный отпор оппортунистам, решительно преодолевая остатки родовых и феодальных пережитков в экономике и сознании трудящихся кыргызов».

Партийные решения послужили импульсом для развертывания антинационалистической кампании. Но темпы, видимо, не удовлетворяли центральные органы. И уже в марте газета «Правда» призвала кыргызскую и другие среднеазиатские парторганизации усилить борьбу с уклонистами

от «ленинской национальной политики». Средазбюро ЦК ВКП(б) спешно принимает постановление, требующее от Кыргызского обкома партии решительной борьбы на два фронта — против великодержавного шовинизма и местного национализма. Но, подчеркивалось в документе, борьба с национализмом приобретает на данном этапе особую актуальность как борьба с одним из орудий сопротивления социалистическому переустройству кыштака и айла со стороны байства.

Удивительно, каким «революционным» пафосом веет от всех этих партпостановлений! Такое было время. Но поражает другое: почти с таким же пафосом и с прежними формулировками чуть ли не сорок лет спустя авторы официальной истории Компартии Киргизии повторяли установки, по которым были репрессированы тысячи людей, устаревшие, отжившие положения, хотя во второй половине 50-х годов уже прошла волна реабилитации этих самых репрессированных, была доказана необоснованность предъявленных обвинений.

Начались спешные поиски врагов. Обыкновенные агентурные сводки, клеветнические доносы в стенах ОГПУ-НКВД уже стали обретать плоть структуры контрреволюционной политической организации — СТП, ставившей целью создание единого тюркского государства на социалистических началах. Неорганизованные, неоформленные зачатки инакомыслия неофициальной оппозиции выдавались за стройную разветвленную организацию с антисоветскими целями.

Как мы уже знаем, лидером оппозиционеры видели только А. Сыдыкова — деятельного, грамотного администратора, проявившего свой талант в первой половине 20-х годов, инициатора манифеста «тридцатки». Он был автором научных работ («Родовое деление кыргызов», «Краткий исторический очерк кыргызского народа»), ряда статей и выступлений по проблемам горно-кочевых хозяйств,

резвым идеологом, видевшим пагубность официального курса большевиков в диктате партии и полном игнорировании нужд и реалий общественной жизни.

По делу СТП в 1933 г. было привлечено 23 человека, со временем количество репрессированных росло, так как «появились» по воле следователей региональные филиалы партии, а затем в 1937–1938 гг. аресты стали массовыми.

В Кыргызстане все прямые участники СТП были арестованы и осуждены уже весной 1934 г. (один к смерти, 10 человек к различным срокам заключения), позже — в 1937 г. всех их повторно осудили к высшей мере наказания, а к небольшой кучке первого процесса добавились новые сотни репрессированных Кыргызстана и Казахстана, в т. ч. А. Сыдыков (имевший подпольную кличку «Манас»), Ю. Абдрахманов, Б. Исакеев и Турар Рыскулов.

В 1934 г. было вынесено первое обвинительное заключение по делу № 5630 «О националистической к-р организации в Киргизии «Социал-Туранская партия (СТП)». Сыдыков Абдыкерим обвинялся в следующем: «С конца 1931 г. по день ареста 9. V. 1933 г. руководил действиями членов националистической контрреволюционной организации, именуемой «Социалистическая Туранская партия», которая своей конечной целью ставила выделение из Советского Союза Узбекской, Туркменской, Казахской, Киргизской и Кара-Калпакской республик и образование из них федеративно-буржуазного демократического государства. На первом этапе в своей деятельности организация ставила задачу отторжения от Советского Союза Киргизской АССР посредством вооруженного восстания внутри Киргизии при помощи банд, оперирующих в Синьцзянской провинции Западного Китая и английского консульства в Кашгаре»¹.

¹ *Плоских В.* «Манас» не признал себя виновным (По материалам следственного дела № 5630). — Бишкек, 1993. — С. 50.

**УПРАВЛЕНИЕ НКВД СССР
по Орджоникидзевскому краю**

ОРДЕР № 161

Выдан „21” мая 1937 г.

Действителен одним суток

Сотруднику „—” Отдела УГБ
Касимжану

Госбезопасн. тов. Вануки
И. И.

Вам поручается произвести обыск
и арест гр. Рыскулова
Шураф Рыскуловича

проживающ. в г. Кизилдара
дара „Казс”

по ул. _____

Позже подобные штампы обвинения будут предъявлены и подавляющему большинству репрессированных в 1937–38 гг., приводящие к «расстрелу».

Но перед этим, как правило, были партийные решения, дающие как бы «наводку» следствию, затем аресты, пытки и ...зловещий итог.

1937 г. сопровождался новым шквалом жестоких репрессий. Политические лидеры Кыргызстана, арестованные как «враги народа», повлекли за собой обвинения, сплетенные из разноцветных нитей несуществовавших преступлений, не последнее место среди которых занимала уже явно мифическая организация, от фундамента до конька крыши созданная сотрудниками НКВД. Чекисты решили реанимировать СТП, арестовав в качестве руководителей новые лица — Ю. Абдрахманова, К. Тыныстанова, Б. Исакеева и вывели нити связей в Москву — к Т. Рыскулову.

Арест, следствие, пытки, обвинения, приговоры для всех репрессированных были неожиданными. Даже когда вокруг брали их коллег и предъявляли чудовищные обвинения, делали их «врагами народа», не верилось, не хотелось верить, что это может коснуться их самих. Не верили ни Турар Рыскулов, ни Юсуп Абдрахманов, ни Баялы Исакеев.

Только в период суверенных государств — Казахстана и Кыргызстана и открытия секретных фондов архивов в печати стали появляться документальные свидетельства о последних трагических днях безвинно репрессированных. А до этого даже в книгах В. М. Устинова неверно называлась дата кончины Т. Рыскулова — как 1943 г. Позже, уже в середине 1990-х гг. этот же автор приводит материалы газетной публикации своих коллег Н. Джагфарова и В. Осипова о последнем — тюремном этапе жизни Т. Рыскулова и его гибели. События происходили в Кисловодске, где Т. Рыскулов отдыхал с семьей: «21 мая 1937 г., на рассвете, в дверь квартиры раздался требовательный стук. В прихожую вошли трое: помощник начальника УНКВД

по Орджоникидзевскому краю, капитан госбезопасности Валулин, начальник горотдела НКВД лейтенант Каминский и комендант НКВД горотдела Кравцов. Рыскулову был предъявлен ордер на арест и обыск. В тот же день спецконвоем в отдельном вагонзаке Т. Рыскулов был отправлен в Москву»¹.

Рыскулов был помещен в тюрьму на Лубянке, предназначенной только для «политических».

В Лубянке имелось примерно 150 сравнительно небольших камер. В одной из них и находился почти восемь месяцев Турар Рыскулов.

Здесь впервые Т. Рыскулов понял, что не все репрессированные были «врагами народа», что все заключенные прошли через пытки и даже собственные оговоры, лишь бы избежать пыток, что дознания следователи писали по собственному усмотрению, а потом сломленных, доведенных до бессознательного состояния заключенных заставляли лишь подписывать протоколы.

Основным методом, с помощью которого ломали Рыскулова и получали нужные показания, был так называемый «конвейер» — непрерывный допрос, продолжавшийся часами и днями. Уже через двенадцать часов допроса жертве становилось не по себе. Через день — мучительно трудно. Через три дня наступало полное физическое истощение.

Рыскулова предупредили, что в случае упорного отказа его ждет так называемая «нора» на Лубянке — темное и душное помещение в подвале размером около 25 квадратных метров, где не было никакой вентиляции. В «нору» загоняли по 60 человек и держали неделю, а иногда и больше. Были еще и «стоячие» камеры — узкие ящики, где можно было только стоять. Заключенный стоял, прижавшись к стене, руки по швам — совершенно как

¹ «Казахстанская правда». 1991. 22 июня.

замурованный. Через день-два такого состояния терял сознание.

Основной биограф Т. Рыскулова, выпустивший о нем несколько книг, Виктор Михайлович Устинов отмечал, что следователи и офицеры НКВД, допрашивавшие «врага народа» Т. Рыскулова, вели себя как привередливые, самодовольные, безжалостные бюрократы, обращались с арестованными заключенными как со скотом плохого хозяина¹.

1 июня 1937 г. измученный Туар Рыскулович в полубессознательном состоянии подписал письмо на имя Ежова, в котором признавал себя виновным в связях с «контрреволюционным бухаринско-рыковским троцкистским центром».

Осенью 1937 г. «дело» в основном было завершено. Рыскулова обвинили в причастности к националистической организации «Итти-фат-ва-Тараки», ставившей задачу отторжения Советского Туркестана и передачу его под протекторат Англии.

Обвинили его и в причастности, даже руководстве Социал-Туранской партией, корни и ядро которой были в Кыргызстане, где в свое время осудили ее организаторов и участников (1933–1934 гг.) и где с 1937 г. проходили новые процессы под лозунгом причастности к СТП всех «врагов народа», кому светила расстрельная статья, даже очень далеких от Кыргызстана и идей оппозиции.

10 февраля 1938 г. Т. Рыскулов был расстрелян по приговору Военной Коллегии Верховного Суда СССР.

¹ Устинов В. М. Указ. соч. — С. 402.

Заключение

Подводя итоги, хочется подчеркнуть: жизнь и деятельность Тураара Рыскулова типична для первого поколения революционеров народов Востока, делавших историю своей страны. Таковыми в Киргизии были Юсуп Абдрахманов и Абдыкерим Сыдыков, Баялы Исакаев и Торокул Айтматов и многие другие сотни и тысячи, отдавшие жизнь во славу своего народа.

Среди этих «отцов» — основателей кыргызской государственности мы с чувством признательности должны вспомнить и незабвенного сына казахского народа Тураара Рыскулова, чей вклад в историю Кыргызстана еще предстоит восстановить.

В 1920—30-е гг. Турар Рыскулов являлся Председателем ЦИК Туркестанской республики, Председателем Совнаркома Туркестанской республики, зам. Председателя Совнаркома РСФСР.

- Т. Рыскулов — был одним из непосредственных руководителей и куратором строительства Турксиба. Руководил Комитетом содействия строительству Турксиба при СНК РСФСР, помогая формированию зарождающегося рабочего класса в Казахстане и Кыргызстане.
- Курировал национальный вопрос, в этом плане содействовал экономическому сотрудничеству республик Средней Азии с РСФСР и решению национальных проблем.
- Добивался выделения дополнительных средств для голодающих. Дважды обращался с письмом к Сталину по поводу необходимости принятия срочных мер для спасения голодающих и оказания им помощи.
- Ковал кадры национальной интеллигенции, способствуя их направлению на учебу в ВУЗы Москвы, Ленинграда, Свердловска и других крупных городов. Уделял внимание воспитанию молодежи.

— С именем Т. Рыскулова связано развитие промышленности как Центральной Азии, так и России: Волгоградский тракторный завод, Каперские рудные разработки (Саратовская обл.), Магнитогорский металлургический комбинат, Волгодонской канал, Карагандинский и Кузбасский угольные бассейны, Кузнецкий металлургический завод, Чимкентский свинцовый завод, Семипалатинский мясоконсервный комбинат, Прибалхашстрой, ирригационные сооружения Туркестанской республики. Развитие овцеводства, животноводства в кочевых, полукочевых районах Советского Союза тоже связано с именем Т. Рыскулова. При развитии овцеводства он предлагал использовать передовой опыт Австралии, Новой Зеландии, Латинской и Северной Америки.

В настоящее время память о Тураре Рыскулове увековечена во многих городах России и Казахстана. К сожалению, в Кыргызстане, с которым была тесно связана судьба Т. Рыскулова, его памяти еще не уделено внимание, хотя со стороны кыргызского научного сообщества звучали такие предложения (в частности, З. К. Курманова)¹.

А нам в заключение хочется привести слова дочери Турара Рыскулова Сауле Тураровны — доктора биологических наук, академика Международной академии информатизации:

«Судьба нашей семьи трагична и тяжела, — рассказывает Сауле Тураровна Рыскулова. — Родилась я в Москве, жила в детских домах, ведь репрессировали и мать, которая провела в лагерях 10 лет. Только после 1956 г., когда произошла реабилитация, я узнала правду о папе. Но мне

¹ *Сарсенбаев Б. С.* Одна судьба двух государств. Кыргызско-казахские взаимоотношения в первые десятилетия Советской власти. — Бишкек, 2015. — С. 57.

тогда было сложно разобраться в происходящем. Безусловно, сегодня я куда более информирована, и мой отец для меня гораздо роднее и ближе. Я узнала много о его жизни от родных, по архивным документам и книгам. Много читала о том времени и размышляла. Теперь я осознаю его величие как педагога, как человека, который мог анализировать ситуацию в масштабах огромного государства по всем направлениям. Он широко и объемно мыслил и также работал. Таким и должен быть настоящий политик».

С этим нельзя не согласиться.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Список документов

№ 1

АТТЕСТАТЪ

Данъ сей аттестатъ, отъ Педагогическаго Совѣта Пишпекскаго сельско-хозяйственной школы 1-го разряда на основаніи ст. 38 Устава ея за надлежащими подписями и приложеніемъ печати ученику означенной школы Рискуловъ Тураръ въ томъ, что онъ, поступивъ въ эту школу въ октября 1910 го., окончилъ въ оной въ Сентябрь мѣсяць 1914 г. полный курсъ и на окончательныхъ испытаніяхъ оказалъ следующие успѣхи:

По общеобразовательнымъ предметамъ: По русскому языку 4^{1/2}, Арифметикѣ 5, Географіи 4^{1/2}, Русской исторіи 5.

- **основнымъ свѣдѣніямъ изъ естественныхъ наукъ:** Химіи и физики 4^{1/2}, Ботаникѣ 4, и Зоологии 4^{1/2};
- **земледѣлію 4, счетоводству 4;**
- **скотоводству 4, пчеловодству и шелководству 5;**
- **садоводству 4, огородничеству 4 и виноградьству 4^{1/2};**
- **главнѣйшимъ законами, относящимся др крестьянскаго быта 4,**
- **чистописанно 4^{1/2} и поведенію 5.**

Во время пребыванія въ школѣ онъ Рискулова поведения былъ отличнаго пріобрѣлъ навыкъ въ главныхъ работахъ (по садоводству и огородничеству). На основаніи ст. 40 Устава онъ Рискуловъ Тураръ пользуется по отбыванію воинской повинности преимуществами, указанными въ 1 ст. 64 Устава о воинской повинности изд. 1912 г.

Из представленных имъ документовъ видно, что онъ родился въ **1896**, происходитъ изъ и вьроисповѣдашя **магометанскаго**.

**Сентябрь () дня 1914 г.
г. Пишпекъ, Семиръч. обл.**

**Попечитель школы,
Подполковник
Управляющий школою**

Архивная копия

**ЕГО ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ
Господину Туркестанскому Генерал-Губернатору**

При сем имею честь представить ВАШЕМУ ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ копию моего показания на допросе у свидетеля по требованию Прокурора Верненского Окружного Суда; показание это представляет собою краткую историю отношения русской власти к киргизам в связи с событиями 1916 г.

14 марта 1917 г.

Я происхожу из киргизов Маканчи-Садыровской волости, Лепсинского уезда, поступил осенью 1889 г. в младшее отделение приготовительного класса Верненской гимназии, каковую окончил в 1900 г.; в том же году поступил в Петроградский Институт инженеров путей сообщения и окончил курс Института в 1906 г.; в 1907 г. выборщиками туземного населения Семиреченской области был избран Членом 2-й Государственной Думы, после роспуска коей поступил на службу на Средне-Азиатскую железную дорогу, откуда в начале 1914 г. перешел на постройку Семиреченской железной дороги.

Будучи гимназистом ежегодно ездил верхом из Верного в Лепсинск (500 верст) и обратно; будучи студентом бывал в Семиреченской области через каждые 2 года; в 1906 г., по окончании Института, был на изыскании Семиреченской железной дороги в Пишпекском уезде, где пробыл среди киргиз... через каждые 2—3 года.

Из сказанного видно, что я являюсь свидетелем изменений условий киргизской жизни в Семиречье, приблизительно с 1894 г.; а будучи гимназистом старших классов

и студентом, понимал уже нужды киргизского населения, стал постепенно вникать во взаимоотношения между органами русской власти и киргизов, и по мере постепенного изменения условий киргизской жизни приходилось сравнивать, что было с киргизами раньше и что происходило в данный момент. Обращаясь к истории этих взаимоотношений, должен прежде всего заметить, что прибытие русских в край киргизская масса, еще раньше слыхавшая о порядке, справедливости и могуществе русских, встретила безусловно дружелюбно, понимая, что прежним постоянным бедствиям от бесконечных войн, внутренних распрей и беспорядков наступит конец. Этим объясняется, что проводниками русских отрядов явились самые родовитые киргизы, примкнувшие к русским в самом начале, когда еще не было известно, чем должно было окончиться наступление русских. Большинство киргизов, руководимые родовитыми сородичами, покорилось само; война в сущности происходила между Россией и Кокандским ханством, и на стороне последнего были киргизы, преимущественно подданные этого ханства. Край был покорен и управление населением перешло в руки русских властей во главе с первым Военным Губернатором Семиреченской области Генералом Г. А. Колпаковским (1867 г.), в том же году первым же Генерал-Губернатором Туркестанского края, которому было подчинено Семиречье, был назначен Генерал-адъютант К. П. Фон-Кауфман. Видно, что правительство ясно поняло ожидания киргизов, шло навстречу их желаниям и во главе Области и Края были поставлены такие поистине замечательные люди, подобных которым киргизы не видели до самого последнего времени, а именно до назначения на пост Генерал-Губернатора Генерал-адъютанта А. Н. Куропаткина.

Ожидания киргизской массы оправдались: прежде внутренние войны и связанные с ними беспорядки и бедствия прекратились, русские власти оказались справедливы.

После бесконечных войн киргизы мирно занялись скотоводством, а вскоре же и хлебопашеством, а за первый период русского управления Краем общее благосостояние населения стало подниматься.

В 1876 г. Генералом Колпаковским открыта в Верном мужская прогимназия с пансионом для киргизских детей (в этом пансионе жил и учился впоследствии и я); около того же времени Генералом Кауфманом открыта мужская гимназия в Ташкенте и то с пансионом для киргизских детей; этот пансион, содержащийся на собранные от киргизов суммы, был впоследствии (после смерти Генерала Кауфмана) закрыт благодаря влияниям известного миссионера Ильминского и Остроумова, проживающего ныне в Ташкенте; на оставшуюся сумму построена учительская семинария с пансионом, куда и стали поступать киргизские мальчики, как это хотелось сторонникам семинарии.

Когда Генерал Колпаковский был назначен Степным Генерал-Губернатором, то он и в Омске открыл пансион при гимназии для киргизских детей, закрытый однако вскоре после его отъезда в Петроград.

В заботе о киргизских интересах около 1874 г. Генерал Колпаковский, находя, что Семиреченскому казачьему войску отведена слишком большая площадь земли, назначил в Лепсинском уезде комиссию по разграничению действительно необходимых для казаков земель для возвращения остальной части киргизам (в этой комиссии со стороны киргизов участвовал мой отец); киргизам в одном только Лепсинском уезде возвращено было около 100 000 десятин земли (на одном из этих участков находятся зимовки моего отца); насколько помнится, такие разграничения сделаны в Копальском и Верненском уездах. Около 1880 г. Генерал-Губернатор Кауфман, находя, что киргизы стеснены пастбищными угодьями, издал циркуляр, разрешающий киргизам безвозмездно пасти свой скот после 1 октября на казачьих землях. Таких примеров забот о киргизах

во времена управления Краем Генералов Кауфмана и Колпаковского очень много. 3 мая 1882 г. умер в Ташкенте Генерал Кауфман, в том же году генерал Колпаковский был назначен Степным Генерал-Губернатором, и Семиреченская область по личному его ходатайству была присоединена к Степному Генерал-Губернаторству.

Общий порядок управления Степным Краем Генералом Колпаковским до его ухода в Военный Совет (1889 г.).

Хотя изменения в отношении к киргизам наступили после ухода Генерала Колпаковского не сразу, все же правильное время управления краем Генерала Колпаковского считать отдельной эпохой (1867—1889 г.). Чины администрации выбирались самим Генералом Колпаковским; часто уездными начальниками назначались люди с небольшим образованием, но люди безусловно честные, идейные, проникнутые желанием приобщить население к культуре. Конечно, и тогда могли быть случаи лихоимства и прочего, но эти отдельные случаи были ничтожны и находили должную оценку перед Генералом Колпаковским. Тогдашнее благосостояние киргизского населения объясняется главным образом подбором хорошего состава администрации; кроме того, жизнь в крае была гораздо проще, баснословно дешевле; не было и признаков сложных хозяйственно-экономических, политических, культурных и иных вопросов, выдвинутых настоящим моментом. Отрицательные результаты Положения 1868 г. еще не успели сказаться и в туземную администрацию попадали еще люди вполне достойные, справедливые.

Второй период — от 1889 г. (уход Генерала Колпаковского) до 1905 г. — переходный; в крае начали появляться темные лица, которые и стали эксплуатировать простодушных киргизов, продавая, например, одну коробку шведских спичек за барана и т. д.; научившиеся говорить, а иногда и писать, киргизы подражали этим проходивцам из казаков и татар, щеголяли в резиновых галошах, лакированных сапогах, научились курить папиросы, пить

водку и т. д. Появились разные «закунчи», обманывали киргизов; жизнь стала несколько сложнее и дороже, и кадр русской администрации стал пополняться людьми случайными, раньше ничего общего с киргизами не имевшими, несколько ими не интересовавшимися. Выборные... администраторы, с бесчисленными жалобами и доносами друг на друга, будучи в начале событиями исключительными, впоследствии стали явлениями обычными, повседневными. В 1897 или 1898 г. на выборах в Копальском уезде Уездный Начальник Петров приказал доставить молоденьких девочек-киргизок, приказание было исполнено; одна из девочек не выдержала мучений и умерла, другая после долгой болезни выздоровела. Циничное и хвастливое письмо Петрова по этому поводу к одному приятелю в Верном благодаря покойному Тудыбеку Сыртанову получило широкую огласку и, насколько помнится, было следствие, но стараниями Чиновника Особых Поручений Пантусова дело было замято. Народ стал понимать, какие люди находятся во главе уездов и какие люди сидят в уездных Управлениях; каждый вновь приезжий бедный переводчик-киргиз через год становился уже богачом, имел табуны лошадей, красивые юрты и т. д. Не мудрено, что для киргизских учеников гимназии быть переводчиком стало заветной мечтой. Единственное счастливое исключение составляли покойные братья Сыртановы в Верном, за что они пользовались заслуженным уважением как народа, так и Областной администрации.

В одном только отношении прежние порядки и взгляды оставались почти без изменения — это отношение власти к землям, бывшим в пользовании киргизов. Бывали земельные притеснения, но большинство таких дел решалось в пользу киргизов. Я помню (сохранились у меня копии некоторых документов), как мой отец в течение целых десяти лет... Губернатору Степному Генерал-Губернатору по поводу стеснений казаками Лепсинской станицы и дела

неизменно решались в пользу отца, хотя чуть ли не ежегодно приезжал новый межевщик и вновь размежевывал спорные земли. Участок, занимаемый отцом, окончательно был оставлен за ним в 1898 г. Такие примеры, насколько помнится, были в Копальском и Верненском уездах.

В 1905 г. под влиянием аграрных волнений в России основано в гор. Верном Переселенческое Управление, и это событие явилось началом третьего периода, имеющего весьма важное значение в судьбе киргизов. Во главе Управления был поставлен опытный, знакомый с Семиречьем, старый туркестанец О. А. Шкаповский. После предварительных обследований и экономического исследования части Пишпекского уезда (Аламединской и других волостей) Шкаповский осенью 1905 г. представил Заведующему Управлением Земледелия и Землеустройства Шванебаху обстоятельный доклад с заключением, что в Семиреченской области нет свободных от киргизов земель, что он, Шкаповский, поставлен для того, чтобы у киргизов отбирать лучшие земли, а как выходить, по закону или не по закону — это его, Шванебаха, не касается (об этом мне передавал впоследствии сам С. А. Шкаповский). В 1906 г. Шкаповский был удален из Семиречья и на его место переведен С. Н. Велецкий, бывший в Верном целых 8 лет (до 1914 г.).

Первые действия Велецкого в области встречены с тревогой не только населением, но и администрацией области; крупное дело началось с отобразания участка в Чамалганской волости Верненского уезда и это дело с первого шага ознаменовалось бесцеремонным отношением Переселенческого ведомства к киргизам, к законам и логике обстоятельств; так Велецкий по поводу Постановления Общего Присутствия Областного Правления об оставлении за киргизами этого участка писал особое мнение от 31 марта 1907 г. за № 786, что все законы и изданные в силу их распоряжения вполне соблюдены и ни в чем не нарушены; между тем оказалось, что все гидротехнические, агрономические

и другие исследования участка и определения площадей, занятых пашнями, клеверниками и т. д., оказались произведенными под покровом глубокого снега. Было написано, что киргизы сами изъявили готовность уйти, между тем 15 марта 1907 г. к журналу № 34, утвержденному Военным Губернатором, 20 марта 1907 г. было приложено донесение Уездного начальника, что киргизы никогда не желали и не желают добровольно уступать орошенных, усадебных земель для образования переселенческого участка и даже за вознаграждение. Этот участок был изъят от киргизов несмотря на защиту Генерала М. Е. Ионова. В 1908 г. размежевана была громадная площадь, $30^{1/2}$; тысяч десятин в Лепсинском уезде: постановление уездной Поземельной Комиссией было обжаловано и вполне согласилось с доводами жалобщиков и решение комиссии было отменено. В 1909 г. все те же участки, за исключением одного, замеченного новым, размежеваны вновь, названы новыми именами; Генерала Ионова уже не было (долгий спор между Велецким и Генералом Ионовым кончился победой первого и отставкой второго) и администрация под давлением усиливающегося влияния Управления Земледелия отступила, во многих местах, в том числе в Лепсинском уезде, уже содействовала Переселенческому ведомству. Под давлением и угрозой ссылки из края со стороны Лепсинского Уездного Начальника Федорова, тестя Заведующего Лепсинским подрайоном Андриевского, Маканчи-Садыровский волостной управитель Курбангалий Арапов, продержав постановление комиссии положенное число дней (2 недели), вернул таковое при надписи, что содержание постановления населению обнародовано и что население против изъятия этих участков ничего не имеет. Киргизы об этом деле узнали только тогда, когда постановление оказалось одобренным Областным Правлением и утвержденным Генерал-Губернатором. В 1910 г. изъята еще 61 тысяча десятин земли в Лепсинском уезде почти при таких же комбинациях. Таких и подобных дел

в области масса, и не удивительно, что в 1910 г. при проезде по Семиреченской области я видел, что например, почти от Карабалтов до Пишпека и далее до Константиновки, на протяжении около 75 верст, почтовые станции соединились друг с другом почта сплошными переселенческими поселками; весь Пишпекский уезд оказался покрыт массой поселков и о «земле обетованной — Пишпек» говорили и мечтали мужики отдаленных Черниговской, Орловской и других губерний. Не лучше дело обстояло в Верненском, Копальском и особенно в Лепсинском уезде. Я здесь не говорю о нарушениях законных прав киргизов по существу, достаточно сказать, что переселенческие чиновники, изошряясь, дошли, например, до такой виртуозности, что «согласно, якобы, точному смыслу ст. 122 Ст. Пол.», не давая иногда даже выхода из этого круга. Это был уже не обход закона, а прямое издевательство над законом.

Земельный вопрос в области оказался решенным окончательно и бесповоротно; многочисленные киргизские жалобы оставались без рассмотрений. Киргизы пробовали бороться с этими неблагоприятно создавшимися для них условиями жизни. Но стало для них понятно, что старания их бесполезны, а жизнь не стояла на одном месте, выдвигала перед ними все новые и новые условия и задачи. Скотоводство стало прогрессивно падать, земледелие после отбирания лучших угодий сократилось. За 7 лет — с 1907 по 1914 г. область стала неузнаваема. Прежние люди, времен генералов Колпаковского, Фрида, Иванова и Ионова, постепенно ступшевались, приходили новые люди с новыми понятиями и новыми взглядами на вещи. Прежнее благожелательное отношение к киргизам меняется, во многих местах берут их уже в подозрение в приверженности к так называемому панисламизму. Разумеется, всякому простому киргизу приятно, когда ему говорят, что единственная Турция сильна, что магометане сделали то, что победили балканские народы (?) и т. д. Но говорить, что простой, малокультурный

народ, всецело поглощенный своими повседневными мелкими интересами, отдаленный таким пространством, мог подняться до сознания образования какой-то цельной организации, преследующей отвлеченную, мало уловимую идею, может так думать человек или с болезненной фантазией, или имеющий в виду какую-нибудь особую цель.

Как бы там ни было, от прежних отношений к киргизам, принятых к руководству во времена генерала Колпаковского, теперь следов не осталось. Положение 1868 г. завело киргизов так далеко, что порой даже земельные притеснения бледнеют перед дрязгами выборов и партийности. Теперь нигде ни одного выбора не бывает без громадных подкупов. Каждый раз перед выборами претендент клянется, что если проведут его, то прекратятся бесконечные «темные» (так и называются на киргизском языке) налоги, настанет мир и спокойствие в волости. Киргизы, увлеченные партийностью, забывают подумать о том, зачем такой благодетельный претендент раздает 5, 10, 20, 30 и даже 40 тысяч рублей, когда все его будущее жалование за трехлетие не превосходит 900—1500 рублей. Претендент, прошедший в волостные или народные судьи, собирает в 5, 10, 20 раз более затраченного капитала и этот форменный грабеж происходит и в настоящее время. Партийные дрязги и еще чаще грабеж волостных доводит население до отчаяния и до преступления. В 1905 или 1906 г. в Лепсинском уезде возле почтовой станции Джуз-Агач Арганатинский волостной управитель Мухаммед Галлий Вейсенбин был убит толпой в 500—600 человек. Киргизы этой волости, встречавшие меня на этой станции в 1906 и 1907 г., рассказывали невероятные, легендарные дела. Возмущенные невероятной жадностью, проявленной волостными при наборе рабочих в июле 1916 г., киргизы Карабалыкской волости Кустанайского уезда убили своего управителя Саима Кадыфова, и Чингырлауской волости Уральского уезда — Ахмада Сарбалина. Эта борьба волости с управителем в Семиреченской области благодаря

некоторым приходившим обстоятельствам приняла совсем другой оборот. Здесь пострадавшими оказались сами киргизы (Ботбаевской волости Верненского уезда, Каканчи-Садыровской волости Лепсинского уезда). Об этом более подробно будет сказано дальше. Подкупы, вымогательства сделались явлениями обычными, ординарными. Позволяю себе обратиться к книге В. Наливкина «Туземцы раньше и теперь» (с. 92). «Два уездных начальника (Н-в и Г-с) ушли в Сибирь за казнокрадство и лихоимство. За ними туда же, хотя и по другому делу, ушел правитель канцелярии генерал-губернатора (С-в). Один из военных губернаторов (Г-в), заведомо принимавший деятельное участие в грязных делах казнокрадов и грабителей, отделался одним лишь увольнением от службы только благодаря заступничеству генерал-губернатора и снисходительности царя.

Масса других, подобных им, продолжали те же или подобные им дела, оставшиеся безнаказанными.

Один, якшаясь с волостными управителями, втихомолку скупал у туземцев земли по очень выгодным для себя ценам; другой, принимая благодарности от богатых туземцев за разные нелегальные поблажки, строил хлопкоочистительные заводы, куда полицейские силой доставляли хлопок для очистки; третий вступил в компанию с виноделом, таким же путем добывал виноград; четвертый взимал мзду с волостных управителей и с казиев за хлопоты по утверждению их в должностях; пятый облагал необременительной данью туземных проституток; шестой просто брал, не специализируясь и не упускал ни одного удобного случая; седьмой по дорогой цене продавал «бездействие власти».

Редкого из уездных начальников мог видать лично, не уплатив переводчику мзду за устройство такого свидания».

«Возникшие в 1902 г. дела Р-на, Р-ка и К-ва приподнимали лишь незначительный уголок завесы, за которой скрывалась масса самой возмутительной грязи, причем

нигде, по-видимому, эти оргии административной разнузданности не доходили до таких гомерических размеров, как в Андиганском уезде в конце девятых и в начале девятисотых годов». «Народ все это видел и понимал, а типичнейшие и наиболее предприимчивые представители окружавшей нас живой стены, увидев себя хозяевами возникших положений и соотношений, плавали во всей этой грязи, как рыба в воде (Нам дарили ковры, лошадей и экипажи. Нас ссужали деньгами, которых мы по большей части не возвращали обратно. Нам помогали приобретать по дешевым ценам земли и строить дома).

Между нами и юлившими вокруг нас туземными проходимцами возникали связи, позорные для русского служащего лица, и опутывавшие нас в достаточной мере, нас начинали эксплуатировать, ведя по пути целого ряда проституток и преступлений.

Сделавшись подневольными людьми, запутавшись в своих личных делах, тесно связанных с делами и с интересами купивших нас туземцев, мы волей неволей служили и Богу и мамоне».

Изложенное относится преимущественно к Ферганской области; подобные дела, правда, в несколько меньшем размере, творились в Семиречье (об этом более подробно будет сказано дальше).

Киргизы составили об администрации вполне определенное, законченное, подкрепительное фактами, мнение.

Есть еще одно обстоятельство, заслуживающее внимания. Дела между киргизами и не киргизами (русскими, татарами или сартами) администрацией большей частью решались не в пользу киргизов; по разным заведомо ложным обвинениям киргизов крестьянами, казаками и т. д. и у мировых судей киргизы часто проигрывали правые дела; очень возможно, что на плохое знание или подкупность переводчика, или что-нибудь еще другое, но простой народ не может разбираться в таких деталях и склонен

приписывать тому, что, мол, русский чиновник всегда стоит за русского.

В одно время в Лепсинском, Верненском и, кажется, в других уездах администрацией была установлена круговая ответственность киргизов; если пропадает у русского скот или что-нибудь другое, что вся указываемая жалобщиком волость отвечала за пропажу и должна была возместить немедленно (в Лепсинском уезде — в 3 или 5-дневный срок), что это распоряжение администрации противоречит закону.

Наконец, считаю необходимым сказать о просвещении киргизов. Покойный генерал Колпаковский для открытых им гимназий (в начале прогимназии) и пансиона дал такой педагогический персонал, подобного которому (с точки зрения просвещения киргизов) теперь нигде не встречаем.

Отеческие заботы о киргизских мальчиках первого директора, покойного Новака и высоко гуманное отношение всего преподавательского персонала к киргизским мальчикам памятливы всем бывшим воспитанникам этих незаметных, но по...М. В. Вахрушеву, моем воспитателе, проживающему сейчас в Верном, вспоминают не иначе, как с величайшей благодарностью. Этот просвещенный идеалист, оказывающийся, под старость лет собирает летом вокруг себя случайных киргизских мальчиков, учит грамоте, русскому языку и т. д. — об этом официально никому не известно.

Помню, как теперешний инспектор гимназии, престарелый А. Д. Крашкевич по целым дням просиживал со вновь поступавшими киргизскими мальчиками, чтобы к концу учебного года научить их говорить и писать. Такое отношение круто изменилось в 1908 г., когда благодаря чисто случайному обстоятельству ушел совершенно безвинный, благородный М. В. Вахрушев и директором гимназии сделался г. Дейнеко. Достаточно сказать только одно — около 5—6 человек киргизов не были выпущены из 8 класса

гимназии (один из них мой родственник), 4 стипендии в высших учебных заведениях для киргизов (одной из них пользовался я) теперь потеряны для киргизов — ими пользуются русские студенты и курсистки, а мой родственник, кончающий ныне юридический факультет, жил и учился без всяких личных средств. В таком положении и как отнеслись они к военным событиям?

Искать смысл в войне, разбираться в возможных последствиях победы или поражения для России, вникать в возможные вследствие этого изменения в жизнь России... со многими неизвестными факторами, разумеется, не в состоянии не только простой киргиз, но и средний русский интеллигент; киргизы понимали войну схематически и чувствовали только одно: если победят русские, будет хорошо России, и, значит, хорошо будет и киргизам; если победят враги, то плохо будет России, враги могут дойти до нас и будут опустошать города, села, поля, кстауы, разграбят имущество, часть киргизов перебьют, часть должна будет бежать (но куда?), словом, должны повториться времена войны с монголами (18 век — времена монгольского князя Галдань-Цырена, страшная память о котором до сего времени сохранилась у киргизов Семиречья), времена отчаянных междоусобиц между киргизами и казаками (19 век — времена знаменитых Джантая, отца Шабдана, и Кенесары Касымова). Много простоты и наивности в этих суждениях, но ведь так думал не интеллигент, а простой киргиз.

Для предотвращения возможных с киргизской точки зрения бедствий оставалось единственное средство — помогать русским всем, чем только можно. Прежде всего начались денежные сборы — киргизы собирали от 50 коп. до 2 рублей с каждой кибитки; но если не все эти суммы дошли до назначения, то в этом сами киргизы не виноваты. В некоторых местах киргизы постановили своими средствами скосить сено, сжать, убрать и свезти хлеб семей призванных нижних чинов так было в Лепсинском

уезде и даже как благодаря алчности и доносу управителя в сентябре 1916 г. произошли прискорбные события.

Потребовали на театр военных действий юрты, овчины — киргизы жертвовали и ими; деньги, ассигнованные на выкупку их, до владельцев большей частью не доходили.

Требовали, чтобы киргизы ставили юрты и приготавливали скот для проходящих эшелонов; требования исполнялись беспрекословно; деньги же, отпущенные для расплаты с киргизами, в большинстве случаев до них не доходили, а юрты или пропадали, или возвращались без кошм, или поломанные.

Но всех туземцев Туркестана превзошли каракиргизы Пржевальского и восточной половины Пишпекского уездов: не ограничиваясь пожертвованиями имущественности и деньгами, они отправили на фронт первых и единственных киргизских добровольцев; но замечательнее всего то, что добровольцы ушли из тех мест, где в 1916 г. произошли самые серьезные эксцессы.

Заведующий военно-полевыми строительными работами инженер Чаев в сентябре 1915 г. обратился ко мне с просьбой высказаться по поводу проекта о привлечении киргизов к отбыванию воинской повинности. Я тогда же представил свои соображения и написал о существовании проекта редактору киргизской газеты «Казак», издающейся в Оренбурге.

В декабре 1915 г. об этом проекте заговорили в печати. 24 января 1916 г. газета «Казак» (№ 166) поместила мнения нескольких уважаемых киргизов по поводу ожидающегося привлечения киргизов к отбыванию воинской повинности; при... рассматривался совсем; все заинтересовались вопросом о том, в каком виде будут служить киргизы — пешими или в конном отрою; этот вопрос стал разбираться на страницах «Казак» (№ 16, 168, 177, 178, 179 и 184 последний от 9 июня, кои при сем прилагаю). В общем из статей указанных номеров можно было заключить: 1) большинство киргизов предпочитало службу в конном строю (в том числе и я),

меньшинство стояло за службу в пехоте; 2) предполагалось, что ввиду отсутствия у киргизов метрики привлечение их на военную службу в ближайшее время будет сопряжено с большими трудностями. Для выяснения этих вопросов 3 февраля 1916 г. выехали в Петроград бывший член 1-й Государственной Думы А. Бужейханов, редактор «Казак» А. Байтурсунов и киргиз Н. Бегымбетов; побыв в Петрограде у разных лиц, в том числе и у Военного министра генерала Поливанова, делегаты вернулись и сообщили на страницах «Казак», что вопрос о привлечении киргизов пока отложен (этот номер «Казак», к сожалению, у меня не сохранился). Тем не менее вопрос — какая служба для киргизов лучше — кавалерия или пехота — рассматривался до июня месяца 1916 г. Газета эта, единственный печатный орган, очень распространена среди киргизов (издающаяся в Ташкенте «Алаш», во главе которой стоит (Кольбай Тогусов) с темным прошлым, в счет идти не может); статьи о военной службе читались с особым вниманием и вопрос этот стал очередной темой среди киргизского населения. Вспоминали, что и раньше — до войны частично возбуждался вопрос о переходе значительных масс в казачье сословие, чтобы можно было составлять из киргизов целые конные полки; поводом к этому служили земельные притеснения (возбуждали этот вопрос еще до войны в Лепсинском) моего отца в Верненском, Пишпекском и Пржевальском уездах). Нельзя, конечно, сказать, что киргизы радовались предполагавшейся военной службе, но они отнеслись к ней как к военному явлению в жизни народа и имея в виду, что будут служить в кавалерии, думали, что смогут закрепить за собой занимаемые земли.

Таким образом, ясно, что военная служба не напугала киргизов, наоборот, они к ней на всякий случай готовились, только никто не ожидал, что привлечение киргизов на работы более страшные (по их разумению) произойдет так внезапно.

¹⁸ Том VIII. В. М. Плоских

Высочайший Указ 25 июня стал известен в городах (и в Верном) 8 июля. В газетах, если не ошибаюсь, от 9 июля, было напечатано, что туземцы в возрасте от 19 до 43 привлекаются на военные работы, тогда как другие виды работ не упоминались вовсе. В воззвании Военного губернатора Семиреченской области (около половины июля) также говорится, что киргизы призываются на окопные работы. Я сам, хотя отлично понимал суть дел, находился в затруднительном положении, на расспросы киргизов я говорил, что под военными работами разумеются работы на постройке или эксплуатации железных дорог, нагрузка, выгрузка провианта, орудий, охрана лошадей, рубка леса на топливо и т. д. На это мне резонно возражали, что об этих работах в телеграммах и газетах ничего не сказано, а только про окопные работы, и что я передаю не совсем точно, и что таким объяснили знакомые крестьяне из поселков, у которых есть родственники на войне и т. д. Даже им успели объяснить, что такое «окопы» — это рвы, в которых сидят русские и германские солдаты друг против друга; если же нужны новые окопы, то их роют впереди, т. е. под обстрелом неприятеля (зачем, мол, рыть окопы позади солдат). Стало им понятно, что это самая опасная работа, наверно вздорные слухи передавались из уст в уста и никто населению вовремя не сумел объяснить сущность призыва рабочих. Вместо этого местные власти стали приводить исполнение Высочайшего Указа спешно, и в некоторых случаях с применением крутых мер. Единовременная спешная мобилизация 25 возрастов (19—43) поразила население, киргизский народ никогда воинской повинности не отбывал при таких чрезвычайных условиях и обстоятельствах, в принудительном порядке киргизы не призывались; мы были свидетелями, что даже частичная мобилизация народов, давно привычных к воинской повинности, при более благоприятных условиях и обстоятельствах, часто сопровождалась разного рода эксцессами. Если бы

население было заранее подготовлено и знало о цели привлечения рабочих, если бы после этого была объявлена частичная мобилизация на первых хотя бы некоторых возрастов и была бы примерно система, которая введена генералом А. Н. Куропаткиным (определенное количество рабочих на область, уезд, волость в пределах 19—43 лет по разверстке в самой волости специально избранными для этой цели людьми), если бы своевременно были приняты меры по парализованию злоупотреблений туземной администрации, то мобилизация прошла бы вполне мирно и гладко. Чего можно было ожидать после этого от киргизов?

Обстоятельства сложились слишком неблагоприятно, и малочисленная киргизская интеллигенция очутилась между двух огней.

Газета «Казак», почувствовав серьезную опасность, в № 192 от 11 августа (при сем прилагаемом), за подписями бывшего Члена 1-й Государственной Думы Букейханова, редакторов Байтурсунова и Дулатова выпустила воззвание к киргизскому народу, горячо призывая его к успокоению, уверяя, что никакой опасности нет. Этот номер брался нарасхват, выписывали по несколько экземпляров для распространения среди населения. После первого приема (10 августа) у только что прибывшего в Ташкент генерала А. Н. Куропаткина я телеграфно обратился к пишпекским киргизам с призывом к успокоению (копию телеграммы при сем прилагаю). Наряду с этими призывами были пущены в ход злоупотребления, крутые меры и просто ошибки некоторых лиц русской администрации, вымогательства волостных управителей и т. д., и так как эти приемы касались населения непосредственно, то и немудрено, что волнения стали разрастаться.

Причин волнений, как видно из всего вышеприведенного, оказалось очень много, а ближайшими поводами были разные неблагоприятные случаи местного характера, причем отдельные характерные случаи привожу в хронологическом

порядке, насколько мне удалось проследить общую картину всего происшедшего:

1. Кызылборукское дело (Верненский уезд) (записку свою при сем прилагаю) было вызвано исключительно по... Хлыновского. В волости никаких волнений до сего приезда не было. 3 августа он и вр. участковый пристав Скулаев с 15 нижними чинами прибыли на стоянку переписчиков скота. Перепись скота перед тем шла мирно и спокойно, и переписчики работали без всякой охраны. Хлыновский без всякого повода со стороны собранных для переписи киргизов арестовал несколько видных киргизов, а остальным приказал представить список рабочих в течение 5 час. Волость перед тем не приступила к составлению списка, а в течение 5 часов составить и представить таковой было решительно невозможно. Киргизы раза 3 обращались к Хлыновскому с просьбой отпустить арестованных и отсрочить представление списка. Хлыновский, желая, очевидно, припугнуть, выстрелил, говорят, из револьвера вверх, а нижние чины, не разобравшись, в чем дело, выстрелили в киргизов и убили двоих. Тогда киргизы окружили стоянку и кто-то из киргизов выстрелом из охотничьего ружья убил нижнего чина (дальнейшее изложено в моей записке).

2. Второе дело в Верненском уезде — Ботбаевское (записку по этому делу прилагаю). Ближайшим поводом к возникновению событий в Ботбаевской волости было злоупотребление при составлении списка рабочих со стороны управителя Абдыгалия Курбангалиева. Из своей партии он почти никого не записал, зато киргизов с противной стороны, главой коей был кандидат его Бейсебай (фамилия не известна), включил в список. Управитель донес Гилеву, что Бейсебай подстрекает народ к бунту. Пристав повел на ст. Самсы 20 нижних чинов (6 августа). Присутствие вооруженных нижних чинов во главе с приставом Гилевым, ставшим на сторону управителя (так и поняли киргизы), действовало на толпу раздражающим образом; не помогло

здесь и посредничество Токсанбаева, переводчика жандармского ротмистра — случайно прибывших на место происшествия, отряд, отступивши, стал стрелять из-за забора и убил 12 киргизов. Когда на другой день, 7 августа отряд с ротмистром Железняковым и Токсанбаевым и с жителями ст. Самсы ушли по направлению Казанско-Богородицкое, волнение разрослось. Одни, испугавшись возможных последствий, бежали в горы Пишпекского уезда, предполагая, что за бежавшими верненскими киргизами — их родственниками придут отряды и, не разобравшись, нападут на них пишпекцев, бежали в соседние Атекинскую и Сарыбашевскую волости Токмакского пристава и внесли панику в этих волостях. Злополучные джанысцы, испугавшись размеров волнений в Атекинской волости, бежали дальше, на юг в волости, граничащие с Пржевальским уездом. Увидев, что волнения начались в Пржевальском уезде, они отошли далее на запад, и через Мерке спустились к р. Чу, описав таким образом почти целый круг радиусом 100—150 верст вокруг Пишпека, лишившись почти всего имущества, скота, потеряв стариков и детей. Другие ботбаевцы, увидев агента полицмейстера Поротикова, ...в надежде, что скотом, деньгами, кошмами и дорогими седлами, даваемыми Исабаеву, они будут спасены (копию прошения Курбан-Ходжинова по этому поводу прилагаю), так как этот обирал-Исабаев не был никем тронут в то время, когда киргизы стали позволять себе убийства русских и т. д., то я склонен предполагать, что Исабаев давал на это дикости и даже подстрекал народ (от Исабаева можно ожидать решительно всего). Считаю нужным обратить серьезное внимание на то, что первыми убитыми оказались 2 переселенческих чиновника из учреждения, которое положило основание недовольству киргизов. После их убийств отпустить от занятой позиции бунтовщикам было уже поздно, есть основание предполагать, что если бы в это время среди проезжавших не было чинов

переселенческого ведомства, то дело не дошло бы до таких размеров.

Считаю нужным кстати упомянуть о действиях агентов полицмейстера Поротиков перед событиями в Верненском, Пишпекском и Пржевальском уездах (копии 2 докладных записок от 28.X и 28.XII при сем прилагаю). Задолго до означенных событий (13 июля) агентами Поротикова были арестованы киргизы Джалмышевской волости Верненского уезда Сять Ниязбеков, Танеке и другие; агенты перевалили через горы, побывали в дунганском поселке Каракунае (по соседству с волостями Атекинской и Сарыбашевской), арестовали волостного Булара Магуева, не пожелавшего дать выкуп; агенты в июле и в начале августа побывали... вернулся с дорогими вещами, нагруженными на 2 лошадях, 2 пудами опиума, проданными им в Нарыне по 35 рублей за фунт (см. прошение Курбан-Ходжинова). Во всех трех указанных местах или вблизи их впоследствии возникли серьезнейшие события. Невольно спрашиваешь себя, почему печальные события произошли именно в тех местах, где перед тем побывали агенты Поротикова. Чем вообще занимался полицмейстер Поротиков и его сотрудники, известно киргизам Верненского, Копальского, Пишпекского и Пржевальского уездов (см. прилагаемое прошение Измаилова).

3. Как было сказано выше, киргизы Джанынской и части Чумичевской волости Пишпекского уезда, боясь, что за прикочевавшими к ним родственниками их — ботбаевцами придут отряды, бежали на восток к каракиргизам Атекинской и Сарыбашевской волостей и своим бегством способствовали панике среди каракиргизов. Узнать ближайший повод волнений этих каракиргизов мне не удалось, так как мне не пришлось быть на месте. Необходимо отметить то, что когда русские покорили край, Шабдан Джантаев приходил на помощь русским с киргизами как в этих местах, т. е. с отцами теперешних сарыбашевцев и атекинцев. Знаменательно еще то, что первые добровольцы ушли

из этих же мест, значит, обстоятельства оказались настолько серьезны, что поднялись сарыбашевцы, самые лояльные из всех туземцев края.

4. Слухи о волнениях в Верненском и восточной части Пишпекского уезда распространились с невероятной быстротой и создали нервное настроение не только в Семиречье, но и в Аулиеатинском и Черняевском уездах. Достоточно было случая убийства в Беловодском участке кем-то на заимке двух крестьян...крестьяне каракиргизами или русскими, но выяснить это не удалось. Среди бежавших киргизов распространился слух, что их не тронут, если они сумеют получить удостоверение от пристава (Грибановского) с короткой надписью «мирный» (прошения с изложением таких подробностей поданы генерал-губернатору и копии у меня не сохранилось). Каракиргизов, явившихся к приставу в числе около 517 человек, заставили слезть с лошадей, пешком отправив их в волостное управление. Сам пристав, сдав арестованных каракиргизов возбужденным крестьянам, уехал, и все каракиргизы до одного оказались перебиты. Мне передавали каракиргизы из этих мест, что никто из русских в участке не пострадал, сами каракиргизы определяют число убитых около 1100 человек.

5. О ближайших поводах к волнениям в Пржевальском уезде мне неизвестно, могу только констатировать то, что там перед самими волнениями «работали» агенты полицмейстера Поротикова во главе с Исабаевым.

О так называемом «Теплоключенском деле», когда пострадали ни в чем не повинные киргизы, также не удалось узнать подробностей.

6. В Копальском уезде не было волнений, никто из русских не пострадал, убийство около 40 киргизов (записку при сем прилагаю) нужно приписать исключительно озорству казаков Карабулакской станицы.

7. В Лепсинском уезде, в Маканчи-Садыровской волости поводом к волнениям, убийству около 100 киргизов

и аресту около 100 киргизов послужили жадность и вымогательство волостного управителя Джакамбаева, народного судьи Омарова, Князева, а в Мамбетбай-Кысчакской волости — те же качества нового волостного Джаныбая.

8. Для полноты общей картины волнений считаю необходимым рассказать еще о событиях в Аулиеатинском и Черняевском уездах. Слухи о верненских волнениях и беловодских событиях создали нервное настроение не только у киргизов, но и у крестьян. По тракту от Аулиеата на Пишпек спешили отряды войск, что ее более нервировало киргизов. Отряды проходили при чрезвычайных условиях, часть крестьян, пользуясь этим, предалась грабежу, у киргизов стали пропадать лошади, скот, другие крестьяне просто приходили в аулы и брали кошмы, ковры, одеяла и т. д. Под влиянием всего этого часть киргизов Чуйского и Меркенского участков ушли к р. Чу, к пескам. В Чуйском участке к этому прибавился ложный донос двух лесообъездчиков. Оба пристава поступили одинаково — отправились за киргизами в сопровождении нижних чинов, чем и вызвали нападение.

Одинаковые действия представителей администрации вызывали совершенно одинаковые результаты: 1) Хлыновский отправился к мирным кызылборукцам с отрядом и вызвал нападение; 2) Гилев пошел на Самсы с отрядом — киргизы напали на отряд (если бы не было этого случая, то, по моему мнению, не было событий в Пишпекском и Аулиеатинском уездах); 3) пристав Меркенский и Чуйский пошли с отрядами и опять случилось нападение.

В начале августа в г. Черняеве было получено тревожное известие о волнениях в северной, наиболее глухой части уезда. Помощник начальника уезда подполковник Тризна, отказавшись от советов взять с собой вооруженных нижних чинов, отправился туда только с переводчиком.

Пробыли там 12 дней. Многие, узнав об столкновениях в... Благодаря тому, что он явился к волновавшимся кир-

гизам именно без отряда, благодаря его такту и умению говорить с киргизами, население совершенно успокоилось. Понятно, что если бы Хлыновский, Гилев, Лундин, Урбанек действовали так, как Тризна, то несмотря на самые неблагоприятные обстоятельства, удалось бы избежать печальных событий.

Я привел данные, характеризующие отношение русской власти к киргизам в связи с изменением условий киргизской жизни; сказал, как отнеслись киргизы к событиям, связанным с войной, указал на крайне неблагоприятные обстоятельства, связанные с призывом киргизов на тыловые работы. После всего этого можно ли еще удивляться, что произошли такие печальные события, и можно ли все это приписывать одним только киргизам, можно ли отыскать более красноречивые, более действительные приемы агитации для возбуждения умов, чем все то чем сказано выше? Люди, не знакомые с историей этих взаимоотношений, к каковым, к сожалению, приходится причислять чуть ли не 99% русского населения Туркестана, в попытках объяснить причины волнений в Семиреченской области отыскивают эти причины, не задумываясь, слишком просто и легко — в «турецкой и германской» агитации. Из сказанного несомненно ясно одно: если бы не было тех отношений к киргизам, что были до войны, если бы мобилизация рабочих проводилась более осмотрительно, то самая идеально обставленная, какую только можно себе представить, «турецко-германская» агитация не достигла бы того, свидетелем чего мы явились.

Более показать ничего не имею.

Показание снималось 24 февраля 1917 г.

Инженер М. Тынышпаев

**Копия взята из дел ЦАУ Уз. ССР за 1917 г., арх. № 11.
Фонд КТГГ отдел секретный (из дел с. 7–25).**

1919 г., ноябрь

Письмо В. И. Ленина
«Товарищам коммунистам Туркестана»

Товарищи! Позвольте мне обратиться к вам не в качестве Председателя Совнаркома и Совета Оборона, а в качестве члена партии.

Установление правильных отношений с народами Туркестана имеет теперь для Российской Социалистической Федеративной Советской Республики значение, без преувеличения можно сказать, гигантское, всемирно-историческое.

Для всей Азии и для всех колоний мира, для тысяч и миллионов людей будет иметь практическое значение отношение Советской рабоче-крестьянской республики к слабым, донныне угнетавшимся народам.

Я очень прошу вас обратить на этот вопрос сугубое внимание, — приложить все усилия к тому, чтобы на примере, делом установить товарищеские отношения к народам Туркестана, — доказать им делами искренность нашего желания искоренить все следы империализма великорусского для борьбы беззаветной с империализмом всемирным и с британским во главе его, — с величайшим доверием отнестись к нашей Туркестанской комиссии и строго соблюсти ее директивы, преподанные ей, в свою очередь, от ВЦИК именно в этом духе.

Я был бы очень благодарен, если бы мне вы ответили на это письмо и сообщили о вашем отношении к делу.

С коммунистическим приветом

В. Ульянов (Ленин)

Ленин В. И. Полн. собр. соч. — М.: Политиздат, 1977. — Т. 39. — С. 304.

1920 г. 25-го мая

г. Москва

Товарищу Ленину
Полномочной делегации Туркеспублики
во главе с председателем ТурЦИКа
тов. Рыскуловым о положении Туркеспублики

6-го минувшего февраля в ЦЕКА Партии ВСЕЦИК и Совнарком за НР 296/297 было сообщено по радио постановление 1-й Туркестанской краевой конференции РКП о слиянии на территории Туркестанской республики всех самостоятельных национальных коммунистических организаций в единую коммунистическую партию во главе с единым Краевым комитетом с подчинением ЦЕКА партии. Потому что такой единой коммунистической партией должны быть партии широких туземных трудовых масс тюркских народов, управляемых своим ЦЕКА, пользующимися правами областного краевого комитета в отношении ЦК РКП. В связи с таковым постановлением коммунистической конференции состоялось переименование прежнего центрального партийного органа Туркестанской республики Краевого Комитета РКП в ЦЕКА партии тюркских народов, причем впредь до санкционирования означенных постановлений ЦЕКА РКП для проведения в жизнь и осуществления всех положений, принятых на конференции, ею был создан единый временный комитет... какого был представлен на утверждение комиссии ЦЕКА по делам Туркестана. Имея в виду то громадное значение, которое имели труды 1-й краевой Коммунистической конференции и для государственного строительства Туркестанской Республики в дальнейшем, ибо конференция все свое внимание направила на углубление и расширение партийной

и советской работы в Туркестане на привлечение к советскому строительству широких мусульманских масс Туркестана. Какие условия являются неизбежным необходимым для существования автономной тюркской республики Туркестана, возможно быстрая реорганизация центральных партийных органов республики диктуется настоятельной в этом смысле неотложностью всякое промедление в проведении в жизнь указанных начал неизбежно влечет за собою порождение междуведомственных и национальных трений и тормозит всякую активную работу государственного строительства республики, имеющую неизмеримо важное значение для всей единой Российской Федерации в данный момент. Между тем, комиссия ВЦИК и ЦЕКА по делам Туркестана, признавая всю важность государственного значения, ознаменовав положения, принятые конференцией, не считает себя вправе утвердить таковые положения как в смысле упразднения существующего до сего времени Краевого Комитета РКП, так и в смысле создания взамен него ЦЕКА Партии тюркских народов, ссылаясь на то, что таковые положения как в смысле постановления краевой Коммунистической конференции еще не санкционированы ЦЕКА РКП ввиду того, что неутверждение Комиссией ЦЕКА означенных положений влечет за собою по указанным выше причинам неотразимое препятствие для приобщения мусульманского пролетариата к активному государственному строительству своей жизни, вызывая этим приостановление всякой творческой работы правительственных организаций, ибо ведь работа последних должна строиться исключительно и неизменно по пути, предложенному 1 Туркестанской Краевой коммунистической конференцией, а этому как раз препятствует промедление в утверждении выдвинутых ею основных положений, краевой Комитет РКП и Президиум ТуркЦИКа в этих целях поднятия авторитета Коммунистической партии в глазах соседних народов Востока и учитывая громадную

роль, которую должен сыграть ЦЕКА партии тюркских народов в истории революционного движения Востока в дополнение к радиограмме Краевого Комитета РКП вторично ходатайствует о наивсего возможно скорейшем утверждении вышеозначенных положений коммунистической конференции и о предоставлении таким образом тюркским народам возможности свободного государственного строительства своей жизни.

Турсунходжаев член Крайкома
и Председатель ТурЦИКа Рыскулов.

ЦПА ИМЛ. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 12797, Лл. 1 и 1об.

ОБЩЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Докладная Т. Рыскулова

I

Одним из важных условий программы Коммунистической партии, для достижения своих мировых целей в классовой борьбе является освобождение колонии и полуколонии от империалистического ига, т. е. освобождение угнетенного Востока, каковые цели, главным образом, должна преследовать соприкасающаяся с Востоком авангард мировой революции Советская Россия. Без выполнения этой задачи невозможно ускорение и окончательное довершение мировой социальной революции. Оставив в стороне определение теоретической обосновки этой мысли, необходимо перейти к намечению тех главных реальных и ближайших путей, по которым Советская Россия, ведя одновременно оборонительную борьбу с империализмом, при затянувшемся ходе социальной революции на Западе, могла бы гораздо более ускорить темп этой революции путем скорейшего вовлечения в эту борьбу колонии и полуколонии капиталистических держав.

II

Этот путь в роли Советской России на Востоке лежит, во-первых, в правильном осуществлении на деле и на опыте принципов, провозглашенных рабоче-крестьянским правительством о правах народов России и Программы РКП по национальному вопросу, как по отношению трудового мусульманства в Туркестане, так и по отношению всех бывших инородцев в остальных частях Советской России; во-вторых, вся работа по поднятию Востока должна идти исключительно через посредство организованных

революционных сил мусульманских стран, как входящих в состав РСФСР, так и не входящих в последнюю.

Только опираясь на их политические и вооруженные силы, и посредством их, можно двигаться на Восток, иное решение вопроса означало бы отход от основных линий международной пролетарской революции.

III

В момент приближения краха капиталистического строя и обострения классовой борьбы, колониальный Восток должен стать неизбежным спутником Западного пролетариата. Он в этот момент неизбежно выступает под лозунгом борьбы с мировым империализмом за «национальное освобождение» и «национальную независимость» под общим лозунгом «освобождение Востока». В этом первоначальном движении заинтересованы не только трудящиеся Востока, но, главным образом, заинтересованы буржуазно-националистические слои, которые, стремясь освободиться от ига иноземного капитала для развития своих интересов, стремятся занять в этом движении руководящую и активную роль. Советская Россия и Западный пролетариат должны всеми силами официально поддерживать это «национально-освободительное» движение и борьбу восточных народов за «независимость», ибо последние содействуют успешности мировой Социалистической революции и раскрывают сущность колониальной политики империализма. Не говоря о революционной стороне роли Советской России на Востоке, о чем говорится ниже, она должна указанную политику поддерживать, если не все время борьбы с мировым капиталом, то, по крайней мере, в течение долгого времени.

IV

Указанный этап борьбы на Востоке является временным. Трудящиеся Востока, руководимые революционными

организациями и группами, вынужденные идти вначале временно рука об руку с указанными представителями мелкобуржуазных слоев, должны будут в дальнейшем расходиться с ними в интересах, стремясь в то же время к свержению господства последних к захвату власти. Этой революционной задаче всемерно должны содействовать трудящиеся мусульманских стран (входящих в состав РСФСР. Например: Туркестанской, Башкирской, Татарской и т. д. республик, их политические и военные силы под лозунгом “освобождения трудящихся Востока, как от господства европейского капитала, так и господства своей буржуазии”).

Здесь ЦЕКА РКП, придавая Востоку не меньшее значение, чем Западу, должен проводить лозунг «Все политические и вооруженные силы трудящихся мусульман Советской России — на Восток», и осуществлять этот лозунг на деле. Роль же самой Советской России в этом деле должна заключаться в организации указанных сил концентрации их на Восточных окраинах и снабжению их материальными средствами и оружием.

Другое решение вопроса в смысле непосредственного вмешательства Советской России в дела сопредельных Восточных государств, стремление произвести искусственные перевороты путем посылки русских красноармейских частей, сопряженные еще в грабежами, как поступил Туркфронт с Хивой и предполагается поступить в отношении Бухары, означало бы новый способ империалистической захватнической¹ политики и не только затормозило бы ход революции, но нарушило бы самым грубым образом международную солидарность и интересы пролетариата, дав лишний козырь в руки английской буржуазии на Западе по отношению к Туркестану.

¹ захватной

V

Туркестан по особенностям быта и этнографическому составу населения является неделимой частью этого Востока и испытал еще худшие условия колониальной эксплуатации. Занимая выгодное географическое положение на Востоке и являясь важным экономическим и стратегическим пунктом в борьбе с мировым империализмом, Туркестан представляет из себя в то же время и первую страну на этом угнетенном Востоке, где в толщу отсталого мусульманства впервые приходится насаждать принципы Советской власти, где опытом и ошибками приходится выработать такие методы и формы государственного строя, которые служили бы на деле агитацией и примером всему Востоку, весь Восток чутко прислушивается к тому, что делается в Туркестане. Поэтому Туркестан, с его имеющимися революционными силами, объединенные с силами Башкирской и др. мусульманских частей с помощью центра революции — Советской России, не говоря пока о Кавказе, где только что осуществлена Советская власть, должен неизбежно стать вождем и центром революции на Востоке.

Недаром Англия заинтересована Туркестаном: не потому лишь, что там¹ много богатства, а потому, что оттуда грозит главная опасность.

VI

Коренную ошибку делают те представители центральных органов РСФСР, которые затушевывая это значение Туркестана и Востока в мировой революции в пылу военных увлечений ударяются в захватную военную политику, под наускиванием русских колонизаторских элементов, стремясь установить власть «генерал-губернаторов», только под другим соусом, выражая полное недоверие революционным

¹ «так»

организациям коренного туземного населения этих окраин, как «националистам», «фанатикам» и т. д. вербуя себе отдельных авантюристических элементов из мусульманства, которые, служат для личной выгоды, были бы верными последователями указанной политики и служили бы опорой в борьбе с «националистами», представляя в то же время хорошую ширму для отвода глаз темной туземной массы. Такое же положение наблюдается и в Башкирии и Киргизии и т. д. Мало того, знаменитый лозунг английских империалистов «разделяй и властвуй» усиленно проводится многими представителями РСФСР и местными европейцами в Туркестане и других частях с населением из бывших инородцев, стараясь создать впечатление о якобы существующем национальном антагонизме между узбеками, киргизами, туркменами и т. д., расчленив их друг от друга и натравить одних мусульманских партийных работников на других (примеры из жизни Туркестана, Башкирии и т. д.). Многие подобные представители центра и на местах, поддаются под меньшевистские влияния, говоря: «мусульманского пролетариата нет, опираться не на кого, нужно перенесение из Москвы текстильных фабрик, пропустив через них туземцев, создать туземный пролетариат, а пока опираться на Российский пролетариат и местное европейское население», забывая в то же время то, что в Центральной России деревенская беднота так же не прошла через заводы и фабрики, а между тем опролетаризировалась настолько, что активно защищает революцию.

VII

В Туркестане, как и во всем колониальном Востоке, в социальной борьбе существовали и существуют две доминирующие, в сравнении с остальными, силы: угнетенные, эксплуатируемые колониальные туземцы и европейский капитал, борющийся между собой. На основании чего Октябрьская революция в Туркестане должна была

совершиться не только под лозунгом свержения существующей буржуазной власти, но и окончательного уничтожения всякого остатка наследия от царской России, подавления в корне всяких могущих быть колонизаторских поползновений со стороны царского чиновничества и кулачества. Революцию в Туркестане должны были почувствовать трудящиеся массы угнетенного туземного населения и они должны были в дальнейшем служить главной опорой для Советской власти, но, благодаря неорганизованности и неподготовленности этих слоев коренного населения, главную роль в этом деле сыграли русские рабочие, захватив власть, но использовав последнюю в смысле защиты в дальнейшем своих лишь материальных интересов и интересов обладания властью, но, не задаваясь целью углубления революции в массу коренного населения и уравнивания в правах его с пришлым населением.

Через все деятельности последующих составов правительства красной нитью проходит один твердый взгляд — это недоверие мусульманским партийным организациям и работникам. Деятельность армянских «дашнаков» над мусульманством в Фергане, давшая повод зарождению басмаческого движения, массовые насилия над обездоленным киргизским населением русского переселенческого кулачества в Семиречье и Сыр-Дарьинской области, расстрелы в Пишпеке, в Туркестане, в Перовске и в других местах идейных мусульманских работников местными русскими националистами в маске коммунистов — показывают, какой политики придерживались правительства Колесовского и Успенско-Казаковского направления. Колонизаторское кулачество не только обогатилось за время революции, захватив власть и даже партию в свои руки, но для защиты и в дальнейшем своих интересов, сумело организовать в красноармейские вооруженные части, которые, руководимые, главным образом, разными спецами, левыми эсерами, миссионерами и по сие время остаются

оградителями интересов этого кулачества, вооружено тормозят всяким мероприятиям Советской власти. Местные европейские рабочие в большинстве своем поддерживают это положение, ибо сами являются мелкими собственниками и пользуются трудами туземных чернорабочих, как например, в Кызыл-Кия и др. горных предприятиях и на железных дорогах. Хотя имеются в центрах некоторые подлинно пролетарские слои европейских рабочих, но они незначительны по количеству и находятся под влиянием колонизаторских элементов.

VIII

Без участия основной массы трудящихся невозможно ни действительная революция, ни установление подлинной Советской власти и воссоздание экономической мощи. При известной постановке работы, всю массу трудящихся коренного населения можно привести в движение, поднять в них энтузиазм и заинтересовать их в поддержке и организации Советской власти. Поэтому, пока Красная Армия в Туркестане состоит из местного кулачества и русское крестьянство вооружено почти поголовно, пока аппараты воной власти находятся в руках того же колонизаторского чиновничества и партия засорена ими, левыми эсерами и разными миссионерскими элементами, невозможно никакое реальное проведение задач Советской власти в Туркестане. Это положение определенно доказывается не только решениями краевых партийных и советских съездов о правах коренного населения и объявлениями несколько раз автономии Туркестана, которые фактически остались на бумаге, несмотря на то, что везде в Советах в громадном большинстве сидят мусульманские трудящиеся, но и полугодичной деятельностью Турккомиссии, где громкие ее заявления от имени Центрального правительства РСФСР, массовые обещания, поднявшие своевре-

менно дух коренного населения и тысячи постановлений принципиальных и не принципиальных о привлечении мусульманства в Красную Армию, подавления существующих насилий колонизаторов и т. д. остались простыми парламентскими постановлениями, ибо не было реальной почвы провести их в жизнь, т. к. всякие реформы в сторону уравнивания в правах угнетенного коренного населения, со стороны колонизаторских элементов встречало отчаянный отпор (примеры: когда попытались провести земельную реформу, крестьянские кулаки и гарнизоны сказали: «не смей вторгаться в наши интересы» — и этот вопрос, имеющий такое важное значение в Туркестане, был приостановлен, а в Пржевальском уезде кулаки растерзали мусульманских коммунистов за то, что они, как делегаты, участвовали на последнем краевом партийном съезде, где говорилось об автономии Туркестана).

Усиленная работа указанных элементов в военном деле, выразившаяся в стремлении все время тормозить созданию всяких мусульманских военных частей путем не дачи своевременно обмундирования и довольствия, чтобы созданное на этой почве недовольство и дезертирство использовать, как материал для донесения о непригодности этих частей, спровоцирование татарской бригады в Фергане, следствием чего было разоружение некоторых ее частей, умышленное создание тормоза в деле ликвидации басмачества, в силу которого после перехода потерявшего почти почву под собой, Мадамина бека, принятого Советской властью по почетному договору, все перешедшие прежде от него на нашу сторону курбаши, как Хал-Ходжа и др., верно служившие нам, теперь, видя враждебного им Мадаминбека на почетной службе Советской власти бегут от нас, а за ними скоро последует наверно и сам Мадаминбек, наконец, невозможные провокации против Турккомиссии и существующей власти, подготовлявшиеся левыми

эсерами и псевдокоммунистами Ташкентской организации заодно с кулаческими фронтовыми частями, выступление 1-го мая с. г. с лозунгом: «Долой Турккомиссию и существующие власти», «бей жидов», «вся власть местным европейским рабочим» и т. д. — ясно и конкретно показывает работы не только левых эсеров, колонизаторов, контрреволюционеров, но показывают и работы английского шпионажа. Хотя выступление это не состоялось, но Первое мая пришлось встретить высшим органом власти вооруженными отрядами и обставлением учреждений пулеметами.

IX

Туркестанская республика отвыкла уже от взгляда на себя, как на колонию. Туркестанские трудящиеся прониклись уже лозунгами Советской власти и заслужили себе уважение теми тысячами жертв, которые они принесли за период революции и новое 3-е по счету соединение с центром никак не может быть рассматриваемо, как завоевание Туркестана центральными войсками, ибо это соединение после двухгодичной оторванности было результатом ожесточенных боев объединенных усилий красных армий Туркестана и центра, братски шедших друг к другу навстречу. Поэтому насильственное сужение Туркестанской конституции и возвращение туземцев к прежнему состоянию «поддельных» европейцев отразилось бы пагубно на деле. Между тем стремление Реввоенсовета Туркфронта захватить все внутреннее гражданское управление вплоть до конезаводства и жилищного вопроса, стремление Турккомиссии, поддерживая это положение, делать в свою очередь то же самое, сажая своих ставленников во главе комиссариатов, которые не хотят считаться с ТурЦИКом, ясно показывают тенденцию этих двух органов рассматривать Туркестан как советскую колонию, где должно быть военное управление краем и где для вида и «особо политических соображений», как выразился тов. Голощекин, можно сажать на некоторые

ответственные посты, не имеющие по существу значения и мусульманских работников. Если добавить сюда желание особого отдела Туркфронта, также стать полным хозяином над местными исполкомами и органами, аннулируя иногда мандаты ТурЦИКа, если каждый приезжий из центра работник стремится тоже начальствовать, то станут более ясными указанные положения.

Х

При существовании вышеуказанных условий, которые создались в Туркестане, и вдобавок при том систематическом подходе, который делается со всех концов на мусульманские коммунистические организации и ответственных партийных работников, всякие энергии последних подрываются и создаются условия невозможности дальнейшей работы. Занимать кукольное положение во власти и фразерствовать на бумаге, будучи бессильными провести что-либо в жизнь, означало бы предавать свои убеждения и свершать преступление перед угнетенными туземными трудящимися. Поэтому, если будет в дальнейшем существовать такое положение, то ответственным мусульманским партийным работникам остается один выход — по указанию ЦЕКА РКП перевестись для работы в другие части РСФСР, но не оставаться дальше в Туркестане и не нести там ответственности.

Поэтому, исходя из вышеизложенных соображений и принимая во внимание то чрезвычайно запутанное положение и многовластие, которые создались в Туркестане, полномочная делегация Крайкома РКП и ЦИК Советов Турк. республики приходит к следующему конкретному выводу: Или всю полноту власти передать реввоенсовету Туркфронта установив военное управление Туркестанским краем, подчинить последний реввоенсовету республики или всю полноту власти передать, согласно Конституции, трудящимся коренного населения, осуществив это реально на

деле, уничтожив всякие подслышки в виду Турккомиссии и ограничив права реввоенсовета Туркфронта.

Промежуточных решений между этими двумя положениями не может быть, иначе означало бы углублять то хаотическое состояние, в котором очутился Туркестан.

Делегация Туркреспублики со своей стороны, присоединяясь ко второму положению, полагает, что осуществление его и вообще, действительное осуществление всех задач Советской власти в Туркестане, возможно только лишь при проведении в жизнь следующих практических и конкретных мероприятий:

1. Выразить доверие мусульманским трудящимся, их революционным работникам и для цели внутренних задач и задач на Востоке считать необходимым создание в Туркестане мощной мусульманской Красной Армии, для чего в качестве первоначальной опоры и основного ядра, вокруг которых будут формироваться указанные мусульманские части, двинуть немедленно теперь же в Туркестан, в распоряжение военного комиссариата Туркреспублики, две хорошо организованные татарскую и башкирскую бригады во главе со стойкими и преданными работниками и две такие же татарские и башкирские бригады в распоряжение Туркфронта для пограничной линии. Создаваемые теперь не на территории Башкирии, Татарии и Туркестана части должны немедленно поступать для пополнения должностующих к созданию пограничной дивизии для внешней борьбы. Теперь же приступить к разоружению всех красноармейских частей, созданных из местного колонизаторского кулачества или перебросить их на другие фронты, тщательной чистке оставшихся и отобранию оружия у населения, главным образом, у кулаков. Обратить серьезное внимание на военные задачи на Востоке.

2. Дать инициативу создания Красной Армии в Туркестане в руки Туркправительства, для чего восстановить

военный комиссариат Туркеспублики, изъяв его из ведения Туркфронта и передав ему права организации внутренней охраны, права учета и мобилизации, формирования и обучения Красной Армии и полного распоряжения красноармейскими частями до момента перехода их в состав действующей армии для охраны внешних границ. С этого момента все действующие части должны находиться под общим командованием в лице Народного Комиссариата РСФСР. На территории Туркестана формировать части только из коренного населения, могущие же быть формирования частей из европейского населения направлять таковых в центральную Россию.

3. Поручить Военному Комиссариату Туркеспублики со дня его восстановления в трехмесячный срок создать две дивизии из коренного населения в Туркестане.

4. Территорию Туркестанской Республики не считать относящейся к полосе действующего фронта, поэтому власть и влияние Реввоенсовета Туркфронта распространить лишь на пограничные линии. Туркфронт может выполнять известные задания внутри Туркестана, если необходимость будет в таковых, только с согласия и по поручению Туркеспублики.

5. Всю полноту власти в Туркеспублике передать съезду Советов, ТурЦИКу и Турксовнаркому. Турксовнарком усилить идейными работниками из центра. Утвердить положение об автономии Туркестанской Советской Республики. Для чего предварительно создать специальную комиссию, которая ознакомится точнее по материалам о действительном положении Туркестана.

6. Упразднить Турккомиссию.

7. Организовать Туркпредставительство в Москве.

8. Всевозможными мерами и во всевозможном количестве двинуть в Туркестан мусульманских военных и политических работников. Мусульманских красных курсантов,

подготавливаемых в России, всецело направлять в Туркестан. Все работники, направляемые из центра в Туркестан должны поступать в распоряжение Турккрайкома и ТурЦИКа.

п/п Председатель ТурЦИКа и уполномоченный
Туркестанской делегации Рыскулов
Члены: Ходжаев Низамиджан, Бех-Иванов

1920 года, 25 мая
г. Москва

ЦПА ИМЛ. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 14. Оп. 99. Л. 2—6.

16 июня 1920 г.

г. Москва

ДОБАВЛЕНИЯ К ТЕЗИСАМ

**тов. Ленина по колониальному и национальному вопросу –
представителей коммунистов: Башкирии, Туркестана
и Киргизии (прилож. тезисы тов. Ленина)**

Дорогой товарищ ЛЕНИН!

11-й и 12-й пункты Ваших тезисов по национальному и колониальному вопросам мы изменили и прибавили 13-й пункт.

Не можем отнять у Вас много времени, доказывая правильность изложенных в наших изменениях и дополнениях положений. Ваши тезисы доказывают лишний раз тот неоспоримый для нас факт, что передовые вожди коммунистической революции, взявшие себе задачей не формально, не компромиссно, а кардинально разрешить национальный вопрос, еще не могут выяснить себе, какие трудности приходится преодолевать не только при решении, но и при изучении национальных взаимоотношений и колониального вопроса в то время, когда еще революция из национальной русской не превратилась в интернациональную, когда носители идей мировой революции должны вести свою работу в атмосфере «уединенного государства» с отвратительным империалистическим прошлым и с населением, состоящим на 70% из европейцев (включая и украинцев), сильных и безнаказанных за свои грабежи и убийства и с малым процентом инородцев-туземцев, привыкших покорно переносить всякие циничные издевательства и насилие над личностью, в государстве, где грабеж и насилие инородцев в глазах как угнетателей,

так и угнетенных получил характер вполне нормального, обычного и законного явления.

Весь дух тех мест тезисов, которые касаются отсталых стран, подчеркивание особым пунктом недоверия и национальной ограниченности отсталых, и необходимости ничего не говорящей «снисходительной осторожности» пролетария угнетавших по отношению к «национальным чувствам слабых», полное отсутствие указания на различия пролетариев угнетавших и угнетенных и па пути, реально обеспечивающие солидарную работу этих двух типов пролетариев в борьбе против общего врага — капитала, указание на панисламизм, не имеющий никакой реальной почвы не только среди народной массы, но даже среди буржуазно-демократической интеллигенции — все это в совокупности показывает полную безрезультатность тех воплей, которыми пропитаны насквозь доклады туркестанских, киргизских, башкирских и туркменских коммунистов, которые на местах получили прозвище «мелкой буржуазии», «национально-ограниченных людей» и людей, стремящихся создать «китайскую стену» между колониями и метрополией.

Есть общетюркская пословица: «Бокты сидык билен джууб булмай», т. е. нечистоту нельзя чистить нечистотой. Точно также нельзя освобождать туземную бедноту от кабалы колонистов теми же колонистами или рукою местной власти, опирающейся на колонистов. Допускать возможность такого освобождения — значит, допускать освобождение рабочего рукою капиталиста. Посылать чистейшей воды коммунистов Европы, например в Туркестан, чтобы освобождать туземную бедноту с помощью европейских переселенцев — значит, портить этих коммунистов. Такие коммунисты в виду этого неизбежно должны уклониться от прямых линий и задач партии и заниматься под влиянием колонистов местных борьбой против панисламизма, перессорить туземную бедноту между собой, разложить туземных коммунистов, поддержать национальную рознь

вместо классовой и призвать для «коммунистической работы» специалистов-миссионеров — знатоков панисламизма: Лыкошиных, Янковских, Маллеких, Самойловичей и т.п.

При таких условиях не к чему разоблачать второй Интернационал, так как даже европейски-непросвещенные туземцы очень быстро ориентируются в событиях и видят, что III-й Интернационал отличается от II-го только в словах и лозунгах, пока неприменяемых в жизни.

Беспочвенный панисламизм, этот Абдулгамидовской бред, широко популяризированный в колониальной миссионерской литературе европейскими империалистами, трепещущими перед каждым движением угнетенных, предчувствуя свою гибель, известен Азии только через Европу. Пусть не придет Вам на мысль, что мы защищаем панисламизм, пишущие эти строки даже при царском строе, разоблачали его: (газеты: «Юлдуз», «Иль», «Казак» за 1913 г.), ибо не религия является вершителем судеб человечества, а материализм, всякие походы военные в истории были на экономической почве, религия являлась в этом случае одним из средств достижения экономических целей, поэтому никогда в истории «Джигат» — священная война, объявляемая духовенством, не дала тех результатов, которые ожидались. Материально не заинтересованный мусульманин никогда не присоединялся к войне, объявленной муллами и богачами. Если теперь такими вещами будет заниматься III Интернационал, если Туркестанской, Киргизской и Башкирской ЧК будет открыт особый отдел по борьбе с панисламизмом, если в целях борьбы с панисламизмом Киргизия и Башкирия будут отделены пятиверстной русской царской казачьей полосой, которое на деле уже осуществлено теперь и Туркестан будет искусственно разделен на различные «республики», если все переселенцы, царские чиновники, миссионеры (как делается отчасти и теперь) будут помогать III Интернационалу в «борьбе с панисламизмом», конечно, этим можно будет вызвать общее антирусское движение,

которое, присоединившись к антианглийскому, получит характер розни европейцев, желающих поработить экономически слабых туземцев, могущий с другой стороны вызвать общеевропейский патриотизм, т. е. боязнь за судьбы своих колоний и источников сырья и тем положить конец социальной революции, но опять здесь, ни причем будет Аллах — борьба будет экономическая: не по приказу Бога, а по приказу земли. Если III Интернационал будет опираться исключительно на «снисходительно и осторожно относящихся к слабым» переселенческих «коммунистов», то всякое сближение туземной и европейской бедноты не перейдет дальше дипломатических сближений, каковой характер имеет теперь наша работа в Туркестане, Киргизии и Башкирии. В конце концов, нам горько, обидно, стыдно вести дипломатические неискренние разговоры с лучшими, иной раз, коммунистами, которые прибывают к нам для помощи путем борьбы с «сидящими в нашей душе» мелкобуржуазными предрассудками, национальным эгоизмом.

Ведь, мы тоже верим, что человечество постепенно шло и идет от патриархального к мировой коммуне, мы тоже хотим, чтобы эксплуатация человека человеком, нации нацией не уничтожалось половинчато, хотим, чтобы мы (“Восток”) вместо того, чтобы служить яблоком раздора между различными сильными мира сего, быть членом мировой федерации коммун и обменять без пошлины свое сырье за европейские фабрикаты через мировой Совнархоз. Сознательные восточные коммунисты достойны быть равноправным членом, хотя бы пока (до мировой революции) Российской коммуны и достойны того, чтобы нам верили наши товарищи — европейские коммунисты — наши учителя.

Вся эта трагедия может быть разрешена только при одном условии, если тем кукольным республикам (как выразился однажды секретарь ВЦИК Лутовинов), которые созданы на Востоке России, будут приданы более серьезный характер и значение, если трудящимся этих республик

будет предоставлена возможность проявить свою инициативу в области партийной, хозяйственной и военной организации. Нечего бояться нас «самостийников», как выражаются здесь в Москве некоторые из наших видных вождей по отношению к нам. Сколько бы мы ни были невежественны, все равно мы не можем даже при желании никого из туземцев (без различия классов) убедить в необходимости в целях избавления от европейского гнета немедленного разрушения хлопкоочистительных, железно-литейных заводов, железных дорог и телеграфа и перейти к средневековому состоянию; значит, мы никого не можем убедить в необходимости окончательного отказа от помощи русских, особенно коммунистов, показавших нам, как отрубить голову городовому, а потом русскому помещику и капиталисту. Но нужна помощь, а не насилие.

Извиняемся заранее, что перед Вами так откровенно излагаем свои мысли, но если не Вам, то кому же? Будьте уверены, что мы все, что здесь пишем, не выносим на улицу.

При сем, хотя не изменили, но мы никак не могли понять смысла того места тезисов (§ 11, п. 1), где говорится, что «в первую голову обязанность оказывать самую активную помощь ложится на рабочих той страны, от которой отсталая нация зависит в колониальном или финансовом отношениях», т. е. как будто колонии и отсталые нации заранее «справедливо» распределяются между пролетариями тех наций, которые при капиталистическом строе угнетали их. Русский рабочий ограничится Туркестаном и не перешагнет через Афганистан в Индию и наоборот. Это может быть вызвано дипломатическими соображениями, что Россия не будет посягать на поместья Лойд-Джоржа. Мы со своей стороны наоборот думали, что Индия должна быть освобождена мусульманским пролетариатом при помощи Советской России и обязательно до революции в Лондоне. Но если Вы, товарищ Ленин, этим обращаетесь к английскому рабочему, то почему? Разве он может просить

III Интернационал, чтобы русские рабочие не распоряжались в его владениях? Разве он (английский рабочий) еще не претендует на угнетение других? Если он претендует, то почему не допускаются такие же претензии со стороны русских рабочих по отношению к Туркестану, Уренхай, Азербайджану и почему тогда, когда говорится об освобождении угнетенных, отсталых колоний, не предупреждается возможное трение между пролетариатом метрополии и колоний?

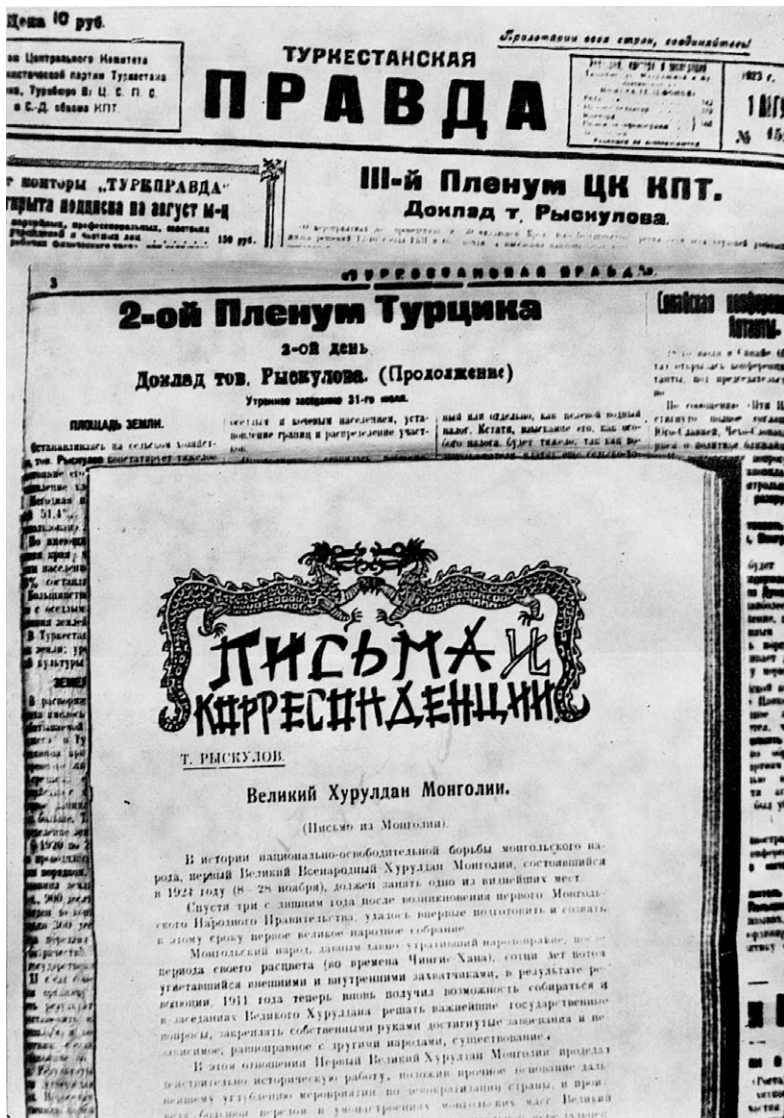
Может быть, думается, что если колониям будут помогать пролетарии тех стран, от которых эти колонии зависели, то это поможет сближению туземцев с пролетариатом Европы, что пролетариат и буржуазия России — две вещи различные? Нет, этого не будет. Если революция в Индии будет после революции в Лондоне, то назначаемые английским ЦИК комиссары будут рассматриваться, как новые заместители вице-королей. Никаких делений помощи по старым признакам — надо делить так, как потребует мировая революция.

Мы возлагаем большие надежды на второй конгресс III Коминтерна и просим обратить серьезное внимание на наше предложение допустить наших представителей на Конгресс и там, где потребуется, выступить в защиту высказанных положений.

Представители туземных коммунистов:

- Туркестана: Рыскулов, Ф. Ходжаев
- Башкирии: Валидов, Юмагулов
- Киргизии: А. Бойтурсунов

ЦПА ИМЛ. Ф. 461. Оп. 1. Ед. Хр. 5145. Лл. 1–6.

Первая страница статьи Т. Р. Рыскулова, опубликованная в журнале «Новый Восток»

КРАТКАЯ АВТОБИОГРАФИЯ

Март, декабрь 1921 г. В комиссию по чистке партии [44] гор-райкома гор. Москвы и в комячейку Наркомнаца.

Чтобы не повторяться, представляю копию с моей биографии, написанной еще в марте сего года и поданной с остальными докладами по турквопросам на имя ЦК РКП и тов. Сталину.

Социальное происхождение

Я вышел из самых забитых и угнетенных слоев киргизского народа. Всю ту неприглядную жизнь, какую только знает беднейший кочевник в степи, я испытывал на себе. Пожалуй, в этом отношении мало кто найдет из просвещенных киргизов, который мог бы больше претендовать на происхождение из угнетенных, чем я, особенно в Туркестане. Условия кочевого образа жизни, бесправное существование киргизов-бедняков, испытавших двойной гнет царской администрации (русской и туземной), грубая эксплуатация своими родственниками — баями и т. д. — все это мне пришлось испытать на себе. Голодовка продолжительное время еще при «добрых старых временах», питание иногда одной водой с разбавленной мукой («быламык» — род пищи, который распространен был среди большей части киргизских пролетариев), служба пастухом у своих родственников-баев, чтобы зарабатывать гроши, когда эти баи частенько награждали кнутом — вот большая сторона моего детства. С одной стороны — вырасти в таких диких условиях жизни, с другой — своей настойчивостью добиваться европейского просвещения — вот что характерно в

моей биографии. Последняя хронологически складывается в следующем порядке.

Родители мои, испытывая гонения от уездного начальника, приставов и волостных за «бунтарство», из Черняевского уезда перекочевывают дальше, в Семиреченскую область (в Восточно-Талгарскую волость Верненского уезда) — в это гнездо колонизаторства, где я и родился. Здесь родители мои среди чужих киргизских племен угнетаются еще больше от киргизских баев и волостных, которые своими обременительными налогами и преследованиями, делают совершенно невозможным дальнейшее существование.

Отец мой, выведенный из терпения, будучи хорошим стрелком, в целях отомщения за себя и за угнетенных своих единоплеменцев, убивает во время свадебной процессии волостного управителя — друга Верненского губернатора и потом скрывается около своего аула, чтобы защитить семью от могущей быть мести. Событие об убийстве такого важного человека, являющегося главным проводником политики царской администрации в своей степи, вызывает сенсацию во всей области и становится известным даже в крае. Если царская администрация или баи встречали этот факт как большое преступление со стороны моего отца, то все трудовые слои киргизов области и угнетенные роды встретили со всей симпатией, возведя моего отца в ряды героев за правое дело.

Киргизские кулаки решают меня повесить самосудом, как единственного сына отца (в то время мне было около 10 лет), но спасают от смерти соседи — таранчинцы. Отца находят, он попадает в Семиреченскую областную тюрьму, в г. Верном, до высылки на каторгу. Сперва решено было благодаря науськиванию губернатора казнить его, но потом приговаривают к 10-ти годам ссылки. Боясь, чтобы меня не убили родственники волостного, отец берет меня к себе в тюрьму, где сидят остальные его братья.

В тюрьме я начал первое свое учение в тюремной школе грамоты. Вращался среди арестантов, изучил хорошо тюремную жизнь. Здесь я впервые узнал, кто такие «революционеры» (их сидело много). Я их очень уважал, меня тянуло к ним, и часто бывал даже в их камере. В тюрьме разрешено было мне жить около отца, благодаря содействию начальника областной тюрьмы, у которого я за это больше года пас кур и уток и служил дворником. После года пребывания в тюрьме отец потом был отправлен в Сибирь (это было как раз во время [Русско]-Японской войны 1904—1905 гг.), откуда он с одним семиреченским таранчинцем, тоже ссыльным, перебив ведший их конвой, во время перестрелок бежали обратно в свой край, куда прибыв благополучно в свою волость, и скончался потом от болезней, полученных во время ссылки.

Я [с] дядей переехал в Аулие-Атинский уезд. Поступил там в русско-туземное училище (Меркенское). По окончании пробыл некоторое время дома в ауле (Аспаринская волость), потому что поступить на более или менее серьезное место нельзя было, еле-еле зная русский язык. В это время начинается гонение на моего дядю, у которого я жил, со стороны родственников и баев, которые взыскивают с процентами долги с него (проценты доходили до 25—50).

При отсутствии дяди (указываю как пример) заставляют меня из степи идти до города (40 верст) и продавать последние кошмы и корову, причем это сопровождается поркой и издевательствами, что вообще принято было по отношению к беднякам.

Ненависть к своим угнетателям во мне от этого растет все больше.

Прослуживаю некоторое время у местного судебного следователя (Семашко) в качестве переписчика повесток и кучером (со мной вместе тоже кучером служил т. А. Ибрагимов,

который состоит теперь членом¹ старого города Ташкента). После поступаю в Пишпекское сельскохозяйственное училище, где учились исключительно дети бедных крестьян. Там я в качестве сельскохозяйственного батрака 4 года натирал мозоли, выполняя всякую черную работу (по садоводству, хлебопашеству, огородничеству и т. д. Между прочим, об этом хорошо знает т. Бройдо, который жил тогда в гор. Пишпек). По окончании училища путем самообразования стремлюсь учиться дальше, но нет средств, и даже свои же учителя не хотят меня подготовить, потому что им нужна плата. Тем не менее, заставив дядю продать последнего барана, еду держать экзамен в Самарское среднее сельскохозяйственное училище. Там, несмотря на то, что из 250 приблизительно [человек], державших экзамен, единственным туземцем далекого Семиречья оказался я, меня проваливают из-за буквы «ять».

Еду в Ташкент. По прибытии оказался без гроша, поступаю на сельскохозяйственную опытную станцию (Красноводскую). Служа там, готовлюсь в новооткрывшийся учительский институт в Ташкенте, но туда меня не принимают, потому что я мусульманин, а по Своду законов Российской Империи в институт принимаются только православные.

Спор с инспектором училищ края Соловьевым ни к чему не приводит. Он за оскорбление мною, что он занимается миссионерством, но туземцам не дает доступа к просвещению, собирался меня арестовать. Пишу прошение на имя министра просвещения в Петербург. Тем временем происходит набор на тыловые работы туземцев (1916 г.). Я уезжаю домой в Аулие-Атинский уезд и Семиречье. Там, видя готовящееся кровопролитие, принимаюсь за агитации киргизов, чтобы последние, восставая против царской администрации,

¹ Далее одно слово пропущено.

отнюдь не трогали русских крестьян, ибо в противном случае начнется национальная (война) резня. Про мою агитацию через своих переводчиков узнает полицейский пристав, который арестовывает меня и передает следственным властям. Но через некоторое время, после разных оговорок, [я] избавляюсь из когтей полиции. Тем временем стихийно разыгрываются события 1916 г., т. е. восстание киргизов. В то время я страшно заболел и чуть не умер. Получаю разрешение от Министерства просвещения поступить в институт. Еду в Ташкент и поступаю в институт.

Период после февральской революции (1917 г.)

Указанный институт не оканчиваю, потому что после Февральской революции сейчас же вовлекаюсь в революционную работу. Таким образом, не получаю даже среднего образования. В Аулие-Атинском уезде, начиная с одного из его районов (Мерке — с 80 000 киргизского населения), начинаю действовать против комитетов Временного правительства, потому что туда засели опять бывшие царские чиновники и явные русские кулаки, которые от имени комитета накладывают на каждую киргизскую волость по 400—500 тыс. рублей контрибуции (в то время большие деньги) за бунт 1916 г. Продолжается резня киргизов от имени Временного правительства.

Сплотив вокруг себя все трудовое гонимое киргизское население, мне удастся избавить их от контрибуции и других обязательств. За это русские кулаки несколько раз пытались меня поднять на вилы и убить, но удавалось спасаться.

Попытка ареста меня со стороны комитета ни к чему не приводит, ибо за меня стоят киргизские трудовые массы и местный совет солдатских депутатов.

В это время я впервые знакомлюсь с большевиками, приехавшими от Ташкентского совдепа. Почти с того момента

становлюсь большевиком (1917 г.). С представителями совдепа развиваю свою деятельность еще больше.

Немедленно приступаю к организации союза революционной киргизской молодежи «Букара» (была выработана программа).

Задачей ставим организацию киргизских бедняков, создание исполкомов в аулах, просвещение и борьбу с кулаками, туземной царской администрацией и т. д., использование базаров для агитации и устных чтений газете пояснением и т. д. Работа достигает хороших результатов — удается организовать киргизские массы, которые твердо стоят за нами, удается совершенно ослабить позицию временного комитета и даже разбить его, вливая всех представителей киргизов в совет солдатских и рабочих депутатов, организуем чуть ли не первые в Туркестане среди киргизов продкомы (предвидели надвигающийся устраиваем на базарах многочисленные митинги, предупреждая о надвигающемся голоде и призывая имеющих деньги дать заимобразно продкому для закупки продуктов (действительно собирается большая сумма), на которую покупаем продовольствие и кормим потом население.

Дальше эта работа переносится на весь Аулие-Атинский уезд, где также блестяще удается победить уездный комитет Временного правительства, (со мной неутомимо, с самого начала работают гг. Сарымулдаев и Курманов и др.

После октябрьского переворота

После Октябрьского переворота, пожалуй, из всего туземного населения Туркестана присоединяются открыто к советской власти первыми трудовые киргизы Аулие-Атинского уезда (по этому поводу появляются даже несколько статей на страницах] киргизской] националистической газеты «Бірлж Туы» в гор. Ташкенте (которая потом была

закрыта Совправительством), осуждавшая нас за переход на сторону большевиков и защищавшая Конесарина — потомка киргизского дворянства). Поддерживаемый трудовыми киргизами, я избираюсь¹ в уездисполком. В скором времени, благодаря активности, заслуживаю доверие даже и русских солдат и рабочих, становлюсь руководителем уездной большевистской организации и председателем исполкома (1918 г.), боремся с левыми эсерами, куда влились массы кулацких элементов, провожу твердо классовую политику как в отношении киргизов, так и в отношении русских крестьян (об этом помнят гг. Федоров-Завадский, Хмелевский и другие), работавшие вместе со мной). За это меня дружно поддерживают солдатские массы и русские товарищи. Впервые во всем Туркестане мне удается организовать уездную чеку, во главе которой выезжая с отрядом по уезду, мне удается приостановить окончательную резню между крестьянами и киргизами, возвратив последним отобранное в качестве контрибуции их имущество, скот и т. д.

В этот момент 200-тысячное население киргизов уезда, особенно бедняки, видели во мне и моих сотрудниках форменно своих спасителей от угнетения. Меня в этом поддерживали русские красноармейцы, потому что они видели, что я провожу исключительно линию классовую и поступаю справедливо.

Тем временем, в центре, в связи с совсем тесным окружением Советской России белогвардейскими фронтами, возникают в уезде и Семиречье везде кулацкие организации, руководимые эсерами или просто белогвардейцами. Произошло дмитриевское восстание кулаков (еще при Колесове), куда примкнули десятки других поселков, которое угрожало переброситься на все Семиречье и оторвать последнее от Ташкента. Мне удается, как председателю уездисполкома, при помощи отряда с двумя орудиями подавить это

¹ В тексте «выбираюсь».

восстание. Мало того, твердой политикой удастся разоружить все кулацкое население уезда и свести почти на нет роль левых эсеров, которые играли способствующую роль в этом восстании. После этой плодотворной работы в Аулие-Атинском уезде я попадаю в центральную власть¹ Туркестана (в том же 1918 г.), где сразу же становлюсь во главе революционного движения среди всего туземного населения Туркестана.

Видя, с одной стороны, совершенную оторванность советской власти от туземных трудящихся, с другой стороны, ужаснейший голод, охвативший всю бедноту Туркестана, я ставлю ставку на вопросе о борьбе с голодом с целью: во-первых, действительно спасти миллионы гибнувших по улицам, канавам и кишлакам голодающих пролетариев и детей, на что тогдашняя власть смотрела сквозь пальцы (для миллиона голодающих, например, ассигновано было всего лишь 5 000 000 деньгами); во-вторых, дать понять русским товарищам, что пренебрегать нельзя туземным населением, особенно гибнувшей беднотой, когда эта последняя должна быть опорой соввласти; в-третьих, устыдить тех из туземных деятелей, которые, состоя комиссарами, мало думали об этой бедноте (например, деятельность наркомнаца Ашур-Ходжаева или НКЗдрава², который также был туземцем и ничего не предпринял в отношении голода); в-четвертых, действительно привлечь оттолкнутые неправильной политикой туземные трудовые массы к советвласти и создать опору для последней из этой туземной бедноты.

Организованная мною Центр [альная] комиссия (комисариат) по борьбе с голодом, которой были переданы диктаторские полномочия в продовольственном деле (см. все номера тогдашних “Известий”) касательно снабжения

¹ Так в тексте.

² Речь идет о наркомнах по делам национальностей и здравоохранения.

голодающих, действительно сумела справиться со своей задачей: все города и местечки покрылись приютами для детей, питательными пунктами, голодающими стали организовываться кустарные мастерские, которые дали республике впоследствии массу продуктов. Организованы были государственные посевы (впервые в Туркестане) количеством около 25—30 тысяч десятин (материалы в Наркомземе), причем на этих работах приходилось прямо-таки делать принудительные мобилизации туземных работников. В одном старом городе Ташкенте было спасено 30 000 туземной голодающей бедноты (это помнит старогородское население и тов. Ходжаев Н.). Правда, я пошел на еще более крайние меры — внес в ТурЦИК проект приказа вообще об экспроприации¹ продуктов и имущества выше трудовой нормы у туземной буржуазии в пользу голодающей бедноты, который не был принят, и о чем потом появилась статья тов. Чокаева в Тифлисе, что мол русские большевики в Туркестане не идут навстречу туземной бедноте. Тем не менее, и без этой крайней меры было сделано много. Помимо средств, даваемых государством, мы голодающих кормили большей частью путем реквизиции продуктов у туземной буржуазии или заставляя баев кормить голодающих в своем районе, за неисполнение подвергая репрессиям.

«Через питательные пункты в республике в 1918 г. прошло 3 000 000 голодающих, а за пять месяцев 1919 г. — 25 000 000 голодающих, причем из 800 000 голодающих, имевшихся на иждивении помголов к 1-му мая к концу года оставалось всего 144 000 человек». (Отчет, данный на III съезде Туркпартии тов. Компенусом). На этом вопросе удалось привлечь туземные трудящиеся массы на сторону советв-ласти, объединить туземных работников, вызвать в них интерес к революционной работе и т. д.

¹ В тексте «эксплуатации» В тексте «эксплуатации»

Второй период моей деятельности объединяется т[ак] называемым] периодом, когда существовали мусбюро коммунист [ических] организ [аций] РКП. Вся энергию и силу я вложил в дело организации этих мусбюро. Период мусбюро — это есть колоссальный сдвиг трудовых масс туземцев в Туркестане, когда последние впервые начинают выявлять себя как хозяева Туркестана, когда вокруг мусбюро объединяются не только туземные коммунисты (так, например, партии младобухарцев, младохивинцев, азербайджанских коммунистов, персидских и т. д.). Вокруг мусбюро объединялось много и русских товарищей, которые понимали правильность наших взглядов. Все те работники, которые работают теперь в Бухаре и Хиве, работали прежде в Мусбюро. Последнее имело громадное агитационное значение в сопредельных странах. Об этом я подробно изложил в брошюре «Работа Мусбюро в Туркестане»¹, которая еще не отпечатана. В смысле внутреннего строительства следствием работы Мусбюро было возникновение повсеместно советов, исполкомов и ячеек партии в кишлаках и аулах, а с другой стороны — переход влияния на политику в руки работников из Центральной России и туземных масс с ослаблением позиции колонизаторствующих элементов.

Третий период моей деятельности — это период осуществления идеи борьбы с переселенческим кулачеством, т. е. с колонизаторством. Я, как коммунист, стоял против всякой эксплуатации, видел, что пока в Туркестане не будет уничтожено засилие колонизаторов, создать подлинной советвласти и даже завершить классовое расслоение среди туземного населения нельзя. Поэтому, при первой Турккомиссии выдвинул впервые этот вопрос, как вопрос принципиальный, решающий судьбу советвласти в Туркестане (доклады и тезисы мои на V конференции РКП Туркестана

¹ Брошюра называется «Мусбюро в Туркестане». См.: Ч. 2. Прим. 40.

и III конференции мускоморганizations, а также тезисы, внесенные в Турккомиссию и поданные на имя ЦК РКП и тов. Ленину).

Сперва ни Турккомиссия, ни местные работники не поняли в чем дело, но дальнейшим ходом работ, переменной состава правительства, методов работы, колонизаторский вопрос выявился во весь рост, и ЦК РКП признал этот вопрос важным, который необходимо разрешить (см. пост [ановление) ЦК партии по этому поводу от 1920 г.), чем оправдались мои соображения, которые я вкладывал в это понятие (колонизаторство).

Остальные [мои] работы определяются в неутомимых работах на разных постах и в провинции (вроде работ, например, в Фергане совместно с гг. Сорокиным и Турсунходжаевым, когда удалось разоружить «дашнаков», отслоить от басмачей туземные массы, следствием чего был переход потом Мадамин-бека, Хал-Ходжи и др|угих| руко-водителей басмачества на сторону советской власти и т. д.).

Был на следующих постах: наркомздравом (1918—1919гг.). Потом председателем Турккомголода, одновременно с самого начала состоял непрерывно в составах Президиумов Крайсъездов, Крайкома РКП и Президиумов ТурЦИКа. Был председателем непрерывно трех составов Краймуз бюро и трех краевых мусконференций.

Потом был председателем ТурЦИКа и членом ВЦИК на VII сессии. Все это время дружно поддерживался со стороны работников всех народностей коренного населения Туркестана. После выхода из состава Туркправительства участвовал на Съезде народов Востока в гор. Баку, где был избран председателем коммунистической фракции последнего до приезда тов. Зиновьева. Потом был переведен членом в «Совет действия и пропаганды народов Востока».

К моменту X съезда РКП был избран делегатом на последний от Азербайджанской компартии и коммунистической

партии Ирана (Персии). Потом был избран членом коллегии Наркомнаца РСФСР со стороны Кирреспублики.

Москва. Декабрь 1921 г.

Т. Рыскулов

В последнее время я был назначен заместителем народного комиссара по делам национальностей РСФСР, Председателем Федкомпроса и руководил Петроградским и Московским институтом живых восточных языков.

Теперь состою членом Среднеазиатского бюро [ЦК] РКП и Председателем Совета Народных Комиссаров Турккеспублики.

Т. Рыскулов

г. Ташкент. 10 февраля 1923 г.

**ЦГА Республики Узбекистан. Ф. 86. Оп. I. Д. 1524. Л. 4–15.
Заверенная копия.**

Т. РЫСКУЛОВ

«История борьбы за освобождение востока» (Восстание киргизов против царизма в 1916 г.)

В то время, когда на театрах военных действий в 1916 г. во всем разгаре шло истребление миллионов рабочих и крестьян, натравленных друг на друга мировыми империалистами, а царская власть, не переставая, посылала туда новые и новые массы «пушечного мяса», в это время в Туркестане тот же царизм устраивал другую бойню, расправляясь со взбунтовавшимися туземными народными массами.

Как известно, в 1916 г. царским правительством был издан приказ о мобилизации рабочих из инородческого населения бывшей Российской империи для исполнения тыловых работ на фронте военных действий. Этой мерой, по своему существу, скорее, провокационной, царизм имел в виду использовать «даровой» и более безопасный рабочий материал для тыловых работ, в то же время стремясь русских рабочих и крестьян, занятых на той же тыловой работе, направить непосредственно на военные действия, не оттягивая посылку подкреплений новыми призывами.

Согласно этому приказу требовалось мобилизовать в Туркестане около 200 000 туземных рабочих. Наскоро объявленный и начавший насильственно проводиться этот приказ вызвал восстание туземного населения Туркестана в июле 1916 г., окончившееся к началу 1917 г. Восстание туземцев против царизма охватило собою Ташкент (старый город), ряд уездов Самаркандской, Ферганской, Туркменской (Закаспийской) областей и большую часть Жетысуской (Семиреченской) области.

Это восстание сотен и тысяч угнетенных народных масс, осмелившихся впервые стихийно выступить против

царского колониального гнета и своей туземной имущей верхушки, было жестоко подавлено. С момента восстания и до Февральского переворота свирепствовали карательные отряды во главе с полковником Ивановым (потом членом Колчаковского правительства), генералами Мадридовым, Фольбаумом и другими, под непосредственным руководством известного тогдашнего Туркестанского генерал-губернатора Куропаткина.

В результате карательных мер царской власти в Жетысуской области, по подсчетам самой царской администрации, убыль населения насчитывалась к началу 1917 г. в 30% (включая бежавших в Западный Китай), а убыль в киргизском хозяйстве в регионах восстания исчислялась в 75% всех хозяйств, не говоря о конфискованных и предложенных конфискации земельных площадях у кочевников. Так же жестоко были наказаны туркмены-йомуды и узбеки, поднявшие восстание в Ферганской области и Туркмении.

Не говоря об истреблениях и сожжениях целых аулов, кишлаков и количестве убитых за время карательных действий, к 1916 г. одних приговоренных судом к смертной казни насчитывалось 347 человек, к каторжным работам — 168, исправительным арестантским отделениям — 228 и тюремному заключению — 129 человек. Помимо этого у «бунтовщиков» конфисковывались имущество и земли.

Такое же восстание киргизов произошло в пределах теперешней Киргизской республики, главным образом в Тургайской губернии, а также отчасти в Семипалатинской губернии и некоторых других районах, но оно не имело такого размера, как в Туркестане, по своему характеру и последствиям, не говоря о Тургайской области, где восставшие продержались, не сдаваясь, до водворения Советской власти и перешли потом на ее сторону.

Мобилизация на тыловые работы туземных рабочих послужила лишь поводом к восстанию туземцев Туркестана в 1916 г., а не основной его причиной. Главнейшие причины,

толкнувшие туземное население Туркестана на это восстание против царской колониальной деспотии, конечно, имели гораздо более серьезные основания. Последние заключались именно в тех глубоких экономических и политических противоречиях, которые создались в результате безудержной колониальной эксплуатации царизмом Туркестана в течение 50-ти лет своего владычества, когда туземное население, доведенное до крайности, было вынуждено пойти на массовое выступление против нестерпимого гнета администрации.

В захватническом движении царского империализма «За Урал» Туркестан рассматривался царской администрацией прежде всего как военно-стратегическая база, утвердившись на которой твердой ногой, можно было бы соперничать с Англией на Востоке и исполнить заветную мечту русских царей еще со времен Петра Великого о «завладении» богатейшей Индией, а с другой стороны, сам по себе Туркестан представлял довольно обширный объект эксплуатации, рынок сбыта продуктов и источник сырья в условиях развивающегося российского капитализма, а также простор для земельной колонизации. В этом смысле царизм стремился достигнуть двух целей: с одной стороны, открыть путь легкой наживы для отечественного капитализма, и с другой — переселением из районов крестьянских волнений переселенцев уменьшить размеры все больше осложнявшихся аграрных порядков.

За полу столетие своего владычества в Туркестане царизм почти выполнил все эти намеченные задачи, и стремился еще больше укрепить свое положение и победоносно двигаться уже дальше за пределы Туркестана. Восстание было использовано в качестве предлога, для того чтобы захватить еще большие земельные площади, мотивируя это защитой пограничной полосы Туркестана с определенными восточными странами. В первую очередь именно этой захватнической задачей, видимо, объясняется переброска довольно внушительной воинской части с театра военных

действий в Туркестан для подавления туземцев, а также направление под командой Мадридова тоже большой военной силы якобы для усмирения туркменов-йомудов в Астрабадской провинции Персии.

Интересны в данном случае взгляды туркестанской царской администрации на те задачи, которые она ставила перед царизмом в связи с возможностью победы в результате войны в Средней Азии и на всем Среднем Востоке. Обеспокоенная возможностью недоразумений с соседями, эта администрация, в лице Куропаткина, однако, высказывалась в том смысле, что Китай едва-ли осмелится выступить против России, в особенности в своей западной провинции, в виду того, что Япония находится в союзе с Россией и может угрожать в тылу Китая, хотя очень выгодно было тогда сделать нападение со стороны Кульджи.

В отношении Афганистана Куропаткин высказывался тревожно, имея в виду при неудачах союзников против Германии, в особенности против турок на персидском театре войны, возможность перехода Афганистана в лагерь Германии; в то же время он несколько успокаивал себя в этом случае угрозой Афганистану со стороны англо-индийских сил. Высказывалось то же самое и в отношении Персии. При таком неудачном для России и союзников обороте, по мнению Куропаткина, неизбежно было вторичное уже более широкое восстание туземного населения в Туркестане.

Придавая огромное значение необходимости укрепления положения царской власти и военных сил в Туркестане для возможности дать отпор всяким выступлениям со стороны сопредельных с Туркестаном стран, Куропаткин в своем докладе на «высочайшее имя» по отчету о восстании 1916 г., высказывает следующее:

«Приемлю смелость высказать мнение, что обеспечение огромной государственной границы Туркестанского края по окончании великой войны полной победой славных русских войск, руководимых держанной волею вашего

²¹ Том VIII. В. М. Плоских

императорского величества, потребует точного, отвечающего величию России решения по отношению к Персии. При этом мне представляется неизбежным возврат Россией достоинства Петра Великого — провинций Астрабадской, Гилянской и Мазандаранской и, кроме того, по соглашению с Англией, принятие под протекторат России северной части Персии с Тавризом, Тегераном и Мешхедом».

«По отношению к Афганистану перемена границы не требуется, но союзничество с Англией, закрепленное и для мирного времени, должно изменить враждебное и унижительное для России отношение Афганистана, афганского правительства и открыть афганский рынок для эксплуатации его. Ныне афганцам открыт доступ в русские пределы, а русским доступ в Афганистан запрещен. Независимо от сего Россией должен быть обеспечен полный контроль за расходом в пределах Афганистана вод рек Аму-Дарьи, Мургаба и Теджена, и, наконец, по соглашению с Англией, Россия должна связаться через Афганистан с Индией железнодорожной сетью».

«Что касается Китая, то опасность со стороны этой империи с 400 миллионным населением в будущем для России несомненна. Наиболее уязвимым для России участком границы, как и 800 лет тому назад, останутся Великие Ворота народов, через которые орды Чингиз-хана хлынули в Европу. Пока Кульджа будет в руках китайцев, охрана Туркестана со стороны Китая будет очень затруднительна или потребует в будущем большого количества войск. Нельзя оставлять эти ворота в руках китайцев. Изменение нашей границы с Китаем настоятельно необходимо. Проведением границы от массива Хан-Тенгри (высочайшего во всем Тянь-Шанском хребте в 27 тыс. футов) по прямой линии на Владивосток наша граница сократится на 4 тыс. верст, а Кульджа, северная Монголия и северная Манчжурия войдут в состав Российской империи».

Мы видим, в чем заключались замыслы царского империализма на Среднем Востоке. Если, не было бы крушения царского империализма, то, несомненно, при разграничении «сфер влияния» на Востоке между Россией и Англией, первая осуществила бы свои захватнические планы, но этому не суждено было сбыться, благодаря нагрянувшим революционным событиям.

Таким образом, цель, намеченная царским империализмом в Туркестане, сводилась к продолжению карательных действий для истребления наиболее беспокойных слоев туземного населения, широкой конфискации земель в Джетысуйской области у кочевников — на пространстве около двух с половиной милл. десят. земли, в Самаркандской и в Туркменской области, и к дальнейшему усилению административного нажима в управлении; в отношении же сопредельных стран — хищническому захвату целых территорий, в стремлении дойти в этом движении до Индии. Эта политика не удалась благодаря крушению царизма и великой Октябрьской революции, сыгравшей колоссальную роль в освобождении народов Востока.

Советская власть с корнем уничтожила всю систему угнетения. Она осуществила действительное сотрудничество всех народов, прежде угнетавшихся царизмом и дала возможность им распоряжаться своей судьбою.

К десятилетию мировой империалистической войны трудящиеся массы советских республик, а также соседних восточных стран вспомнили недавнее прошлое царского империализма на Востоке, кровавую расправу над туземцами Туркестана в 1916 г., и такую же хищническую политику империалистических держав-победительниц, и поэтому еще теснее сплотятся вокруг первого в мире пролетарского союза республик и третьего коммунистического интернационала для совместной борьбы против мирового капитализма).

**ПРЕДЛОЖЕНИЯ ЧАСТНОГО СОВЕЩАНИЯ
националов – членов ВЦИК и ЦИК Союза ССР
и других представителей нацокраин, созданного
по инициативе Отдела национальностей
при Президиуме ВЦИК и зам. Пред. Совнаркома
РСФСР Т. Р. Рыскулова.
26 ноября 1926 г.**

Заслушав информацию тов. Рыскулова о вопросах национальных окраин, выдвигаемых в связи с работой комиссии ЦК ВКП под председательством тов. Калинина, и обсудив, в частности, следующие вопросы:

- 1) Целесообразность созыва национального совещания при ЦК ВКП(б);
 - 2) О задачах Отдела национальностей при Президиуме ВЦИК и
 - 3) О вовлечении националов в руководящие органы (Наркоматы и им равные) РСФСР, констатирует, что:
1. Политика партии по национальному вопросу, выраженная особенно в постановлениях XII и XIII съездов нашей партии и 4-го совещания по национальному вопросу при ЦК, обеспечивает возможность экономического, культурно-социального и правового развития всех национальных автономий.
 2. Но полное проведение политики по национальному вопросу и связанных с ней постановлений партии в жизнь недостаточно обеспечено в повседневной практической работе руководящих госорганов РСФСР.
 3. Характерная особенность разрешения национального вопроса в условиях данного момента как о «третьей трудности» в партийном и советском строительстве формулирована тов. Сталиным следующим образом:

если политические противоречия в области взаимоотношений наций внутри Союза можно считать преодоленными, «то культурные и особенно хозяйственные противоречия только еще складываются и оформляются» (из речи тов. Сталина в КУТВ).

4. Это положение еще более усугубляется противоречиями, вытекающими из условий общехозяйственного и культурного подъема страны, роста активности великорусского крестьянства, при частично восстановленных капиталистических отношениях в деревне, оживления нэпманской буржуазии и ряда противоречий, выявившихся внутри и между самими национальными объединениями в РСФСР и СССР.
5. Указанные тов. Сталиным противоречия находят свое выражение, прежде всего, в тенденции центральных органов РСФСР «подчинить себе самостоятельные Наркоматы автономных республик и проложить путь к их ликвидации» (XII съезд РКП), выразившейся по линии НКЮста, НКЗема и других Наркоматов, а также в «кичливо пренебрежительном и бездушно-бюрократическом отношении русских советских чиновников к нуждам и потребностям национальных республик» (XII съезд РКП), что вызывает обратную реакцию со стороны национальных автономий и стремление их к некоторому обособлению.
6. Отсюда же вытекают усиливающиеся переселенческо-колонизационные тенденции в сторону окраин с игнорированием учета нужд и интересов местного населения в земельном вопросе, вмешательством через головы Правительств некоторых автономных республик в местные земельные дела, иногда на основании необоснованных заявок ходяков.
7. Курс на индустриализацию страны, дальнейшее увеличение и усовершенствование основного капитала промышленности в практическом осуществлении его

госорганами также имеет тенденцию концентрироваться преимущественно в старых очагах, т. е. уже существующих промышленных районах. Такая тенденция, идущая по пути наименьшего сопротивления, противоречит указаниям нашей партии о насаждении также промышленных очагов в нацокраинах и реконструкции всего нашего хозяйства на социалистических началах, что грозит оставить национальные окраины вне индустриализации, сохранить у них отсталые формы хозяйства и отсталые общественные отношения, уделяя этим окраинам и в дальнейшем, в значительной степени роль поставщиков сырья.

8. Со стороны известных частей центрального аппарата, в процессе строительства развивается стремление оторвать интересы центральных русских губерний от интересов национальных окраин, культивируя взгляд, что отсталые национальности живут в большинстве за счет центрального русского крестьянства и рассматривая всякое выступление националов по хозяйственно-финансовым вопросам как «рвачество», не учитывая, что к этому «рвачеству» националов вынуждает неурегулированность взаимоотношений центра с национальными окраинами по хозяйственно-финансовым вопросам и слабый учет по этим вопросам центральным аппаратом нужд и интересов этих окраин.
9. Автономные республики не всегда имеют возможность защитить свои права внутри советских органов (не обращаясь за содействием в ЦК), ибо непосредственно в составе центральных аппаратов РСФСР они почти не имеют учреждений национального представительства, а на сессиях ВЦИК представляют лишь ничтожное меньшинство.
10. Все эти положения, с одной стороны, усиливают тенденцию великорусского шовинизма, национальную

ограниченность и обособленность, а с другой стороны, в свою очередь, вызывают национализм окраин и усиливают влияние местных националистических элементов, что, вместе взятое, угрожает линии партии по национальному вопросу и укреплению социалистических основ советского государства.

11. Эти противоречия не могут быть разрешены путем выделения чисто великорусской республики, как предлагают некоторые товарищи, ибо это отнюдь не может разрешить вопроса, а наоборот, еще больше усложнит его, и поэтому такой взгляд должен быть решительно отвергнут. Основные меры борьбы с великодержавным уклоном госаппарата должны выразиться в приспособлении этого аппарата к полному учету и отражению интересов национальных автономных объединений в большем привлечении к участию представителей последних в управлении РСФСР и закреплении за представителями этих национальных объединений достаточного влияния, как в законодательных, так и в управленческих органах.
12. Основной мерой борьбы против местного национализма должно быть усиление в национальных окраинах, все еще отстающих в темпе своего экономического и культурного роста от остальной части РСФСР, основ социалистического строительства (промышленности, кооперации и др.), каковая задача подчеркивалась в решениях предыдущих съездов партии и IV национального совещания при ЦК. Усиление в национальных окраинах развития промышленности даст возможность, наряду с складывающимся национальным крестьянством, неизбежно проникнуться духом национализма, развитию роста местного пролетариата данной национальности, долженствующего быть главной опорой партии и проводником интернационального воспитания

и социалистического строительства в данной национальной окраине. Эти же отсталые национальные окраины, наряду с индустриализацией через развитие кооперирование, должны изживать остатки натуральных форм хозяйства и феодально-патриархальных общественных отношений, и приобщиться к социалистическому строительству, минуя стадию развития капиталистических отношений в деревне.

Исходя из этих основных положений и отмечая имеющиеся достижения за последние годы в строительстве автономных объединений, но считая эти достижения недостаточными, совещание находит необходимым в отношении практических мероприятий высказать следующие пожелания:

А. По линии хозяйственного строительства

- а) В связи с индустриализацией страны решительно поставить на очередь задачи, предначертанные партией, о создании промышленных очагов в отсталых национальных окраинах (имеющих соответствующую сырьевую базу) и создании кадров местного пролетариата, без которого невозможно осуществление руководства пролетариатом над крестьянством и усиление темпа хозяйственного развития этих окраин, в каковых целях необходимо установить определенную долю участия АССР в средствах, ассигнуемых на промышленность и капитальное строительство, определив эту долю в соответствии не только с количеством населения АССР и экономическими возможностями, но также с задачами преодоления имеющего место фактического материального неравенства.
- б) Необходимо провести в жизнь постановления XIII съезда партии об особом внимании к развитию национальной кооперации, парализующей развитие капиталистиче-

ских отношений в деревне, выделить для этого особый кооперативный фонд на развитие кооперации в национальных окраинах.

- в) Для ликвидации существующих ненормальностей в хозяйственных взаимоотношениях РСФСР с национальными автономными объединениями и уничтожения «рвачества» усилить плановую разработку хозяйственных вопросов АССР и полное и реальное отражение в бюджете и в общехозяйственных планах РСФСР нужд и потребностей национальных окраин.
- г) Необходимо соблюдение правильной линии в земельной политике и завершение землеустройства в соответствующих национальных окраинах для окончательной ликвидации всяких существующих в этом отношении ненормальностей, создающих почву для национального антагонизма и задерживающих хозяйственное строительство.
- д) Необходимо решительно приспособить Госплан и ЦСУ РСФСР к внимательному изучению экономической и культурно-социальной жизни автономных национальных объединений, динамики их развития, степени отсталости, выявления более точно коэффициента удельного веса каждой из автономий в составе РСФСР, в целях правильной разработки хозяйственно-культурных мероприятий для усиления темпа развития этих окраин по пути их приобщения к социалистическому строительству.

Б. По линии советского строительства

Скудность нашего законодательства по вопросам автономных республик и областей, недостаточно ясная, поддающаяся произвольному толкованию формулировка существующих законов способствует постоянному нарушению прав автономных республик и областей, а поэтому необходимо:

- а) Закрепление, в порядке основного законодательства (Конституция РСФСР, Конституция АССР и Положение об Автономных областях), автономных прав национальных объединений, с учетом необходимости расширения законодательных прав АССР для применения общих законов к местным условиям, и этим обеспечить постоянное и правильное проведение советским аппаратом национальной политики, что одновременно будет способствовать нормальному регулированию взаимоотношений между РСФСР и автономными объединениями.
- б) Увеличение количества представителей автономных республик и областей в составе членов ВЦИК и в Президиуме ВЦИК, с приданием членам — националам в Президиуме ВЦИК определенного влияния в работе, а также создание для Отдела национальностей при Президиуме ВЦИК такого положения, которое путем установления определенных расширенных функциональных прав создало бы ему достаточный авторитет для представления и защиты интересов автономных национальных объединений в высших органах РСФСР, а равно дало бы возможность учета результатов проведения национальной политики в РСФСР.
- в) Дальнейшее введение в управленческие, планирующие и руководящие хозяйственные органы РСФСР националов, по кандидатурам которых должно учитываться мнение всех местных национальных организаций партии. В целях приспособления центральных аппаратов РСФСР к особенностям и нуждам национальных объединений, достижения более тесной увязки в работе и придания реальной базы для работы выдвигаемых националов необходимо в аппаратах всех соответствующих объединенных наркоматов, планирующих их хозяйственных органов создание особых секций, где должны сосредоточиваться все вопросы национальных автономных

объединений по данному учреждению под руководством соответствующих выдвинутых националов.

- г) Необходимо дальнейшее последовательное проведение решений партии по национализации местных аппаратов в целях приближения их к основной массе местного населения, упрощения аппарата с учетом уже имеющегося опыта в этой работе и недочетов.
- д) Ввиду значительной культурной отсталости национальных республик и областей необходимо установление на ближайшие годы особого культурного фонда, который был бы в бюджете РСФСР постоянной величиной, пропорциональной росту бюджета, могущей дать определенные результаты в культурной работе на окраинах.

В. По линии партийной.

- а) Необходимо всемерно усилить постоянный контроль и наблюдение за выполнением партийных решений, направленных к осуществлению и проведению национальной политики и повседневной практической работе советского государственного аппарата.
- б) Необходимо увеличение количества националов в ЦК ВКП и ЦКК с учетом положения нацобъединений в РСФСР, обеспечение участия секретарей национальных организаций на Пленуме ЦК и ЦКК с совещательным голосом, а также связи с ЦК выдвинутых в Президиум ВЦИК и СНК РСФСР националов по вопросам национальных окраин.
- в) Высказать пожелание об особой необходимости созыва 5-го совещания по национальному вопросу при ЦК ВКП для обсуждения основных вопросов проведения национальной политики на основе уже вынесенных партией решений и освещения тех вопросов, которые возникли в связи с целым рядом новых обстоятельств в текущей нашей работе.

- г) Необходимо усиление внимания комиссии тов. Калинина в части вопросов автономных республик и областей, использование имеющихся материалов и мнений данного частного совещания, в соответствии с этим необходимо пополнение комиссии тов. Калинина еще несколькими ответственными национальными работниками.

Подписали:

Т. Рыскулов, С. Асфендиаров, В. Курц.

ЦГА ПД КР. Ф. 10. Оп. 1, Д. 66. Л. 8–16.

Машинописная копия.

Секретно

ПИСЬМО

**зам. Пред. Облисполкома Киргизстана
тов. Абдурахманову**

Копия:

Киробком ВКП(б), т. Узюкову,
Средазбюро ЦК ВКП(б), т. Зеленскому,
ЦК ВКП(б), т. Коссиору.

Присланные Вами поправки к Вашей речи на частном совещании националов, состоявшемся 12—14 ноября 1926 г. под моим председательством, будут разосланы всем адресатам (т. е. членам Комиссии тов. Калинина, узкому кругу некоторых ответственных работников), получившим стенограмму этого совещания.

Созыв указанного совещания националов был согласован предварительно с тов. Калининным (Председателем комиссии Политбюро ЦК ВКП(б)) «по строительству РСФСР, автономных республик и областей», так как требовалось для этой комиссии получить мнения съехавшихся в Москву во время сессии ВЦИК отдельных националов по предложениям, уже поступившим в указанную комиссию, и тезисам тов. Асфендиарова по строительству автономных республик и областей. Мнение совещания представлено в качестве лишь материала для той же комиссии тов. Калинина и ЦК и не является обязательным документом для кого-либо другого.

Указанное совещание в целом и пятерка, подписавшая решение совещания, ответственны только за общие решения, а не за речи отдельных, выступающих на совещании лиц. Неправильности и передержки в речах отдельных лиц были.

Что же касается вопроса об индустриализации, то совершенно неверно и тенденциозно Ваше представление, что мы требуем индустриализации окраин в ущерб интересам центральных промышленных районов. Мы не меньше Вас прекрасно понимаем и знаем, что по мере роста бюджета промышленность национальных окраин восстанавливается, но это не значит, что в этом вопросе нет и недостатков. Вопрос об индустриализации мы не ставим в плоскости уравнивания с центром, а ставим в рамках проведения предыдущих директив партии о насаждении кое-каких промышленных очагов в национальных окраинах и в связи только с требованиями реконструкции всего хозяйства на социалистических началах и рационализации путем приближения обрабатывающих предприятий к сырьевым базам (именно в плоскости разрешения сырьевой проблемы). Такая постановка не расходится в целом с линией партии об индустриализации сельского хозяйства. Непонимание этого момента есть непонимание вообще, что такое индустриализация.

Правильно, что вопрос о составе ЦК и ЦКК поставлен неверно, но при учете ряда особенностей и не только формальном подходе к вопросу постановка не приобретает формы какого-либо вредного уклона.

Вообще по линии партстроительства никаких особых вопросов в национальной политике на очереди не стоит и ни о каком недоверии ЦК ВКП(б) не может быть и речи. Поэтому Вашу попытку обвинить нас в недоверии к линии ЦК ВКП(б) и его составу отвергаем самым решительным образом.

Вот то разъяснение, которое я, как председательствовавший на вышеуказанном частном совещании националов, считал необходимым дать в ответ на Ваше письмо. С коммунистическим приветом — Рыскулов.

ПИСЬМО**Ю. Абдрахманова в ЦК ВКП(б) тов. Косиору**

Копии:

Средазбюро ЦК ВКП(б) тов. Зеленскому,
Зам. пред. СНК РСФСР тов. Рыскулову,
Киробком ВКП(б) тов. Узюкову.

В стенограмме моей речи на частном совещании национальных работников, созванном по инициативе Отдела национальностей ВЦИК и т. Рыскулова в Москве от 12 и 14 ноября 1926 г., вкрались ошибки, которые искажают мои мысли. Поэтому я считаю своим партийным долгом потребовать исправления этих ошибок (опечаток) и разъяснить некоторые места моей речи, объективное существо которых противоречит моим действительным взглядам. Для большей ясности буду цитировать свою речь так, как она напечатана в материалах, разосланных местным работникам:

«12-й съезд партии и 4-е нацсовещание указали на необходимость борьбы с великорусским шовинизмом и местным национализмом, но в процессе практической работы выявляется такая тенденция, что умалывается значение борьбы с великорусским шовинизмом. Отсюда каждое здоровое предложение национальных работников рассматривается, как выражение местного национализма в грубейшей форме».

Объективный смысл этой выдержки таков, что партия и ЦК не проводят решения 12-го съезда и 4 нац. совещания, утвержденного ЦК, и становятся на путь покровительства над великорусским шовинизмом. Такое изложение моей речи я считаю неправильным и искажающим мою мысль.

В действительности же моя мысль заключается в том, что в некоторых местах, в отдельных случаях, в практике работы соворганов бывают ошибки, клонящиеся к великорусскому шовинизму.

При этом я имел в виду, главным образом, известный циркуляр ВЦИК (который отменен по предложению ЦК ВКП(б) о неприеме им заявлений и пр. не на русском языке, слабую работу по национализации соворганов в Татарии, где сов. хозорганы национализируются за счет дворников и кучеров, при наличии достаточности культурных сил из национальной среды, и действия отдельных работников (Серафимов — быв. Пред. Особкомзема ВЦИК по землеустройству Казакстана и Киргизии, который вопреки директивам партии проводил работу в явно националистическом духе и нередко в союзе с русским кулачеством).

Что же касается политической и практической линии работы партии и ЦК по национальному вопросу (да и не только по национальному вопросу), то у меня в правильности этой линии работы не было сомнения никогда.

«Когда выдвигается национальный работник в Наркомат РСФСР, то на это не смотрят, как на здоровое явление, а смотрят, как на явление декоративного порядка».

В этой части моей речи я имел в виду отношение работников соваппарата, в котором немалое количество работников (главным образом, из среды специалистов), которые не отрешились от великорусского высокомерия, и отношения которых не могут не чувствовать национальные работники. Когда я указывал на необходимость «изжить» это ненормальное положение, то я мыслил это изжитие возможным только под руководством партии и при помощи руководящих товарищей — коммунистов-европейцев.

«Я считаю, что правильнее поставить вопрос о том, чтобы правовая сторона национальных окраин была более расширена, чем в довоенное время».

Я не говорил, «чем в довоенное время». Это абсурд. Я говорил «чем в настоящее время».

Известно, что в довоенное время национальные окраины никакими правами не пользовались, кроме как быть объектом колонизации и эксплуатации правительства Романовых и буржуазии.

Поэтому я не мог ставить, не сравнивал настоящего положения национальных Автономных республик и областей с положением этих окраин в довоенное время.

Кроме того, я считал и считаю неправильной тенденцию некоторых Наркоматов РСФСР, стремящихся подчинить себе автономные (необъединенные) Наркоматы автономных республик, и мое предложение о расширении правовой стороны (функций) национальных автономных республик и областей было направлено против этих тенденций.

Я в заключение хочу указать, что в составлении резолюции я не принимал участия и за принятые резолюции не голосовал. Кроме того, принимая участие в первый день совещания (в остальные дни не участвовал), я исходил из того предположения, что созыв совещания согласован с соответствующим руководящим органом, а именно ЦК ВКП(б). Кроме того, я не разделяю тон речей некоторых товарищей, носящих характер недооценки положительных достижений партии по национальному вопросу в ее практической работе и отрицание роста национальных республик и областей.

Касаясь по существу предложений, принятых совещанием, я считаю необходимым заявить свое несогласие с рядом пунктов и в особенности с пунктами об индустриализации национальных окраин и о вовлечении в состав ЦК и ЦКК ВКП(б) национальных работников.

1. В отношении индустриализации я считаю, что по мере роста бюджета РСФСР и Союза растут и мероприятия по организации промышленных очагов в национальных окраинах, и неверно требование индустриализации

²² Том VIII. В. М. Плоских

национальных окраин в ущерб укреплению нашей позиции в промышленных районах.

2. Требование об увеличении количества националов в ЦК ВКП(б) и ЦКК с учетом положения нац. объединений в РСФСР (из резолюции) я не разделяю и считаю уклоном вредным, искажающим организационный принцип нашей партии, могущим подорвать правильное партийное пролетарское руководство.

Руководящие органы партии должны состоять из товарищей, обеспечивающих правильное партийное пролетарское руководство, преданных делу пролетарской революции. Данный же состав руководящих органов партии (ЦК и ЦКК ВКП(б)) обеспечивает правильное руководство не только строительством социализма в Советском Союзе (включая нацокраины), но и международным коммунистическим движением.

Поэтому постановку вопроса в формировании ЦК и ЦКК ВКП(б) с учетом национальных моментов считаю не партийной и не ленинской.

С ком. приветом Юсуп Абдурахманов
(член ВКП(б), п.б. № 372821 и участник
первого дня совещания от Киргизстана).

№ 12

Копия
Секретно

РСФСР
Заместитель Председателя
Народных Комиссаров
Т. Р. Рыскулов
9 Марта 1933 г.
№ Тр — 07/С
Москва, Кремль

Совета ЦК ВКП(б) —
Т. Сталину
Копия: с. х. Отдел ЦК
ВКП(б) — Т. Кагановичу
СНК СССР — Т. Молотову

Откочевки казаков из одного района в другой и из пределов Казакстана, начавшиеся в конце 1931 г., с возрастанием к весне и возвращением части откочевников (благодаря принятым мерам) летом 1932 г. вновь теперь усиливаются. Смертность на почве голода и эпидемий в ряде казакских районов и среди откочевников принимает сейчас такие размеры, что нужно срочное вмешательство центральных органов. Такого положения, какое создалось сейчас в Казакстане в отношении определенной части казакского населения, ни в одном другом крае или республике нет. Откочевники разносят с собою эпидемии в соседние края и по линии Ташкентской, Сибирской и Златоустинской ж. дорог. Частичные мероприятия, намечаемые в советском порядке (в частности, по линии СНК РСФСР), не решают вопроса. Помощь, оказанная своевременно постановлением ЦК отпуском продовольствия, в значительной части не достигла цели (о причине будет сказано ниже). Ввиду большого значения этого вопроса, прошу Вас ознакомиться с настоящей запиской и вмешаться в это дело и тем самым спасти жизнь многих людей, обреченных на голодную смерть.

1. Данные о размерах откочевки казаков и их положении

По последним приблизительным данным, полученным с мест прикочевавших в соседние с Казакстаном края, имеется сейчас казаков: в Средней Волге — 40 тыс. чел., Киргизии — 100 тыс. чел., Западной Сибири — 50 тыс. чел., Каракалпакии — 20 тыс., Средней Азии — 30 тыс. чел. Откочевники попали даже в такие отдаленные места, как Калмыкия, Таджикистан, Северный край и др. Часть населения во главе с баями откочевала в Западный Китай. Подобное явление откочевки казаков в сторону центральных районов происходит впервые в Казакстане. Это не просто кочевание (которое обычно происходит летом на небольшое расстояние и при наличии скота), а в значительной части бегство голодных людей в поисках пропитания. Откочевки по отдельным районам доходят до 40—50% всего количества населения районов. Большинство откочевников не устроены на работу и переживают тяжелое положение, а устроившихся в предприятиях, совхозах и МТС каз. рабочих начали сейчас сокращать, причем общее сокращение по этим предприятиям часто целиком проводится за счет казаков, если таковые там работают (в частности, несколькими десятками сейчас стали казаки прибывать на московские вокзалы с лесных и иных работ, где их сократили). Самый процесс откочевки сопровождается ослаблением оставшегося на старом месте колхоза, расхищением оставшегося имущества откочевников и распродажей юрты (часто единственного вида жилья), расхождением и падежом скота (у кого он есть) в пути и распродажей последних остатков имущества.

По самым отрицательным результатам этих откочевки и расшатывания казакских хозяйств являются голод и эпидемии среди казакского населения, начавшиеся с начала 1932 г., которые, ослабев летом, теперь вновь принимают

угрожающие размеры. В прошлую весну в казакских районах и среди откочевников наблюдалась большая смертность на почве голода и эпидемии. Это явление вновь усиливается сейчас с приближением весны. Вот ряд фактов, взятых из материалов, из мест, относящихся к последнему времени. Приехавшие из нескольких краев представители для участия в работах комиссии СНК РСФСР сообщают следующие факты: т. Илларионов (от Средне-Волжского крайисполкома) говорит, что в Солилецком и Орском районах среди откочевников умирают ежедневно 5—10 чел.; т. Алагызов (от Зап.-Сибирского исполкома) сообщает, что по одним станциям Сибирской ж. д. скопилось 10 тыс. казаков, среди которых много больных эпидемическими заболеваниями и значительна смертность; на кирпичном заводе Севстройпути работало 84 казакских рабочих, потом их уволили, 14 чел. умерло с голоду, за что привлечены к ответственности виновники; тов. Туганбаева (зам. пред. Киргизского ЦИКа) сообщает, что в г. Фрунзе и окрестностях скопилось до 10 тыс. казаков (о чем писал в ЦК ВКП(б) и Киробком ВКП(б), и ежедневно умирает 15—20 человек (особенно дети).

Не лучше обстоит дело с откочевниками внутри самого Казакстана. По многим городам (Аулие-Ата, Чимкент, Семипалатинск, Кызыл-Орда и др.) и станциям ж. д. ежедневно вывозят трупы умерших казаков. В Чуйском районе (по сообщению уполномоченного т. Джандосова), в райцентре с. Ново-Троицкое умирает ежедневно до 10—12 чел. казаков и 60% коммунистов также ушло из района. В Сары-Суйском районе из имевшихся 7000 хоз. осталось около 500 хоз., а остальные откочевали в Аулие-Атинский и др. районы, и часть даже попала в Киргизию. В ноябре на большое расстояние двинулось несколько сот казаков из этого района с семьями. По дороге часть населения погибла. За одну вторую 5-дневку января подобрали 24 трупа. По дороге напали на них вооруженные бандиты. Женщины бросали

детей в воду. В г. Аулие-Ата 5—6 января по чайханам подобрали замерзших 20 трупов детей и за то же время умерло 84 чел. взрослых. В постановлении Актюбинского обкома от 16.X.1932 г. указывается, что на жел. д. ст. Джусалы из прибывших до 300—400 семейств возвращенцев-откочевников умерло до 150 чел. казаков (в том числе 21 чел. от натуральной оспы) благодаря неоказанию им помощи, и имело место на станции избиение казаков. В указанном постановлении констатируется, что районные организации «проявили безразлично безучастное отношение к массовой смертности казаков». Событие произошло еще в конце июля месяца, а постановление Обкома состоялось в октябре месяце. В докладе московского отряда Красного креста, работающего сейчас в Актюбинской области, сообщается, что казаки в таких районах, как Тургайский, охвачены голодом и эпидемией. Голодные «питаются отбросами, поедают корешки диких растений, мелких грызунов... Собаки и кошки этой группы съедены полностью, и кучи мусора вокруг их шалашей полны вываренных костей собак, кошек и мелких грызунов... Передают о случаях трупоедчества». В этом же сообщении отряда указывается, что в одном районном центре Тургае, где 2500 чел. населения, болело оспой 728 чел. при высокой смертности. В то время, когда по центру района работало 12 оспопрививателей, в аулах района с населением 25 тыс. чел. работало всего 2 оспопрививателя. Актюбинский областной центр не знал об эпидемии оспы в Тургайском районе. А Казакский Наркомздрав вовсе не охватывает учетом такие районы, вследствие чего получается, что на то же время по краю числилось заболевших оспой 2400 чел.

По данным местных органов, в Тургайском и Батбакаринском районах вымерло 20—30% населения, и большая часть остального населения откочевала. В Челкарском районе в ряде аулсоветов вымерло 30—35% населения. В целом по Актюбинской области (куда относятся эти районы)

председатель облисполкома т. Иванов сообщил в докладе на областном съезде советов (июль 1932 г.), что в области в 1930 г. было населения 1012500 чел., в 1932 г. осталось 725800 чел., или 71%. По свидетельству председателя Кзыл-Ордынского райисполкома, в этом районе по большинству аулсоветов осталось 15–20% населения. В Балхашском районе (по данным местного ОГПУ) было населения 60 тыс. чел., откочевало 12 тыс. чел., умерло 36 тыс. и осталось 12 тыс. чел. казаков. В Каратальском районе в прошлую зиму во время насильственного переселения на оседание три казакских аула в другое место погибла половина населения. В том же районе (по сведениям местного ОГПУ) за декабрь и 10 дней января 1933 г. умерло 569 чел. от голода, подобрано за то же время на ст. Уштюбе, площадке Карательстроля и рисосовхозе больше 300 трупов. В Чубартавском районе в 1931 г. было 5300 хозяйств, а на 1.1.1933 г. осталось 1343343941 хоз. В Каркаралинском районе в мае 1932 г. было 50400 чел., а к ноябрю месяца осталось 15900 чел., и в райцентре ежедневно умирает 15–20 чел. (из сведений крайоседкома). В Караганде в прошлую весну умерло около 1500 чел. казаков, среди них рабочие казаки от голода и эпидемии. В г. Сергиополе (Турксиб) за январь месяц умерло около 300 чел. казаков. Все вышеприведенные данные взяты из официальных источников.

Таких примеров с большим или меньшим размером убыли казакского населения можно встретить и по ряду других казакских районов. Особенно значительна убыль среди детского населения. Многие откочевники бросают детей на произвол судьбы. Прибывшие в другие края откочевники мало привозят с собой детей. Массы беспризорных детей скапливаются по городам и станциям ж. д. в Казакстане. Казачки приносят и бросают детей перед учреждениями и домами. Казакские органы еще в конце 1932 г. официально сообщали о неустроенных еще 50 тыс.

казацких беспризорных детей. Существующие детдома в Казакстане переуплотнены и немало смертности среди детей. Так, например, в Семипалатинском районе при обследовании комиссией обнаружено было в одном детдоме в подвале разложившихся 20 трупов детей — казаков, которых вовремя не убрали из-за отсутствия транспорта. Вот выдержка из доклада того же Актюбинского отряда Красного креста о казацких детях в Тургае: «В самом жутком состоянии находятся дети. Детское население в возрасте до 4-х лет вымерло поголовно, если оно осталось без родителей. В детдомах и т. д. приходилось видеть детей, начиная только с 4-х лет, более молодой возраст только при родителях, да и то крайне истощен. Население детдомов поголовно охвачено поносами. Обычно в детдоме с населением в 100—150 человек ежедневно умирают 1—2, а то и 3 ребенка, число которых немедленно пополняется за счет новых поступлений». Детскому населению грозит полное вымирание. Из Караганды в декабре и начале января (т. е. в самый холод) перебросили обратно в районы (откуда бежит население) 1100 беспризорных детей в порядке чистки (которая проводилась и в отношении взрослых). В Кзыл-Орде в январе скопилось до 450 беспризорных детей. С одной ст. Аягуз собрано было в январе 300 детей, и там же казачка бросила двух своих детей под поезд, а в г. Семипалатинске казачка двух детей также бросила в прорубь.

Как помогают казацкие органы возвратившимся откочевникам и голодающим? Проведя прошлым летом кампанию возвращения откочевников, казацкое правительство, однако, не сумело устроить большинство этих возвращенцев, часть которых, перенеся разные лишения, опять откочевала в соседние края, а последние, надеясь, что казацкие органы заберут казаков обратно, тоже мало приняли мер к устройству казаков у себя. Следствием пассивного отношения руководящих казацких органов к этому вопросу

явилось еще более бездушное и бюрократическое отношение в районах. Выше говорилось о случае на станции Саксаульской. Вот некоторые другие примеры. Решением ЦК ВКП(б) от 17/IX.1932 г. отпущен был один мил. пудов хлеба для продпомощи голодающим казакам. Из разрешенных (в счет одного мил. пудов) центром в IV кв. и I квартале тек. года 600 тыс. пудов и остатка с 1932 г. — 280 т. пудов, а всего 880 т. пуд. хлеба, казакские органы разнарядили 733 158 п., попало населению лишь 111 066 пудов, или 15% (и то, видимо, не полностью). Большая часть предназначенного голодающим хлеба расхищается районными центрами и разными учреждениями, и частью сдавали обратно в счет хлебозаготовок. Эти преступления обнаружены: в Кувском, Каркаралинском, Чубартавском, Чуйском, Балхашском, Тургайском районах, и виновники привлекаются к ответственности. Вот решение Казкрайкома ВКП(б) от 4 января 1933 г. по Каратальскому району: «Ознакомившись с материалами по использованию продовольственной помощи, отпущенной Каратальскому району для нуждающихся казакских хозяйств, объединенное заседание бюро Казкрайкома и президиума КрайКК устанавливает, что: а) районные организации не смогли представить точных данных, подтверждающих использование по прямому назначению отпущенной продпомощи в размере 6500 цент. весной 1932 г. для нуждающихся казакских хозяйств; б) из отпущенной продпомощи районной организацией 2811 цент. было перечислено в план хлебозаготовок вместо того, чтобы этот фонд использовать по прямому назначению». Отпущенные откочевникам в районе промтовары лежали в райпотребсоюзе с июля по 15/1—1933 г. Выше сообщалось о смертности в Каратальском районе.

Вообще краевые органы не могут до сих пор получить от большинства районов данных об израсходовании отпущенного голодающим хлеба и др. средств. В Чубартавском районе из отпущенных району государством 2770 пудов

хлеба в порядке продпомощи получено населением лишь 943 пуда, из них 10,5 пудов распределены среди райработников в счет пайков и 48 пудов роздано райработникам сверх нормы. По официальным данным, из означенного хлеба бедноте досталось только 11 пудов (??), остальные разбазарены, распределены среди баев, аткамынеров. Никаких расписок и раздаточных списков на это не существует. В Кургальджинском районе при переброске из Акмолинска 3000 п. продпомощи дошло до места только 300 п., и в последнее время расхищено еще 117 ц. хлеба, предназначенного голодающим. Председатель Зап. Казак. ОблКК-РКИ тов. Бидерман пишет о Таловском районе: «Возвращенцам не только не оказывали материальной помощи, но даже отпускаемые фонды для них использовали не по назначению» (далее приводятся соответствующие факты). Южно-Казакстанский обком ВКП(б) решением от 17/XI—1932 г. объявил строгий выговор председателю Пахта-Аральского рика за исключительно безобразное отношение к устройству переселившихся за тысячи километров адаевцев. В Зап. Казакстанской области, по договоренности между Таловским и Урдинским районами, около 40 хозяйств прикочевало в Таловский район, но там обещанной помощи не оказали, земли не дали и казаки, израсходовавшись, на снегу воротились обратно. Органы Киргизской АССР сообщают, что недавно по согласованию с уполномоченным казакского правительства направлено было 500 детей в Аулие-Ата, но там их не приняли, несколько детей умерло, а остальных пришлось привезти обратно в г. Фрунзе.

Таких фактов немало можно привести и по другим районам. Несмотря на усиление опять откочевок и развивающейся эпидемии, казакские органы, видимо, бессильны приостановить дальнейшие откочевки, бороться с эпидемиями и оказать действительную помощь голодающим. Правда, Казкрайком в последнее время энергично берется

за это дело и привлек к ответственности целый ряд вино-
вников, но пока раскачают места, пройдет время. Многие
учреждения в областях и районах Казакстана настолько
свыклись с этим явлением, что проявляют подчас пол-
ное равнодушие. Вот характеристика отношения местных
органов к вопросам борьбы с эпидемией, сообщаемая тем
же Актюбинским отрядом Красного креста с места: «Тут
не только нет содействия, но в некоторых районах (Батба-
каринский, Саксаульский, Тургайский) райздрав. инспек-
торы возражали против развертывания оспопрививания
нашими отрядами и др. работы, несмотря на наличие боль-
шого числа заболеваний оспой. Мотивы возражения: «Сами
справимся, не сейчас, так попозднее, работа не убежит».
Республиканский здравотдел также интереса к работе в
Актюбинской области не проявляет: ни в исполком, ни к
нашему уполномоченному тов. Сусликову никаких запро-
сов от КазНКЗдрава не поступало, не проявляет видимого
интереса и КазСовнарком, ни разу не запросивший мате-
риалов работы».

Все это неслучайно, а является следствием определенно
проводившейся прежним руководством Крайкома линии.
Запрещено было где-либо (даже в самом Алмаата, где на
улицах убирали трупы казаков) говорить официально, что
есть голод и смертные случаи на этой почве. Мало того,
местные работники не смели говорить о том, что есть
сокращение скота. Представители Казакстана, приезжая
в Москву, в центральных советских органах ни разу не
ставили официально вопроса о том положении, кото-
рое существует в Казакстане. Мало того, старались давать
иное объяснение причинам откочевков. Тов. Голощекин
в своей статье «Еще раз о путях развития животноводства
и об оппортунистах на этом фронте» (напеч. в журнале
«Народное хозяйство Казакстана», № 8—9, 1931 г.), давая
отпор Торегожину и другим за их утверждение о сокра-
щении скота, дает следующее положительное объяснение

откочевкам: «Казак, который никогда не выезжал из своего аула, не знал путей, кроме путей своего кочевания, теперь с легкостью переходит из района в район внутри Казакстана, включается в русские, украинские колхозы, переходит на работы, на хозяйственное строительство в Поволжье, в Сибирь». Эта теория естественно подхвачена была и другими, но мы из вышеприведенного видим, к каким результатам приводят подобные откочевки.

Но с таким положением в дальнейшем нельзя примириться. Когда вся страна добилась величайших успехов в области социалистического строительства и невиданного культурного роста во всех республиках и краях и имеется большой успех в общем социалистическом строительстве в целом самого Казакстана, нельзя дальше сохранять то положение, которое создалось в Казакстане в отношении большей части коренного казакского населения. Советский Союз настолько окреп, что в силах оказать помощь и в кратчайшие сроки изжить это явление. Необходимо не только оказать быструю помощь голодающим казакам и повести борьбу с эпидемией, но нужно развернутым фронтом взяться за проведение мероприятий, устраняющих коренные причины этого явления. В чем заключаются эти причины?

2. Сокращение скота

Одной из основных причин откочевки и расстройства хозяйства казаков является сокращение скота. Я в своем докладе на Ваше имя от 9/IV—1932 г. подробно осветил результаты сокращения скота в Казакстане и изложил меры восстановления его. По данным всесоюзной переписи скота в феврале 1932 г. (вторично проверенным), с 40 мил голов скота в 1928/29 г. — к моменту переписи осталось в Казакстане 5397 т. голов скота, т. е. сокращение на 85,5%,

в том числе с февраля 1931 г. до февраля 1932 г. происходит сокращение на 55% (в СССР сокращение общего поголовья за этот год составляет 16,7%). К моменту переписи обобществлено было 80% скота, а по СССР за то же время было обобществлено 33% скота. Из оставшихся 5397 т. голов скота принадлежало совхозам 37,6% (по СССР совхозам принадлежало 9% скота), казакской части принадлежало 1559,9 т. голов скота, или 28% оставшегося скота (тогда как в 1928 г. казакам принадлежало 80% в Казакстане). В решении Актюбинской областной партконференции (июнь 1932 г.) говорится: «Областная партконференция отмечает большое сокращение общего поголовья скота по области в 1932 г. против 1931 г., из всего поголовья в 4205,6 тыс. гол. Осталось 765,3 тыс. голов, или 18,3%, особо резкое сокращение стада имеется в животноводстве кочевых районов области. Осталось скота в Табынском районе — 1,6%, Батбакаринском — 4,1%, Аральском — 4,8%, Иргизском — 5,4%, Тургайском — 7%, Челкарском — 5,6%, вследствие чего повысился удельный вес поголовья скота в земледельческих районах». Причем в единоличном пользовании осталось 7,3% всего поголовья скота, и обобществлено было 86% всего скота. Такие же примерно результаты имеются во всех остальных областях Казакстана.

Но важнее всего в этом вопросе то, что в течение 1932 г. продолжалось дальнейшее сокращение скота в Казакстане, тогда как в остальных районах СССР приостановилось сокращение, и по некоторым районам наметился даже прирост поголовья. Вот некоторые примеры. В Чубартавском районе, из имевшихся к началу 1932 г. 93329 голов осталось 3691 гол. (4%). В Айртавском районе из 17166 (к февралю 1932 г.) к июню 1932 г. осталась половина. Особенно большое сокращение произошло за год лошадей и верблюдов. По Южно-Казакстанской области поголовье лошадей сократилось на 25%. По краю поголовье племенных лошадей сократилось на 30%. На Карагандинском строительстве

за 1932 г. пало 286 лошадей и 30 лошадей украдено. В 8 колхозах (перечень которых имеется) за 1932 г. пало и расхищено 2206 лошадей и верблюдов, 6580 овец. Таких примеров можно привести по многим другим колхозам. Такое большое сокращение тягловой силы дает себя чувствовать в Казакстане при обширности его территории: не могут вовремя вывезти хлеб из глубинки, завезти вовремя отпущенные семсуды и продпомощь, ряд районов оторваны в отношении связи, не хватает большего количества тягловой силы и к предстоящей весне (есть районы, где на одну живую тягу приходится 50–100 га посевов) и т. д.

Очень неблагоприятно обстоит дело в Казакстане с поголовьем животноводческих совхозов (удельный вес поголовья которых составляет 25% от поголовья всех живсовхозов СССР). Большой падеж и хищение скота в совхозах было в зимовку 1931/32 г. и продолжается теперь. Например, в 16 овцесовхозах в Меркенском районе за 1932 г. пало и расхищено 12636 гол. овец, в овцеводческом комбинате «Капланбек» расхищено и пало 12800 гол. овец, а на мясозаготовки сдано 631 овца. В Таласском овцеводческом совхозе за 1932 г. пало и расхищено 29000 овец (из них 12 тыс. молодняка). По Южно-Казак. скотоводобъединению в 7 совхозах пало и расхищено за 1932 г. 5738 гол. крупного рогатого скота и 30–40% отход молодняка. По Семипалатинскому скотоводтресту к началу организации треста было 68248 гол., приплод за лето выразился в 25467, всего 93715, а по инвентаризации 15.X.1932 г. оказалось 59808, т. е. не хватает 33707 гол. (из-за высокого отхода молодняка и крупного рогатого скота). В совхозе «Багунсун» за 1931 г. пало и расхищено 4771 гол. рог. скота и за 4 месяца 1932 г. — 2208. По Акмолинскому скотоводтресту поголовье на 1.X.1932 г. уменьшилось на 12722 гол. и отход молодняка — 40%, или 7644 гол. (из доклада треста). В совхозе «Тасбулак» за 1931 г. пало 25450 гол. овец, а с 1 по X.1932 г. пало 1415 голов. Таких примеров немало

и по другим совхозам. Так, имеется большое сокращение рабочего скота в совхозах. Более полный список подобных совхозов будет представлен мною в с. хоз. отдел ЦК. Причины такой бесхозяйственности — орудуют во многих из этих совхозов вредители и байство при попустительстве местных областных и районных органов.

Благосостояние большинства казакского населения на 3/4 базировалось на скотоводстве, продукция которого составляла 60% продукции сельского хозяйства Казакстана (о чем в свое время подчеркивала также 6 казакская партконференция, указывая, что «поскольку 90% коренного населения занимается животноводством, постольку этот вопрос является в значительной степени национальным вопросом»).

Так как у казакского населения осталось менее 6% скота, имевшегося у него в 1929 г., то понятны результаты такого подрыва хозяйства казаков. Из 3 мил. с лишним казакского населения устроено на работу по найму (рабочие и служащие) внутри Казакстана 135 тыс. чел., что составляет 28,4% всех рабочих и служащих в крае (из речи т. Голощекина на IV пленуме Казкрайкома, июль 1932 г.), а все остальное население занимается сельским хозяйством. В кустарной промышленности казаков незначительное количество. Среди казаков мало развито огородничество и птицеводство. О размерах посева казаков будет сказано ниже. Все эти обстоятельства объясняют причины того, что происходит сейчас среди казакского населения. Ведь еще быв. переселенческое правление при царском строе, занимавшееся изъятием у казаков земель, считало, что кочевому хозяйству сводить конца с концами для существования одной семьи минимум нужно 30 голов скота.

3. Перегибы и очковтирательство

Сокращение скота и откочевки казаков произошли в основном из-за допущенных огромнейших перегибов на местах с грубым нарушением целого ряда директив партии по колхозному строительству.

Основные моменты этих перегибов следующие: погоня за высоким процентом коллективизации и обобществления скота, ликвидация тозов и организация почти повсеместно в животноводческих районах артелей и даже коммун, организация колхозов — гигантов (в Келесском районе 142 колхоза слились в 35, Арыском районе 138 — в 67 и т. д.); случаи создания путем насильственного сгона из 300—400 юртгородков (Таласский район), принудительное слияние казахских колхозов с русскими (Меркенский и др. районы), случаи создания колхозно-совхозных комбинатов (пример совхоза № 48 в Хобдинском районе), переобложение нередко бедняков за счет откочевавших байских элементов, массовые нарушения революционной законности в целом ряде районов (избиение, аресты, отбирание в личную пользу имущества и т. д.); неуплата колхозникам за сданное ими сырье (в Чубартавском районе по системе только живсоюза не уплачено 206 тыс. рублей и таких фактов много по др. районам), незнание районов и путаница с подсчетом площадей сева и поголовья скота, а отсюда недоразумения при выполнении заготовок и т. п. После статьи т. Сталина «Головокружение от успехов» (напеч. 2.III.1930 г.) и процесса исправления везде перегибов по коллективизации и в Казакстане попытались исправить перегибы. На 7-й каз. партконференции (3.V.1930 г.) тов. Голощекин в своей речи говорил: «Глубочайший вред животноводству нанесли извращения. Ошибками их слабо назвать. Разве не факт, что коллективизация в кочевых аулах не имела никаких предпосылок, абсолютно не была подготовлена нашими силами». Но спустя год (срок малый для создания этих

предпосылок и не успели исправить наделанные до того ошибки) казакские органы забыли об этих выводах и установках 7-й каз. партконференции. Казкрайком ВКП(б) выносит постановление 30.VI.1931 г. «О развертывании социалистического животноводства», где решает: поставить перед животноводческими районами задачу выйти на линию более высоких темпов коллективизации, и основной темой колхозного движения в ауле, за исключением районов особо отсталых, еще сохранивших исключительно кочевое хозяйство с большим расстоянием кочевков, признать животноводческую сельскохозяйственную артель». Тут под чисто кочевыми хозяйствами сами казакские органы считали лишь около 10–15% всех казакских хозяйств, но на деле потом это решение распространилось и на эти хозяйства.

Эта директива усиленно стала проводиться местами. В конце IX-1931 г. Казкрайком выносит еще постановление «О темпах коллективизации и задачах укрепления колхозов», где говорится: «Особенно серьезное внимание должно быть уделено коллективизации животноводства... на основе массовой работы должно быть обеспечено максимальное обобществление скота, находящегося в индивидуальном пользовании колхозников». Обрушиваясь жестко на перегибчиков в районах, однако, казакские органы продолжали проводить в основном вышеуказанную линию и в 1932 г., что отражено в ряде директив, в частности, нажимали до решения ЦК от 17.IX.1932 г. на выполнение комплектования товарных ферм колхозов в 2732 т. голов, что составляло 86% оставшегося вообще у населения (колхозов и единоличников) скота к февралю 1932 г. (по переписи). Во исполнение этих директив III Акмолинский районный съезд советов в своем решении (июль 1932 г.) рапортует: «Район, проведя беспощадную борьбу с кулацко-байскими элементами и их агентурой — оппортунистами всех мастей, пришел к III-му районному съезду советов с огромными достижениями, сконцентрировав в социалистическом секторе

99,2% всего поголовья скота». Подобные «достижения» отмечают и ряд других районов. Основная ошибка во всей этой постановке заключается в том, что за высокие темпы коллективизации взялись, не подготовив массы, методами исключительно голого администрирования и при том положении, когда многие колхозы, сельсоветы и даже ряд районов и их руководство сильно засорены были байскими элементами и их агентами. Обобществление скота и коллективизацию использовали они в своих интересах, творя насилие как раз над беднотой (это отмечено во многих актах). Перегибщики в районах дошли до того, что старались в некоторых районах задержать опубликование решения ЦК ВКП(б) от 26.III. «О принудительном обобществлении скота» (запрещение опубликования указанного постановления ЦК в Булаевском районе, в Атбассарском напечатали через месяц и то с предупреждением райкома, что «попытка доказать принудительность обобществления одной коровы при вступлении в колхоз является неверной»). Вот почему раза по два распускались за это время в десятках животноводческих районах райкомы партии и райисполкомы за исключительные перегибы, разложения, присваивание отдельными лицами имущества колхозников, насилия над ними и т. п. Тов. Голощекин в той же речи на 7-й Казпартконференции говорил следующее о перегибах: «Когда заготавливали хлеб у несееущих хозяйств, что им было делать, как не обменивать скот на хлеб? А когда в некоторых местах заготавливали шерсть, заставляли зимой стричь овец, разве от этого не падал скот?.. А что с контрактацией творится? Некоторые хвалятся, что законтрактовано на 140–200%, а на деле получается, что нет и 100% того, что следует законтрактовать». Но эти перегибы продолжались и после этой речи.

В чем выразились элементы «очковтирательства» (послужившие одной из причин допущения перегибов) в определении действительного положения казакских хозяйств.

В отношении определения поголовья скота известно, как казакскими органами практиковалась всегда накидка сверх учтенного поголовья 50–100% за счет якобы скрываемого в песках скота (“мы имеем сейчас уже факты, когда скрывание скота выражается в различных местах в 50–100% из статьи т. Голощекина”), и о том, как к концу 1931 г. считали, что в Казакстане имеется 20 мил. скота, потом считали, что к весне 1932 г. будет 10 мил. голов скота (цифры III пленума Казкрайкома, январь 1933 г.), а на самом деле по переписи в феврале 1932 г. оказалось 5 397 т. голов. Какие есть еще «неточности» подобного характера по другим отраслям и какие еще имеются крупные недочеты в обслуживании вообще казакского населения. Выяснение этого момента имеет значение и для будущей работы.

4. О посевах казакских хозяйств

Во всех документах и выступлениях в Казакстане теперь фигурирует цифра удельного веса посевов казакского населения в 50% (точнее, 52%) от общей посевной площади в Казакстане по итогам 1931 г. Этот же процент оказался включенным в постановление ЦК ВКП(б) от 17/IX–1932 г. «О сельском хозяйстве и в частности о животноводстве Казакстана». На самом деле эта цифра неверна. Кроме того, казакские органы указывают, что за 1931 г. казаков обслуживало 55% всех тракторов в крае. По данным казакского Госплана (“Статистико-экономический справочник по Казакстану” за 1931 г., изданный Нархозучетом Казак. АССР и др. матер.), в 70 казакских районах, население которых составляет 52% всего населения в крае, где в составе населения казаки составляют свыше 90% в среднем и общее количество казаков этих районов составляет 83% всего казакского населения края, вся посевная площадь у казаков этих районов составляла 22,8% от всей

посевной площади в крае, и приходилось 19,5% всех в крае тракторов. Если прибавить сюда посевные площади остальных 17% казаков, проживающих в других районах, учесть откочевки из большинства этих районов от 30 до 50% казаков и иметь в виду, что вообще по краю в 1932 г. посевная площадь осталась стабильной по отношению к 1931 г., то в 1932 г. у казаков будет не более 30% от всей посевной площади в крае (при значительном весе в том числе непродовольственных культур), и не более 20–25% тракторов (роль же машинно-сенокосных станций, где в 1932 г. было всего 20 тракторов, теперь снижается в связи с сокращением скота). По валовой продукции этот процент будет еще ниже, так как большая часть земли у казаков гораздо хуже и районы с недостаточным осадком, и многие казаки только теперь берутся за земледелие при отсутствии навыков. Тогда как заготовительные планы и задания по севу даются, исходя из дутых площадей и в расчете на большое количество населения и рабочего скота, ухитряясь несмотря на это в некоторых районах перевыполнять план (например, по Тургайскому кочевому району план хлебозаготовок в 1931 г. выполнили на 1300%. Ясно, конечно, за счет обмена на скот).

Выясняется сейчас значительное очковитительство в исчислении размера посевных площадей 1932 г. по ряду казакских районов, о чем отмечает в своем постановлении пленум Казкрайкома в декабре п. г.: «Наряду с этим в процессе весенней посевной кампании 1932 г. в ряде колхозов и в целых районах были допущены грубейшие извращения, выразившиеся в фактах представления дутых, неправильных сведений о выполнении посевных планов и о норме высева». Дальше отмечается, что все это было вскрыто поздно. Так, например, в Абралинском районе посевная площадь исчислялась в 5500 га, а в действительности оказалось ниже на 49%, в Кувском на 71,6%, Ридерском на 75%, Зайсанском на 25%, Ваян-аульском на 28,6%.

В Кзыл-Ордынском районе посев исчислялся в 31557 га, в действительности оказалось ниже на 8113 га, в Казалинском план 20029 га, ниже на 12880 га, в Аягузском — план 27657 га, ниже на 15506 га, в Талды-Курганском ниже на 12 тыс. га, в Акмолинском районе недосев 12 тыс. га и т. д. В не меньшей степени такое очковтирательство имело место и в 1931 г. Так, например, Каратальский район сообщил о засеве 22 тыс. га, в действительности оказалось 6 тыс. га (из речи т. Голощекина), в Урдинском районе значился засева 11 тыс. га, оказалось 5 тыс. га и т. д. Но от этих очковтирательств пострадало потом население. В Казакстане официально считают, что есть колхозы, имеющие на одно хозяйство посевов до 60 га (о чем как о достижении в своей речи на последнем январском пленуме ЦК ВКП(б) сказал тов. Голощекин), но это нелепость, так как одно хозяйство не может семфонд собрать на такую площадь и обработать. В РСФСР в самом крупном колхозе на хозяйство приходится до 16—20 га, не больше.

По исчислению динамики роста посевных площадей в целом по Казакстану происходит странное явление. Отмечается следующий рост посевных площадей по годам в Казакстане и по СССР (данные официальные): в 1928 г. — 3992 т. га, в 1929 г. — 4300 т. га, или рост 7,7% (по СССР — рост 4,4%), в 1930 г. — 4226,8 т. га, или снижение 1,7% (СССР — рост 3,5%), в 1931 г. — 59622 т. га, или рост на 41% (СССР — рост 11,7%), причем рост на 41% в 1931 г. приводится в материалах III пленума Казкрайкома и в докладе т. Исаева. В 1932 г. посевная площадь составила 5600 т. га, или снижение на 6% против 1931 г. Но казакские органы забыли вычесть из площади 1930 г. выделившуюся в июле 1930 г. Каракалпакию с площадью 114 т. га, а если эту цифру вычесть из площади 1930 г., то прирост посевной площади Казакстана в 1931 г. получается 45%. Это уже получается невероятной цифрой, но из этой площади исходя, давали хлебозаготовки и все

остальные задания. А какой рост за те же годы исчисляют в части казакских посевов: в 1927 г. — рост 30%, 1928 г. — рост 20%, 1929 г. — 1984 т. га, рост 44% (цифры из материалов 7 казахской партконференции). Посевы казаков с 1265,7 тыс. га в 1929 г. возросли до 2561,1 т. га в 1931 г. (из доклада тов. Голощекина на краевом активе по вопросу «о коллективизации в казахском ауле» (Казах. Правда, 15.V.1932 г.), т. е. за три года казахские посевы возросли на 100%, в то время, когда в целом по краю площадь в сравнении с 1913 г. по 1932 г., т. е. за 19 лет, возросла на 26%. Были ли основания роста у казаков за три года в 4 раза больше посевной площади, чем у остального русского и др. оседлого населения? Таких оснований было меньше: многие казаки только в последнее время стали переходить на земледелие, не имея навыков в этом деле, территория казаков расположена больше в засушливой зоне и хуже по качеству почвы, тракторов еще было мало, почти не проводились агротехнические меры. Как же могла при этих условиях посевная площадь у казаков удвоиться? Без сомнения, тут имеется огромнейшая ошибка в подсчетах посевов.

По 39 кочевым и полукочевым казахским районам (подпадающим под решение ЦК от 17.IX.) дан план сева на 1933 г. в 511 тыс. По кочевым и полукочевым районам дан план сева на 1933 г., увеличенный против плана 1932 г., тогда как по краю в целом план сева 1933 г. остается стабильным по отношению к плану сева 1932 г. В частности, по 7 полукочевым районам Актюбинской области (Тургайский, Баткаккаринский, Челкарский, Иргизский, Аральский, Табынский, Уильский) дан план посевов на 1933 г. в 104 тыс. га вместо 80 тыс. в 1932 г., т. е. рост 30%. По 5 кочевым и полукочевым районам Карагандинской обл. (Жана-Аркинский, Кзыл-Тувский, Кургальджинский, Сарысуйский, Энбекшильдерский) посевная площадь 1931 г. была 41 104 га, а на 1933 г. дан план в 58 278 га,

или рост на 42% (в том числе Сарысуйскому району, где из 7 тыс. хоз. осталось 500—600 хоз., дан план 2880 га вместо 300 га в 1931 г.). По Зап. Каз. области по кочевым и полукочевым районам дан на 1933 г. план сева в 96962 га против 88618 га в 1932 г., т. е. рост на 9,4%. По этим трем областям приведенные цифры утверждены областными органами.

Таким образом, по кочевым и полукочевым казахским районам дан в 1933 г. посевной план, увеличенный против плана 1932 г., при уменьшении количества трудоспособного населения и значительно уменьшившемся количестве живого тягла. Семфонда к данному времени по этим районам собрали мало, и не довели семсуды во многих местах до населения (а сев наступает скоро). Очевидно, неизбежно будет опять очковтирательство со стороны районов по выполнению посевного плана, и будут опять причины к новым откочевкам и голоду.

5. По оседанию казаков

В упомянутом выше пост. ЦК ВКП(б) от 17.IX.1932 г. включено указание, что «проведено оседание 200 тыс. казахских хозяйств». На самом деле не осело и 100 тыс. хозяйств. В докладе председателя Казахского СНК т. Исаева, поданного в СНК СССР после означенного решения ЦК, указывалось, что из 200 тыс. хозяйств нужно еще завершить оседание 70 тыс. хозяйств (но на самом деле не завершенных оседанием хозяйств гораздо больше). По имеющимся подробным сведениям и свидетельству самих областных и районных органов, планы оседания как 1931 г., так и в 1932 г. в значительной части сорваны, много средств выброшено на ветер и расхищено, значительная часть средств просто не освоена, а качество проведенных строительств таково, что многие дома развалились.

Так, например, по состоянию на 1/XII1932 г. по полученным от областей Казакстана сведениям видно: по Восточно-Казакстанской области, Карагандинской и Зап. Каз. областям, из охваченных за 3 года (1930—31—32 гг.) мер по оседанию 141854 хоз., полностью завершено оседание 20513 хоз., т. е. 14%. Если сюда прибавить еще 3 области края, то примерно осевших полностью хозяйств будет около 50—60 т. хозяйств. В ряде пунктов оседания казаки побросали постройки и ушли в поисках пропитания (например, по сведениям Крайоседкома, в Алма-атинской области пустует 2100 построек, Карагандинской области — 4100 построек, Пахтааральском хлопковом районе — 250 построек). По 3 областям за три года (1930—31—32 гг.) отпущено по оседанию из государственных источников 29,4 мил. руб. и 24,5 м. руб. — трудовое участие населения, но использовано средств меньше и при еще меньшем производственном эффекте (так, например, Пахта-Аральскому району отпущено 2 мил. руб., израсходовано 500 т. р.). С использованием производственных кредитов вообще плохо обстоит дело в казакских районах. Комиссия исполнения при Каз. СНК в своем постановлении от 23/XI.1932 г. отмечает: «Казнаркомземом разассигновано по районам производственного кредита на приобретение рабскота колхозами 1924 т. руб., причем НКЗем из этой суммы резервировал в крае 395 т. руб. и не израсходовал их с января до мая месяца, а часть из них израсходовал не по прямому назначению». По Актюбинской области на I квартал 1932 г. отпущено было на развитие животноводства 1250 тыс. руб., а фактически использовано 19%, в том числе по казакским районам: Батпакаринскому — 8% Иргизскому — 6%, Тургайскому — 6%. На второй квартал то же положение, использовано отпущенного кредита — 25%, в том числе Баткаринскому — 5%, Тургайскому — 11,5% и т. д. Так как большая часть вложений на оседа-

ние шла за счет средств и сил самого населения, то на население это дело ложилось тяжелым бременем.

Согласно плану Казакстана, должны были перевести на оседлость все казакское население (3 мил. с лишним населения) в 1933 г. на базе сплошной коллективизации с концентрацией населения на массивах в 400—500 хозяйств, с отрывом значительной части населения с насиженных мест и переводом на новое место, где должны быть построены русского типа поселки и вновь обработаны пустующие земли (план явно нереальный и непосильный). В результате работ за 1930—31—32 гг. в таком темпе оказались наибольшие перегибы и сокращение скота в районах оседания.

6. Об искривлениях национальной политики в отношении откочевников и казрабочих

На почве наплыва откочевников и развившегося воровства голодными казаками скота и продуктов у оседлого населения развился национальный шовинизм, подогреваемый враждебными элементами. В Ср. Волге (Солеилецкий район), Зап. Сибири (Кунин. район), Нижней Волге, ЦЧО (Уметский свиновхоз) и других районах, где имеются откочевники, отмечается много случаев издевательства над казаками (отбирание имущества, аресты и избиения, увольнения без оснований с работы целых групп, невыдача зарплаты и т. д.). Также неблагоприятно обстоит дело внутри самого Казакстана в отношении к откочевникам и казрабочим на предприятиях. Восстановилась старая традиция в ряде мест, если потеряется в русских селах скот, обязательно сваливать на казаков. Этим разжиганием национального антагонизма руководят, безусловно, кулацко-байские элементы. Например, в Атбассарском районе, в селениях Тимошевском и Родионовском под руководством

предсельсовета группа лиц произвела обыски у прикочевавшихся в соседстве к селам казаков, отобрали лошадей и предметы домашнего обихода, а потом учинили избиение казаков. В этом же районе, в сел. Самарском, избили проживавшего там казака, а в селе Н. Петропавловском убили выстрелом из ружья проезжавшего через село казака. В селении Бородулиха Вель-Агачского района террористическая группа в 14 чел. систематически творила насилия над казаками, устраивая самосуды, обвиняя в разных кражах и т. д. Такие случаи отмечаются и по ряду других мест.

Махровый шовинизм и игнорирование интересов окружающего казакского населения проявляются со стороны целого ряда совхозов (особенно животноводческих), где руководство их сильно засорено кулацко-вредительскими элементами. Вместо ведущей роли и помощи населению некоторые совхозы показывают образцы бесхозяйственности и проявляют великодержавный шовинизм. А между тем значительная часть площади всех совхозов в 30 мил. га с лишним приходится на казакские районы, где у казаков для этих совхозов были изъяты лучшие земли. Есть совхозы, которые до сих пор не уплатили казакам за понесенные убытки по переселению и изъятые постройки. Несмотря на 2—3 года давности этих споров, только 7.XII.1932 г. реш. СНК СССР определили размер такой задолженности в 2808 т. руб., и обязали совхозы уплатить населению. Однажды, предполагая, что баи припрятавают свой скот в составе скота совхозов, из Алма-Аты разъяснили, что можно пригульный скот приписывать в состав скота совхозов, и в ряде случаев совхозы злоупотребляли этим и стали забирать и не пригульный скот у населения. В постановлении пред. Актюбинского райисполкома говорится: «Отдельные совхозы проявляют в своей работе действия, объективно способствующие срыву мероприятий по оседанию и вызывающие резкий антагонизм населения к совхозному строительству. Совхоз № 118 (Приуральский, Акбул.

района) без разрешения районных организаций занял часть территории аулов № 8 и 9, содержит на этой территории скот, произведя уборку сена; запрещает колхозам вывозить скошенное ими сено с этого участка, не рассчитывается за снятые внаем постройки». При организации Каратальского рисосовхоза, изымая обрабатываемую территорию и постройки двух аулов казаков, совхоз обязался их взять на работу, но потом их уволили, вымерла половина этих аулов и в составе подобранных на территории совхоза 300 трупов казаков (о чем сообщалось выше) часть была из этих уволенных из совхоза казаков. В местности Акса (Илийский район) колхозы «Прямой Путь» и «10 лет Казакстана» не имеют определенной земли, а прежняя пахотная земля изъята была под совхоз Крайсоюза. Спор о земле не разрешен до сих пор. В Бишкарагайском районе, в колхозах «Джана Жол» и «Жалтыр» пахотные земли переданы овцесовхозу, но колхозам другой земли не дали. В Аягузском районе продолжаются споры о земле между совхозами и колхозами. Земли пахотные и арыки колхозов «Коминтерн», «Турксиб», «Энбекши-казак», «Тарвагуль» отобраны в 1932 г. и переданы коопхозу ж. д. станции Тансык. Скотные дворы колхоза «Кедей бирлиги» отобраны совхозом «Минбулак».

В большинстве же самих совхозов избиение казаков-рабочих приписывается в вину им, если что-либо потеряется, неуплата по долгу жалованья, обсчитывание, создание худших бытовых условий, препятствие к выдвижению на квалифицированные работы — частые явления. В Карагандинской области, в Чистовском совхозе группа трактористов, обвинив казака в краже крана от самовара, бросает его в яму, накрывает досками и поливает водой, а потом сильно избивает. Тоже избивали казака в Киялинском совхозе. В Урал-Тюбинском мясосовхозе № 47 систематически избивают казаков. Судили за это некоего Аверкина, который, досрочно освободившись, опять работает в этом же

совхозе. Там же группа хулиганов раздела казака Апенюва и рот мазала половым органом (так напечатано в местной газете). В Южно-Казак. области избиения и издевательства над казаками имели место в Джиландинском совхозе. То же самое было в совхозе «Акса́й». В виноссовхозе 647 за 107 восьмичасовых человеко-дней заплатили 7 руб. В Иртышском зерносовхозе был один тракторист казак, и то уволили.

Также неблагополучно обстоит дело по линии пром-предприятий, включая и союзного значения. В Караганде в 1933 г. казакам отведены были отдельные ларьки, лишали снабжения, обсчитывали. Часть казработчих живет в юртах. Орудовала целая шайка кулаков, выступавших за изгнание казаков и против прибывших из Донбасса шахтеров. Судили потом эту шайку. Но на этом не прекратилось это явление. Вот еще случай в Караганде: в шахте № 6 увольняют без основания хорошо работавшие группы казаков, в шахте № 3 избили рабочего казака, у конторы рудника №... избили опять казака, то же самое было у шахты № 1. В Караганде в шахте № 3 работало в июле — августе мес. около 500 казаков, а к октябрю месяцу осталось 80 казаков. На строительстве крупного свинцезавода в г. Чимкенте из-за притеснений и проявлений шовинизма осенью 1932 г. ушло с работы 485 казаков-работчих. Избиения и притеснения казработчих имели место и на «Ачисае». С площадки Балхашстроя 45 рабочих-казаков направлены были в дом отдыха «Березовка», перетерпели мытарства в пути, на пристани, их погрузили в телячий вагон, по дороге несколько человек скончалось, а в доме отдыха их поместили отдельно от русских. На Карсакпае много работчих казаков без надлежащих жилищ, сократили несколько казработчих, работавших 26 лет. На Свинцестрое из 2143 работчих казаков 840, из 51 десятника 1 казак, из 400 тех. Служащих 16 казаков. На курсах десятников из 60 чел. нет ни одного казака (данные к 23.VII.1932 г.).

На ж. д. ст. Челкар при сокращении из состава кондукторов все сокращение пало на работавших 15 кондукторов-казаков. На ж. д. ст. Алма-Ата в депо работало 30 казаков слесарями, но их потом сократили и они вынуждены были работать чернорабочими. Таких фактов можно привести еще немало и по другим предприятиям. Не выполняются также плавны по коренизации соваппарата вообще, и отмечается по этой линии немало искривлений.

Хотя количество казакских рабочих значительно возросло в промышленности, но в большинстве это чернорабочие. Под специальное внимание это важнейшее дело не взято, мало делается по поднятию квалификации их, культурному обслуживанию. Резкое разделение по обслуживанию европейских и казакских рабочих продолжает иметь место на многих предприятиях. Среди казрабочих много неграмотных. Так, среди эмбенских нефтяных рабочих-казаков неграмотные составляют 72%. Еще хуже обстоит дело с вовлечением в производство и советские органы казакских женщин. Это самый отсталый фронт. Из 53 тыс. казаков членов ВКП(б) казачек всего 5930 чел., или 11%. В Караганде в составе около 3 тыс. казрабочих казачек 166 чел., то же самое мало их в учебных заведениях, советских учреждениях и т. д. Одним из крупных минусов в отношении казрабочих — это недостаточное выдвижение из состава их людей в советские и хозяйственные аппараты, что имело бы громадное значение для классового состава местного управленческого аппарата. Так как одним из главных мероприятий устройства откочевников является вовлечение их в промышленность и сельскохозяйственные предприятия, а на деле вместо этого сокращают уже работающих казаков в ряде мест, благодаря искривлению линии национальной политики партии, нужно решительно ударить по этим искривлениям и поставить вопрос о вовлечении казаков в промышленность и др. отрасли, как очередную боевую задачу.

Как обстоит дело с соц. культурным обслуживанием казахских масс. При значительном общем культурном росте Казакстана и росте культурного обслуживания и казахских масс, все же уровень обслуживания последних значительно отстает. Возьмем для примера лечебно-санитарное дело, развитие которого как раз важно в казахских районах, в связи с распространением эпидемий и соц. болезней в них. Это дело здесь явно отстает. На такое состояние здравоохранения влияют, конечно, результаты вышеописанного хозяйственного состояния казахских районов и трудности, связанные с привлечением кадров в отсталые казахские районы. В 70 казахских районах (в составе населения которых свыше 90% казаков в среднем, где проживало в 1931 г. 83% всех казаков Казакстана и 52,5% всего населения в крае) приходилось всего 14,7% от всех 4199 больничных коек в крае и на одну койку в 70 районах приходится 5376 чел., тогда как в остальных районах края на одну койку приходится 840 чел., т. е. последние обслуживались в 6 раз лучше. Врачей на 70 районов приходится 12,3% от всех врачей в крае и на одного врача 38000 населения, тогда как в остальных районах приходится 4890 чел., т. е. последние обслуживались в 8 раз лучше; фельдшеров по краю 1428, в том числе в 70 районах 192, или 14,4%, т. е. на одного фельдшера 17388 чел., а в остальных районах края на одного фельдшера — 2440, т. е. последние обслуживались в 7 раз лучше. Намечаемые ежегодно районные штаты агрономов, врачей, учителей и т. д. часто фактически не заполнялись из-за нежелания ехать в отсталые казахские районы работ-ников. Причем промышленность, расположенная больше в степи, также недостаточно обслуживалась и обслуживается хуже, чем в городах Казакстана. Например, по бюджету Казакстана на 1931 г. на здравоохранение выделено было 12700 т. руб., из них по 70 казахским районам отпущено было 4170 т. руб., или 30% (в составе расходов по этим районам числятся такие

пункты, как Эмбанефть, Карсакпай и др.). По тому же бюджету Казакстана в 1931 г. в сумме 142889 т. руб. на те же 70 казахских районов отпущено было 38789 т. руб, или 27%. Причем в итоге фактического исполнения бюджета эта цифра уменьшается. В отдельных статьях есть такие примеры: на ликвидацию неграмотности отпущено 409 тыс. руб., из коих для 70 районов — 91 т. руб., т. е. 22% при огромной неграмотности казаков. Очевидно, по всем этим моментам обслуживания казахского населения необходимо в дальнейшем выпрямить линию.

7. Проведение решения ЦК от 17/IX.1932 г. «О сельском хозяйстве, и в частности, животноводстве Казакстана»

Это важнейшее решение оказалось смазанным в процессе проведения. Истолковав это решение перед массами как акт ЦК, признающий якобы правильной всю линию Казкрайкома, тогда как признавалась лишь «правильной линия крайкома по постепенному оседанию кочевого и полукочевого казахского населения», в отношении реализации всего указанного решения краевые органы мало приняли конкретных мер. Большинство обкомов свое постановление по поводу решения ЦК от 17.IX. спустили местам только в ноябре месяце, в районы спустили до сельсоветов в декабре и январе. Краевые органы потребовали от районов дать перечень каждого хозяйства, подпадаемого под решение ЦК и освобождаемого на два года от налогов, недоимок и т. д., чем излишне осложнили работу и затянули, перенеся фактическое проведение этих мер к I кварталу 1933 г. Если под указанное решение ЦК, в части кочевого и полукочевого населения, подпало (если взять в целом казахское население всех 39 кочевых и полукочевых районов) около 1/3 казахского населения, то в самих отнесенных

под это решение районах, в свою очередь, подпала также половина и меньше половины кочевого и полукочевого казакского населения в районах. Как скотозаготовки, хлебозаготовки и др. налоги по большинству районов (пока оформляли порядок проведения реш. ЦК от 17/IX.) успели в значительной части взыскать в IV кв. 1932 г. Мало того, в некоторых районах продолжают облагать и давать даже новые заготовки и в 1933 г. Вот примеры: «В Южно-Казак. области эти хозяйства (т. е. подпадающие под решение ЦК) продолжают облагать и требовать с них задолженность. За Кзыл-Ординским числится 5600 руб. задолженности, за Карсакпайским — 17 т. руб., за Кзыл-Кумским — 3 т. руб., за Казалинским — 15 т. руб., за Таласским — 107 т. руб., за Туркестанским — 83 т. руб. Не лучше дело обстоит в остальных областях» («Казак. Правда. 15.II.1933 г.). В районах перевели лишь часть артелей в ТОЗы и частично возвратили обобществленный скот колхозникам в личное пользование (по каждому району тысячу — полторы, тогда как года два назад население этих районов имело 150—200 тыс. голов скота). Товарные фермы (в которых сосредоточена большая часть оставшегося у населения вообще скота) в основном сохранены.

На приобретение производственного скота даны ничтожные кредиты (которые и то полностью не используются), и работа по плановой закупке продуктивного и рабочего скота для населения почти не развернута. Вопрос, поднятый в союзных органах о закупке некоторого количества производительного скота в Зап. Китае и открытии Каркаринской ярмарки, получил лишь частичное разрешение. Постановление СНК СССР о предоставлении 10% молодняка совхозов в Казакстане населению теперь по настоянию Наркомсовхоза изменено в сторону снижения этого размера до 3% (хотя у совхозов отход молодняка ежегодно продолжает составлять около 40—50%, т. е. совхозы все равно не в состоянии всех телят сохранить).

В решении от 14.1.1933 г. особой комиссии Крайкома (которой предоставлено право выносить решения от имени Крайкома) по отчету трех районов (Чуйского, Чубартавского и Четского) говорится: «Решение ЦК от 17.IX. и последующие решения Крайкома и Совнаркома, вынесенные во исполнение постановления ЦК этими районами не выполнены (проработка решения ЦК среди колхозной массы в Чуйском районе начата с января месяца сего года)».

Все эти обстоятельства не создают условий для разведения в личном пользовании населения не только до 8—10 голов крупного и до 100 голов овец (как сказано в решении ЦК от 17.IX.), но и завести хотя бы по одной корове или две — три головы мелкого скота для большинства кочевых и полукочевых хозяйств, без какого минимума скота трудно в этих районах существовать. Это положение усугубляется еще и тем, что местные органы до сего времени старались даже отмахнуться от вопросов животноводства, как от «неприятной темы», а в кругах некоторых местных работников свила прочное гнездо такая теория, что бесполезно бороться за животноводство, а лучше сперва этих кочевых и полукочевых казаков научить сеять хлеб и разводить огороды, а потом скот постепенно сам разведется (т. е., иначе говоря, предоставить это дело самотеку). И предлагалось одновременно держать упор на скороспелые породы (как кролики, которых трудно в степных условиях разводить), отвлекая тема самым внимание от основных и приспособленных к условиям Казакстана пород, как овцы и др. Тем же самым отвлечением внимания от животноводства являются некоторые теории, проводившиеся до сего времени в обоснование сокращения скота, заключающиеся в том, что будто бы «классовая борьба в Казакстане более острая и сложная (Голощекин), чем в ряде передовых районов СССР» («Каз. Правда», 30.XII.1932 г.), что аульные хозяйства, «уходя в промышленность, легко расстаются со своим скотом», и что

²⁴ Том VIII. В. М. Плоских

«еще в 1928 г. 60% скота принадлежало 13% баев» (Голощекин), тогда как в том же году при конфискации хозяйств 657 самых крупных баев изъяли всего 144 т. голов скота, и в том же году тов. Голощекин (см. статью «Октябрь в казакском ауле») утверждал, что у баев скот сократился и что «в ауле середняк стал центральной фигурой». Очевидно, если подобного рода обоснования сокращения скота будут и дальше проводиться, это не будет способствовать вскрытию всех причин сокращения скота и не даст возможности правильно наметить меры дальнейшего развития поголовья этого скота.

Вот основные причины, благодаря которым второй год продолжаются откочевки казаков и не прекращаются голод и эпидемии среди них. Конечно, выше обрисованное положение не может умалить имеющиеся огромные общие достижения в социалистическом строительстве Казакстана и его культурного развития за последние годы, наличие целого ряда образцовых и благополучных казакских колхозов и достижений в работе среди казаков (об этих достижениях также можно было бы много написать), но вышеперечисленные недочеты по своему политическому и хозяйственному значению такого объема, что требуют немедленного вмешательства для их изжития.

Предложения:

1. Срочно дать от ЦК ВКП(б) Директиву крайкомам и обкомам краев и республик, где имеются прикочевавшие казаки, трудоустроить последних по линии промпредприятий и в сельском хозяйстве в пределах этих краев (устроить также в первую очередь детей), не возвращая казаков сейчас обратно в Казакстан, предложил одновременно Наркомтруду организовать размещение части казаков на работы в других краях, и поручив СНК СССР выделить необходимые продовольственные и промтоварные фонды для помощи казакам до их окончательного устройства

(соответствующие предложения от СНК РСФСР уже представлены).

2. Предложить Казкрайкому принять меры к прекращению дальнейших откочевок казаков из пределов Казакстана, для чего немедленно развернуть организацию помощи откочевникам и голодающим, срочно доводя выделенные фонды продпомощи до населения, обязав Комзагсто оставшиеся 400 тыс. пудов хлеба (из разрешенного к отпуску одного мил. пудов) выдать в течение марта месяца, организовать широкое вовлечение казаков-откочевников в существующие в Казакстане промпредприятия, совхозы, МТС, строительные и иные сезонные работы (лесозаготовки, полевые работы и др.), а также по линии рыбных промыслов, решительно очищая одновременно промышленные и с/хозяйственные предприятия от вредительских кулацко-байских и шовинистических элементов.

3. Пересмотреть план оседания казаков в сторону использования отпущенных средств текущего года исключительно на устройство откочевников и на меры, связанные с их оседанием вокруг промышленных и иных предприятий, и остальные средства направить на закупку скота и других производственных средств с устройством остальных откочевников на старые места, прекратив строительство всяких новых поселков (так как 30 мил. руб. трудучастия для населения сейчас непосильно, в связи с убылью трудоспособных и рабочего скота и напряженностью заданных посевных планов).

4. Обязать Казкрайком в месячный срок представить в ЦК разработанный план мероприятий о дальнейшем устройстве откочевников-казаков, и в тот же срок представить также разработанный план развития животноводства в Казакстане (ввиду продолжающейся убыли скота в крае и бесхозяйственного состояния живсовхозов).

5. Предложить ЦУНХУ СССР произвести в текущем году перепись населения и состояния хозяйств основных

казакских районов, а также совместно с комиссией по определению урожайности произвести учет посевных площадей по окончании весеннего сева в тех же районах.

Т. Рыскулов

ЦГА ПД КР. Ф. 10. Оп. 1. Д. 506. Л. 29–37об.

Совершенно секретно

РСФСР

Народный Комиссариат Юстиции

№ с/31/4053 от 4/VII—1933г.

Зам. Председателя Совнаркома

РСФСР Т. Рыскулову

Лично

По сообщению Прокурора Киргизской АССР, среди казаков-откочевников участились случаи людоедства на почве голода, жертвами которого оказываются преимущественно дети.

Так, в г. Токмаке, Фрунзенского района, 7 июня, около питательного пункта для откочевников-казаков был обнаружен труп 6-летней девочки, по национальности казачки, причем внутренности и голова лежали на земле, а тело ребенка уже варилось в котле.

Как установлено следствием, девочка была зарезана 3-мя мужчинами и женщинами — казаками с целью утолить голод.

Около того же пункта в другом месте был обнаружен труп девочки, приготовляемый казаком для варки — как он сам заявил об этом. Вообще, вокруг питательного пункта обнаружен ряд человеческих костей (грудные клетки, ребра, височные, тазовые кости и т. д.).

Несмотря на столь тяжелое продовольственное положение казаков-откочевников, решение СНК РСФСР от 21 марта с. г. № 246 об ассигновании Киргизской АССР на помощь казакам 1225000 р., как сообщает нам Прокурор, — до сих пор не реализовано.

Учитывая исключительную важность этого момента, мы считаем необходимым довести об этом до Вашего сведения.

О последующих мероприятиях с Вашей стороны просим нас уведомить.

Народный Комиссар юстиции
Крыленко

ЦГА ПД КР. Ф. 10. Оп. 1. Д. 506. Л. 64. Копия.

Совершенно секретно

РСФСР
СНК
7.VII.1933 г.
№ 662
Москва, Кремль

Секретарю Киргизского Обкома
ВКП(б) т. Шахрай
Председателю СНК Киргизской
АССР т. Абдурахманову

Копии:
Средазбюро ЦК ВКП(б) т. Бауману
НКЮст РСФСР т. Крыленко

Посылая при этом копию письма НКЮста РСФСР т. Крыленко — о безобразиях, наблюдаемых на питательных пунктах, организованных для казаков-откочевников во Фрунзенском районе (в частности, в г. Токмаке), прошу срочно расследовать эти факты и привлечь к строжайшей ответственности виновных в допущении создавшегося положения на питательных пунктах.

Несмотря на то, что благодаря помощи ЦК ВКП(б) и Правительства проделана значительная работа по устройству казаков-откочевников в Казакстане и создан заметный перелом в работе по устройству казаков и, несмотря на личную информацию т. Абдурахманова о благополучном состоянии с устройством казаков-откочевников, прибывающих на территорию Киргизии, однако, указанные факты и ряд других фактов, получаемых из Киргизии, говорят о недостаточном внимании Киргизских руководящих органов к вопросам устройства казаков и оказании им помощи.

Настала пора, в связи с директивами высших органов по этому вопросу, более решительно взяться за оказание помощи и устройство казаков, и окончательно договориться по этому поводу непосредственно с Казакским Правительством.

Прошу СНК Киргизской АССР о результатах проведенных мероприятий по этому вопросу сообщить в СНК РСФСР.

Зам. Председателя СНК РСФСР
Т. Рыскулов

ЦГА ПД КР. Ф. 10. Оп. 1. Д. 506. Л. 63. Копия.

ПРИГОВОР

Именем Союза Советских Социалистических Республик Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР в составе

Председательствующего: Армвоенюриста т. Ульрих

Членов: Бригвоенюриста т. Зарянова

и Военного юриста 1 ранга т. Кандыбина

При секретаре: Военном юристе 1 ранга т. Костюшко

В закрытом судебном заседании, в городе Москве 8 февраля 1938 г., рассмотрела дело по обвинению Рыскулова Турара Рыскуловича, 1894 г.р., быв. Председателя Совнаркома РСФСР — в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58—1а, 58—2, 58—8, 58—11 УК РСФСР.

Предварительным и судебным следствием установлена вина Рыскулова в том, что он еще в 1919 г. примкнул к антисоветской пантюркистской организации «Итти-фатва-тараки», ставившей перед собой задачу переворота и отторжения Туркестанского края от Советской власти и образования Туркестанского государства под протекторатом одного из иностранных капиталистических государств.

Таким образом, устанавливается виновность Рыскулова в совершении им преступлений, предусмотренных статьями 58—1а, 58—8,9 и 11 УК РСФСР. (Измена Родине, вооруженное восстание, захват власти в центре и на местах, т. е. насильственное отторжение части советских республик, террор (подготовка, намерения убийства вождей Кремля — от ред.).

На основании изложенного и руководствуясь статьями 310 и 320 УПК РСФСР, Военная коллегия Верховного суда

Союза ССР постановляет приговорить Рыскулова Турара Рыскуловича к высшей мере наказания — расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества.

Приговор окончательный и на основании Постановления УПК СССР от 1/ХП—34 года к исполнению привести немедленно.

Председатель (подпись)
и еще 3 подписи.

Через два дня приговор был приведен в исполнение.

И лишь более полувека спустя дети Т. Рыскулова получили справку о расстреле отца.

Секретно

СПРАВКА

Приговор о расстреле Рыскулова Турара Рыскуловича приведен в исполнение в Москве 10 февраля 1938 г. Акт о приведении приговора в исполнение хранится в Особом архиве 1-го спецотдела НКВД СССР том № 3, лист № 61.

Нач. 12 Отд. 1 Спецотдела НКВД СССР
Лейтенант Госбезопасности: /Шевелев/

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ:

1. «Казахстанская правда». 1991. 22 июня.
2. Алаш-Орда. Сборник документов. Сост. Н. Мартыненко. — Алма-Ата, 1992.
3. *Аманжолова Д. А.* Формирование совестности. Национальные меньшинства в этнополитическом ландшафте СССР. 192–1930 гг. — М.: Собрание, 2010.
4. Аңыз адам (журнал — кітап). — Алматы, 2011.
5. Внешняя торговля. 1933, № 21–22.
6. Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. — М., 1960.
7. Джумабаева А. М. История строительства железных дорог в Кыргызстане 1917–1955 гг. — Бишкек, 2008.
8. Известия. 1929.2 октября.
9. Койгелдиев М. Үлттык саяси элита. Кызметі мен тагдыры (XVII–XX) Зерттеулер — Алматы: Жалын, 2004.
10. *Кошанов, Сэбден О., Дугалов А.* Турар Рыскулов: Государственная деятельность и экономические воззрения. — Алматы. Институт экономики МОН РК, изд Арыс;
11. *Курманов З.* Политическая борьба в Кыргызстане: 20-е годы. — Бишкек, 1997.
12. *Кыдырәлі Д.* Коз бэйтерек (Шокай мен Турар ундестігі) — Т. Рыскуловтың 110 жылдыгына арналган Халыкаралык гылыми конференциянын материалдары. — Туркі Отан: ХКТУ, 2005.
13. *Плоских В.* «Манас» не признал себя виновным (По материалам следственного дела № 5630). — Бишкек, 1993.
14. *Плоских В. М.* «Манас» не признал себя виновным// В кн.: Абдыкерим Сыдыков — национальный лидер. — Бишкек, 1992.
15. *Плоских В. М., Карымсакова А. А.* Турар Рыскулов в истории Кыргызстана // Труды Института мировой культуры. Вып. IV. Война. Мир. Духовное наследие / Отв. ред. академик В. Плоских. — Бишкек–Лейпциг, 2005..
16. Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1967.
17. *Рыскулов Т.* Из истории революционной борьбы в Казахстане // Избранные труды. — Алма-Ата, 1984.

18. Рыскулов Т. Полное собрание сочинений. В 5-ти т. — Алматы, 2007.
19. Рыскулов Т. Собрание сочинений в 3-х т. — Алматы, 1996—1998.
20. Рыскулов Т. Р. Избранные труды — Алма-Ата, 1984.
21. Рыскулова Сауле. Нелепый мемориал. Нужна ли нам память о последствиях политического террора? / Аргументы и Факты, № 52, 2012 г.;
22. Рыскулов Т. Собрание сочинений в 3-х т. Т. 3. — Алматы, 1998.
23. Сәбден О., Жәпек М. С. Турар Рысқұловтың публицистикасындағы экономикалық қозғалыстары. — Алматы: Ұлы дала тулғалары, ҚР БҒМ экономика институты, 2014.
24. Сәбден. О, Қоныратбаев О. М. Турар Рысқұловтың орталық азидағы экономикалық қызметі: — Алматы: Ұлы дала тулғалары, ҚР БҒМ, экономика институты, 2012.
25. Тридцать седьмой год в Киргизии. Возвращенные имена. — Бишкек, 1991.
26. Туркестан. 1922. 12 декабря.
27. Устинов В. М. Зампред Совнаркома Российской Федерации. — Алма-Ата: Казахстан, 1988.
28. Устинов В. М. Служение народу (Партийная и государственная деятельность Т. Рыскулова). — Алма-Ата, 1984.
29. Устинов В. М. Турар Рыскулов. Очерки политической биографии. — Алматы, 1996.
30. ЦГА КР. Ф. 69. Оп. 1. Д. 2.
31. ЦГА ПД КР. Ф. 10, Оп. 1. Д. 506.
32. ЦГА ПД КР. Ф. 23. Оп. 1. Д. 720.
33. Чокай оглы М. Туркестан под властью Советов // В сб. Из истории казахов / Составитель Е. Аккошкарров. — Алматы, 1997.

Публикуется по изданию:

К Карымсакова А., Омурзаков С., Плоских В. Турар Рыскулов в истории Кыргызстана. Документальные вехи биографии / А. Карымсакова, С. Омурзаков, В. Плоских, — Бишкек, 2016

Заклучение

ПО СТРАНИЦАМ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ

Тучи, нависшие над руководителями Киргизии после публикации в «Правде» статьи «Буржуазные националисты, должны были разразиться «очистительной» грозой, которая не заставляет себя ждать. Пробил час расправы над Уразбековым, Исакеевым, Есенамановым, за которыми репрессии распространились на второй эшелон.

2 октября бюро ЦК КП Киргизии рассмотрело вопрос о председателе Кир ЦИКа и приняло, по крайней мере странное решение, войти в ЦК ВКП(б) со следующим предложением:

«т. Уразбекова, как совершенно не растущего в работе и не обеспечивающего руководящую работу», а также «как скрывшего от партии свое активное и сознательное участие в контрреволюционной группировке “тридцатки” — освободить от поста председателя ЦИКа. Рекомендовать председателем ЦИК т. Юлдашева К¹.»

До этого, 8 августа 1937 г. бюро ЦК по сообщению Четвертакова — народного комиссара НКВД принимает решение по министру наркомпроса:

«Алиева Осмонкула, как активного участника контрреволюционной националистической организации и двурушника, обманным путем пробравшегося в партию: исключить из состава членов Центрального Комитета ВКП(б) Киргизии с последующим внесением на утверждение Пленума ЦК и снять с работы Наркома просвещения.

¹ ПА Кирг. фил. ИМЛ. Ф. 56. Оп. 4. Д. 36. Л. 71.

Поручить партгруппе ЦИКа оформить снятие с работы Алиева в Советском порядке»¹.

Репрессии только разгорались, а ЦК КП Киргизии решило было подвести ей итоги.

7 сентября 1937 г. бюро ЦК по сообщению Аммосова принимает постановление созвать III пленум ЦК КП(б) Киргизии 28 сентября 1937 г. с повесткой дня «О ликвидации троцкистских и буржуазно-националистических двурушников и о мероприятиях по выдвижению новых кадров»².

Но такой пленум так и не состоялся. Рано было еще подводить итоги, Центральная партийная печать, газета «Правда» потребовали новых жертв. А накануне в бюро ЦК поступают новые сигналы о «врагах народа».

Возьмем, к примеру, решение бюро ЦК о Джиенбаеве от 10 сентября 1937 г. (т. Аммосов — от комиссии, Уразбеков, Явлинский, Иванов).

Бюро ЦК признало, что т. Джиенбаев, будучи в прошлом в личных связях с Абдрахмановым, после разоблачения последнего, не развернул с необходимой силой и настойчивостью борьбу за «разоблачение корней Абдрахманова в виде наиболее явных абдрахмановцев, как Тыныстанов.

Шоруков и другие, а в отдельных случаях (факт с разбором протаскивания контрреволюционных идей тыныстановым в его учебнике) не проявил большевистской бдительности».

Бюро ЦК сочло особенно недопустимым тот факт, что т. Джиенбаев даже после итогов Первого Съезда КП(б) Киргизии, со всей остротой поставившего задачу ликвидации корней абдрахмановщины и потребовавшего лично от т. Джиенбаева действенной борьбы за «разоблачение

¹ Партархив, Ф. 56. Оп. 4. Д. 34. Л. 37.

² Кирг. фил. ИМЛ. Ф. 56. Оп. 4 Д. 57. Л. 119.

местного контрреволюционного национализма» — не проявил необходимой инициативы и настойчивости в стойкой борьбе. Бюро ЦК сочло, что Джиенбаев проявил «гнилой либерализм и политическую слепоту, оказав материальную помощь семье контрреволюционного националиста Татчинова».

Всеми этими ошибками мол, т. Джиенбаев подорвал свой авторитет в партии.

За допущенные ошибки т. Джиенбаев решением бюро ЦК от 5.IX—37 г., утвержденным ЦК ВКП(б) освобождается от обязанностей — секретаря ЦК.

Однако при всем этом бюро ЦК КП Киргизии еще могло потребовать от Джиенбаева своей дальнейшей работой на порученном ему новом участке, в частности борьбой за ликвидацию последствий вредительства в системе Наркомзема — доказать, что он не на словах, а на деле «ведет решительную борьбу за выкорчевывание корней местного контрреволюционного национализма».

Было принято к сведению и то, что т. Джиенбаев признал и осуждает «допущенные им ошибки»¹.

Вскоре, однако, само бюро поплатится за свою либеральную политику, которые усиливают агрессивный натиск и противоборствующие стороны. Образец такой политики до нас донес документ, рассмотренный на бюро ЦК 10 сентября 1937 г. Прочитываем его целиком:

«Слушали: сообщение комиссии о результатах расследования заявления Токбаева Имаша (тов. Елизаров).

Постановили:

В связи с тем, что заявление Токбаева Имаша об активном участии Исакеева Баялы и белобандитском Вондаревском восстании 1920 г. в гор. Нарыне, где расследованием подтвердилось — передать ведение дальнейшего следствия

¹ ПА Кир. фил. ИМЛ. Ф. 56. Оп. 4. Д. 58. Л 59

по второму вопросу в органы НКВД»¹. Это был почти приговор Исакееву. Но прошло еще несколько дней, пока его окончательно не додали.

15 сентября 1937 г. бюро ЦК КП(б) Киргизии принимает решение «О статье «Правды» — «Гнилая политика ЦК КП(б) Киргизии». ЦК КП Киргизии, естественно, отмечал, что статья органа ЦК ВКП(б) Газеты «Правда» от 13 сентября 1917 г. «Гнилая политика ЦК КП(б) Киргизии в борьбе с фашистской агентурой и буржуазными националистами».

Говорилось, что ЦК КП(б) Киргизии не выполнил указаний центрального комитета ВКП(б) и т. Сталина о решительной и беспощадной борьбе и выкорчевыванию врагов народа, не прислушался к голосу партийного актива и партийных масс, потребовавших большевистской борьбы с буржуазными националистами, проникшими на руководящие посты в партийные и советские органы республики» (назывались имена: Исакеев, Уразбеков, Джиенбаев, Эссенаманов, Булатов Ю., Булатов А., Айльчиков и другие).

Несмотря на неоднократные сигналы и критику «Правды» (статья от 4 августа «Не считается с сигналами коммунистов, статья «Буржуазные националисты» от 31 августа) ЦК КП(б) Киргизии говорилось решений бюро не только не возглавлял активность партийных масс «на разгром и выкорчевывание националистов, но своей непоследовательской, нерешительной и гнилой политикой в борьбе с врагами народа — тормозил развертывание большевистской борьбы партийных масс против фашистской агентуры, националистов, троцкистов, бухаринцев и великодержавных шовинистов».¹

Говорилось также, что в ЦК КП(б) Киргизии имелись достаточные материалы «на националистов» Исакеева, Джиенбаева, Уразбекова, Альчикова, Эссенаманова,

¹ ПА Кир. фил. ИМЛ. Ф. 56. Оп. 4. Д. 58. Л 59

Джилкибаева, Долбаева к другим, об их националистической контрреволюционной» деятельности — однако, бюро ЦК проявило, якобы, недопустимую медлительность в их разоблачении, затягивало разрешение вопросов об исключении их из рядов партии, что классифицировалось, как «укрывательство» врагов народа. Бюро ЦК КП(б) Киргизии приняло 10 сентября политически ошибочное постановление о Жиенбаеве, ограничившись лишь снятием его с поста второго секретаря ЦК, но оставив его в партии и даже в составе бюро ЦК.

Бюро, проходившее под председательством первого секретаря ЦК Аммосова указывало «самокритично: что они не сумели разоблачить маневр буржуазных националистов и их пособников», и даже разглядеть лицо «врагов» во время выступления их на первом съезде. Эта «национальная — фашистская банда шпионов диверсантов и вредителей», используя политическую беспечность ЦК КП(б) Киргизии и ряда партийных организаций — расставляла свои кадры на руководящих партийных и советских постах и на важнейших участках социалистического строительства, всячески тормозила и вредительски задерживала рост и выдвижение молодых, преданных партии кадров работников.

Итог? — пожалуйста: все это, мол, привело к тому, что «гнусная фашистская банда долгое время безнаказанно проводила подрывную, вредительскую и шпионскую работу», нанесла немало вреда социалистическому строительству Киргизии».

Здесь подтвердилась критика в адрес первого секретаря ЦК Аммосова, который на Съезде партии взял «под защиту Исакеева и выдвигая в члены ЦК националиста Айтматова и в дальнейшем не сделал решительного шага к освобождению руководящих: органов республики от националистических двурушников».

Подверглись критике и республиканские газеты «Советская Киргизия» и «Кызыл-Киргизстан», которые якобы,

замалчивали и не публиковали материалы о националистах и не помогали партийной организации в разоблачений вредительской банды националистических двурушников», отсутствие самокритики в газетах привело к тому, что редактор газеты «Советская Киргизия» Целинский молчаливо соглашался со всеми поправками, которые вносили в редакционные статьи секретарь ЦК т. Аммосов и в которых давалась неправильная оценка «достижений ЦК» в борьбе с националистами.

Бюро ЦК КП(б) Киргизии в своем постановлении внес целую серию решений, повлекших целую реакцию репрессий:

1. Отметить постановление ЦК КП(б) Киргизии от 10 сентября 1937 г. в отношении Джиенбаева, вывести его из состава ЦК КП(б) Киргизии и исключить из партии как буржуазного националиста-двурушника.
2. Вывести из состава ЦК КП(б) Киргизии Уразбекова и исключить его из партии как националиста-двурушника, активного участника националистической группы «Тридцатка».
3. Исключить из партии Эссенаманова Е. и Альчинова как националистов-двурушников, проводивших вредительскую работу в системе Наркомзема и Кир.ЦИКа.
4. В связи с приступившими материалами о т. Юлдашеве — члене бюро ЦК КП(б) Киргизии — решить вопрос о его партийности по его приезду. Отметить предыдущее решение бюро ЦК КП(б) Киргизии об утверждении его председателем ЦИК Киргизской ССР. Просить ЦК ВКП(б) утвердить данное решение.
5. Снять с работы секретаря Ошского райкома Булатова А. Вопрос о его партийности разрешить с вызовом его в ЦК.
6. Снять с работы и исключить из партии секретаря Узгенского райкома Джилкабаева, как буржуазного националиста.

7. В связи с имеющимися материалами на Джумабаева и Токомбаева А. как об активных националистах — отозвать их из Москвы и рассмотреть вопрос и их партийности.
8. Просить ЦК ВКП(б) откомандировать с учебы в ИКП националиста Айтматова в распоряжение ЦК КП(б) Киргизии для разрешения вопроса о его партийной принадлежности.
9. Предложить Фрунзенскому горкому разрешить вопрос о пребывании в партии связанных с буржуазными националистами Булатова Ю. (наркома совхозов), Кульматова (наркомлегпром) и Бабашалинова (нарком пищепром).
10. Снять с работы редактора «Советской Киргизии» т. Целинского за то, что он не обеспечил развертывание большевистской критики и самокритики на страницах печати и не вел большевистской борьбы по разоблачению националистов, за политические ошибки в газете. Снять с работы редактора газеты «Кызыл-Кыргызстан» т. Сарманова за отсутствие большевистской борьбы с контрреволюционными национализмом на страницах печати, за антипартийную позицию в развертывании критики и самокритики, и за допущение ряда политических ошибок в газете. Просить ЦК ВКП(б) утвердить это решение. Предложить редакциям газет «Советская Киргизия» и «Кызыл-Киргизстан» и первичной парт организации обсудить статьи «Правды» и настоящее решение и на основе развертывания большевистской критики и самокритики невзирая на лица, решительно выправить линию газеты в борьбе с врагами народа — шпионской бандой националистов, троцкистов-бухарнских шпионов и великодержавного шовинизма.
11. Предложить горкому созвать городской партийный актив для обсуждения статьи «Правды» и настоящего постановления ЦК КП(б) Киргизии.

12. ЦК КП(б) Киргизии обязывало все парторганизации «немедленно обсудить статью «Правды» и настоящее решение о грубых политических ошибках ЦК КП(б) Киргизии и недостатков в борьбе парторганизации. На основе развернутой большевистской критики и самокритики поднять бдительность и активность партийных масс и мобилизовать их на выкорчевывание и беспощадный разгром буржуазных националистов и всех врагов народа, выдвинуть новые преданные партии кадры и обеспечить быструю ликвидацию последствий свидетельства на всех участках социалистического строительства в Киргизии»¹.

Данное решение телеграммно было направлено в ЦК ВКП(б) секретарю Г. М. Маленкову и опубликовано в местной печати. Подписано постановление было первым секретарем Аммосовым. Сам он еще не взшел на эшафот, но был очень близок этому. Подталкивая своих партийных коллег к финишной черте, и сам Аммосов вместе с ними приближался к своему финишу.

Юлдашев, кажется, так и не побывал на посту председателя Киргизского ЦИКа. Вскоре поступил от него донос, был создан компрометирующий материал — и человек сгинул. Бюро ЦК 27 сентября «Постановил» Юлдашева, как разоблаченного контрреволюционного националиста — снять с работы, исключить из партии и вывести из состава членов бюро и ЦК ВКП(б) Киргизии»².

Почти каждое бюро кого-то снимает. Можно привести образец стандартной формулировки.

Слушали:... Постановили: В связи с разоблачением Булатова Ю., как врага народа — контрреволюционного

¹ ПА Кир. фил. ИМЛ. Ф. 56. Оп. 4. Д. 58. Л. 82.

² ПА Кир. фил. ИМЛ. Ф. 56. Оп. 4. Д. 58. Л. 123

националиста — снять его с поста наркома животноводческих совхозов Киргизской ССР.

Временно исполняющим обязанности наркома НК совхоза утвердить т. Шизвалова»¹.

Или, еще тогда же:

«Снять Кульматова с поста наркома Местной промышленности, как разоблаченного контрреволюционного националиста.

Утвердить временно исполняющего обязанности ревкома местной промышленности Попкова»².

И т. п. и т. п.

Следующее бюро 5 октября освободило Исакеева от поста предсовнаркома и вывело из состава бюро, «как потерявшего доверие партактива, в связи с поддержкой и покровительством им националистических элементов» (л. 97). Снят здесь же с поста наркома и выведен из бюро также Эссенаманов «за развал работы наркомзема и за разорение аппарата наркомзема враждебными и вредительскими элементами»³.

Бюро ЦК КП Киргизии 8 сентября рассмотрело «телеграмму товарища Сталина о согласии ЦК ВКП(б) с решением ЦК КП(б) Киргизии от 5 сентября 1937 г.⁴» и решение ЦК ВКП(б) от 7 сентября об освобождении Уразбекова от обязанностей председателя ЦИК Киргизской ССР и утвержден вместо него К.Юлдашева⁵. Это означало, что все трое полностью передаются карательным органам, откуда они живыми уже не вышли. Репрессии, естественно, оголяла учреждения, работа застопаривалась, планы сравались,

¹ ПА Кир. фил. ИМЛ. Ф. 56. Оп. 4. Д. 58. Л. 35

² ПА Кир. фил. ИМЛ. Ф. 56. Оп. 4. Д. 58. Л. 96

³ ПА Кир. фил. ИМЛ. Ф. 56. Оп. 4. Д. 35. Л. 97.

⁴ ПА Кир. фил. ИМЛ. Ф. 56. Оп. 4. Д. 35. Л. 106–107.

⁵ ПА Кир. фил. ИМЛ. Ф. 10. Оп. 9. Д. 73. Л. 276..

а надо было с каждым разом рапортовать о все больших успехах. Где-то около 10 сентября (на документе даты нет, но это сразу после 4 сентября) директор научно-исследовательского института Киргизского языка и письменности

А. Валитов подает докладную записку секретарю ЦК КП(б) Киргизии Аммосову: «Научно-исследовательский институт киргизского языка и письменности за время своего десятилетнего существования не справился с возложенными на него задачами благодаря засоренности состава института, разлагающей работе Тыныстанова и Поливанова, неудовлетворительного руководства со стороны дирекции и НКПроса.

В результате этого в Институте скопился огромный запас фольклорных фондов, подлежащих тщательному осмотру.

Состав института совершенно не укомплектован (имеется пять ва-кантных мест), значительная часть имеющихся (5) сотрудников института не имеет надлежащей квалификации и не может вести самостоятельно научную работу.

Институт не имеет ни надлежащего помещения, ни квартир для сотрудников...»¹. Что-ж, посекали лучшие кадры и, естественно, завал.

К слову оказать, вскоре был убран за «развал работы» и сам Валитов.

Некоторые бюро ЦК заняты в это время исключительно разоблачением «врагов народа» так. к примеру Бюро ЦК № 61 от 29.11.37².

¹ На ней чернильная резолюция: «К делу института языка и письменности. Есть решение ЦК КП(б) Киргизии от 4ЯХ–37 г. ПА Ф. 56, Оп. 4. Д. 38.

² На ней чернильная резолюция: «К делу института языка и письменности. Есть решение ЦК КП(б) Киргизии от 4ЯХ – 37 г. ПА Ф. 56. Оп. 4. Д. 38 Л. 109–111..

§ I. О секретаре ЦК ЛКСМ Киргизии.

Расследованием материалов на месте установлено, что Бараканов происходит из крупной байско-манапской семьи, сам женат на дочери кулака, все это скрыл.

Бюро постановило:

1. Снять Бараканова с работы первого секретаря ЦК ЖСМ Киргизии.
2. Снять его кандидатуру в депутаты Совета национальностей.
3. Предложить парторганизации ЦК ЖСМ решить вопрос о его партийности и просить ЦК ВКП(б) утвердить данное решение, (Л. 109).

§ II. О т. Шамурзине.

В связи с наличием материалов об антипартийных действиях т. Шамурзина.

1. Отвести кандидатуру в депутаты.
2. Вывести из состава бюро ЦК и освободить от работы и.о. председателя ЦК Кирг.ССР. Просить партколлегию решить вопрос о его партийности.

§ II. От. Абдраимове.

В связи с наличием материалов об антипартийной деятельности.

1. Вывести из состава членов бюро и освободить от работы наркома земледелия, отвести кандидатуру в депутаты.
2. Партколлегии решить вопрос о партийности.

§ IV. О т. Кенебаеве

Бюро ЦК отмечает его политические ошибки, не вел достаточной работы по разоблачению Джиенбаева, Исакеева и др. контрреволюционных буржуазных националистов. Смело доверял Аммосову и занимал примиренческого позицию при решении вопроса о его снятии с поста секретаря ЦК и вывода из состава членов бюро.

Вместе с тем бюро ЦК КП(б) Киргизии все же сочло возможным сохранить кандидатуру т. Кенебаева в депутаты Совета национальностей, т.к. Кенебаев признал свои ошибки, подверг их резкой критике и заявил, что своей работой докажет свою преданность партии.

Бюро считало, что допущенные ошибки объясняются неопытностью и излишней доверчивостью Аммосову.

Тов. Алиеву было поручено разъяснить данное решение бюро ЦК общему районному партсобранию Ворошиловского района и на собрании первичной парторганизации Ж ЦД, где ему было вынесено «политическое недоверие».

Тов. Кенебаев обязан был дать объяснение собранных и допущенных им ошибках.

§ V. О т. Салихове

Бюро считает Установленным, что поступившие на т. Салихова материалы не подтвердились

§ VI. О т. Захаренко

Поступившие материалы не дают оснований для отвода ее кандидатуры в депутаты сов. нац.

§ VII. Об т. Уварове.

Снять Уварова с поста Народного комиссара финансов Кирг.ССР. Поручить партгруппе ЦИКа оформить данное решение в советском порядке. Временно исполняющего делами Наркома финансов утвердить тов. Новикова.

§ VIII. О т. Смирнове.

Согласиться с телеграммой Прокуратуры Союза об освобождении Смирнова от должности прокурора республики.

Поручить первичной парторганизации Прокуратуры разобрать все компрометирующие материалы поступившие на тов. Смирнова.

§ IX. О неправильной отпечатке в бюллетене наименование колхоза «Жумазюбе» .

И вся повестка. Плюс три ординарных вопроса повестки было решено опросным путем.

Одно из декабрьских бюро ЦК Освободило от работы ответредактора ж. «Коммунист» тов. Султанбекова с оставлением его членом редколлегии; но вскоре Султанбеков был выведен и из состава редколлегии ж. «Коммунист».

Судьи сами постепенно становились жертвами, испытывая судьбу своих предшествующих гонимых. Одна политическая фигура падала за другой, как поставленные в ряд площадки домино приведенные в движение шапуном-диктатором.

Лучшие кадры убирались, на них сваливались провалы неудачи в развитии народного хозяйства и культуры. Победы приписывались оставшимся или вновь пришедшим на смену репрессированных, недочеты — на «врагов народа». При этом ставились явно невыполненные новые задачи на фоне которых уже проступали новые потенциальные виновники, или козлы отпущения. Все были как бы в тумане угара, не чувствуя опасности, или чувствуя ее, но как кролик добровольно шли навстречу в пасть к удаву репрессивного молота, почти сознательно приближая собственный конец. Как понять, в чем все же причина такого массового психоза, шпиноза, при котором словно потеряв, свое буквальное содержание отрывались от реальной почвы жизни, было объявлено о построении социализма в стране, принята конституция победившего социализма СССР и соответственно союзных республик, в целом народ стал жить лучшее были объявлены конституционные свободы и гарантии прав, человека, провозглашена самой демократической в мире политическая система социалистического государства, громогласно объявлялось, что мы по многим показателям вышли на передовые рубежи, что у нас самое большое по территории государство, самые лучшие самолеты

и танки, что мы первооткрыватели и таблицы химических элементов, и электролампочки, и паровоза, что мы всем должны только гордиться.

И всего-то у нас было бы больше, и все было бы еще лучше и мы вообще были бы уже чуть ли не в коммунизме (вспомним обращение Ленина и делегата II съезда комсомола: «Вам — жить при коммунизме!»), если бы не враги народа, не догнивающий международный империализм, не буржуазные националисты. И со всех трибун народу со словославием наших успехов неслись обвинения и проклятия в адрес внутренних, «врагов народа», «буржуазных националистов», «шовинистов», «троцкистов» и «приспешников фашизма». Приведем в качестве примера ряд извлечений из докладов всесоюзного совещания по дунганскому языковому строительству, проходившему в Фрунзе 3—6 октября 1937 г., поскольку оно затронуло оценку Поливанова и выдвинуло абсолютно гениальную программу, которую должна была выполнить идейно и организационно обусловленная наука.

В резолюции совещания было записано:

«Заслушав и обсудив доклад т. Шпринцина по вопросу дунганского языкового строительства, доклад т. Ян-Шан-Сина по вопросу дунганской орфографии и доклад т. Драгунова по вопросу дунганской грамматики, совещание констатирует, что за время, прошедшее с первой дунганской языковой конференции, состоявшейся во Фрунзе в 1332 г., в области Дунганского культурного и языкового строительства имеется целый ряд несомненных достижений: рост школ и учащихся в них, организация дунганских отделений при педучилище и ВСХШ, рост общественно-политической и учебной литературы на дунганском языке, рост дунганских кадров из молодежи и т. д.

Все эти успехи были достигнуты в результате правильного проведения ленинско-сталинской национальной

политики, вопреки буржуазным националистам, троцкистам и иным фашистским шпионам.

Эти успехи были бы значительно больше, если бы врагам народа — троцкистским шпионам и их пособникам не удалось пробраться на руководящие участки культурного строительства, как-то бывший редактор дунганской газеты Абдулан, научно-исследовательский институт Тыныстанов и Поливанова во Фрунзе, Васильев в Ленинграде, Иванов в Москве, равно как и Сулейманов и Леасанчин в Казахстане. У работников Института языка и письменности и редакции Дунганской газеты отсутствовала большевистская бдительность, а также критика и самокритика...»¹.

Более конкретные обвинения были выдвинуты в адрес «врагов народа» непосредственно в докладах.

В тезисах доклада А. Г. Шпирмцина «Вопросы дунганского языкового строительства» I пункт прямо гласил:

«I. Разоблаченные партией и трудящимися массами агенты фашизма, троцкистско-бухаринские шпионы и буржуазные националисты избрали область культурного, в частности, национального языкового строительства, одним из мест осуществления своей контрреволюционной вредительской деятельности.

Немало навредили враги народа в области теории и практики дунганского языкового строительства (Поливанов, Васильев, Иванов, Абдулин)»².

Даже в тезисах Яншансина к его докладу «Вопросы орфографии дуганского языка» вопреки внутреннего сопротивления пришлось написать:

«...Предложение троцкиста Поливанова произвести под предлогом унификации с китайским более или менее серьезную реформу дунганской грамматики не вызываетя

¹ ПА Кирг. фил. ИМЛ. Ф. Оп., Д., Л. 44.

² ПА Кирг. фил. ИМЛ. Ф. Оп., Д., Л. 54

необходимостью, является политически вредными ставит своей целью сорвать дело обучения грамоте дунганских трудящихся масс». Яншансин не отрекался от своего учителя, но не завари он в струю времени, тут же сам оказался бы в стане «врагов народа»: Долго пришлось «отмываться» и другому коллеге Поливанова Игорю Алексеевичу Батманову. Проработав совсем немного после ареста Поливанова и Тыныстанова, вынужден был покинуть институт и Батманов, который уехал в Ташкент однако, просто бегство едва ли спасло бы ученого, и он имеет вынужденные оправдания в адрес уполномоченного комиссии советского контроля при СНК Киргизской ССР. Приведем текст его заявления от 2 ноября 1937 г.

«В бытность мою научным сотрудником и ученым секретарем научно-исследовательского института киргизского языка и письменности НИИКЯП (г. Фрунзе, Краснооктябрьская, 33, тел, 1–37), после опубликования в газете «Кызыл-Кыргызстан» (от 20 сент. с.г.) статьи Макешева «Двурушник Батманов», решением Совета Института и приказом №45 по Институту я был снят с должности ученого секретаря, но оставлен на работе в Институте в качестве научного сотрудника...»¹.

После этого я с 10 октября с.г. был освобожден от работы в Институте по собственному желанию и получил полный расчет и соответствующую справку...». С чем и уехал в Ташкент. Но уже после этого жалуется Батманов, был издан другой приказ следующего содержания: «Приказ №45 отменить. С 1 октября 1937 г. Батманова с работы снять, как не оправдавшего доверия» (приказ №46 §1 от 3 октября 1937 г.). В решении Ученого совета было записано: «За примиренческое отношение к работа врагов народа Тыныстанова и Поливанова в Институте,

¹ ПА Кирг. фил. ИМЛ. Ф 10. Оп. 9. Д. 78. Л. 20–23.

двурушничество, Батманова с работы в Институте снять (протокол №16 от 3.10.37 г.): Далее Батманов излагает обвинения, выдвинутые в его адрес в статье Макашева и дает им отвод:

Главнейшие обвинительные газетные статьи сводились к следующему:

Связь Батманова с контрреволюционером Сыдыковым.

Связь его с Тыныстановым, Поливановым, Шабдановым, работавшими в Институте.

Изобретение «контрреволюционной теории об изъятии из киргизского алфавита отдельных букв, и протаскивание этой теории в своих трудах.

Протаскивание тыныстановских установок в проекте орфографии, составленном Баталовым в январе 1936 г.

Батманов опровергал это следующим образом:

С Сыдыковым не знаком.

Хоть и работал он в одном учреждении с Тыныстановым, Поливановым и Шабдановым, тем не менее никто конкретно не может обвинить его в чем заключалась эта «связь».

В своей практической работе Батманова, мол проводил установки, диаметрально противоположные установкам названных лиц.

Проект Тыныстановова об орфографии киргизского языка строился на фонетическом принципе, Батманов стоял на точке зрения принципа морфологического. В свое оправдание Батманов сообщает, что против принципиальных установок Тыныстановова в вопросах орфографии он возражал, на республиканской орфографической конференции в августе 1936 г. И даже подчеркивает, что после ареста Тыныстановова (именно после) он первый вскрыл «его контрабанду», которая протаскивается до последнего времени тем же Макашевым — автором статьи, против Батманова! Пришлось Батманову объяснить и свою связь с Поливановым, которая по его словам на деле выразилась

в следующем: (не забудем, что он это пишет уже после ареста Поливанова и обвинителя его как «врага народа»!)

«В 1933/34 гг. еще во время работы в Ташкенте я вскрыл переписку Поливанова с заграничными работниками и материал об этом передал в партком Комитета наук Узбекистана (секретарю Н. Алимову, работающему в Уз. пед. институте. Ташкент, Беш-Агач). Дело было передано в соответствующие органы».

«Во время работы в Киргизии (1936 и 1937 г.) я забрал рукописи Поливанова:

Учебники по русскому языку для киргизской и дунганской школы (6 рукописей).

Очерк русской грамматики для русско-киргизского словаря».

«Раскритиковал в пединституте Поливанова, в результате чего он был там в 1935/36 уч. году снят с работы, а чтение курса общего языкознания было поручено мне».

Он отправил в центральные научные учреждения ряд рукописей Поливанова на отзыв. Разрешил к печати его три незначительных статьи, в которых ничего предосудительного не было найдено.

«Таким образом, — заключал Батманов, — говорить о попустительстве или двурушничестве не приходится, тем более, что я издал в 1934 г. работу «Вопросы классификации узбекских говоров», где разоблачил Поливанова как соратника буржуазных националистов».

При всем при этом Батманов признавал, что пользуясь фактическим материалом, собранным Поливановым и имеющимся в Институте, сделал несколько ссылок на источник использования (т. е. на Поливанова) в своих работах, «отнюдь, однако, не разделяя его точек зрения на вопросы теории эволюции языка».

Личные отношения с Тыныстановым и Поливановым, писал Батманов, вопреки заявлению автора статьи, никогда, не отличались никакой дружбой. И здесь же делает

«ложный» выпад, что наоборот, сам Поливанов ходил по всем наркомам просвещения с жалобами на него о том, что Батманов выживает его из института и тормозит продвижение его продукции в печать....

«Таким образом, я не могу согласиться с предъявленным мне обвинением в двурушничестве и прошу этот вопрос пересмотреть.

О дне разбора дела прошу сообщить мне, если нужно, я приеду (принимая, разумеется, расходы по поездке на себя). Дело желательно рассмотреть в моем присутствии, поскольку оно связано с рядом теоретических, специальных вопросов.

На ответ прилагаю марки.
XI. 37. г. Ташкент И. Батманов»

К чести Батманова надо сказать, что он нигде ни Поливанову ни Тыныстанову не вешал ярлыка «враг народа», не выдвинул ни одного нового, «порочащего» их обвинения, а лишь сдержанно пытался защитить себя. В этом его заявление разительно контрастировало с другими, «обвинительными» в адрес «врагов народа», которые служили доводами для новых: арестов.

Репрессии самому Батманову удалось избежать, но он, по понятным причинам, не любил вспоминать эти давно прошедшие времена и даже в своих трудах после XX партсъезда нигде не цитировал и не упоминал имени своего лингвистического коллеги, но при всем этом тепло относился к Яншанскому, создал ему нормальные условия для работы. Репрессивный маховик раскрутился на полную мощь. И как при сплошной коллективизации пришлось несколько спустить пар публикацией статьи Сталина и «Головокружение от успехов», так и сейчас служебно и строго секретно в соответствующие инстанции 26 октября направляются телеграмма Народного Комиссара юстиции Крыленко и Прокурора, СССР Вышинского и пересмотре

²⁶ Том VIII. В. М. Плоских

судебных дел в связи с допущенными ошибками. Это был еще не конец ежовщине, но уже первый колокол по палачу, не организму, а его голове.

Буквально на следующий день ЦК КП(б) Киргизии принимает соответствующее решение, которое внешне смотрится как очень справедливое «В целях исправления допущенных перегибов в результате неправильных действий и вражеской работы, произвести пересмотр всех судебных дел за время с 1934 г. на осужденных работников сельсоветов, МТО, колхозов, сельского актива и отдельных колхозников, на предмет прекращения малозначительных преступлений» освобождения из-под стражи неправильно осужденных и снятия судимости с отбывших наказание, для чего создать комиссию в составе: Брид.председателя Верховного суда КиргССР тов. Чурина (председатель), членов: прокурора республики т.т. Смирнова, членов Верховного суда т.т. Момункулова и Аимбетова и прокурора Ворошиловского района тов. Кызырбаевой.

Обязать комиссию в течение 3-х месяцев закончить всю работу по рассмотрению указанной категории дел и итоговые данные доложить на бюро ЦК КП(б) Киргизии.

Обязать райкомы и Фрунзенский горком оказать судебно-прокурорским работникам необходимое содействие в их работе». Казалось бы, чего лучше? Теперь-то справедливость восторжествует, незаконно осужденные будут освобождены. Но... обращает на себя внимание: во-первых, отсутствие в перечне дел и лиц, подлежащих пересмотру, ведущих партийных и государственных деятелей, на которых, якобы, извращенная не распространялась; во-вторых, отсутствие в числе компетентной комиссии, в чьи права входила задача реабилитации, наркома НКВД или его полномочного представительства. Все это не только ограничивало права комиссии, но и сразу предопределяло ее однобокий характер работы. Какое-то время рассмотрение дел низшего звена партий и сов.работников идет

более — менее лояльно. Образцом может служить документ рассмотрения на бюро ЦК КП(б) Киргизии 5 ноября 1937 г. вопроса. «О результате проверки материалов, поступивших в ЦК КП(б) Киргизии и в партколлегию на бывшего секретаря Дзетыюгузского РК т. Нилова». В обсуждении приняли участие — Николаев, Иванов, Тюрин, Аммосов. Нилов давал объяснение.

Проверкой материалов было установлено, что в практической работе т. Нилова имели место администрирование и зажим критики. Нилов оторвался от партийных масс, не прислушивался к сигналам коммунистов, разоблачавших преступную деятельность ряда районных работников и назывались конкретно имена Айтбаева, Нилова, Халитова, Астрамина и др.) и встал на путь бытового разложения».

За все это ему был объявлен лишь строгий выговор. При других обстоятельствах одно сочувствие к «преступникам» районного масштаба грозило исключением из партии и репрессиям. Пока... обошлось.

Но оставалось буквально два дня до того времени, когда шайка репрессий снова до конца раскручивается. Проведем в республике послужил казалось бы незначительный, но симптоматичный момент.

7 ноября 1937 г. 20-летие Великой Октябрьской социалистической революции. По городу Фрунзе повсеместно призывные транспоранты, портреты вождя и отца всех народов, мудрейшего и гениальнейшего сегодняшнего Ленина. Идут колонны демонстрантов. На трибунах руководители партии и нового правительства республики: первый секретарь Аммосов, второй секретарь Кенебаев, третий секретарь Султанбеков, председатель Совнаркома Салихов, народный комиссар внутренних дел республики Лоцманов и другие¹.

¹ ПА Кирг. фил. ИМЛ. Ф. 56. Оп. 4. Д. 38. Л. 8.

Демонстрация подходит к концу. Репортаж о ее проведении транслируется по всему городу, по всей республике. И тут происходит неожиданное, необъяснимое: первый секретарь с трибуны бросает в микрофон лозунг, который воспринимается как «контрреволюционный». То-ли он выкрикнул: «Да здравствует капитализм!», то-ли «Долой социализм!». Присутствовавшие на демонстрации не могут однозначно сегодня на это ответить. Но даже протокол бюро ЦК и последующие собрания не осмелятся точно назвать злополучный лозунг, ограничиваясь привычным «безопасным термином — «контрреволюционный».

Якобы, Аммосов, тут же спохватился, отвернулся и выматерился: вот мол, нелепая случайность. Но стоявший рядом Лоцманов, взял его за руку и сказал: нет, здесь не все так просто. И пошли на конкретное заседание бюро ЦК.

Надо полагать, что заседание бюро ЦК не было спокойным, и первоначально было принято объяснение Аммосова о случайности, об оговорке. Но через некоторое время в этот же день созывается новое заседание бюро ЦК, которое констатирует:

«На созванном через голову Аммосова бюро ЦК первоначально дал антипартийное объяснение этому факту, сведя его к обычной оговорке. Бюро ЦК расценивает этот факт со стороны т. Аммосова неслучайным. На протяжении всей своей работы в Киргизии т. Аммосов, несмотря на предупреждения ЦК ВКП(б) и лично товарища Сталина, центрального органа «Правды» и 3-го пленума ЦК ВКП(б) Киргизии, в связи с допущенными им грубейшими политическими ошибками, выразившимися в гнилой либеральной линии его в борьбе с буржуазными националистами и врагами народа, не сделал для себя никаких выводов, вместо исправления по большевистски своих ошибок проявил недопустимую для большевика растерянность и не возглавил дальнейшую борьбу по окончательному разгром

врагов народа, не мобилизовал парторганизацию Киргизии на ликвидацию последствий вредительства в Киргизии»¹.

По вопросу выступили: Кенебаев, Султанбеков, Салихов, Шамурка, сам Аммосов, Имакалиев, Абдраимов, Комбаров, Николаев, Лоцманов, от КПК Троцин от партколлегии Дударев.

Бюро постановило:

Снять Аммосова с работы первого секретаря ЦК и исключить из состава бюро ЦК КП(б) Киргизии.

Просить уполномоченного КПК во Киргизии расследовать и разобрать вопрос о партийности т. Аммосова.

Снять кандидатуру Аммосова из состава в депутаты Верховного Совета Союза ССР. Обязанности первого секретаря временно возложить на второго секретаря Кенебаева.

Просить ЦК ВКП(б) утвердить данное решение и командировать нового товарища в качестве первого секретаря ЦК КП(б) Киргизии.

Учитывая серьезность обстановки сложившейся в киргизской парторганизации, просить ЦК ВКП(б) о посылке для оказания помощи представителя ЦК КП(б).

Документ подписал второй секретарь ЦК КП(б) Киргизии Кенебаев. В этот же день 7 ноября срочно был созван актив парторганизации г. Фрунзе с повесткой дня: «О решении бюро ЦК КПС(б) Киргизии от 7 ноября 1937 г. и задачах парторганизации».

«Городской партийный актив, естественно, одобрил решение ЦК КП(б) Киргизии от 7 ноября 1937 г. о снятии Аммосова с работы первого секретаря ЦК, исключении его из состава бюро ЦК КП(б) Киргизии и «передаче на рассмотрение уполномоченного КПК вопроса о его партийности»...

Аммосова в этот же день арестовывают (вероятно, сразу после первого заседания бюро ЦК), и материалы направляют

¹ ПА Кирг. фил. ИМИ. Ф. 56. Оп. 4. Д. 62. Л. 22–23

в Москву. На другой день — 3 ноября состоялось решение бюро ЦК ВКП(б), подтвердившее снятие Аммосова. Дело было сделано. Точка еще над одной жизнью поставлена. Больше никто Аммосова не видел.

Очередное бюро ЦК КП(б) Киргизии 3.11.37 принимает специальное решение об Аммосове, в котором было сказано:

1. «Решение ЦК ВКП(б) от 3 ноября принять к сведению.
2. Опубликовать в местной печати решение бюро ЦК КП(б) Киргизии от 7 ноября...
3. Поручить редакторам газет “С.К.” и “К.К.” опубликовать редакции политические статьи, связанные с решением ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б) Киргизии об Аммосове.
4. 11 ноября созвать актив фрунзенской Горпарторганизации на котором обсудить решение ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б) Киргизии об Аммосове и очередные задачи Киргизской парторганизации. Докладчик т. Кенебаев».

Последнее решение бюро ЦК и последний партактив по Аммосову. Его фамилия была вычеркнута из истории республиканской парторганизации и восстановлена лишь через двадцать с небольшим лет в посмертной партийной реабилитации.

В Москву обратились с просьбой прислать нового первого секретаря ЦК. Через некоторое время был прислан Вагов, пробывший здесь всю войну, но затем тоже попавший в немилость. И фамилия его также надолго была предана забвению.

После взятия Аммосова репрессивный молох продолжал работать. Через две недели настает очередь Султанбекова.

В связи с тем, что на третьего секретаря ЦК КП(б) Киргизии т. Султанбекова имеются компрометирующие материалы, ставящие под сомнение его деятельность и в связи с тем, что ряд партийных организаций выразили ему

политическое недоверие, 22 ноября бюро ЦК КП(б) Киргизии сочло необходимым:

Освободить т. Султанбекова от обязанностей третьего секретаря, вывести его из членов бюро и членов Пленума ЦК КП(б) Киргизии. А также просить Партколлегию срочно разобрать имеющиеся на Султанбекова материалы и решить вопрос о его партийности¹. Это был приговор не подлежащий обжалованию. Но немного спустя Султанбаев выплывает (об этом ниже).

«В связи с тем, что бюллетени первого съезда КП(б) Киргизии редактированы врагами народа, а также в виду наличия в них ряда выступлений контрреволюционных буржуазных националистов и других врагов народа, ныне арестованных, бюллетени изъять»².

Подавляющее большинство организаторов проведения первого киргизского партийного съезда и избранные в состав его руководящего органа лица к этому времени оказались «врагами народа», буржуазными националистами, троцкистами, бухаринцами, фашистскими (особенно много яненскими) шпионами бюро ЦК 22 ноября выносит решение: материалы и резолюции съезда изымаются из обращения. Партийный съезд — первый организационный съезд республиканской парторганизации, признававший ответ в партийной литературе, как кульминационный момент развития партийной организации республики, становится безликим и практически бессодержательным: имя первого секретаря и основного докладчика предается анафеме, все (?) члены первого бюро оказались «врагами народа», абсолютно подавляющее большинство выступавших на съезде и большинство делегатов съезда репрессируют.

¹ ПА Кирг. фил. ИМЛ. Ф. 56. Оп. 1. Д.40. Л. 78.

² ПА Кирг. фил. ИМЛ. Ф. 56. Оп. 1. Д. 40. Л. 79.

Все идет по разработанной схеме отношения к XVII съезду ВКП(б) — съезду победителей социализма. И здесь, в республике, как и в центре, иногда машина дает осадку, появляются исключения. И из числа потенциальных жертв репрессий, некоторые волею случая избегают общей участи. Наиболее показательный пример такого исключения — судьба поэта Джоомата Бокомбаева: исключенного из партии, но вновь восстановленного. Приведем соответствующий документ — решение бюро ЦК КП(б) Киргизии от 24 ноября 1937 г.: «Решением первичной парторганизации и Фрунзенского горкома Бокомбаев Джоомарт исключен из партии как буржуазный националист.

Бюро ЦК отмечает, что Бокомбаев Д. в своих произведениях допустил ряд грубых политических ошибок, но первичная партийная организация и Фрунзенский горком не имели оснований исключать его из рядов партии. ЦК КП(б) Киргизии вместо исправления допущений наркомом ошибки, снял авторство Бокомбаева Д. с пьесы «Алтын-Кыз» и разрешил изъятие его произведений.

Учитывая искренние признание и обещание Бокомбаева Джооморта исправить свои грубые политические ошибки, бюро ЦК постановляет:

1. Отменить решение фрунзенского горкома — восстановить т. Бокомбаева Джоомарта в рядах партии.
2. Поручить секретарю ЦК КП(б) т. Кенебаеву пересмотреть все произведения т. Бокомбаева Д., изъять из них идеологически невыдержанные. Создать т. Бокомбаеву Д. нормальные условия в работе»¹. Дело в том, что накануне — 25 октября Бокомбаев чуть было не загремел.

¹ ПА Кирг. фил. ИМЛ. Ф. 56. Оп.1. Д.40. Л. 84

ЦК принимает решение, что ввиду наличия серьезных художественных и драматургических несовершенств, а также политических извращений снимать невозможным дальнейшую постановку пьесы «Алтын-Кыз» по тексту Бокомбаева.

Разрешить к постановке коренным образом переработанную коллективом всего театра пьесу по либретто, составленному режиссерской бригадой Киргостеатра с изменением названия «Алтын-Кыз» на «Партизан кызы» («Дочь партизана»), с сохранением музыки Власова и Фере»¹.

Дж.Бокомбаев не согласился с таким решением и осмелился возражать. Результатом явилось вышеприведенное решение бюро от 24.11.37 г. тогда Бокомбаев идет еще дальше. Он написал письмо в ЦК к сожалению, его пока не обнаружили, поэтому неизвестны его доводы) с протестом. Вопрос рассматривает и... как ни странно!... решается в пользу Бокомбаева. Опросным путем бюро ЦК рассматривают заявление и 1 декабря 1937 г. постановили: решение ЦК КП(б) Киргизии от 27.10. отменить, сохранить за пьесой Бокомбаева Джоомарта прежнее название «Алтын-кыз»².

Талантливый киргизский поэт выскочил почти из-под Молота репрессий. Представители репрессивного аппарата сами попадают в число жертв. 23 декабря 1937 г. председатель верховного суда Киргизской ССР С. Б. Сегибаева снимают с работы, как «исключенного из партии врага народа». Временное исполнение обязанностей республиканского председателя верховного суда возлагает на Чуркина³. Султанбекова 2 января 1938 г. утверждают зам.директора Киргосиздата⁴. На время он сохранил голову. Но надолго ли?

¹ ПА Кирг. фил. ИМЛ. Ф. 56. Оп.4. Д. 37. Л. 115.

² ПА Кирг. фил. ИМЛ. Ф. 56. Оп. 4. Д. 37. Л. 117.

³ ПА Кирг. фил. ИМЛ. Ф. 56. Оп. 4. Д. 37. Л. 178

⁴ ПА Кирг. фил. ИМЛ. Ф. 56. Оп. 4. Д. 87. Л. 7

Вывранные из организаций лучшие кадры политических, хозяйственных и культурных деятелей заметно снизили эффективность работы всех государственных и общественных звеньев. А болты развития необходимо было не ослаблять, а наращивать. И издаются волюнтаристские приказы, принимаются заранее невыполнимые решения. Началась кампания подтасовок, мифических планов и торжественных рапортов об обязательствах И забвение их выполнений, подменяемых новой волной еще более грандиозных планов.

Вот образчик такого волюнтаристского и явно невыполнимого решения бюро ЦК КП(б) Киргизии.

Решением бюро КЦК от 1 августа 1937 г. (присутствовали члены бюро: Аммосов, Исакеев, Юлдашев, Давыгин, Четвертаков, Эссенаменов, Салихов, канд. в члены бюро Султанбеков.). Опросным путем (готовил материал Султанбеков) было принято решение изъять из обращения все произведения Тыныстанова, как изданные, так и в рукописях. И тут же — НКП рд. тов. Алиеву немедленно поручить группе преподавателей и научных работников составить морфологию и синтаксис киргизского языка, обеспечив издание в 1937 г.¹ Подписал Секретарь ЦК КП(б) Киргизии Аммосов. Ну как можно в августе все материалы Поливанова и Тыныстанова изъять и в этом же году (!) подготовить и издать (!) новые. Где же реальность?

А теперь по воспоминаниям о работе в партархиве С. Табышалиева. Он говорил мне, что сам видел в архиве документ-письмо Тыныстанова в ЦК: делайте со мной что угодно, но не трогайте учебника для школ пусть он выйдет без фамилии или под другой фамилией, но он — необходим для обучения киргизских школьников.

¹ ПА. Кирг. фил. ИМЛ. Ф. 56. Оп. 4. Д. 33. Л. 144.

Пусть я пропаду — но труды пусть служат делу. Пока этот документ не найден, но он где — то лежит и ждет еще своего исследователя.

Но какая сила духа у Тыныстанова? Какова вера в конечный успех начатого им дела и любовь к своему народу!

Или другой документ.

3 января 1938 г. принимается решение о неудовлетворительной работе наркомпроса по составлению и изданию учебников родного языка и литературы для национальных киргизских школ: книга для чтения IV класса не составлена, а составленные учебники — учебник русского языка для III класса и учебник начальный курс русской грамматики для IV кл. еще не изданы.

КирГосиздат также «нетерпимо преступно» затягивает издательство учебников. Уже переданные ему наркомпросом учебники киргизского языка для 1—2—3—4 классов до сих пор не изданы. В связи с этим бюро ЦК обязало наркомпрос закончить составление учебников для начальной киргизской школы и сдать в Киргосиздат к 10.01.38 г. (Вот это темпы, т. е. уже через неделю!).

Киргосиздату и типографии было поручено издать учебники для начальной школы не позже 5 февраля 1938 г. Но разве это мыслимо через месяц?

Вот это да! Темпы — то какие — через неделю закончить, в течение следующих трех недель издать! Решение явно направлено на то, чтобы «спустить пар» — главное принять решение! А там, как в восточном анекдоте о задании выучить грамоте ишака: либо царь умрет, либо ишак, либо я сам!

27 января 1983 г. бюро ЦК принимает очередное решение: «Изъять из общественного пользования учебники на дунганском языках — «Букварь для школ взрослых» и «Книгу для чтения школ грамоты», составленные «разоблаченным врагом народа Маевым Каримом»¹. Изъятие

¹ ПА Кирг. фил. ИМЛ. Ф. 56. Оп. 4. Д. 87. Л. 152.

происходило быстро и оперативно, А вот восполнение образующихся лакун затягивалось на многие годы, даже десятилетия.

1938 г. дал некоторое послабление в репрессивном процессе. Ежова заменяет Берия. Старые кадры НКВД сначала поощряют, затем также уничтожают. Не избежали этой участи и руководители НКВД Киргизии 14 ноября 1938 г. по предложению исполняющего обязанности Первого секретаря ЦК КП(б) Киргизии принимается решение войти с предложением на Пленуме ЦК КП(б) Киргизии «о введении т. Лоцманова И. П. в состав членов Пленума и членов бюро ЦК»¹.

В представленной объективке говорилось, что И. П. Лоцманов, член КПСС с 1914 (?) г., родственников за границей не имеет, из репрессированных — родной брат, которого «выдал как врага народа сам Лоцманов»². Каким же надо быть зверем, чтобы собственноручно отправить на уничтожение собственного брата? Ведь Лоцманову лучше, чем кому-либо другому было известно, как «делаются» враги народа, каковы доказательства их «вины», «преступлений». Патологическая жестокость, необъяснимый фанатизм то ли в правоту своих действий, то ли в веру приказа позволили расцвести механизму репрессий, воспитали извергов-нечеловеков. Необъяснимый феномен!

В качестве ремарки позволю себе привести рассказ нашего дачного коменданта (об-во «Илим») В. Т. Яковлева — бывшего работника органов (в конце 1940 — нач. 1950-х годов) о рассказе, собственного начальника — бывшего полковника КГБ. «В те годы этот товарищ (назовем его условно Афанасьев) служил следователем по особым поручениям в Ошской области и им приходилось за ночь

¹ ПА Кирг. фил. ИМЛ. Ф. 56. Оп. 4. Д. 88. Л. 98.

² ПА Кирг. фил. ИМЛ. Ф. 56. Оп. 4. Д. 87. Л. 20–24.

«уничтожать» от ста до ста пятидесяти «врагов народа». Почему-то там то были в основном уйгуры. Им связывали руки и ноги, кляп во рту и лицом вниз ложили на край рва. Затем опер ходил от одного к другому, стрелял в затылок, только успевал перезаряжать пистолет. «Акция» происходила обычно ночью, поэтому были и контуженные и раненные, которых все равно спихивали в ров и закапывали. Бывало тонкий слой «дышал», первые были еще живы и в конвульсиях давали о себе знать.»

Страшно! А сам полковник был по воспоминаниям Яковлева, тихий, ласковый человек, «собаки не обидит». И спокойно на пенсии дожил до старости, умерев естественной смертью в собственной постели.

В. Плоских – публикуется впервые.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ГОД В КИРГИЗИИ.

ВОЗВРАЩЕННЫЕ ИМЕНА	5
Вступление	7
Раскручивание маховика	10
Поэтическое словоблудие	14
Печать судьбы	17

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

УЗЕЛ СУДЬБЫ. (По материалам следственного дела)	35
1935	37
1937	40
1938	46
1989	49

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЧЕЛОВЕК ОГРОМНОЙ ВОЛИ, ОГРОМНОЙ ЧЕСТИ, ОГРОМНОЙ ВЕРЫ (Исторический портрет лингвиста

Е. Д. Поливанова)	51
-------------------------	----

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ТОРОКУЛ, ОТЕЦ ЧИНГИЗА (По страницам следственного дела)	91
---	----

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

МАНАС НЕ ПРИЗНАЛ СЕБЯ ВИНОВНЫМ (По страницам следственного дела № 5630)	111
Вместо предисловия	113
Лидер	114
Предательство	123
Идея	125
«Вождю Революции Товарищу Ленину...»	129
Поиски врагов народа	137
Допросы и пытки	141
Программа СТП	145

Опять таинственная пропажа?..	151
Есть такая партия?	156
Обвинительное заключение	175
Новые круги ада	178
Прошу мою подпись не считать доказательством виновности	181
Военный филиал СТП	189
Вместо заключения	193

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

ТУРАР РЫСКУЛОВ В ИСТОРИИ КЫРГЫЗСТАНА	197
---	------------

Предисловие	199
--------------------------	------------

Отрывок из речи вечера «Памяти истории» 1994 г., посвященного национальным деятелям	199
--	------------

Основные вехи жизненного пути	203
-------------------------------------	-----

Беспокойная молодость	203
-----------------------------	-----

Государственный деятель новой формации	208
--	-----

Проблема национальных взаимоотношений	219
---	-----

ТуркСиб и железнодорожная ветка Пишпек-Иссык-Куль	227
---	-----

Массовый голод в Казахстане (1932–1933 гг.)	231
---	-----

Т. Рыскулов и Социал-Туранская партия	240
---	-----

Но сначала была идея	242
----------------------------	-----

Заключение	254
-------------------------	------------

ПРИЛОЖЕНИЯ

Список документов	257
-------------------------	-----

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По страницам политических репрессий	383
---	-----

Владимир Михайлович Плоских

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Трагические страницы истории

ТОМ VIII

Редактор: д-р. ист. наук *С. В. Плоских*

Дизайн, компьютерная верстка: *Чолпонбек кызы А.,
В. Горнушкин*

Подписано к печати 03.06.2016.

Заказ № 45.

Формат бумаги 60 × 84 ¹/₁₆. Объем 26 п. л.

Тираж 250 экз.

ОсОО «НЕО ПРИНТ»

